Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Вятский государственный университет»

На правах рукописи

Белых Никита Юрьевич

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛАГЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ В 1938-1953 гг. (на материалах Вятлага – Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД-МВД СССР)

07.00.02 - Отечественная история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор В.А.Бердинских

Киров - 2010

Оглавление

Введение..... 3

Глава I. Эволюция и тенденции развития производственно-хозяйственной инфраструктуры Вятского ИТЛ в 1938−1953 гг..... 25

1.1. Становления лагерного хозяйства (1938 - первая половина 1941 гг.). 25

1.2. Производство в Вятлаге в годы Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 - 1945 гг.)..... 51

1.3. Лагерная экономика в послевоенный период (1946−1953 гг.) …… 75

Глава II. Система функционирования лагерной экономики (на материалах Вятского ИТЛ)..... 113

2.1. Организация производства и использования рабочей силы..... 113

2.2. Принуждение и стимулирование в системе лагерного труда..... 146

2.3. Проблемы эффективности лагерной экономики..... 172

Заключение..... 189

Примечания..... 194

Список использованных источников и литературы..... 234

Приложения..... 253

Введение

Проблемы модернизации современной экономики и современного общества в России вызывают повышенный интерес к опыту индустриализации и глобальным социальным экспериментам советской эпохи.

Крайне своеобразный социальный состав и структура советского общества и в наши дни поражают своей сложностью и наличием многочисленных промежуточных слоев (столь характерных для эпохи индустриализации). Важная особенность общества сталинской эпохи - высокий удельный вес лишенных свободы (заключенных, спецпереселенцев, ссыльных и т.п.), подневольный труд которых лежал в основе значительной части «великих строек социализма». Фактически в 1930-е и 1940-е гг. (как, впрочем, и в последующие десятилетия XX в.) гигантские профильно-хозяйственные комплексы Гулага играли ключевую роль в лесной и горнодобывающей промышленности, в гражданском (предприятия, водоканалы, гидроэлектростанции, закрытые военные «объекты» и пр.) и железнодорожном строительстве, в создании первичной инфраструктуры для реализации «атомного» и «космического» суперпроектов и т.д. Освоение малонаселенных, удаленных, но богатых природно-сырьевыми ресурсами территорий Европейского Севера, Урала, Сибири с помощью того же подневольного труда на несколько десятилетий стало государственной политикой и стратегией СССР. Именно в годы «сталинских пятилеток» этот подневольный труд (в разных его формах) прочно и надолго закрепился в экономике страны. Парадоксальный факт: при возведении практически всех гигантов «социалистической индустрии» использовались, с одной стороны, самый передовой зарубежный технологический опыт (американский, германский и др.) [1], а, с другой стороны, применялись доиндустриальные, по существу, формы организации строительства, включая рабский труд подневольных «спецконтингентов». Кирка, тачка, лопата и другие примитивные орудия труда представлялись высшему советскому руководству максимально эффективными в его стремлении «догнать и обогнать» передовые страны мира по уровню промышленного производства.

Насколько эффективной была эта система? Какова ее роль в плановом хозяйстве СССР? В чем заключались ее функции в советском государстве вообще? Эти вопросы не могут не подниматься современными

исследователями, поскольку тема подневольного труда (а элементы подневольности и принудительности можно наблюдать в советскую эпоху во всех сферах жизни общества) является ключевой для понимания сущностных основ сталинского режима власти и советско-социалистического социально-экономического уклада в целом.

Актуальность исследования по теме «Особенности формирования и функционирования лагерной экономики в 1938-1953 гг. (на материалах Вятлага - Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД-МВД СССР)» заключается в том, что оно позволит лучше понять причины и особенности массового применения подневольного труда в Советском Союзе сталинской эпохи, а также специфику функционирования устойчивой социальной группы советского общества - лиц, лишенных свободы (заключенных, спецпереселенцев и др.), явление, которое также не может быть осмыслено без обращения к проблемам мотивации и эффективности подневольного труда в самом широком смысле слова.

Объектом данного исследования является экономика системы Гулага сталинской эпохи.

Предмет исследования - экономика Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД-МВД СССР в 1938-1953 гг.

Следует подчеркнуть, что речь идет именно о *подневольном* труде, то есть труде лиц, находящихся в местах лишения или ограничения свободы. Эта разновидность труда не охватывалась категориями и понятиями, действовавшего в указанный период международного и отечественного права [2]. Правда, еще в 1934 г. Ассамблеей Лиги Наций были рекомендованы правительствам-членам этой организации «Стандартные минимальные правила обращения с заключенными», содержавшие, в частности, классификацию лиц, лишенных свободы, регламентацию условий их размещения, тюремных режимов, дисциплины, персонала пенитенциарных учреждений и меры содействия освобожденным из мест лишения свободы [3]. Однако эти «Правила…» в тот период просто игнорировались советской карательно-исполнительной политикой и практикой: система Гулага не допускала даже минимальной возможности какого-либо независимого (в том числе международного) контроля над местами заключения. К тому же в 1940 г. СССР был исключен из Лиги Наций. Советский Союз присоединился (в далеко не полной мере и с существенными оговорками) к ряду международно-правовых актов по данным вопросам лишь с середины 1950-х гг. [4].

Современное отечественное уголовно-исполнительное законодательство существенно приблизилось к международно-правовым пенитенциарным стандартам [5], однако реализации этих стандартов в повседневной практике российской системы исполнения уголовных наказаний все еще далека от общепринятых международных требований и норм.

Необходимо также отметить, что в современной историографии до сих пор не определена четкая терминология, трактующая различные категории принудительного (подневольного) труда. Существуют, по некоторым данным, десятки определений этого понятия [6]. Большинство современных исследователей сходятся на том, что принудительный (подневольный) труд - это такой труд, главным стимулом которого является насилие. Среди тех, кто принуждался к такому труду в СССР, в первую очередь выделяются заключенные, спецпереселенцы (спецпоселенцы), «трудармейцы» («мобилизованные в рабочие колонны», «трудмобилизованные»), военнопленные, интернированные, узники проверочно-фильтрационных лагерей и некоторые другие группы населения, которые были подконтрольны НКВД-МВД-МГБ и которых в документации этих ведомств относили к «спецконтингентам», то есть лицам, находившимся в местах лишения/ограничения свободы, в большей или меньшей степени ограниченным в правах и, как правило, подлежавшим обязательному (принудительному, подневольному) привлечению к труду. Это, по количественным параметрам, в общем, относительно небольшая часть демографического трудоспособного потенциала СССР: не более 8% (включая военнопленных) - в пиковый период наполняемости Гулага (вторая половина 1940-х гг.) [7].

Однако (и в этом среди современных исследователей также существует определенный консенсус) по объективно-историческому счету труд остальной части советского населения тоже далеко не соответствовал правовым и социальным дефинициям «свободного труда». Речь идет и о труде колхозников, почти ничего не получавших за свои «трудодни» и не имевших права покинуть колхозы или переменить место жительства; и о труде заводских рабочих и служащих, научно-технических работников и т.д., фактически прикрепленных к предприятиям и учреждениям [8]. «Свободного» («вольного») труда, в общепринятой цивилизованной трактовке этого понятия, в СССР не существовало вообще, а имелись лишь разные градации труда принудительного (подневольного), отличавшиеся

лишь некоторыми степенями свободы (либо дополнительными, либо урезанными, а то и вовсе упраздненными).

Тем не менее, в целях инструментальной дифференциации, в данном исследовании используются термины «принудительный» («подневольный») труд в узком смысле слова - применительно к лагерным «спецконтингентам», а труд работников, непосредственно не подконтрольных (в административно-управленческом и хозяйственном плане) органам НКВД-МВД, - условно именуется «вольнонаемным» («нелагерным») трудом.

Территориальные рамки работы в основном ограничены пределами места дислокации Вятского ИТЛ - северо-восточный регион (Кайский/Верхнекамский район) Кировской области с временными «анклавами» в Омутнинском, Фаленском, Зуевском, Нагорском, Халтуринском/Орловском, Кировском районах, а также в некоторых прилегающих районах Удмуртии (Ярский), Коми Республики (Койгородский и Усть-Куломский) и Пермского края (Гайнский район Коми-Пермяцкого национального/автономного округа). Наряду с этим, для полноты картины и более объемного уяснения проблемы, используются документы и архивные материалы Гулага, НКВД-МВД и других органов государственного управления СССР, относящиеся к стране в целом.

Хронологические рамки исследования охватывают период от возникновения Вятского ИТЛ (1938 г.) до смерти И.В.Сталина (1953 г.) - то есть до завершения важного этапа в истории Гулага и Советского Союза.

Вместе с тем предшествовавшие этому явлению обстоятельства и события требуют хотя бы краткого историко-ретроспективного комментария. Анализ развития института лишения свободы в России дает основание утверждать, что доминирующим фактором, определявшим формирование отечественной карательно-исполнительной политики, являются экономические интересы государства.

Значение этого фактора стало проявляться не сразу. Первоначально, по введению тюремного заключения как уголовного наказания (в Судебнике 1550 г.), государство никаким образом не покушалось на труд тюремных «сидельцев». Положение начало меняться в XVII в. - с распространением ссылки в Сибирь и другие «украинные» места, где осужденные обязаны были отбывать трудовую повинность. При этом преследовалась цель колонизации новых земель. К концу столетия в пенитенциарную практику стало входить использование для государственных нужд не только ссыльных, но и заключенных в тюрьмах. С

этого времени многие аспекты назначения и исполнения уголовных наказаний, предусматривавших лишение свободы, определялись не чисто социально-правовыми установками (устрашение, возмездие, пресечение преступной деятельности), но и экономическими целями [9].

В эпоху Петра I этот фактор заявил о себе в полную силу. Именно экономические соображения были решающими при определении места отбывания тюремного заключения и ссылки, которая к тому времени уже представляла собой фактически разновидность лишения свободы. Такими местами становились территории, где требовалась рабочая сила для сооружения различных объектов и выполнения прочих работ государственного назначения (порт Рогервик, крепость Трубецкого, города Петербург, Екатеринбург, Оренбург и др.) [10].

Заданная Петровской эпохой экономическая обусловленность исполнения уголовных наказаний (лишения или ограничения свободы) сохраняла свое значение вплоть до рубежа XX столетия, включая и новейшую историю. Правда, к концу XIX - началу XX в. развитие в России капиталистических отношений привело к определенной избыточности рабочей силы, в связи с чем государство снизило активность в привлечении осужденных преступников для решения экономических задач. Подневольные (каторжане) в этот период использовались преимущественно на работах по добыче полезных ископаемых, рубке леса, устройству дорог, в соляном промысле. Вполне допустимо предположить, что если бы рыночные отношения продолжали расширяться и углубляться, то, весьма вероятно, с государственной эксплуатацией подневольного труда с течением времени было бы покончено совсем и навсегда.

Однако произошло обратное: Советское государство активизирует эксплуатацию подневольного труда, причем в необычайно широких масштабах. Начиная уже с 1920-х гг., подневольные контингенты в массовом порядке привлекаются к строительству многих крупных народно-хозяйственных объектов. Причем, в отличие от Петровской эпохи, на сей раз привлечение подневольного труда к решению экономических задач осуществлялось на «идейной основе», которая сводилась к тому, что именно труд «позволит сбившемуся с пути человеку вернуться к честной жизни в новом социалистическом обществе» [11]. Данное положение было отражено, в частности, и в исправительно-трудовых кодексах (ИТК) РСФСР 1924 и 1933 гг. [12]. Как подчеркивал П.И.Стучка, один из руководителей

Народного комиссариата юстиции (Наркомюста) РСФСР, «тюремное законодательство мы переняли из чисто буржуазного права, но мы все-таки сразу поставили вопрос иначе и сделали ударение на трудовых началах» [13].

Указанное положение (разумеется, без «социалистической» направленности) содержалось и в уголовно-исполнительных актах периода Российской империи. Однако привлечение подневольных лиц к труду в Советском государстве фактически диктовалось иными целями, и, прежде всего - возможностью использования дешевой рабочей силы для «восстановления и укрепления социалистической экономики» [14]. Особенно широко подневольные работы стали применяться с середины 1930-х гг., когда управление всеми местами лишения свободы было передано в ведение НКВД СССР, и в деятельности исправительно-трудовых учреждений (ИТУ) начался отход от принципов законности.

Между тем в советском исправительно-трудовом законодательстве труд осужденных к лишению свободы был (во всяком случае, формально-юридически) регламентирован на основе достаточно прогрессивных пенитенциарных принципов.

Так, уже в 1918 г. было издано постановление Наркомюста РСФСР «О тюремных рабочих командах» [15]. В этом документе указывалось, что «из числа трудоспособных лиц, содержащихся в тюрьмах, образуются команды для производства работ, не превышающих по тяжести работы чернорабочего» [16]. Здесь же закреплялся принцип оплаты труда заключенных в соответствии с оплатой труда вольнонаемных работников, а также устанавливался порядок распределения и выплаты заработанных денег [17]. Эти положения, однако, как и многие другие, направленные на соблюдение прав подневольных, так и не были реализованы.

Согласно ИТК РСФСР 1924 г. [18], составной частью исправительного процесса являлось привлечение осужденных к труду, который был обязателен и имел «воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и, обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из места заключения жить трудовой жизнью» (ст.51). Здесь также наблюдается преемственность с соответствующими нормами дореволюционных уголовно-исполнительных правовых актов. Условия труда заключенных (с точки зрения охраны труда, продолжительности рабочего времени и отдыха) должны были соответствовать трудовому законодательству (ст.57).

Эти принципы в основном сохранялись и в последующем советском исправительно-трудовом законодательстве. В ИТК РСФСР 1933 г. [19] следует выделить положение о том, что «в местах лишения свободы организуются предприятия индустриального типа, причем оборудование их, сырье и транспортные средства предоставляются в общем централизованном порядке». Обосновывалось это тем, что организация труда лишенных свободы «должна содействовать сохранению и повышению их квалификации и получению квалификации не имеющими ее» (ст.70). Однако в течение определенного периода (вплоть до 1960-х гг.) это законодательное предписание (в силу разных причин) не выполнялось.

Заслуживает также внимания положение ИТК РСФСР 1933 г. о том, что «труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот во всех исправительно-трудовых учреждениях строятся исходя из основных задач исправительно-трудовой политики пролетарского государства и не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства» (ст.7). В этом смысле ИТК РСФСР 1933 г. воспринял соответствующие правовые нормы последних лет Российской империи, Временного правительства, а также первых уголовно-правовых и уголовно-исполнительных актов Советского государства. Одновременно этот Кодекс свел к минимуму разновидности мест отбывания наказания в виде лишения свободы, ограничившись (ст.28) исправительно-трудовыми колониями (фабрично-заводскими, сельскохозяйственными, массовых работ и штрафными), а также учреждениями для отбывания лишения свободы несовершеннолетними - фабрично-заводские училища (ФЗУ) индустриального и сельскохозяйственного типа.

В конце 1920-х гг. предпринимаются первые попытки использовать заключенных на предприятиях при местах лишения свободы. В частности, на I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей (октябрь 1928 г.) отмечалось, что ежедневно на производстве занято 50 тыс. заключенных, ставилась задача занять всех осужденных трудом на собственном производстве и внутрихозяйственных работах и иметь в виду самоокупаемость ИТУ. В 1929 г. отмечен опыт массового использования заключенных и на лесозаготовительных работах [20]. Однако направление в сторону расширения собственной производственной базы ИТУ в тот период (и до 1960-1970 гг.) дальнейшего развития не получило.

Возобладали иные потребности сталинско-советского варианта хозяйственного строительства. Для реализации широко провозглашенных планов индустриализации требовалось огромное число рабочей силы. Именно поэтому руководство страны обратилось к использованию «дешевого» труда лиц, содержавшихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях.

Впрочем, еще в годы Гражданской войны были организованы концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ, предназначенные, прежде всего, для содержания «классово-чуждых элементов». Эти «элементы» уже тогда частично использовались для выполнения неотложных хозяйственных работ, необходимых государству.

С введением НЭПа (1922 г.) места лишения свободы были сведены в единую систему - с подчинением Главному управлению местами заключения (ГУМЗ) при НКВД РСФСР. Отпала необходимость в лагерях принудительных работ, в связи с чем они были упразднены [21]. Но для «классово-чуждых элементов» оставили несколько специальных лагерей, находившихся в ведении ВЧК-ОГПУ. При этом в циркуляре ГУМЗ НКВД РСФСР от 31 января 1923 г. отмечалось, что «рационально поставленный труд заключенных должен быть максимально использован» [22].

Ф.Э.Дзержинский, бывший тогда председателем ОГПУ при СНК СССР и только что назначенный председателем ВСНХ СССР, в письме в ЦКК РКП(б) от 17 февраля 1924 г. постулировал, что «республика не может быть жалостлива к преступникам и не может тратить на них больше средств - они должны покрывать своим трудом расходы на них, ими должны заселяться пустынные, бездорожные местности…» [23]. Однако существовавшая в период НЭПа безработица не позволила полностью реализовать «дешевую» подневольную рабочую силу. В 1926 г. трудом были заняты лишь 39% всех лиц, лишенных свободы, или только 55% из тех, кто могли быть привлечены к работам по состоянию здоровья [24].

Тем не менее, осужденных все чаще стали использовать для выполнения тяжелых работ в отдаленных малообжитых местностях, и прежде всего - на лесозаготовках. Впервые вопрос о направлении заключенных на лесоразработки был поставлен промышленным бюро президиума Уральского совнархоза (Уралпромбюро) в августе 1923 г. Принципиальная возможность положительного решения этого вопроса была определена в личной беседе Ф.Э.Дзержинского с председателем Уралпромбюро. Однако в то время эта

идея не была реализована - ввиду освобождения значительного количества лиц из мест заключения [25]. В декабре 1926 г. Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ) РСФСР и ГУМЗ НКВД рекомендовали региональным совнархозам, трестам и инспекциям мест заключения использовать на лесозаготовительных работах максимальное количество заключенных, не занятых в трудовых процессах. Но, несмотря на эти рекомендации, к 1928 г. удалось занять трудом только 39,1% заключенных [26]. По другим данным, до 1929 г. по РСФСР были охвачены трудом лишь от 34 до 41% заключенных [27].

С переходом к «развернутой индустриализации» ситуация с использованием подневольного труда качественно меняется. В 1928 г. заместитель наркома Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) РСФСР Н.М.Янсон в письме И.В.Сталину предложил использовать труд осужденных преступников для освоения отдаленных местностей (тем самым на новом историческом витке, по сути, воспроизводилась политика и практика Московского государства и Российской империи). Большое место в упомянутом письме отводилось обоснованию использования заключенных на земляных работах, стройках, заготовке леса. Предлагалось развернуть лагеря (в тексте письма они обозначены как «экспериментальная емкость») с общим числом наполнения до 1 млн. чел. [28]. Идея «экспериментальных емкостей», по всей видимости, вызвала благосклонный интерес: ее инициатор был назначен наркомом юстиции РСФСР и под его председательством образована комиссия, выработавшая конкретные предложения по использованию труда заключенных [29]. Эти предложения составили основу постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «Об использовании труда уголовно-заключенных» [30] и одноименного постановления СНК СССР от 11 июля 1929 г. № 20/307 п.130 [31], ставших, по существу, исходной точкой формирования гулаговской системы подневольного труда.

Соответствующие изменения вносятся в уголовное и исправительно-трудовое законодательство. В ноябре 1929 г. появилась новелла в уголовном законодательстве, согласно которой вводились в действие два вида лишения свободы, отличающиеся друг от друга местами отбывания и сроками заключения:

1) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) ОГПУ в отдаленных местностях страны на срок свыше трех лет;

2) лишение свободы в общих местах заключения на срок до трех лет с отбыванием по общему правилу в исправительно-трудовых колониях (ИТК) [32]. Это нововведение мотивировалось тем, что текущее пенитенциарное законодательство по причине своего излишнего «человеколюбия» не позволяло проводить более жесткую политику в отношении «врагов народа», под которыми в тот период подразумевались, прежде всего, противники «коллективизации» в аграрном секторе, то есть так называемые «кулаки».

В принятом 7 апреля 1930 г. Совнаркомом СССР «Положении об исправительно-трудовых лагерях» [33] указывалось (ст.1), что эти учреждения «имеют задачей охрану общества от особо социально-опасных правонарушителей путем изоляции их, соединенной с общественно полезным трудом, и приспособление этих нарушителей к условиям трудового общежития». В исправительно-трудовые лагеря направлялись только лица, осужденные особым постановлением ОГПУ, в ведении которого и находились эти ИТЛ (ст.2 и 3 «Положения…»). Следует отметить, что деятельность этих лагерей регламентировалась не официальными (публикуемыми) нормативно-правовыми актами, а решениями партийно-государственного руководства и различными ведомственными документами ОГПУ-НКВД-МВД, которые не публиковались и являлись секретными. В частности, в принятом 1 августа 1933 г. ИТК РСФСР, действовавшем до 1971 г., не было и упоминания о системе лагерей ОГПУ. Таким образом, возник, а в дальнейшем расширился разрыв между официальным советским исправительно-трудовым законодательством и реальной карательно-исполнительной практикой, что предоставляло широкий простор для административного произвола [34].

В 1929-1930 гг. произошла реорганизация мест лишения свободы. В связи с постановлением ЦИК и СНК СССР «О ликвидации народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик» (опубликовано 15 декабря 1930 г.) места заключения, находившиеся в ведении НКВД, организация ссылок с принудительными работами и принудительные работы без содержания под стражей перешли в ведение народных комиссариатов юстиции (НКЮ) союзных и автономных республик. При НКЮ РСФСР было создано Главное управление исправительно-трудовых учреждений (ГУИТУ). Ему подчинялись краевые, областные управления и управления автономных республик, в ведение которых передавались расположенные на подведомственных им территориях

места лишения свободы [35]. Но по мере нарастающего извлечения «экономической выгоды» от использования подневольного труда планомерно увеличивается и количество лагерей ОГПУ, что было обусловлено также изменением качественной («постатейной») структуры заключенных - в связи с усилением борьбы против «нэпманов», «кулаков» и прочих «капиталистических элементов». Показательно, что процент лишенных свободы «классово-чуждых элементов», не превышавший в 1929 г. 3-4%, вырос в 1931 г. до 35% общего состава подневольного лагерного населения [36].

Первый опыт целенаправленного использования подневольного труда в системе ОГПУ имел место еще в начале 1920-х гг., когда в Архангельской губернии были организованы Холмогорско-Пертолинские концентрационные лагеря, осенью 1923 г. передислоцированные на Соловецкие острова в Белом море и получившие название СЛОН (Соловецкие лагеря особого назначения). Этот опыт использовался при создании других лагерей ОГПУ, первая группа которых появляется в 1929 г. на Европейском Севере (5 ИТЛ, входившие в состав Управления Северных лагерей особого назначения) [37]. В 1930-1932 гг. список лагерей существенно пополнился, а география их охватила многие регионы страны: Карелия (Белбалтлаг), Западная Сибирь (Сиблаг), Казахстан (Карагандинский ИТЛ - Карлаг), Дальний Восток (Дальжелдорстрой), Мордовия (Темниковский ИТЛ - Темлаг), Подмосковье (Дмитровский ИТЛ - Дмитлаг), Поволжье (Нижегородский и Сызранский ИТЛ), Урал (Кунгурский и Вишерский ИТЛ), Ленинградская область (Свирьский ИТЛ - Свирьлаг) и др. [38].

Для руководства лагерями приказом ОГПУ от 25 апреля 1930 г. №130/63 создается Управление лагерями (УЛАГ). С ноября 1930 г. наряду с названием УЛАГ начинает появляться название ГУЛАГ - Главное управление лагерями ОГПУ, при этом до августа 1931 г. оба названия в документах ОГПУ чередуются (приказ о реорганизации УЛАГа в ГУЛАГ не обнаружен). Последующие наименования этого ведомства: с 20 апреля 1933 г. (постановление СНК СССР №775/164с) - Главное управление лагерей и трудовых поселений ОГПУ; с 21 августа 1934 г. (приказ НКВД СССР №0044) - Главное управление лагерей и трудовых поселений НКВД СССР; с 29 октября 1934 г. (приказ НКВД СССР №00122) - Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР; с 29 сентября 1938 г. (приказ НКВД СССР №00641) - Главное управление ИТЛ и трудовых

поселений НКВД СССР; с 13 июня 1939 г. (приказ НКВД СССР №00676) - Главное управление ИТЛ и колоний НКВД СССР; с 21 марта 1946 г. (приказ МВД СССР №107) - Главное управление ИТЛ и колоний МВД СССР; с 28 марта 1953 г. (постановление Совета Министров СССР №934-400сс) - Главное управление ИТЛ и колоний Министерства юстиции СССР; с 28 января 1954 г. (приказ Министерства юстиции и МВД СССР №005/0041) - Главное управление ИТЛ и колоний МВД СССР; с 27 октября 1956 г. (приказ МВД СССР №500) - Главное управление исправительно-трудовых колоний МВД СССР (ГУИТК); с 27 марта 1959 г. (приказ МВД СССР №097) - Главное управление мест заключения МВД СССР (ГУМЗ) [39]. В настоящем исследовании используется, как правило, устоявшееся обобщенно-нарицательное название - ГУЛАГ (Гулаг).

В связи с увеличением количества репрессированных расширяется сеть лагерей: возникают такие лагерные гиганты-монстры, как «Дальстрой», Байкало-Амурский ИТЛ (БАМЛАГ), комплекс уральских лагерей (Севураллаг, Тагиллаг, Богословлаг, Лобвинлаг, Востураллаг, Тавдинлаг) и др. [40]. Во второй половине 1930-х гг. эта сеть становится настолько огромной, что возникает необходимость в создании новых отделов и управлений - главков, каждый из которых руководил целой хозяйственной отраслью. Накануне войны в структуру управления карательно-исполнительной системой, помимо самого ГУЛАГА с его 35 подразделениями, входили более десятка отраслевых управлений [41]. Эти отраслевые управления подчинялись напрямую руководству НКВД СССР, а за ГУЛАГом сохранялись административно-управленческие функции в отношении ИТЛ и колоний всех управлений [42].

Следует отметить, что порядок и условия отбывания наказания в ИТЛ также последовательно ужесточались, особенно в отношении так называемых «врагов народа» [43]. В ИТК РСФСР 1933 г. предусматривалось, что «в колонии для массовых работ, находящихся в отдаленных местностях, направляются лишенные свободы из среды классово-враждебных элементов, а также те трудящиеся, которые по характеру совершенного преступления являются наиболее классово-опасными, вынуждающими применение к ним более сурового режима» [44]. Эти и подобные им установки активно претворялись на практике, особенно во второй половине 1930-х гг., когда реализовывалась задача полной «ликвидации эксплуататорских капиталистических элементов, уничтожения причин, порождающих

эксплуатацию, искоренения пережитков капитализма в сознании людей» [45]. При этом упомянутым ИТК РСФСР 1933 г. с пропагандистским пафосом провозглашалось, что «труд заключенного должен строиться на началах приближения его к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества…», что «труд лишенных свободы должен служить приобщению их к участию в социалистическом строительстве» [46].

С 1931 г. производственные показатели лагерной системы составлялись в соответствии с пятилетними планами развития СССР [47]. Тезис о необходимости обязательного трудоиспользования заключенных на сооружении различных объектов и других работах, «необходимых народному хозяйству страны», периодически повторялся на самых разных государственных уровнях. Например, в 1931 г. на VI съезде Советов СССР председатель союзного Совнаркома (правительства) В.М.Молотов безапелляционно заявил: «Мы делали это (использовали труд заключенных - Н.Б.) раньше, делаем теперь и будем делать впредь. Это выгодно для общества. Это полезно для преступников» [48].

В апреле 1930 г. был принят пятилетний план развития лесной промышленности Европейского севера РСФСР (экспорт леса давал валюту, необходимую для реализации широкомасштабных проектов индустриализации). В частности, советское руководство поставило перед НКВД, ВСНХ, Наркоматом труда и Оргкомитетом Северного края задачу - привлечь заключенных для «обеспечения высоких темпов заготовки древесины» [49]. На лесоповал направляются все более значительные подневольные «спецконтингенты». Не без участия этого дополнительного «экспериментального» ресурса советский экспорт деловой древесины увеличился с 1 млн. куб.м. в 1928 г. до 6 млн. куб.м. ежегодно в первой половине 1930-х гг. [50].

Постановлением СНК СССР от 1 августа 1937 г. №1244-286сс были открыты 7 новых лесозаготовительных лагерей с общим наполнением 140 тыс. заключенных [51]. 5 февраля 1938 г. (приказ НКВД СССР №020) создаются еще 6 лесных лагерей, в том числе Вятский ИТЛ (Вятлаг) НКВД СССР [52]. С 1 июля 1938 г. ГУЛАГу НКВД СССР предоставлено право основного лесозаготовителя. В Ленинграде (при местном проектном бюро Управления лесной промышленностью) было создано бюро по перспективному планированию и промышленному освоению лесных массивов - с непосредственным подчинением его ГУЛАГу [53]. В задачи

этого бюро входила разработка перспективного планирования лесозаготовок в лесных массивах ГУЛАГа: рациональная дислокация лесных лагерей в соответствии с требованиями народного хозяйства и рациональное освоение лесов ГУЛАГа в соответствии с народнохозяйственными планами [54].

Кроме того, еще в 1934 г. в ведение НКВД СССР была передана охрана лесов, для чего при наркомате организовали специальный отдел лесной охраны. На этот отдел возлагалась «охрана всех лесов Госфонда Народного комиссариата земледелия СССР от правовых и хозяйственных нарушений». В хозяйственные нарушения включались: «неправильная эксплуатация, порубка и потрава лесокультур молодняка, нарушение правил охоты». В функции данного отдела входило: «следить за лесовозобновлением, лесоэксплуатацией в пределах не более годичного прироста, организацией научно-технических методов охраны лесов». Виновных в нарушении положения об охране лесов приказывалось привлекать к ответственности [55]. Как показал последующий опыт, на деле требования эти остались только на бумаге.

Для руководства лесными разработками во второй половине 1937 г. был образован Лесной отдел ГУЛАГа, со штатом (на 8 декабря 1937 г.) в 37 человек [56]. Приказом НКВД СССР от 9 марта 1939 г. №00205 «в связи с увеличением в системе ГУЛАГа НКВД объема лесозаготовок, лесосплава и деревообработки» вместо Лесного отдела создано Управление лесной промышленности (УЛП), насчитывавшее уже 111 штатных единиц [57], которое, согласно приказу НКВД СССР от 26 февраля 1941 г. №00212, выделилось из ГУЛАГа и стало самостоятельным Управлением лагерей лесной промышленности (УЛЛП) НКВД СССР [58]. С 4 марта 1947 г. оно преобразовано в Главное управление лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП) МВД СССР [59]. В общей сложности в лесных лагерях к началу 1940 г. содержались 280465 заключенных [60], на 1 марта 1941 г. - 338850 [61], на 1 января 1951 г. - 322792 [62], из них в Вятском ИТЛ: на 1 января 1940 г. - 19984, на 1 января 1941 г. - 15878, на 1 января 1953 г. - 31410 заключенных [63].

Что касается **степени изученности проблемы,** то в историографии Гулага можно выделить два больших периода. Первый из них определяется со времени возникновения Гулага (1930-е гг.) до наступления 1990-х гг., а второй - с начала 1990-х гг. до наших дней. Для этого периода характерны: почти полное отсутствие документально-источниковой базы и

превалирование воспоминаний бывших заключенных Гулага над всеми другими источниками.

После крушения советского строя, в начале 1990-х гг., исследователи получили доступ в некоторые ранее закрытые архивы, что знаменовало наступление эпохи профессионально-научного освоения темы, выразившегося, прежде всего, в составлении и публикации документальной базы по данной проблематике.

Существенной особенностью первого периода является то, что основные работы публиковались за рубежами СССР: в Англии, ФРГ, Франции, США и других странах Запада. Даже сводные научно-исследовательские труды базировались исключительно (или преимущественно) на мемуарной литературе и страдали (по вполне объективным причинам) неполнотой и/или неточностями [64]. Особенно велик разброс статистических данных по Гулагу. Так, в работе А.Лебедя и Б.Яковлева, составленной по результатам расследования ООН о применении принудительного (подневольного) труда в СССР, число советских заключенных в начале 1950-х гг. определялось в количестве от 13 млн. до 18 млн. [65].

После XX съезда КППС (1956 г.) в Советском Союзе стали возможны первые попытки гласного обсуждения темы Гулага и сталинских репрессий. Появились первые публикации бывших политзаключенных: А.И.Солженицына, В.Т.Шаламова и др. Даже при необходимой критической оценке этих публикаций, не вызывает сомнения, что уже в первый исследовательский период все же были верно поставлены основные проблемы истории Гулага и массового применения подневольного труда в СССР.

Частичное открытие отечественных архивов (с начала 1990-х гг.) позволило начать широкую публикацию документов по данной тематике и их изучение. Стоит выделить, прежде всего, комплекс обобщающих статей историка В. Н. Земскова, основанных на статистических материалах НКВД-МВД СССР из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) [66]. Точные сведения о количестве заключенных (в том числе - постатейно) и спецпереселенцев (спецпоселенцев) в стране позволили более четко исследовать и проблему использования массового подневольного труда в СССР.

Постепенно стали издаваться тематические сборники документов по истории Гулага. Блестящим завершением этого направления уже в последние

годы стало издание фундаментального 7-томного собрания документов «История сталинского Гулага» [67], где выделены основные сущностные проблемы политических репрессий сталинской эпохи, в том числе и массового использования подневольного труда в экономике Советского Союза. Построение томов издания по проблемному принципу в немалой степени содействовало успеху этого труда. Обширные исследовательские вводные статьи [68], а также комплекс комментариев делают это издание незаменимым для любого исследователя советской истории 1920-1950-х гг. Особый интерес (в рамках рассматриваемой в настоящем исследовании темы) представляет том 3 этого издания, посвященный экономике Гулага [69].

Экономические проблемы в истории Гулага активно изучали в последние два десятилетия С.И.Кузьмин [70], О.В.Хлевнюк [71], Г.М.Иванова [72], Л.И.Бородкин [73], Л.П.Рассказов [74], Л.С.Трус [75], М.И. Хлусов [76] и ряд других исследователей. При этом подавляющее большинство авторов солидаризируется с той точкой зрения, что подневольный труд разлагающе действовал на экономику страны.

Целый ряд работ российских историков: В.А.Бердинских [77], Л.И.Гвоздковой [78], О.П.Еланцевой [79], В.М.Кириллова [80], А.Г.Козлова [81], А.Н.Кустышева [82], Н.А.Морозова [83], А.Б.Суслова [84], В.Н. Тряхова[85], Н.В.Упадышева [86], С.А.Шевырина [87], В.А.Шмырова [88] и др. - посвящены исследованию развития конкретных лагерно-производственных комплексов (становой системы Гулага) либо формированию структур подневольного труда на территориях отдельных регионов. Несомненный интерес в этой связи представляют также работы, посвященные истории пенитенциарной системы в СССР в целом [89].

Постоянное и пристальное внимание исследованию проблем подневольного труда сталинско-советской эпохи уделялось и уделяется зарубежными историками, политологами, социологами [90].

Избранная библиография основных работ и публикаций, посвященных советской карательной системе, приводится в 7-м томе «Истории сталинского Гулага» [91].

Изучение истории Вятского исправительно-трудового лагеря (Вятлага) НКВД-МВД СССР началось лишь в 1990-е гг. Первые публикации носили справочный характер [92]. Привлечение материалов уникального ведомственного архивохранилища Вятлага (пос. Лесной Верхнекамского

района Кировской области) позволило создать достаточно аргументированные, насыщенные обширным документально-фактическим сопровождением обобщающие работы по этой теме [93]. Вместе с тем проблема использования и эффективности подневольного труда в лесных лагерях Гулага, а тем более в Вятлаге, до сего времени не становилась объектом отдельного исследования.

Стоит отметить, что многие важные проблемы истории Гулага находятся лишь на начальной стадии изучения, ряд других - остается по сей день в разряде дискуссионных. В качестве примера можно назвать такие проблемы, как: механизмы устрашения и кары; эффективность применения массового подневольного труда в XX в. Появившиеся в последнее время коллективные труды и документальные сборники [94] представляют собой лишь первые подступы к этим проблемам. В начальной стадии изучения находится и вопрос о динамике применения подневольного труда в масштабах всей страны. Именно поэтому остро необходимы исследования такого рода проблем на примере конкретных лагерных комплексов.

По-прежнему среди наиболее существенных и распространенных (хотя и отнюдь не бесспорных) являются тезисы о том, что подневольность труда в местах лишения/ограничения свободы была эффективной - в силу своей «мобилизационности». Аргументация при этом сводится к тому, что при необходимости сосредоточения объемных трудовых ресурсов, при минимальной инфраструктуре для их обустройства и ничтожно малой заработной плате - наиболее эффективными в 1930-х - 1940-х гг. оказались именно массы подневольных работников (заключенных и спецпереселенцев/спецпоселенцев) [95]. Труд же конкретного невольника (в силу множества причин) неэффективен. Излишне при этом говорить об аморальности подхода государства к своим гражданам лишь как к резервуару массового труда. Главная задача настоящего исследования - на широком конкретно-историческом материале Вятского ИТЛ 1938-1953 гг. проанализировать именно такого рода проблемы.

Таким образом, историографический обзор позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие указанных выше работ по проблематике экономики Гулага и истории Вятлага, данная тема настоятельно требует дальнейшей разработки.

Исходя из актуальности и степени изученности темы, **целью данной работы** является исследование подневольного труда в системе лагерной экономики 1938-1953 гг. на материалах Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР.

Это, в свою очередь, предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Изучение эволюции и тенденций производственной структуры Вятлага в 1938-1953 гг.; выявление факторов, повлиявших на сохранение подневольного труда в советской экономике и при тоталитарном политическом режиме в течение нескольких десятилетий; изучение места и роли системы подневольного труда на материалах Вятского ИТЛ НКВД-МВД СССР.

2. Выявление принципов и особенностей функционирования лагерного хозяйствования на материалах Вятлага НКВД-МВД СССР: организации производства и использования рабочей силы; принуждения и стимулирования в системе лагерного труда; проблем эффективности этого труда и «лагерной экономики» в целом.

Одной из самых важных составляющих **источниковедческой базы** для данного исследования явились материалы делопроизводства и отчетные документы Гулага. Это - отчеты, планы, сводки, данные проверок, приказы, инструкции и т.п. Специфика такого рода источников заключается в том, что они зачастую носят слишком общий и не всегда достоверный характе руб. Поэтому более реальную картину может дать лишь перекрестная проверка одних источников другими (например, данных о смертности, «актированных инвалида» и др.). Таким образом, массив этих источников приобретает информативную ценность только при достаточном аналитическом уровне их осмысления. В основном материалы этой группы источников содержатся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Кировской области (ГАКО), Государственного архива социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО), а также архивохранилища Вятского ИТЛ [96].

В качестве еще одной группой источников можно выделить материалы контролирующих организаций (обкома КПСС, областной прокуратуры и др.). Особенностью этих материалов является то, что они составлялись людьми, находившимися вне гулаговской системы и не зависевшими от нее, вследствие чего эти материалы часто содержат критику указанной системы, раскрывают факты, отличные от лагерной отчетности. Таким образом,

сопоставление данных контролирующих организаций и внутригулаговских документов позволяет заметно скорректировать общую информацию о лагерном труде и быте.

Важной для настоящего исследования явилась также группа источников, содержащая обширный статистический и фактический материал о различных сторонах жизнедеятельности ИТЛ и имеющая комплексный характер. Речь идет о так называемых «актах передачи управления лагерем», составлявшихся при смене начальников ИТЛ. Зафиксированные в этих актах и справочных приложениях к ним данные предоставляют, в частности, возможность определить объемы, структуру, значение и роль лагерного производства, выявить периоды максимальной эксплуатации подневольного труда, составить динамику производственной деятельности лагеря по всем ее направлениям.

Следующей группой источников послужили законодательные и нормативные акты - как опубликованные, так и не подлежавшие публикации. Это - Исправительно-трудовые кодексы РСФСР и Российской Федерации разных лет, постановления, приказы, инструкции, положения, директивы, регламентирующие режим и труд в местах лишения свободы. Данные источники позволяют реконструировать принципы и намерения власти в сфере принудительного (подневольного) труда и жизнедеятельности карательно-исполнительной системы в целом. В последние годы, как уже отмечалось, опубликован значительный массив документов и источников, связанных с историей Гулага и его хозяйственной деятельности [97]. Некоторые нормативно-правовые акты и положения еще не опубликованы и хранятся в Государственном архиве Российской Федерации [98]. В основном указанные источники востребованы автором из опубликованных материалов, архивных фондов, справочно-правовых систем «Консультант-Плюс», «Гарант», «Кодекс», а также из Интернет-базы общества «Мемориал» и Фонда имени А.Д.Сахарова.

Известное значение в качестве источниковедческого материала представляют публикации периодической печати: прежде всего - издававшихся в Вятском ИТЛ на протяжении нескольких десятилетий многотиражных газет - «Лес - стране» (для заключенных), «Призыв» (для личного состава), «К трудовой жизни» (общелагерное издание), территориальных средств массовой информации - «Прикамская новь» (г.Кирс), «Кировская правда», «Вятский край» и др., а также ведомственного

журнала МВД СССР (МВД России) - «К новой жизни» («Воспитание и правопорядок», затем - «Преступление и наказание»). Вместе с тем, при всем обилии фактографических данных, эти источники (как сугубо официальные и подцензурные издания) требуют особо взвешенного и критического отношения.

Отдельное место среди источников занимает мемуарная литература и художественные произведения [99]. Этот блок источников важен для понимания лагерной культуры, особого отношения к труду и к жизни, социальной организации лиц как лиц, лишенных свободы, так и лагерного персонала. При соблюдении определенных условий (критический подход, сравнительный анализ) эти источники помогают раскрыть многие стороны гулаговской истории.

В качестве **методологической основы** при исследовании лагерно-производственной деятельности 1930-х - 1950-х гг. использовались методики, разработанные в отечественной и зарубежной историографии последних десятилетий. Стоит отметить, что в основе авторского понимания сложных экономических и социальных процессов, шедших в советском обществе сталинской эпохи, лежит теория модернизации, то есть процесс перехода от традиционного социума к индустриальному. В Советском Союзе того времени именно государство стало организатором модернизации, вследствие чего в структуре новой общественной модели произошел частичный (но весьма существенный) возврат к ряду регрессивных элементов (несвободный труд во многих сферах жизни, тотальный контроль над личностью и т.д.). В итоге такие регрессивные элементы должны либо отмереть, либо привести к системному кризису [100]. К сожалению, на долю СССР выпал именно второй вариант. В современной отечественной историографии изучение проблем модернизации российского общества прошлых эпох тесно связано с именем Б.Н.Миронова [101]. Интересные подходы (применительно к настоящему исследованию) содержатся в трактовке теории модернизации, предложенной В.П.Дмитренко, который попытался снять противоречия «классического» варианта модернизации [102]. Ряд положений теории цивилизации также учтен в настоящей работе. Одновременно с традиционными подходами применены и другие, полезные для избранной проблематики, концепции: социальной истории, истории повседневностей, исторической антропологии. Последние позволяют обратиться к исследованию личности советского человека (индивида) той эпохи.

Исследовательские техники репродуцирования и анализа источников в настоящей работе основаны на таких методах, как: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, факторного анализа. В последнем случае рассмотрены такие важные социально-экономические факторы, как производительность труда, себестоимость продукции, уровень коррупции в местах лишения свободы, а также проблемы мотивации (принуждения и стимулирования) в системе подневольного (лагерного) труда. Особенность работы заключается также в широком использовании методов количественного анализа. Статистическая обработка содержащихся в источниках сведений является важнейшим исследовательским приемом при анализе системы Гулага в СССР. Все указанные методы применялись комплексно, и результаты их взаимно дополняют друг друга.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые комплексно рассматривается формирование и функционирование лагерной экономики как системы подневольного труда на примере конкретного территориального лагерного комплекса - Вятлага НКВД-МВД СССР в 1938-1953 гг., что позволяет проследить развитие и кризис этой системы, особенности организации производства и использования рабочей силы. На примере одного конкретного лагерного комплекса Гулага рассматриваются особенности отечественной экономики этого исторического периода, отличительные и схожие черты в истории Гулага и Советской страны в целом, причины появления массового подневольного труда в Советском Союзе той эпохи. Эти проблемы настоятельно требуют рассмотрения в современной исторической науке.

Практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что содержащиеся в ней выводы, значительный фактический материал, впервые вводимый в научный оборот, могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории Гулага и советской экономики, в преподавании отечественной истории и в краеведении.

Структура настоящего исследования обусловлена решением поставленных в нем задач. Работа состоит из введения, двух глав (включающих по три параграфа каждая), заключения, примечаний, библиографии и приложений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лагерную экономику в СССР 1930 – 1950-х гг. можно рассматривать как одну из важнейших черт сталинской социально-экономической модели, в которой политика, как правило, имела абсолютный приоритет над экономикой. Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая

система уголовных наказаний, служившие источниками постоянного увеличения лагерных «спецконтингентов», всегда были нацелены на решение политических задач, а с экономической точки зрения (не говоря уже о моральном аспекте) были ущербны.

При этом широко применялся подневольный труд узников Гулага, так как на необходимую инфраструктуру для жизни вольнонаемных рабочих, как правило, средств не оставалось. Именно массовый неквалифицированный подневольный труд подопечных карательно-исполнительной системы стал для властей на определенном этапе «ударных» строек 1930-х гг. самым удобным и востребованным, поскольку позволял вести строительство в любых условиях и при полном отсутствии начальной инфраструктуры.

2. Неэффективность лагерной экономики ярко прослеживается на примере производительности подневольного труда, которая практически не увеличивалась в течение всего исследуемого периода (несмотря на механизацию части работ) - при постоянном росте себестоимости продукции.

3. Организация производства и использования подневольной рабочей силы в Советском Союзе 1930 - 1940-х гг. привела к формированию единого лагерно-хозяйственного комплекса, где все методы принуждения и стимулирования «спецконтингентов» были нацелены на выполнение планов производства «по валу». Вопросы перевоспитания правонарушителей стали вторичными. Более того, производственная направленность карательно-исполнительной системы в значительной мере обусловила образование латентного симбиоза уголовной верхушки и лагерных властей, а, в конечном счете, предопределила серьезную криминальную мутацию всей этой системы.

Апробация работы. Результаты исследования и содержащиеся в диссертации концептуальные положения апробированы на выступлениях, состоявшихся в ходе региональных, межвузовских и всероссийских научных конференций: Всероссийская научная конференция «ГУЛАГ на севере России» (Ухта, 27-28 октября 2009 г.; Всероссийская научная конференция «10-е Петряевские чтения» (Киров, 25-26 февраля 2010 г.); Всероссийская научная конференция «Власть и общество на Европейском севере России: исторический опыт и современность» (Вологда, 16-17 марта 2010 г.); Всероссийская научно-техническая конференция «Общество, наука, инновации» (Киров, 12-13 апреля 2010 г.), а также нашли отражение в семи опубликованных работах, включая одну монографию и три статьи в ведущих рецензируемых периодических изданиях, входящих в рекомендательный Перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Глава I. Эволюция и тенденции развития производственно-хозяйственной инфраструктуры Вятского ИТЛ в 1938-1953 гг.

1.1 Становление лагерного хозяйства (1938 г. - первая половина 1941 г.)

Доступное науке историческое пространство являет немало примеров принуждения людей к труду: от древнейших цивилизаций Востока до современных разновидностей этого способа организации и ведения хозяйства. Однако опыт применения подневольного труда в сталинско-советскую эпоху представляет собой поистине уникальное явление тотально-государственного масштаба, самым ярким (но отнюдь не единственным) выражением которого было использование труда заключенных.

В политэкономии есть понятие внеэкономического принуждения - когда приходится выполнять ту или иную работу на основе неэквивалентной компенсации за труд и используются такие способы принуждения, как личная зависимость, прямое насилие, угроза насилия, различные формы репрессий, наказаний и всего прочего, что может изобрести владелец средств производства (управляющий, номенклатурная элита, государство и т.п.) для того, чтобы заставить людей работать интенсивнее, больше и дольше. Именно эти черты отличали организацию труда в системе советской так называемой «лагерной экономики».

Проблематика этой разновидности подневольного труда в советскую эпоху является в последние годы предметом довольно широкого освещения в отечественной публицистике и научной литературе. Так называемые «исправительно-трудовые лагеря» (ИТЛ) и «спецпоселения», рабский труд в них заключенных, «раскулаченных» крестьян, выселенных «инородцев», «трудмобилизованных», «трудармейцев» и т.п. стали темой множества публикаций, которые содержат обширную информацию и дают достаточно убедительную общую картину обозначенного явления [1]. Однако до сих пор этим исследованиям, как правило, ощутимо не хватает конкретики, анализа деятельности структурных подразделений системы подневольного труда, ее организационной основы и хозяйственных субъектов - территориальных лагерных комплексов. Задача именно такого рода анализа ставится в настоящей работе. При этом используются в основном документы из

архивохранилища бывшего Вятского исправительно-трудового лагеря (Вятлага) НКВД-МВД СССР: акты передачи управления лагерем, общелагерные бухгалтерские годовые отчеты, приказы по ИТЛ, ведомственная переписка и т.п. [2].

Необходимо отметить, что подневольный (принудительный) труд осужденных к лишению свободы законодательно был предусмотрен уже в начальный период советской власти: Руководящими началами по уголовному праву РСФСР (1919 г.) [3], первым Исправительно-трудовым кодексом РСФСР (1924 г.) [4], а также ИТК некоторых других советских союзных республик - Украины, Грузии, Узбекистана, Азербайджана (1925 г.), Белоруссии (1926 г.), Туркмении (1928 г.) [5].

Впрочем, в первые «советские» 10-12 лет эксплуатация подневольного труда заключенных в «домзаках» (тюрьмах) и лагерях ОГПУ не рассматривалась как важная хозяйственная задача и, следовательно, как источник получения прибыли. Так, Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН), несмотря на то, что он занимался подрядными и самостоятельными лесозаготовками, за период с июня 1928 г. по июль 1929 г. имел дефицит по смете, причем на значительную сумму - 1,6 млн. руб., и этот убыток приходилось поправлять из госбюджета [6].

Понятно, что такое положение становилось все более неприемлемым для центральных властей и, особенно - в связи с резким увеличением численности репрессированных в годы «великого перелома». И уже в конце 1920-х гг. (27 июня 1929 г.) Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных» [7]. Этим директивным документом передавались в концлагеря ОГПУ, которые с тех пор переименовывались в «исправительно-трудовые» лагеря (ИТЛ), все осужденные к лишению свободы на срок 3 года и более. Для приема указанных «спецконтингентов» предписывалось расширить существующие и организовать новые лагеря в отдаленных районах страны - с целью «колонизации» этих районов и разработки их «природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Главные практические задачи: «упразднение тюрем», за исключением следственных и пересыльных, а также значительное - с 250 до 100 руб. в год - сокращение расходов на содержание каждого заключенного [8].

7 апреля 1930 г. СНК СССР утвердил Положение о создании новой категории мест лишения свободы - исправительно-трудовых лагерей [9], которые позднее (постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1933 г.)

были формально узаконены вторым Исправительно-трудовым кодексом РСФСР [10]. Эта система действовала вплоть до 1956 г., когда дальнейшее сохранение ИТЛ было признано «нецелесообразным» и они подлежали «реорганизации в исправительно-трудовые колонии (ИТК)» [11]. Однако де-факто эта система продолжала функционировать вплоть до крушения советской власти, а во многих своих существенных компонентах сохраняется до сих по руб. И неотъемлемой составной частью этой системы - на всех ее хронологических этапах - являлся Вятский ИТЛ (Учреждение К-231, Вятское УЛИУ, Вятлаг).

Официальная дата образования этого лагеря - 5 февраля 1938 г. (приказ НКВД СССР № 020) [12]. Изданию этого приказа предшествовал целый ряд обстоятельств. 2 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление № 51/94 - «Об антисоветских элементах» [13]. В соответствии с этим постановлением 31 июля 1937 г. издается приказ НКВД СССР №00447 - «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Приказом устанавливаются 8 категорий лиц, подлежащих интернированию, назначается срок начала операции (5 августа 1937 г.) и определяется ориентировочная численность репрессируемых - около 260000 человек, в том числе подлежащих: расстрелу - 72950, заключению в ИТЛ – 186 тыс. [14]. Позднее (решением Политбюро от 31 января 1938 г.) количественные параметры репрессий были существенно увеличены [15].

В целях размещения «репрессированных второй категории», а также использования их «для нужд народного хозяйства и оборонной промышленности», СНК СССР своим постановлением от 1 августа 1937 г. №1244-286сс обязал НКВД СССР организовать несколько новых лесозаготовительных лагерей [16]. Приказом НКВД СССР от 16 августа 1937 г. №078 образованы 7 таких лагерей: Ивдельский, Каргопольский, Кулойский, Локчимский, Тайшетский, Томско-Асинский и Усть-Вымский ИТЛ, куда должны направляться в основном заключенные, репрессированные по приказу НКВД СССР №00447 (2-я категория) [17]. 5 февраля 1938 г. приказом НКВД СССР №020 открыта вторая очередь - из 6 лесных лагерей, в числе которых - Вятский, а также Красноярский, Онежский, Северо-Уральский, Унженский и Усольский ИТЛ [18]. В каждый из этих лагерей предписывалось завезти не менее 5000 заключенных - для «проведения подготовительных работ по приему в дальнейшем не менее 15000 человек в каждый ИТЛ, с тем, чтобы с «начала 1938 г. лагеря

приступили к основным лесозаготовительным работам» [19]. На все подготовительные мероприятия по организации новых лесных лагерей выделялись средства из резервного фонда СНК СССР в сумме 75 млн. руб. [20].

Собственно пенитенциарные задачи перед вновь организуемыми «исправительными» лагерями не ставились, карательно-репрессивная их функция подразумевалась как бы сама собой, а на первый план выдвигались конкретные производственно-хозяйственные цели. Это вполне вписывалось в насаждавшуюся в то время в стране систему принудительного труда: от возрождения крепостного права на селе - до применения лагерной «рабочей силы» в промышленности (прежде всего - в горнодобывающей и лесозаготовительной отраслях), а также в гражданском и военном строительстве.

Что касается непосредственно Вятского ИТЛ, то размещение его в северо-восточном Верхнекамье мотивировалось (очевидно и помимо всего прочего) следующими практическими соображениями. В 1931 г. была закончена прокладка линии железной дороги на дистанции «Яр-Фосфоритная» и таким образом Верхнекамье получило выход на Транссибирскую магистраль, то есть - стабильное транспортное сообщение практически со всеми регионами страны. Затем принимается решение о продолжении строительства железной дороги - далее на север, через станции Верхнекамская - Заводская - Лесная - Има. Проект получил название «Гайнско-Кайская железная дорога». Стратегическая цель - интенсивное освоение залежей полезных ископаемых (прежде всего Верхнекамского месторождения фосфоритов) и лесных ресурсов региона. Именно с этой целью во второй половине 1930-х гг. на станции Фосфоритной, в ее окрестностях, а также по линии намеченной железнодорожной трассы разворачивается соответствующая производственно-техническая база, размещаются «рабочие контингенты» [21].

Несомненно, учитывались также социально-демографический и природно-климатический факторы. Лагерь предполагалось разместить на северо-востоке Вятско-Камской низменности, то есть в малолюдной (плотность населения - 1 человек на квадратный километр) [22] и крайне неблагоприятной климатической зоне: болотистая местность, холодная зима и дождливое лето, повышенная влажность (до 80% в среднем за год, осадки - в течение 200 дней в году, ясных дней - не более 40, в отдельные годы - менее 15); суровые зимние холода (не менее 140 дней в году - с устойчивыми

морозами), летом - частые заморозки и резкие похолодания, средняя температура января - -14,9°С, июля - +17,2°С, годовая амплитуда многолетних температур - 32-33°С; почвы - скудные, подзолистые, глинистые и песчаные; обилие насекомых-кровососов (комары, мошка, слепни и т.п.); острый дефицит пригодной для питья воды. Вместе с тем лесистость составляла до 77%, в основе древостоя - ель, сосна, береза, осина [23]. Посетивший эти края еще в 1770 г. русский путешественник капитан Н.П.Рычков отмечал: «Пространство северной части Вятской страны удобно для обиталища не людям, но зверям, привыкшим жить среди ужасных болот и лесов, каковы суть там все места» [24].

Весьма спорной представляется целесообразность развертывания в таких условиях (да еще на водоразделе двух крупнейших речных бассейнов - Вятско-Камского и Вычегодско-Северодвинского) интенсивного и низкотехнологичного лесозаготовительного производства, но в том, что эти же условия идеально соответствовали выполнению поставленной НКВД задачи - «исключить возможность побега» [25] из вновь создаваемого лагеря - сомнений не возникает.

Поздней осенью 1937 г. под руководством специальной бригады ГУЛАГа НКВД СССР началось временное размещение в поселке Рудники (Рудничном) Кайского (ныне Верхнекамского) района Кировской области штаба (управления) вновь создаваемого Вятского ИТЛ, а по трассе запроектированной железной дороги - сооружение 12-ти отдельных лагерных пунктов (ОЛПов). Одновременно форсируются работы по строительству непосредственно железной дороги, проектная протяженность которой - 280-300 км. Конечный пункт дороги - село Усть-Кулом Коми АССР. Расчетный грузооборот - до 2 млн. куб.м. древесины. Основное «народно-хозяйственное» назначение лагеря и дороги, установленное проектным заданием:

- освоение лесных массивов, расположенных на водоразделе рек Камы и Вычегды (по причине невозможности сплава по этим рекам);

- транспортное и лесосырьевое обеспечение строительства крупного гидроэлектроузла на р.Вычегде;

- строительство и лесоснабжение «особого завода №4 НКВД СССР» [26].

Вторая задача со временем, в силу разных причин, была снята, но две другие оставались актуальными на протяжении десятилетий.

До ноября 1955 г. Вятский ИТЛ непосредственно подчинялся Управлению (Главному управлению) лагерей лесной промышленности

(УЛЛП-ГУЛЛП) НКВД-МВД СССР. Официальный адрес лагеря: Кировская область, Кайский район, п/я (почтовый ящик) 231; почтовый адрес: до 15 января 1949 г. - п/о (почтовое отделение) Волосница, затем - п/о Лесное. Административный центр: пос.Рудничный (до декабря 1939 г.), затем - станция Лесная, «Соцгородок» (с июня 1944 г. - пос.Лесной) [27]. Общая площадь дислокации (к середине 1960-х гг.) - около 12 тыс. км^2 (Кайский и Нагорский районы Кировской области, Гайнский район Коми-Пермяцкого национального/автономного округа Пермской области, Койгородский и Усть-Куломский районы Коми АССР) [28]. Средства транспортного сообщения (до середины 1960-х гг.): дистанция «Яр-Верхнекамская» Пермской (ныне Горьковской) железной дороги; ведомственный подъездной железнодорожный путь широкой колеи («Гайнско-Кайская железная дорога») общей протяженностью более 250 км (к северу от станции Верхнекамской - до станции Крутоборка на территории Усть-Куломского района Коми АССР); узкоколейные железнодорожные ветки общей протяженностью более 100 км; гужевые и автомобильные (грунтовые и лежневые) дороги (трассы, проселки) [29]. Характер производственной деятельности (1940-е - 1950-е гг.): лесозаготовки (от 12,0% до 17,6% к среднегодовым объемам по Кировской области в целом), деревообработка и лесопиление (от 6,1% до 15,3%), строительство (промышленное, гражданское и дорожное), производство товаров ширпотреба (мебель, обувь, швейные, гончарные изделия и др.), стройматериалов (брус, кирпич), а также подсобное сельское хозяйство - с угодьями (пашня, сенокосы) общей площадью до 10 тыс. га [30].

Первый этап с заключенными (несколько сотен человек, отправленных из Кировской пересыльной тюрьмы) Вятский ИТЛ принял на специальный строевой учет уже 8 января 1938 г., то есть еще до своего формального юридического оформления. Затем начали поступать массовые «спецэшелоны» из других регионов СССР: Тула, Карелия (Беломорско-Балтийский комбинат НКВД СССР), Ленинград, Смоленск, Киев, Махачкала, Горький, Харьков, Тбилиси, Ростов-на-Дону, Майкоп, Красноярск, Барнаул, Грозный, Москва, Свердловск, Саратов, Краснодар и т.д. [31]. Более трех четвертей (75,7%) вновь прибывавших «спецконтингентов» составляли так называемые «враги народа», «социально опасные» (СОЭ) и «социально вредные» (СВЭ) элементы, то есть лица, репрессированные по составам «контрреволюционных преступлений», предусматривавшихся ст.58 действовавшего тогда Уголовного кодекса (УК) РСФСР и аналогичными

статьями УК других советских союзных республик. К этой же категории примыкали так называемые «указники», то есть репрессированные по постановлению («указу», «закону») ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. за «экономическое контрреволюционное вредительство». Остальную часть (24,3%) формировавшегося «лагерного населения» нового ИТЛ представляли приговоренные к лишению свободы за так называемые «бытовые», а также за «общеуголовные» преступления (убийства, грабежи, воровство, злостное хулиганство и т.п.). Впоследствии «постатейный» состав «спецконтингента», содержавшегося в Вятском ИТЛ, претерпевал, разумеется, изменения, порой весьма значительные, но вплоть до середины 1950-х гг. сохранялись следующие «пропорции»: «контрреволюционеры» - от 30% до 40%, «указники» - от 5% до 15%, прочие составы преступлений - от 45% до 65% [32].

Как уже отмечалось, 5 февраля 1938 г. Вятский ИТЛ получил формально-юридический статус. В мае того же года лагерю отведена соответствующая лесосырьевая база: почти 552 тыс. га с ликвидным запасом древесины около 50 млн. куб.м. В октябре 1938 г. эти показатели были пересмотрены в сторону существенного увеличения: площадь - около 1578000 га, ликвидный запас – 70 млн. куб.м. Предполагавшийся срок эксплуатации выделенной лесосырьевой базы - 40-45 лет. Плановые объемы основного производства, первоначально установленные Вятлагу, - не менее 700000 куб.м. заготовленного леса в год [33].

Производственная инфраструктура Вятского ИТЛ закладывалась и развивалась в соответствии с поставленными перед ним задачами и представляла собой комплекс административно взаимосвязанных лесопромышленных, строительных, аграрных, транспортных и вспомогательно-обслуживающих подразделений - с существенными элементами замкнутого, изолированного, натурального хозяйства, где на входе были лимитированная подневольная рабочая сила, минимальное количество техники, строго нормированные объемы финансовых средств и централизованного материального обеспечения, а на выходе - кубометры, тонны, проценты.

Основа этой инфраструктуры - лесопромышленное производство, заготовка, вывозка и переработка древесины.

На первом этапе становления и существования лагеря структура и состояние этой основной его производственной составляющей характеризуются следующими основными параметрами [34].

Лесозаготовки обеспечиваются отведенным лесным фондом в сырорастущей лесосеке, с выходом 60% деловой древесины и 40% дров. По своему природному составу лесосеки представляют собой в основном еловые древостои с примесью березы, расположенные на пониженных почвах с большим увлажнением и очень слабым естественным дренажем, то есть на болотах. По промышленному выходу сортиментов лесной фонд отличается весьма большим наличием мелкотоварника, который в деловой части запаса доходил в среднем до 40%, а местами даже до 50%. Около 15% заготовленной древесины (более 105 тыс. куб.м.) приходилось на так называемые «горельники» - древостои, подвергшиеся тотальному лесному пожару в сентябре 1938 г. [35]. К 1 июля 1941 г. 7844 га бывших вырубок подлежали очистке; из них оставались неочищенными 2298 га, или 29,3% (правда, основная часть этих площадей - 2237 га - были переданы местному лесхозу) [36].

Разработка лесосечного фонда велась по способу организованных лесосек, с предварительной подготовкой основных путей вывозки, усов и разбивкой отведенной площади на пасеки. Способ рубки - полностью ручной, на лесоповале и раскряжевке применялись только топоры лучковые пилы, какие-либо механизмы на этой фазе производства не использовались вообще. Организация работы - звеньевая (бригадная) с разделением труда по отдельным операциям лесозаготовительного процесса. Количество людей в звене - 5-7 человек. Подавляющие большинство работающих в лесу - конвоируемые заключенные. В целом по лагерю производительность труда на лесоповале не достигает плановых показателей: при плане 296 куб.м. на человека фактическое выполнение составило (на 1 июля 1941 г.) всего 2,32 куб.м., или 78,4%; при этом объемные задания выполнены на 139,8%, то есть выполнение плана достигается дополнительным выставлением «рабочей силы». Причинами низкой производительности труда на лесоповале являются, по мнению администрации лагеря: «низкий бонитет древостоев, захламленность лесосек, большое количество неликвидного елочного подроста, который, по лесохозяйственным условиям, вырубается полностью» [37].

Трелевка (подвозка) заготовленных хлыстов производилась ручным (21,3%) и гужевым (78,7%) способами. Ручная трелевка осуществлялась вдоль усов на расстоянии до 40 м, гужевая - на расстоянии до 150 м, поскольку усы прокладывались на расстоянии в среднем 300 м друг от друга. Подвижной состав на трелевке - волокуши. Механизация на этой стадии лесоповала также отсутствует [38].

Вывозка леса имеет сезонные особенности: в зимних условиях она производится по снежно-уплотненным, поливным и ледяным дорогам, в

летних условиях - по кругло-лежневым трассам. Вся вывозимая древесина поступает на нижние железнодорожные склады. Удельный вес механизации и здесь незначителен - менее 7%. Имеются всего 3 жидкостно-топливных и 10 газогенераторных автомобилей, а также 10 гусеничных тракторов. Основа вывозки - гужевая тяга (лошади), расстояние при этом составляет от 2 до 6 км [39].

Крайней технической отсталостью отличалось и деревообрабатывающее производство лагеря, имевшее посортиментную программу из почти 30 наименований: от шпал до штукатурной драни [40]. К середине 1941 г. в лагере имеется один действующий лесозавод - с двумя пилорамами марки РЛБ-75. Производственная мощность этих пилорам (по распилу сырья за одну рамо-смену) - 96,0 фестметра [41]. Годовая же производственная программа лесопильного завода (по выпуску пилопродукции) - 75000 фестметров. За январь-июнь 1941 г. выпущены 53200 фестметров пилопродукции, или 70,9% от годового задания. План на 1941 г. по выпуску качественных пиломатериалов – 15 тыс. фестметров, фактически выпущено к 1 июля 1941 г. – 10,9 тыс фестметров, или 72,6%. Кроме действующих, имеются еще 2 лесопильные рамы марки РПШ, но они временно законсервированы, причем на одну из них имеется наряд - для отправки в другой лагерь (Севураллаг НКВД СССР) [42].

Количество действующих шпалорезок - 3, из которых на одну имеется наряд - для отгрузки в другой лагерь. Производственная мощность шпалорезных установок (по распилу сырья за одну станкосмену) - 63 фестметра. Производственная программа шпалопиления (на 1941 г.) - 175000 шт. Фактически выпущено шпал за январь-июнь 1941 г. - 106800, или 61,0% годового задания. При этом по данным таксации лесосечного фонда 1941 г., выход шпального сырья определяется лишь в 1% от общего количества ликвидного леса, и его далеко не хватает для обеспечения задания. По этой причине в качестве шпальника приходится использовать крупномерное пиловочное сырье 3-го и частично 2-го сорта, что усугубляет и без того тяжелое положение со снабжением пиловочником лесопильного завода [43]. Механизация деревообрабатывающего производства находится на самом минимальном уровне. Основным местом сосредоточения механизмов здесь является лесопильный завод, который периодически приходится ставить на капитальный ремонт, но для полного его ремонта хронически не хватает запасных частей (коленчатого вала, нижних пальцев для лесорамы и т.п.) [44].

Биржевое хозяйство оборудовано 10 балансирными пилами и 4 окорочными станками. Причем 7 балансирных пил объединены в одну «разделочную станцию», которая должна передвигаться с одной производственной точки на другую. Из 4-х окорочных станков исправны 3, а один находится без электромотора и цилиндрических шестерен. Имеется 7 исправных электрогенераторов переменного тока и 89 электромоторов, но 46 из них требуют капитального ремонта (в основном перемотки), а обмоточного материала в лагере не имеется. Силовые двигатели (три - марки ХТЗ и один - марки СТЗ-НАТИ) не обеспечены запасными частями и находятся на грани остановки [45].

Одна из острейших проблем - обеспечение производства элементарным рабочим инструментом (пилы, топоры, крючья и т.п.), дефицит здесь ощущается постоянно и не опускается ниже 20-50% от минимально необходимой потребности [46].

Не менее острая проблема - отсутствие квалифицированных специалистов на всех фазах основного производства. Так, на 1 июля 1941 г. вакантными являлись должности начальника лесозаготовительного отделения производственного отдела управления ИТЛ, инженеров лесного транспорта и лесопиления, таксатора, инспектора лесоохраны. Значительная часть инженерно-технических и мастерских должностей замещена заключенными: из 10 штатных технoруков лагпунктов лишь двое являются вольнонаемными, а остальные 8 - из заключенных; вольнонаемных мастеров лесозаготовок имеется только 9 человек, остальные 17 должностей этой категории также укомплектованы заключенными [47].

Лесопромышленное производство, безусловно, являлось приоритетным направлением хозяйственной деятельности Вятлага. Вместе с тем этот лагерь, как и аналогичные ему подразделения Гулага, представлял, по сути, также полнокровный агропромышленный комплекс - и по параметрам, и по структуре, и по результатам функционировавшего при нем так называемого «подсобного сельского хозяйства». Достаточно сказать, что по целому ряду позиций (мясомолочное животноводство, овощеводство и др.) объемы производимой здесь продукции в отдельные годы превышали совокупные показатели всех «гражданских» сельхозпредприятий Кайского (ныне Верхнекамского) района Кировской области [48].

Датой формального начала «аграрной истории» Вятлага можно считать 16 октября 1939 г. Именно в этот день был подписан приказ об организации в структуре Вятского Управления ИТЛ (УИТЛ) соответствующего отделения

(затем и отдела), в обязанности которого вменялось «создание подсобных сельскохозяйственных предприятий» с целью «обеспечения максимально полного продовольственного снабжения спецконтингентов, а также личного состава, вольнонаемных работников лагеря и членов их семей» [49]. Задача из разряда амбициозных, но малореальных, учитывая, во-первых, ее количественные параметры (снабжать продовольствием предстояло от 30 тыс. до 40 тыс. человек, находившихся в разные годы на подведомственной Вятлагу территории) [50], а во-вторых, - имея в виду крайне неблагоприятные природно-климатические условия региона дислокации.

Краткая характеристика последних сводится к следующему: климат отличается холодной зимой и влажным летом; сумма положительных температур выше 10°С составляет от 15,5°С до 17,0°С в год (минимум тепла, необходимого для выращивания зерновых культур и льна), а вегетационный период длится всего лишь 153-156 дней; осадков выпадает до 625 мм в год, повышенное их количество и неглубокое залегание грунтовых вод способствует тому, что все пониженные участки заболочены; почвенный покров сформировался в условиях холодного климата и таежной растительности, основные типы почв - подзолистые, дерново-подзолистые, подзолисто-болотные и болотные [51]. Очевидно, что в таких условиях успешное ведение комплексного аграрного производства является проблематичным по определению. Тем не менее, задача была поставлена и принята к исполнению.

К середине 1941 г. агрохозяйство лагеря (с общей площадью освоенных земель 8062,6 га) слагалось из 4-х так называемых «совхозов», а именно: сельхозлагпункт «Зуевский» (возле станции Зуевка, площадь - 7721,5 га); сельхозлагпункт №1 (возле станции Лесная, подчинен 5-му отдельному лагпункту - ОЛП, площадь - 55,1 га); сельхозлагпункт №2 (в районе станции Верхнекамская, подчинен 1-му ОЛП, площадь - 103,4 га); сельхозлагпункт №3 (станция Фосфоритная и пос. Старцево, подчинен 10-му ОЛП, площадь - 108,9 га). Кроме того, имеются 8 подсобных хозяйств при лесозаготовительных лагпунктах, совокупная площадь - 78,1 га [52].

3.145 га из «освоенных земель» (по состоянию на 1 июля 1941 г.) заняты под посевами, в том числе: яровых зерновых - 1795,5 га; ржи - 601; картофеля - 503; корнеплодов - 114; капусты - 45,4; прочих овощей - 45; «вики и овса на сено» - 37 га. Наряду с этим, 1068,5 га засеяны многолетними травами (963 га - на сено и 105,5 га - на семена), из них 465 га составляют посевы клевера. Дополнительно предполагается скосить не менее 2500 га естественных трав -

«по болотам, поймам рек и вырубам в пределах лагеря». В теплично-парниковом хозяйстве заложены 4465 шт. парниковых рам, 352 кв.м теплиц [53]. Положение дел в растениеводстве нельзя назвать благополучным: в результате беспрерывных дождей и холодов весенний сев 1941 г. проведен со значительным запозданием (до 1 месяца) и закончен только к 1 июля. В силу тех же причин (дожди, слякоть) почва весной была «недостаточно разработана, особенно на раскорчевке». Состояние посевов зерновых и капусты в общем удовлетворительное, а вот картофеля - «пестрое», так как его «поздние посадки только всходят» (и это - на 15 июля!). Впрочем, «недостающее количество овощей и грубых кормов», как рассчитывает руководство лагеря, «должно быть восполнено путем децзаготовок в пределах Кайского и смежных районов» области [54].

Солидно выглядят показатели животноводства: наличествуют 590 голов крупнорогатого скота, в том числе 252 коровы. За январь-июнь 1941 г. получено: 160 телят («молодняка»), 68,8 ц мяса (в убойном весе), 2496 ц молока. Надой молока в расчете на одну корову (за год) - около 1800 кг (для сравнения: по Кировской области в 1940 г. - 929 кг) [55]. Имеются 2370 свиней, в том числе маток основного стада - 135. Численность опоросов - 146, при этом приплод составил 1252 головы. Произведено свинины (общим убойным весом) - 511,4 ц [56].

Сельхозподразделения обеспечены вполне достаточным количеством «рабочей силы», «гужевого поголовья» (лошадей) и инвентаря. Так, к головному «совхозу» («Зуевский») приписаны 1414 заключенных (более 7% общелагерной численности «спецконтингента»), в том числе женщин - 581 (около 30%), а также 338 лошадей (свыше 15% общелагерного конепоголовья). Всего же в подсобном хозяйстве лагеря задействовано (в среднегодовом исчислении) не менее 3000 заключенных (более 15% их списочного состава) и около трети «гужевого стада» [57].

Просматривается определенная перспектива развития подсобного хозяйства: плановый общий объем капиталовложений на 1941 г. - 1550000 руб., фактически освоено за первое полугодие - 566000 руб., или 36,5%. Заложен питомник плодовых деревьев (вишни и яблони), высажено до 2000 корней малины и смородины, организованы пасека на 85 пчелосемей и птицеферма на 1000-2000 кур-несушек. Обустраиваются кожевенный завод, бойня с «колбасным цехом», собственное мельнично-крупорушное производство [58].

Динамика хозяйственного роста отчетливо прослеживается в сопоставлении с показателями 1939 г., когда в целом по лагерю зафиксировано: посевов зерновых культур - 129 га с валовым сбором урожая 322 т (урожайность - 25 ц с гектара, по Кировской области - 10); сенокосов - 300 га и соответственно 200 т заготовленного на них сена (урожайность соответственно по лагерю - 6,7 ц, по области - 11,8); крупнорогатого скота - 58 голов, свиней - 158 [59].

Однако решение основной задачи - самообеспечение лагеря продовольствием и фуражом - оказалось все-таки неподъемным (как и во все последующие годы и десятилетия): лагерь снабжался необходимыми видами довольствия в преобладающей мере и в прямом смысле слова «с колес». Запасов, имевшихся на 1 июля 1941 г., могло хватить (по «потребным объемам») на сроки от 8 (грубые корма - сено и солома) до 130 (соль) дней, и в частности: по овощам - на 12 дней, по мясу - 24, по маслу растительному - 26, по муке - 29, по макаронным изделиям - 32, по крупам - 40, по овсу - 40 (на 2225 голов лошадей), по жирам - 48, по рыбе (включая соленую) - на 53 дня [60]. Только во 2-м и 3-м кварталах 1941 г. было запланировано завезти (в тоннах): муки - 1130 (из Кирова), круп разных - 1645 (оттуда же), рыбы - 200 (из Астрахани), овса - 500 (из Кирова), мяса - 88 (из Кирова и Омска), комбикормов - 120 (из Чкалова), жмыха - 16 (из Орджоникидзе/Владикавказа), растительного масла - 13 (из Куйбышева), отрубей - 140 (из Кирова), макаронных изделий - 16 (из Горького), зелени консервированной (щавель и др.) - 30 (из Рязани и Орла) [61]. Однако большинство этих поставок, как водится, затягивалось, переносилось, откладывалось или срывалось вообще, а начавшаяся война внесла в них свои кардинальные и беспощадные коррективы.

Но в середине 1941 г. руководство ВятлаГАКОнстатирует, что «в 1940 и 1941 гг. лагерь, несмотря на чрезвычайно трудные климатические условия, успешно освоил и развил большую подсобную базу сельского хозяйства, которая выходом своей продукции обеспечивает в 1941 г. плановый контингент лагеря: по мясу - на 55-60% потребности; по картофелю - на 80%; по овощам - на 50-60%; по объемфуражу - на 100% потребности» [62].

С аграрным сектором напрямую соотносится гужевое хозяйство лагеря. Масштабы его также весьма значительны. На 22 июля 1941 г. в нем наличествуют 2255 лошадей, в том числе рабочих (списочных) - 1794 (79,6%), мясных - 203 (9%), молодняка - 258 голов (11,4%) [63]. Гужевое хозяйство имеет развернутую инфраструктуру, включающую стационарные

конюшни («конпарки») и шорные мастерские на каждом лагпункте, центральную ветлечебницу, лабораторию и склад, 7 ветизоляторов, 2 конемойки, 13 газокамер, 14 аптек. Наличный состав ветеринарной инспекции насчитывает 76 человек, из них ветврачей - 13, ветфельдшеров - 24, причем 70 ветеринарных должностей (92,1%) замещены заключенными (среди них - 12 врачей и все фельдшера) [64]. Но если судить по качественным параметрам, то состояние конепоголовья вряд ли можно признать удовлетворительным. Здоровыми значатся лишь 427 лошадей (18,9%), подавляющая же их часть отнесена к так называемым «анемохроникам» и «закарантированным» (1828 голов, или 81,1%); средний вес рабочей лошади - 368 кг, средний коэффициент работоспособности - 0,90 [65]. Иными словами, используемая в лагере «гужсила» представляет собою животных, переданных (списанных) из «народного хозяйства», находящихся в предельном возрасте и/или физически истощенных, пораженных различными болезнями. К последней категории отнесены более 300 лошадей (13,3%), в том числе с механическими повреждениями и потертостями ног - 136, «температурных и послетемпературных» - 82, ослабевших - 33 [66]. Тем не менее, производительность «гужсилы», по данным за январь-июнь 1941 г., составила 107,5%, при этом на лесоповале (трелевке) - 80%, а на вывозке леса - 117,5% [67].

Еще одним важным (а на первом этапе существования ИТЛ - ведущим) составляющим элементом лагерного производственного комплекса является промышленное и гражданское строительство.

Основными его задачами в предвоенный период значились:

- возведение особого завода №4 НКВД СССР (Кайского целлюлозного завода);

- завершение первой и прокладка второй очереди основной магистрали собственной железной дороги, ответвлений от нее и тупикового хозяйства в подразделениях;

- создание транспортной инфраструктуры для обеспечения лесовывозки (узкоколейные железнодорожные магистрали, лежневые круглогодичные трассы и сезонные гужевые дороги);

- сооружение производственных объектов для основного и подсобного производств;

- обустройство жилых зон для заключенных, поселков для сотрудников ИТЛ и охраны, вольнонаемных работников и членов их семей - со всеми

необходимыми сооружениями специального, жилищно-бытового и социально-культурного назначения;

- ведение подрядных работ для нужд территориальных учреждений и организаций (Пермской железной дороги, Верхнекамского фосфоритного рудника и др.).

Организовывал всю эту работу и непосредственно отвечал за ее результаты отдел капитального строительства (ОКС), насчитывавший 69 штатных единиц(68).

Установленный объем капитальных вложений (1941 г.) – 8,445 млн. руб., из них непосредственно на строительные работы – 6,083 млн. руб., на монтаж оборудования – 2,312 млн. руб., на прочие затраты – 50 тыс. руб. В рамках обозначенной общей суммы более 1,04 млн. руб. предусмотрены на капитальный ремонт объектов и оборудования и 435 тыс. руб. - на подрядное строительство [69]. Кроме этого, 2,4 млн. руб. выделено для завершения «особого строительства №4» (целлюлозного завода и поселка при нем) [70].

Для производства работ ОКС располагает 97 единицами строительных механизмов, в том числе 2 экскаваторами, 5 мотовозами и 83 вагонетками. В основном же все строительные работы осуществляются вручную. Для этого имеются 1324 «единицы исполнителей программы из числа спецконтингента» (69% к плановому показателю - 1917 человек); дополнительно «на работах по благоустройству Центрального поселка занят 361 человек - из числа инвалидов» [71].

К середине 1941 г. освоение капиталовложений составляет лишь 23,5% от годового объема (в том числе по строительным работам - 21%), что руководство ОКСа объясняет «задержками поступления проектной документации, сметных ассигнований, нехваткой стройматериалов» и другими (вполне стандартными для всех советских строительных организаций) причинами [72].

При этом «в соответствии с календарным графиком и механизированным способом (двумя экскаваторами)» производятся работы по реконструкции пути на нескольких километрах Гайнско-Кайской железной дороги. В «Соцгородке» все запланированные строительные работы закончены (за исключением детсада). По строительству второй очереди железной дороги произведены: разработка трассы (на 6 км), корчевка пней (5 км), земляные работы (4 км), укладка пути (1,4 км) и др. Начаты подготовительные работы по строительству «нового 12-го лагпункта» (в районе станции Има) [73]. По не предусмотренному титулом

(так называемому «нижелимитному») строительству из 20 объектов закончены 5, находятся в работе - 6, не начаты строительством - 9 объектов. По «внелимитному» строительству предусмотрен титулом 51 объект, закончены строительством - 27, находятся в работе - 5 первоочередных объектов, не начаты строительством - 19. По временному (железнодорожному) строительству: закончена строительством Северная ветка; на Юго-западной ветке - замещено полотно (10,7 км), сооружено 9 км полотна дороги, на 5 км производится укладка пути; закончен строительством тупик подкомандировки 11-го лагпункта (разъезд Южный); находится в работе тупик подкомандировки 7-го лагпункта (станция Брусничная). По гражданскому строительству на лагпунктах: из 83 титульных объектов закончены строительством - 49, находятся в работе - 19, не начаты строительством - 15. По подрядному строительству: полностью выполнены договоры с Пермской железной дорогой и с рядом других организаций - по сооружению гражданских объектов. Вместе с тем, к «строительству по развитию станции Верхне-Камская для Пермской железной дороги не приступлено» [74].

Первостепенной задачей Вятлага в сфере строительства на протяжении всего довоенного периода являлись сооружение и ввод в эксплуатацию «Особого завода упрощенного типа №4» - по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б), принятому в мае 1938 г. Проектирование этого завода указанным постановлением было поручено тресту «Гипробум», а реализация проекта возложена на Вятлаг, который и осуществлял все строительные работы, причем так называемым «хозяйственным способом». Монтажные работы по производственному и электрооборудованию в основном производились трестом «Союзлесбуммонтаж», по котельному оборудованию - трестом «Теплоэнергомонтаж», а часть оборудования (хлорный отдел, 5-я паровая машина и др.) смонтированы все тем же «хозяйственным способом». Амортизационный срок завода рассчитывался не менее чем на 104 года [75].

Примечательно, что по данным, полученным якобы от «ответственных работников строительства», «населенных мест по берегам реки Малый Созим» (возле которой предполагалось сооружение завода и крупнейших лесозаготовительных предприятий Вятлага) «не имеется на 40 километров в округе» [76]. Это утверждение не соответствовало действительности: в указанном регионе к середине 1930-х гг. находились, по меньшей мере, десятки населенных пунктов (в том числе рабочий пос. Рудники, крупные села и деревни - Баталово, Гидаево, Лезиб, Старцево, Тихово и др.) и

проживало около четверти населения бывшей Кайской волости (более 5000 чел.) [77]. Ссылки на «безлюдность» Кайского Верхнекамья, очевидно, использовались в качестве обоснования для некоторых (и весьма существенных - с точки зрения природоохранного законодательства) отступлений при проектировании, строительстве и эксплуатации как «Особого завода №4», так и лесопромышленной базы Вятлага в целом.

Работы по выбору площадки для завода, к которым был привлечен трест «Гипробум», были закончены специальной комиссией ГУЛАГа НКВД СССР в конце июня 1938 г. Утверждение выбранной площадки руководством ГУЛАГа последовало в июле, а Наркоматом внутренних дел СССР - в августе этого же года. Однако полным техническим проектом и сметами строительство завода не было обеспечено вплоть до января 1939 г. Вследствие этого для определения программы работ и лимитов был использован титульный список на IV квартал 1938 г. При таком положении дел начало стройки каждого нового объекта обусловливалось специальным разрешением финансовых органов (ЦБО) ГУЛАГа. Технический проект был утвержден заместителем наркома внутренних дел лишь 2 февраля 1939 г. [78].

Генеральная смета строительства завода утверждена НКВД СССР 21 февраля 1939 г. в сумме 13239140 руб., в том числе возвратных сумм – 740 тыс. руб. Фактическая же полная стоимость строительства завода определялась к концу 1939 г. уже в сумме 16810520 руб. (в том числе дополнительные работы - в сумме 828800 руб.) [79]. Руководством Вятлага это объяснялось «удорожанием цен на оборудование - на 117 тыс. руб., удорожанием от замены красного кирпича строительного на огнеупорный в котельной – 173 тыс. руб. и удорожанием земляных работ вследствие изменения категории грунта и условий работ - 202500 руб.» [80].

Подготовительные работы на площадке целлюлозного завода и прилегающего к нему поселка (станция Заводская и примыкающая к ней часть поселка Созимского) начались уже в августе 1938 г. и протекали в тяжелых условиях. 18 сентября 1938 г. пронесшимся катастрофическим лесным пожаром были уничтожены все возведенные к этому времени временные сооружения и часть железнодорожной линии. Это обстоятельство отрицательным образом сказалось на темпах дальнейшего строительства завода, поскольку значительная часть рабочих была занята на тушении пожара, восстановлении сгоревших мостов и железнодорожных путей, лагерных пунктов и др. Главный корпус и котельная завода начаты

строительством в октябре 1938 г. и сданы под монтаж в феврале 1939 г. [81]. Как отмечалось в «Акте комиссии Наркомлеса и НКВД СССР по приемке в эксплуатацию особого завода №4 ГУЛАГа НКВД» (1940 г.), «благодаря энергии и инициативе, проявленным работниками строительства, и помощи, оказанной со стороны ГУЛАГа, строительство завода выполнено в 10-месячный срок и пуск осуществлен 16-24 августа 1939 г. Качество выполненных строительных работ по промышленному строительству хорошее. Качество выполненных монтажных работ вполне удовлетворительное. Установленное на заводе оборудование находится в хорошем состоянии и полностью обеспечивает освоение проектной мощности завода - как по количеству, так и по качеству продукции». Комиссия оценила «хорошую работу начальника строительства тов. Долгих И.И., начальника политотдела тов. Кухтикова А.Д., помощников начальника строительства тов. Гладкова М.А., Борисова, главного инженера строительства тов. Колачек Н.П., инженера Гипробума тов.Кузнецова, проявивших большую энергию и в трудных условиях, обеспечивших в срок окончание строительно-монтажных работ». Было отмечено, что «несмотря на короткий срок строительства, выстроенный завод является полностью обеспечивающим выпуск продукции специального назначения. В процессе проектирования и строительства имеется ряд достижений в области рационализации технологического процесса и самого строительства». Комиссия констатировала также, что «коллектив работников завода по эксплуатации за короткий срок работы освоил оборудование и добился выпуска продукции, соответствующей технологическим условиям» [82].

В реальности картина была куда менее оптимистичной. К концу 1939 г. основные средства завода составляли 12011200 руб. Недостаток оборотных средств – 489 тыс. руб. (из-за непрофинансирования ГУЛАГом внеплановых потерь). Кредиторская задолженность превышала дебиторскую на 824 тыс. руб. За 1939 год завод выполнил программу выпуска продукции брутто лишь на 31,3% и получил убыток в сумме 1407800 руб., что, впрочем, составило 99,5% к запланированному уровню. Финансовое положение завода признано неудовлетворительным [83]. Устранение недоделок по заводу и его жилому поселку растянулось на годы. Показательно, что при этом от предусмотренных первоначальным проектом очистных сооружений отказались вообще - со всеми вытекающими (в переносном и прямом смысле слова) для экологии региона последствиями на протяжении последующих

десятилетий (а речь идет, как уже отмечалось, о верховьях Вятки, Камы и Вычегды, о водоразделе северного и южного речных бассейнов).

В 1941 г. установленный по заводу №4 план капитальных вложений составил, как уже отмечалось, 2,4 млн. руб. (равными долями - по 1,2 млн. руб. - на строительство нового жилого поселка («жилпоселка») и на доделки производственных объектов). Фактическое освоение составило (за январь-июнь): по жилпоселку – 465 тыс. руб. (38,8% к годовым объемам), по доделкам производства – 203,2 тыс. руб. (16,9%), а в целом – 669,1 тыс. руб. (27,9%). За полугодие сдано в эксплуатацию работ по «доделкам» завода на сумму 92900 руб., а по новому жилищному поселку - на сумму 100400 руб. Кроме того, в июне 1941 г. введены в действие два 12-квартирных дома - со сметной стоимостью в 275800 руб. Всего, таким образом, сдано в эксплуатацию по новому жилпоселку капитальных работ на сумму в 376200 руб., или только 31,4% от годового объема [84]. При этом на строительных объектах целлюлозного завода заняты 318 человек (31 - из числа административно-технического и младшего обслуживающего персонала, 287 - рабочих), из которых 312 - заключенные Вятлага. Среди рабочих: плотников - 90, столяров - 24, резчиков по дереву - 2, печников - 8, штукатуров - 8, каменщиков-бетонщиков - 6, токарей по металлу - 3, электромонтеров - 4, автогено-электросварщиков - 2, кузнецов - 2, слесарей-монтажников - 13, инструментальщиков - 2, бондарей - 4, возчиков - 26, мостовщиков - 3 [85]. Все это - люди, крайне необходимые и в основном производстве лагеря. Постоянное отвлечение людских, технических и других материальных ресурсов на затянувшийся «Созимский долгострой» становилось все более тяжелой обузой для администрации и хозяйственных служб Вятлага, а с началом войны этот груз стал для лагеря непосильным.

Связующим элементом - как производственной структуры, так и всей системы жизнеобеспечения Вятлага - являлась железнодорожная ветка широкой колеи, сооружением которой (проект «Гайнско-Кайская железная дорога») было положено начало обустройству самого лагеря [86].

К середине 1941 г. общая протяженность путей этой ветки составляла 91,6 км. Кроме этого, лагерь обслуживал 3 км арендованных железнодорожных путей (по станции Верхнекамской), а также 4,6 км железнодорожных веток других организаций (Верхнекамский фосфоритный рудник, завод №4). Состояние пути основной магистрали оценивалось как удовлетворительное, разрешающее пропуск поездов со скоростью до 40 км в час [87].

Паровозный парк состоял из 10 собственных паровозов (серий: «ОП» - 2 шт., «ОД» - 4, «Ц» - 3, «Щ» - 1 шт.) и 3 паровозов (серии «Щ»), арендованных у Пермской железной дороги паровозов. Вагонный парк насчитывал 108 единиц (88 собственных и 20 арендованных). Из этого количества: крытых двухосных вагонов - 11, платформ двухосных - 58, платформ четырехосных - 1, полувагонов четырехосных - 8, пассажирских двухосных вагонов - 2, прицепов к дрезинам - 7, снегоочиститель - 1, арендованных платформ - 20. Качественные параметры паровозо-вагонного парка находились также на удовлетворительном уровне, хотя имелись серьезные проблемы с его обслуживанием, поскольку паровозное депо было временного типа и недостаточной мощности [88]. К тому же весь собственный вагонный парк являлся «старотипным», «приобретен на дорогах НКПС из числа исключенных из инвентаря, совершенно не имеет автотормозов», производственные помещения вагонного цеха состояли «из временных построек, которые подлежат сносу, а механического оборудования, за исключением одного электросварочного агрегата, вагонный цех не имеет вообще». Рабочей силой служба пути, паровозное и вагонное хозяйство обеспечены, но при этом не укомплектованы полностью должности дорожных мастеров и бригадиров [89].

К сфере ответственности руководства железной дороги (Отдела сбыта и перевозок) относились также Центральные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ), которые, помимо обслуживания железнодорожной техники, занимались ремонтом других машин, механизмов, оборудования, производством простейших запасных частей, металлических изделий и т.п. В состав мастерских входили цеха: монтажно-демонтажный, токарно-механический, слесарный, комплектовочный, электроремонтный, горячий (с медницким, кузнечным и электросварочным отделениями) - с необходимым оборудованием (станками, прессами, сварочными аппаратами и др.). ЦРММ укомплектованы рабочей силой «в соответствии с производственной программой - на 80% от потребного количества» [90].

Что же касается организационной структуры аппарата железнодорожной ветки, то она построена в основном по принципу системы НКПС и включала в себя (к середине 1941 г.): службу движения (со штатом 147 чел.), грузовую часть (19 чел.), службу пути (287 человек), паровозное депо (137 чел.), вагонное хозяйство (41 чел.), моторный цех (12 чел.), механические мастерские (90 чел.), службу связи (5 чел.), управленческий аппарат (15 человек), всего - 953 чел. В наличии имелось 749 работников (78,6% к

установленному планом нормативу) [91]. Этим аппаратом только за январь-июнь 1941 г. обеспечен грузооборот, превышающий 15150000 тонно-километров (нетто), или примерно 30 млн. тонно-километров в пересчете на год, перевозка более 21200 вагонов НКПС с лесными грузами и более 11400 вагонов местного парка [92]. Впечатляют и технико-экономические показатели: средний простой вагонов НКПС - 12,0 часа (при нормативе - 13,7 часа), себестоимость перевозки тонно-километра грузов - 18,1 коп. (при нормативе - 24,56 коп.) [93]. При этом «Особому заводу №4» (правительственное задание) поставлено: балансов чистой окорки - 29444 фестметра, дров - 57511 фестметров, другими словами, это оборонное предприятие было к началу войны обеспечено балансами - на два месяца, дровами - на 1,5 месяца бесперебойной работы [94].

Следует отметить, что к середине 1941 г. Вятлаг в целом не справлялся с выполнением плана реализации лесопродукции (отправлено ее лишь 47,1% к годовому заданию, то есть допущено отставание на 2,9 пункта). Причины по-советски банальные: неритмичная поставка вагонов, несвоевременное заключение договоров, невыполнение сортиментной программы - вследствие планирования ее без учета реального состава лесосырьевой базы и т.п. [95] Между тем, как отмечалось в «Акте передачи Управления Вятлага» от 1941 г, на предрельсовых биржах Вятлага (по состоянию на 1 июля 1941 г.) скопилось более 773 тыс. фестметров древесины, из них более 168000 фестметров деловых сортиментов (пиловочник, стройлес, подтоварник, шпальник и пр.). При этом, «из числящейся по книжным остаткам древесины часть деловых сортиментов заготовки прошлых лет вследствие длительного хранения потеряла свои технические качества и к реализации не пригодна. Подлежат разделке на дрова, с частичной выборкой таких сортиментов, как баланс, рудстойка, тарный кряж, … около 50 тыс. фестметров, что составляет 2,5% от общего количества древесины, вывезенной Вятлагом за время его существования» [96].

За первые два года существования лагеря развернута необходимая структура энергообеспечения, паросилового хозяйства, водоснабжения и телефонной связи. К середине 1941 г. эта структура включала:

- 11 жидко-топливных электростанций общей мощностью свыше 430 киловатт, с более чем 3050 светоточками и с протяженностью электролиний почти 40 км [97];

- 12 паросиловых установок, артезианскую скважину и насосную станцию [98];

- 12 телефонных станций, с протяженностью линий в 610 проводо-километров (в том числе магистральных линий - 560 км, местных - 50 км), обслуживающих более 200 телефонных аппаратов [99].

За техническое снабжение производства отвечал соответствующий управленческий отдел (ОТС) и его службы (части) в подразделениях. Складское хозяйство технического снабжения состояло из двух основных объектов: центральной технической базы (на станции Лесной) и нефтебазы (на станции Верхнекамской) [100].

Центральная техническая база обеспечена тремя деревянными складскими помещениями, где хранятся основные технические материалы: железо, метизы, инструменты, цветные металлы и т.п. (всего - около 50 основных позиций) [101].

Нефтебаза располагает стационарной емкостью (объемом в 215 куб.м.) и передвижной тарой (баками и цистернами мелкого типа). На 1 июля 1941 г. здесь находилось: бензина - 29,2 т, керосина - 105,4 т, лигроина - 40,2 т, нефти - 7,8 т, дизельного топлива - 10,25 т. Кроме того, на нефтебазе хранились лакокрасочные изделия, кислоты и другие жидкие технические материалы [102].

Техническое снабжение лагеря осуществляется фондами, выделяемыми «руководящими органами НКВД» и реализуется по нарядам, выдаваемым ОТС Вятлага «соответствующими снабженческими организациями». За январь-июнь 1941 г. выделенные Вятлагу фонды реализованы: по черным металлам - на 98,9% (от 13,6% - по рельсам, до 200% - по железу оцинкованному); по цветным металлам - на 97,4% (от 0% - по меди и свинцу, до 296% - по олову); по метизам - на 129,0% (от 69,8% - по гвоздям, до 217,0% - по подковам конским); по нефтепродуктам - на 97,3% (от 47,3% - по дизельному топливу, до 180,9% - по нефти); по строительным материалам - на 59,5% (от 0% - по толю кровельному, до 103,1% - по цементу); по электропроводам - на 50,3%; по лесорубочному инструменту (лучковые пилы, топоры) - на 100,0% [103]. В то же время выявлено излишков оборудования, запасных частей, разных материалов и инструментов на сумму 178600 руб., в том числе оборудования - на 149500 руб., запчастей и материалов - на 29100 руб. [104]. Характерно, что хотя сведения об этих излишках представлены руководством Вятлага в УЛЛП НКВД СССР еще в начале 1941 г., но нарядов на их реализацию в лагерь так и не поступило [105].

Транспортная составляющая лагерного производственного комплекса, за исключением железной дороги, развита слабо и находится в неудовлетворительном состоянии. Машинный парк включает 14 автомобилей и 10 тракторов. Из них твердотопливных (газогенераторных) - 15 машин: 10 автомобилей марки ЗИС-21, два трактора марки ЧТЗ-СГ-60 и 3 трактора марки ЧТЗ-СГ-65; жидкостно-топливных - 9 машин: 3 автомобиля марки ГАЗ-АА, один автомобиль марки ЗИС-5, один трактор марки ЧТЗ-С-60 и 4 трактора марки СТЗ-НАТИ [106].

Техническое состояние этого парка характеризуется следующим образом. Из наличных 10 газогенераторных автомашин ЗИС-21 отремонтированы 5, причем ремонт осуществлялся «в условиях отсутствия запасных частей и многие из них делались кустарным способом, а потому отремонтированные машины ненадежны и не могут проработать установленный межремонтный пробег». Остальные 5 машин этой марки находятся в ремонте. На шести автомашинах нет аккумуляторов, все газогенераторные установки отработали амортизационные сроки и требуют замены. На пяти машинах временно поставлены бункера от тракторов СТЗ-НАТИ-Т-2-5 [107]. Из трех жидкостно-топливных автомашин ГАЗ-АА лишь две пригодны для эксплуатации, третья «прошла ремонт, но для окончательного выпуска не имеется ведомой шестерни заднего моста, дистрибьютора и пр., а надежд на получение этих деталей в ближайшее время не имеется и машина должна стоять на консервации» [108]. Автомашины ГАЗ-АА резиной обеспечены, а вот для ЗИС-21 требуется замена 80% всей наличной резины, которой лагерь не располагает [109]. Для лесовывозки автомашинами имеются 10 пневматических полуприцепов, из которых лишь два пригодны к работе, а остальные не имеют ни рессор, ни резины [110].

Из 3-х тракторов ЧТЗ-60 два работают на твердом топливе и один - на жидком. Два из них требуют среднего ремонта, а один прошел такой ремонт. Из 3-х тракторов марки ЧТЗ-СГ-65 два отремонтированы, но использоваться не могут, «так как нет отдельных запасных частей, которыми лагерь вообще не снабжался». На третьем тракторе этой марки необходимо менять шестерню маслонасоса и распределительный вал главного двигателя. Из 4-х тракторов марки СТЗ-НАТИ два отремонтированы, два других находятся на капитальном ремонте - для переоборудования на твердое топливо. Подвижной состав тракторного парка состоит из 9 гусеничных 10-тонных

прицепов, из которых исправны только 4, а остальные не обеспечены запасными частями. Кроме этого, имеется еще один прицеп - арочный [111].

Из-за отсутствия аккумуляторов, а также вследствие тяжелых дорожных условий допущен перерасход бензина на газогенераторных машинах. Вместе с тем лагерные статистики зафиксировали, что «несмотря на затруднения из-за отсутствия запчастей для перевода двигателей на твердое топливо, по расходу жидкого топлива имеется, против существующих норм, некоторая экономия: бензина - 1003 кг, керосина - 1988 кг, лигроина - 342 кг, нефти - 970 кг, дизельного топлива - 40 килограммов» [112].

Немногим лучше положение дел с обеспечением подвижным составом, упряжью и сбруей гужевого транспорта. На 1815 рабочих лошадей имеется: летнего подвижного состава - 1145 единиц, в том числе круглолежневых тележек - 365, грабарок - 700, прочего колесного инвентаря - 80; весь колесный обоз находится в работе [113]; зимнего подвижного состава - 2219 единиц, в том числе лесовозных саней - 979, подсанок - 992, хозяйственных саней - 195, саней легковых - 53. При этом «весь санный обоз требует пересмотра, выбраковки и ремонта» [114]. По мнению руководства лагеря, для обеспечения доведенных планами объемов лесовывозки, «требуется увеличение зимнего подвижного инвентаря, а именно: поделка саней типа финских - 2.000 комплектов и американских (шириной 120 см) - 50 комплектов», то есть практически полное обновление этого инвентаря [115].

Развертывание и становление Вятского ИТЛ проходило в чрезвычайно сложных условиях. Ситуация еще более обострилась вследствие катастрофического лесного пожара во второй декаде сентября 1938 г., который опустошил территорию на сотнях квадратных километров, уничтожил более 20 тыс. куб.м. заготовленной древесины, возведенные к тому времени постройки, значительные участки железной дороги. Не обошлось и без жертв (погибших и пропавших без вести), среди которых оказались как заключенные, так и вольнонаемные работники: всего, по далеко не полным данным, не менее 230 чел. [116]. В целом же за первоначальный период существования Вятлага (февраль 1938 г. - май 1941 г.) число погибших и умерших в ИТЛ заключенных превысило 2500 человек [117].

Тем не менее, организационное становление Вятского ИТЛ и выполнение поставленных перед ним производственно-хозяйственных задач осуществлялись в целом в соответствии с «доведенными директивами и в установленные сроки».

К середине 1941 г. структура этого ИТЛ включала 19 балансовых подразделений, расположенных на линии собственной железной дороги, кроме сельхозлагпункта «Зуевка» (село Мухино Зуевского района, в 40 км от линии железной дороги). Три подразделения («Зуевка», торгово-заготовительное отделение отдела общего снабжения и отдел капитального строительства) находились на внешнем хозрасчете, остальные переведены на внутренний хозрасчет. В составе лагеря функционировали также: лесозавод, центральные механические мастерские, центральная пошивочная мастерская (фабрика), четыре сельхозподразделения, две базы снабжения, три строительных участка [118].

Численность «спецконтингента» (заключенные): на 1 апреля 1938 г. - 11855 человек; на 15 июля 1941 г. - 19596, из них мужчин - 17890 (91,3%), женщин - 1706 (8,7%), инвалидов - 3995 (20,4%), в том числе мужчин - 3587 (20,1% списочного состава), женщин - 408 (23,9%) [119].

Фактическое наличие вольнонаемных кадров (июль 1941 г.) - 1602 человека, при штатной положенности - 2058, то есть укомплектованность составляла около 78% [120], в том числе военизированной охраны - 866 человек при штате 938 единиц, некомплект - 7,7% [121]; по отношению же к фактическому «списочному спецконтингенту» лагеря, охрана недоукомплектована стрелками на 378 человек (30,4%) [122].

К середине 1941 г. в Вятском ИТЛ создана весьма солидная по тем временам социально-бытовая инфраструктура. Общая площадь жилищного фонда составляла около 30 тыс. кв. м. В центральном поселке («Соцгородке») наличествовали необходимые для жизнеобеспечения сотрудников жилищно-коммунальные и социально-культурные объекты: больница с поликлиникой, средняя школа с интернатом, детский сад-ясли, клуб с библиотекой, стадион, магазины, столовая, баня с водолечебницей, телефонная станция и др. В поселках и зонах лагподразделений имелись: свыше 230 жилых зданий, 19 больничных стационаров, 7 клубов, 17 торговых заведений (магазины, ларьки), 6 пекарен, 13 бань и т.п. [123].

Объемы основного производства за 1941 г.: заготовка – 985 тыс. куб.м., вывозка древесины – 1,029 тыс. куб.м., лесопиление – 104 тыс. куб.м. [124]. В целом по Кировской области (данные за 1940 г.) объем лесозаготовок (товарной древесины) составил около 4 млн. куб.м., вывезено древесины – 3,815 млн. куб.м., произведено пиломатериалов – 344 тыс. куб.м. [125]. Таким образом, сопоставимые объемы по основным позициям лесопромышленного производства в Вятлаге и области составляли в

предвоенный период: по заготовке леса - 24,6%, по вывозке - 27,0%, по лесопилению - 30,2%. Это выдвинуло лагерь на бесспорно ведущее место в области - среди предприятий лесной отрасли.

При этом трудоиспользование «спецконтингентов» (в официальных документах - «исполнителей производственной программы») составило в Вятлаге за январь-июнь 1941 г. 82,6% (против плановых 82,0%) [126]; коммерческая себестоимость выпущенной продукции - на 969 тыс. руб. меньше установленной планом [127]; финансовое положение ИТЛ - удовлетворительное (в остатке на расчетном банковском счете - около 2,5 млн. руб.) [128], число умерших заключенных (за полугоде) - 220 (1,3% к среднесписочному составу) [129].

К концу рассматриваемого периода Вятский ИТЛ сформировался как многопрофильный промышленно-хозяйственный комплекс, с превалирующей ролью лесозаготовительного и деревообрабатывающего производств, с относительно мощной строительной базой, развернутыми подсобным сельским хозяйством, железнодорожным транспортом, служебно-бытовой, жилищной и социально-культурной инфраструктурой.

При этом производственная деятельность Вятского ИТЛ с самого своего начала являла наглядный пример сугубо экстенсивных методов хозяйствования, свойственного советской системе в целом и ее карательно-исполнительной составляющей - в частности.

Наиболее характерная черта лагерной «экономики» на этом этапе - чрезвычайно широкое распространение тяжелого ручного физического труда. Показательно, например, что если по итогам 1939 г. механизированная вывозка леса по Наркомату лесной промышленности СССР составляла около 30%, по НКВД в целом - 23,9% [130], то в Вятлаге в 1941 г. она не достигала, как отмечалось выше, и 7% [131]. Еще хуже обстояли дела (по части механизации) на других фазах лагерного производства (лесоповал, трелевка, строительство, сельское хозяйство и др.) [132].

В отчете Вятлага за 1939 г. признается: «Годовой итог хозяйственной деятельности лагеря совершенно неудовлетворителен и основной причиной невыполнения вполне реального плана и больших потерь объясняются тем, что система хозяйственного руководства сверху донизу не была поставлена на основы хозяйственного роста, что естественно привело к невыполнению плана, убыточной работе и чудовищной распущенности большинства хозяйственных работников в деле рационального использования рабочей

силы, создания культурно-бытовых условий для рабочих, когда с их стороны не проявляется ни малейшей инициативы по введению простейшей механизации» [133].

В отчетных документах Вятлага мы видим постоянную «экономию» по основным нормативам расходных статей: на содержание заключенных, зарплату вольнонаемному персоналу, интендантское обеспечение и т.д. Все основные статьи сметы по содержанию заключенных за обозначенный период также «имеют экономию»: не берегли тогда лишь пот и кровь «спецконтингента». Подневольная «рабсила» использовалась в лагерной хозяйственной системе крайне примитивно и узкофункционально: «человек-пила», «человек-топор», «человек-лопата», «человек-тачка» и т.п. Суть этой системы заключалась в том, чтобы интенсивной физической нагрузкой до дна и в короткий срок выкачать всю жизненную энергию человека. Это не что иное, как своего рода «социальный вампиризм». В гулаговской «империи» и в ее «провинциях», одной из которых и являлся Вятлаг, господствовала номенклатурно-бюрократическая психология временщиков: «здесь и сейчас, а там и потом - хоть трава не расти» [134].

1.2. Производство в Вятлаге в годы Великой Отечественной войны (вторая половина 1941 - 1945 гг.)

С началом Великой Отечественной войны, вследствие известной и естественной смены государственных приоритетов в целом, произошли существенные изменения и в карательно-исполнительной системе страны. Это, в свою очередь, не могло не сказаться на реальных условиях жизнедеятельности отдельно взятых исправительно-трудовых лагерей и колоний, в том числе и Вятского ИТЛ. Военные годы - самый тяжелый период существования этого лагеря (возглавлял его с июля 1941 г. лейтенант, а затем капитан государственной безопасности Ной Соломонович Левинсон) [135].

Первые дни и месяцы войны показали, что конкретного и системного плана по переводу лагерей на новые условия их функционирования в режиме военного положения не имелось. От руководства НКВД СССР, ГУЛАГа, УЛЛП, как из рога изобилия посыпались на места распоряжения - по радио, телефону, телеграфу: об усилении изоляции и охраны заключенных; изъятии у них репродукторов; запрещении выдавать им газеты; прекращении свиданий и переписки с родственниками; увеличении рабочего времени до 10 часов в сутки и повышении норм выработки на 20%; о прекращении

освобождения отдельных категорий заключенных; о сосредоточении особо опасного «контингента» в специальных лагерных пунктах и т.д. и т.п. [136].

22 июня 1941 г. за подписью наркома внутренних дел СССР Л.П.Берии и прокурора СССР В.М.Бочкова была дана телеграфом директива следующего содержания: «Прекратить освобождение из лагерей, тюрем и колоний контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников.

Указанных заключенных, а также польские контингенты, немцев и иноподданных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны, прекратить бесконвойное использование на работах, содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать.

Арестовать заключенных, на которых имеются материалы по антисоветской деятельности.

Охрану лагерей, тюрем и колоний перевести на военное положение (с казарменным размещением всего личного состава).

Прекратить отпуска всем сотрудникам лагерей и работникам прокуратур ИТЛ, тюрем, колоний. Находящихся в отпусках немедленно вызвать.

Прекратить всякую переписку заключенных, а также содержащихся в спецпоселках, с волей» [137].

Срочным образом (и нередко - пешим порядком) проводилась эвакуация сотрудников и заключенных из тюрем, лагерей и колоний, расположенных в Прибалтике, Молдавии, Белоруссии, в западных регионах Украины и России. Значительная часть эвакуированных была размещена на территории Кировской области, в частности - в Вятлаге. Кроме того, сюда были доставлены из различных мест временного содержания (тюрьмы и лагеря) около 4000 так называемых «следственно-заключенных» (в основном из числа интернированных в июне и сентябре 1941 г. прибалтов и «донбасских» немцев) и более 8000 «трудмобилизованных» этнических немцев и финнов [138].

Так, только за июль-декабрь 1941 г. зарегистрировано прибытие в Вятлаг следующих «эвакуационных» этапов (15 эшелонов, 8753 человека):

- 9 июля - из Юхновского ИТЛ НКВД СССР (Смоленская область) - интернированные (как «социально опасный элемент») жители Латвии («следственно-заключенные») - 1419 человек, в том числе 85 женщин;

- 10 июля - из Рижской тюрьмы (Латвия) - интернированные (как «социально опасный элемент») жители Латвии («следственно-заключенные») - 310 человек, в том числе 4 женщины [139];

- 13 июля - из Юхновского ИТЛ НКВД СССР (Смоленская область) - интернированные (как «социально опасный элемент») жители Латвии («следственно-заключенные») - 1118 человек;

- 22 июля - из Мончегорлага НКВД СССР (Мурманская область) - заключенные - 187 человек, в том числе 50 женщин;

- 28 июля - из Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (Карелия) - заключенные - 995 человек;

- 28 июля - из Свирьлага НКВД СССР (Ленинградская область) - заключенные - 778 человек, в том числе 62 женщины;

- 2 августа - из тюрем и ИТК Ленинграда - заключенные - 1.251 человек, в том числе 161 женщина;

- 2 августа - из ИТЛ и ИТК Карелии - заключенные - 273 человека, в том числе 99 женщин [140];

- 6 октября - из Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (Карелия) - заключенные - 308 человек, в том числе 21 женщина;

- 20 октября - из Ворошиловградской тюрьмы (Украина) - интернированные (как «социально опасный элемент») этнические немцы («следственно-заключенные») - 548 человек, в том числе 100 женщин;

- 25 октября - из Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (Карелия) - заключенные - 74 человека;

- 2 ноября - из Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (Карелия) - заключенные - 46 человек;

- 3 декабря - из Беломорско-Балтийского комбината НКВД СССР (Карелия) - заключенные - 829 человек, в том числе 54 женщины [141];

- 16 декабря - из тюрем и ИТК Ленинграда - заключенные - 221 человек, в том числе 33 женщины;

- 29 декабря - из Кировской пересыльной тюрьмы - интернированные (как «социально опасный элемент») жители Эстонии («следственно-заключенные», заключенные) - 406 человек, в том числе 3 женщины [142].

Всего же в течение только первых военных лет (с июля 1941 г. по июнь 1943 г.) были приняты в Вятский ИТЛ свыше 40 тыс. заключенных и более 8 тыс. «трудмобилизованных» этнических немцев и финнов. За тот же период выбыли из лагеря соответственно 45 тыс. заключенных и около 5 тыс. «трудармейцев» [143].

Наряду с этим, в 1941-1942 гг. в Вятлаг прибыли около 350 эвакуированных сотрудников - из Ленинградской, Мурманской областей РСФСР, Карелии, Прибалтики и других прифронтовых регионов - из

дислоцировавшихся на этих территориях колоний и лагерей [144]. За годы войны в состав действующей армии мобилизованы более 1700 вольнонаемных работников и около 500 заключенных лагеря. Около 500 ушедших на фронт из Вятлага (по данным, установленным на 1 января 2001 г.) погибли на полях сражений, умерли в госпиталях, пропали без вести в военном лихолетье [145].

Обусловленные внешними обстоятельствами количественные и качественные изменения в составе лагерного населения способствовали превращению его из монорежимного объекта исполнительно-карательной системы, предназначенного только для содержания лиц, подвергнутых (как в судебном, так и несудебном порядке) лишению свободы на установленный и определенный срок, в полирежимный объект, в сферу ответственности которого входило содержание и трудоиспользование также и других категорий «спецконтингента».

Первой из этих категорий явились так называемые «следственно-заключенные» (или «подследственные»). Это люди, арестованные (либо интернированные») за пределами лагеря и доставленные в него для содержания в период предварительного следствия, которое могло продолжаться месяцы, а иногда и годы. Поступление лиц этой категории в Вятлаг отмечалось на протяжении всего военного времени (с июля 1941 г. по февраль 1945 г.) и составило не менее 6 тыс. человек; наиболее крупные этапы (кроме упомянутых выше - в июле, октябре и декабре 1941 г., из Латвии, Украины и Эстонии, «социально опасный элемент», свыше 3 тыс. чел.): 10 мая 1943 г. - из Курска, «коллаборационисты», не менее 1,6 тыс. чел.; 18 февраля 1945 г. - из Витебска (Белоруссия), «коллаборационисты», 248 человек; 23 февраля 1945 г. - из Бобруйска и Могилева (Белоруссия), «коллаборационисты», 756 чел. [146]. «Следственно-заключенные» были размещены в основном на 7-м (пос. Брусничный), 3-м (станция Малый Созим), 13-м (станция Раздельная) и 9-м (станция Мурис) лагпунктах [147].

Самое массовое пополнение лагеря «спецконтингентом» в военное время имело место в феврале 1942 г., когда на протяжении одной недели (16-24 февраля) несколькими этапами (из Красноярского и Алтайского краев РСФСР, а также из Восточно-Казахстанской области Казахской ССР) прибыли более 7 тыс. «трудмобилизованных» этнических немцев-спецпереселенцев (мужчин). Со 2 по 12 января 1943 г. в Вятлаг были доставлены также (из Алтайского края) около 1000 «трудмобилизованных» немок [148]. В соответствии с «Положением о порядке содержания,

структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев», утвержденным приказом НКВД СССР от 13 января 1942 г. [149], из «трудмобилизованных» формировали «рабочие колонны», а в лесных лагерях - лесозаготовительные отряды (ЛЗО) - при отдельных лагерных пунктах (ЛЗО). Во главе отряда (из 1500-2000 человек) стоял «начальник из чекистов-лагерников». Отряд делился на производственные колонны - от 250 до 500 человек, а колонны - на бригады. «Трудмобилизованные» должны были жить в бараках, объединенных в отдельные зоны, которые обустраивались по всем общелагерным нормативам (заборы, колючая проволока, охрана, конвой и т.д.) [150]. Основная часть «трудмобилизованных» (включая относительно небольшое число этнических финнов) содержалась (в 1942-1943 гг.) компактно, большими группами: на 1-м лагпункте 6-го ОЛПа (отдельного лагерного пункта, станция Брусничная) - 1167 человек (самый значительный среди других вятлаговских подразделений «контингент» этой категории), на 13-м и 3-м лагпунктах, в «совхозе №2» (пос. Старцево), а также на 12-м и 14-м лагпунктах (ЛЗО, станция Има). Однако на 1 июля 1944 г. численность этнических «трудмобилизованных» немцев в лагере сократилась до 2924 человек (без учета так называемых «отпускников по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам» - 1079 человек) [151].

При Вятском ИТЛ функционировал также (с 1943 по 1945 гг. - в системе Управления (Главного управления) по делам военнопленных и интернированных (УПВИ-ГУПВИ), а с конца 1945 г. по 1947 г. - в оперативном подчинении Вятлага) лагерь для военнопленных №101, состоявший (к ноябрю 1945 г.) из шести подразделений (пять отделений и одна подкомандировка) - с общим «лимитом емкости» от 4000 до 5000 чел. Лагерь №101 был создан приказом НКВД СССР от 30 апреля 1943 г. №00786, и уже 17 и 18 мая 1943 г. в лагерь прибыли первые два эшелона с военнопленными (1125 человек). Управление лагеря сначала дислоцировалось недалеко от станции Лесной, а в 1944 г. было перенесено на станцию Малый Созим (в 6 км к югу от станции Лесной) [152]. Подразделения этого лагеря располагались по трассе Гайнско-Кайской железной дороги: на станции Мурис (отделения №№4, 7), на станции Малый Созим (24-й километр, отделения №№1, 2); на станции Има (54-й километр, отделение №3) [153]. 27 ноября 1945 г. приказом НКВД СССР №001433 о «ликвидации Вятского лагеря НКВД для военнопленных №101» предусматривалась «передача содержащегося контингента военнопленных

ликвидируемых лагерных отделений №1,2,3,4,7 на укомплектование лагерных отделений для военнопленных в составе Вятского исправительно-трудового лагеря» [154]. Лагерные отделения для содержания военнопленных подчинялись начальнику Управления ИТЛ, в штаты Управления вводилась должность помощника начальника УИТЛ по военнопленным, а для непосредственного руководства лагерными подразделениями военнопленных создавалось в составе Управления лагеря отделение по делам военнопленных [155].

В осенне-зимние периоды на лесозаготовки в лагерь привлекались также мобилизованные военкоматами колхозники (в преобладающем большинстве - женщины) с «гужевой силой» (лошадьми) - из прилегающих районов Кировской области (до 900 человек и 600 лошадей ежегодно). В частности, на 1 января 1944 г. в Вятлаге находились (на 12-м и 13-м лагпунктах, станции Има и Раздельная) 700 мобилизованных колхозников (15,7% ко всему вольнонаемному персоналу лагеря) и 302 колхозные лошади (29,4% от лагерного конепоголовья). При этом колхозники содержались на казарменном положении и работали вместе и на одних условиях с заключенными и «трудмобилизованными» («трудармейцами») [156].

В мае 1943 г. в Вятлаг были доставлены (из Вологодской и Омской областей) несколько сот мобилизованных «трудпереселенцев» - из числа «раскулаченных» в период «коллективизации». Они размещались в лагерных бараках и работали наравне со «спецконтингентом» (лесоповал, строительство, «хозяйственная обслуга»), но проходили по учету «вольнонаемного состава». По состоянию на 1 января 1944 г., по этому учету в лагере значились 562 «трудпереселенца», или 12,6% от всех вольнонаемных работников [157].

В распоряжение лагеря передавались также («для использования на работах по вольному найму») так называемые «директивники» - около 1500 освобожденных из-под стражи (по директиве НКВД и Прокуратуры СССР от 29 апреля 1942 г. №185 «О порядке освобождения особо опасных преступников»). Эта директива вышла в развитие приказа НКВД и Прокуратуры СССР от 22 июня 1941 г. №221, запрещавшего освобождать из лагерей заключенных, осужденных за «контрреволюционные» и другие «особо опасные преступления», по истечению срока заключения. Теперь же разрешалось освобождать некоторые категории задержанных заключенных (кроме «осужденных за измену Родине, террор, шпионаж, диверсию, правых и бандитов») - с «оставлением их на работах по месту бывшего заключения,

но на правах вольного найма» [158]. У «освобожденных» (досрочно или после отбытия срока заключения) изымались паспорта и отбирались подписки о «невыезде» за пределы ИТЛ «до особого распоряжения» («до окончания войны»). Часть «директивников» была затем мобилизована на военную службу, а большинство оставалось и «трудоиспользовалось» в лагере еще в течение ряда лет, поскольку директива №185 была отменена совместным приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР лишь 24 июня 1946 г. Но и при этом лица, подозреваемые в «антисоветской деятельности» или ранее осужденные по политическим статьям, подлежали повторному аресту или ссылке [159]. На 1 января 1944 г. в различных подразделениях Вятлага состояли на учете 614 «освобожденных по директиве №185» («директивников»), или 13,8% наличного вольнонаемного кадрового состава [160].

Все перечисленные категории лагерного населения объединяло одно существенное обстоятельство: они были непосредственно вовлечены в сферу основного производства, а оно (в военное время это проявилось с наибольшей отчетливостью) представляло собой рафинированный и наглядный образец подневольного труда.

Достаточно подробное представление о Вятском ИТЛ, переживавшем самое тяжелое свое время, дают «Акт передачи Вятлага НКВД СССР от капитана госбезопасности Левинсона Н.С. полковнику Кухтикову А.Д.» (4 января 1944 г.) [161] и «Бухгалтерский отчет по основной деятельности Вятского ИТЛ НКВД СССР за 1944 г.» [162]. Данные этих документов вполне сопоставляются с Актом передачи Вятского ИТЛ от 1941 г. [163].

Согласно этим данным, к началу 1944 г. Вятлаг состоит из семи ОЛП (отдельных лагпунктов) и одного лесозаготовительного отделения (ЛЗО), объединяющих 22 подразделения и расположенных на ветке Гайнско-Кайской железной дороги. Внутри этих подразделений имеются два отдельных «совхоза», десять лагпунктов и столько же подкомандировок (Зуевский «совхоз» с 1 декабря 1943 г. передан в ведение Кировского областного управления НКВД). Из 15-ти подразделений с самостоятельным балансом находятся на внешнем хозрасчете по-прежнему 3, на внутреннем хозрасчете - 12. Численность лагерного населения («спецконтингента») существенно сократилось: на 1 января 1944 г. в Вятлаге содержатся 11979 заключенных, из них женщин - 3076, а также около четырех тысяч (точнее - 3891 человек) «трудмобилизованных» немцев и финнов (в том числе 947 женщин). Общий списочный состав «спецконтингента» - 15870 человек [164].

Следует отметить, что хотя формально положение «трудмобилизованных» («трудармейцев») в лагере отличается от остальных узников (юридически они не являлись заключенными), фактически оно даже несколько хуже, чем у «просто заключенных», и вполне сопоставимо с каторжным режимом; значительно выше среди них и смертность.

Очередные этапы с «контингентом» прибывают в ИТЛ и отправляются из него строго по нарядам «центра», а маневрирование «рабочей силой» осуществляется под бдительным и неусыпным контролем НКВД и УЛЛП. Значительная часть заключенных и «мобилизованных» переправлялась в другие ИТЛ или на фронт (бывшие заключенные, как правило, - в штрафные батальоны). Так, крупнейший этап, насчитывавший около 1500 человек, в июле 1942 г. ушел на Урал, в Усольлаг НКВД СССР, а затем - в августе-сентябре - еще 500 заключенных передали по мобилизации в ряды РККА. В лагере же оставались «контрреволюционеры» с длительными сроками, престарелые, «ограниченно годные» к труду и инвалиды. Уровень смертности был беспрецедентно высоким.

18 февраля 1942 г. начальник Управления Вятлага Н.С.Левинсон сообщал в Кировский обком ВКП(б):

«…В связи с отсутствием необходимых продуктов все котловое довольствие лагеря … производится только мукой и крупой, так как рыбы, жиров, овощей, мяса и картофеля лагерь не имеет. В результате, несмотря на принятые меры по улучшению бытовых условий содержания заключенных и сокращению группы «В» (больных) … смертность в лагере не сократилась. Динамика смертности: умерли в ноябре 1941 г. - 389 человек, в декабре - 699 человек, в январе 1942 г. - 1111 человек…» [165].

Просьбы руководства Вятлага о срочной помощи продовольствием, обмундированием, фуражом остались, по существу, без ответа. Лагерь был поставлен в условия «самовыживания», и число летальных случаев в 1942 г. составило: по всем «спецконтингентам» - не менее 9090, или 31,6% к среднемесячному списочному составу; среди репрессированных по политическим мотивам - соответственно 7271 чел. и 32,0% [166]. (В этом же году смертность заключенных по ГУЛАГу НКВД СССР в целом составила 17,6%: 248877 чел. из 1415596 «единиц списочного состава») [167].

Зима 1941-1942 гг. выпала самой холодной за весь период метеонаблюдений в Вятском крае и в Кировской области. Средняя температура воздуха в ноябре 1941 г. - марте 1942 г. составила -15,1°С, что почти на 5°С ниже нормы. Очень холодными были декабрь и январь (на 6-

9°С ниже средних показателей). В эту же зиму выпало очень мало снега - в среднем всего 53 мм в месяц, при «нормальных» значениях - 66 мм [168]. Однако не только (и не столько) природно-климатические факторы сыграли главную и зловещую роль в судьбе тысяч узников Вятлага. Истинные причины их гибели гораздо глубже и многообразнее.

В особенно тяжелом, поистине катастрофическом положении оказались так называемые «трудмобилизованные немцы» («трудармейцы»), доставленные в Вятский ИТЛ на исходе лютой зимы 1941-1942 гг., совершенно не адаптированные к таежно-каторжным условиям и, к тому же, не имевшие нормативно прописанного лагерного статуса. С февраля 1942 г. по июнь 1943 г. из 6977 содержавшихся в Вятлаге немцев - «трудармейцев» умерли 1186, или 17,0%. Кроме того, из-за истощения, дистрофии и по инвалидности лагерная администрация вынуждена была освободить («актировать») за это же время 1308 «трудармейцев», или 18,7%. Только у 516 «трудмобилизованных» (7,4%) было установлено удовлетворительное состояние здоровья [169].

По некоторым категориям «лагерников» эта статистика еще ужаснее: за период с ноября 1941 г. по декабрь 1943 г. в Вятлаге погибли не менее 2000 интернированных в начале войны жителей Прибалтики (Латвии и Эстонии), что составляет около 75% общего их числа. Причем (по результатам выборочного анализа документов из архивных личных дел) более чем в половине случаев (51,7%) причиной смерти явилось физическое истощение («авитаминоз», «пеллагра», «дистрофия»), еще более чем в четверти случаев (27,6%) - заболевание органов пищеварения («колит», «энтерит» и др.), то есть 8 из 10 умерших в лагере за период с осени 1941 г. по январь 1944 г. стали жертвами голода [170].

Дело доходило до совершенно жутких вещей - поедания отбросов, падали, грызунов и даже антропофагии. Так, заключенный Филатов, содержавшийся в 8-м ОЛПе Вятлага (пос. Заречный, в нескольких километрах от центра Вятлага), в январе 1943 г. ночью дважды проникал в морг лагеря, отрезал мягкие части трупа, поджаривал их в печке и съедал [171].

Вместе с тем, с первых дней войны лагерь вносил свой (и немалый) вклад в дело обороны. Для военных нужд поставлялись пиломатериалы, шпалы, специальные сортименты (авиационная береза и сосна, укупорка, ружейные болванки и ствольные накладки, палубник, понтонник) и другая лесопродукция. Среднегодовые объемы поставок только спецсортиментов

составляли десятки тысяч куб.м. [172]. Значительная часть заготовленной древесины отправлялась на оборонные предприятия: балансы и дрова - на Кайский целлюлозный завод, производивший сырье для изготовления пороха, дрова - для теплоэлектростанций областного центра и т.п. В центральных ремонтных мастерских с июля 1942 г. «по специальному заказу №2» Государственного Комитета Обороны организовано производство металлических деталей для артиллерийских снарядов и мин (850 изделий в сутки, на общую сумму около 500 тыс. руб. в год). Центральной пошивочной мастерской лагеря доведено в 1942 г. задание по изготовлению продукции для нужд действующей армии - на сумму 200 тыс. руб. В гончарный мастерской (4 лагерный пункт, пос. Полевой-2) производилась глиняная посуда, в цехах ширпотреба (лесозавод, лагпункты №№2,3 и 6) - мебель, лыжи, простейшая обувь (на деревянной и автопокрышечной подошве). Немалую долю в «обувном сортименте» составляли лапти: задание по их выделке на 1943 год – 30 тыс. шт. В фонд обороны отправлялась и продукция подсобного сельского хозяйства - картофель, капуста, турнепс, морковь, свекла, овес, ячмень, махорка, а также «дары леса» - плоды шиповника, грибы, ягоды, лекарственные травы. Объемы (плановые задания) заготовки «дикорастущих» на 1942 год: ягоды (разные) - 30 т, грибы - 20 т, плоды шиповника (в сухом виде) - 20 т, лекарственные травы и мхи - 1,4 т [173].

Осуществлялся сбор денежных средств в Фонд обороны. В 1942 г. на военный заем подписались более 1600 (точнее - 1621) командиров и стрелков военизированной охраны на общую сумму 546936 руб., а это - 134% от месячного фонда зарплаты. Общая сумма «подписки» работников Вятлага на оборонный заем 1942-го года - 2290795 руб., или 117% к месячному фонду зарплаты [174]. В июле 1943 г. в помощь детям, пострадавшим от германской оккупации, а также осиротевшим детям партизан и воинов Красной Армии за одни сутки были собраны 18 тыс. руб. В марте 1944 г., по инициативе, как было официально объявлено, «трудармейцев комсомольско-молодежной бригады №40 (бригадир Юнг)», от коллектива Вятлага поступило «на строительство боевых самолетов «Лаврентий Берия» более 500 тыс. руб.», за что получена «благодарность от Верховного Главнокомандующего» [175].

Существовали и другие источники пополнения оборонного Фонда, о чем может свидетельствовать, например, директива ГУЛАГа и ЦФО (Центрального финансового отдела) НКВД СССР от 3 января 1942 г. №42/234008:

«По вопросу о допустимости снятия зубных протезов с умерших заключенных разъясняем:

1. Золотые зубные протезы с умерших заключенных подлежат снятию.

2. Снятие золотых зубных протезов производится в присутствии комиссии в составе представителей: санитарной службы, лагерной администрации и финотдела.

3. По снятию золотого зубного протеза комиссия составляет акт в 2-х экземплярах, в котором точно указывается число снятых единиц и вес.

4. Акт подписывается всеми членами комиссии. Один экземпляр акта остается в делах СО (санитарного отдела. - Н.Б.) лагеря, а второй вместе со снятыми золотыми зубными протезами передается в финотдел лагеря (ОИТК).

Принятое золото сдается в соответствующее ближайшее отделение госбанка, и квитанция о сдаче золота госбанку приобщается к первоначальному акту» [176].

В тот же Фонд передавались, очевидно, вещи и ценности, изъятые у заключенных (по прибытию их в лагерь) и оставшиеся невостребованными владельцами (по причине смерти последних). А таковых вещей и ценностей только за интернированными прибалтами и только по Вятскому ИТЛ к концу 1941 г. значилось на сумму более 2 млн. руб. [177].

Плановые производственные показатели Вятлага 1943 и 1944 гг. вполне сопоставимы: заготовка древесины (соответственно) 630 тыс. и 620 тыс. куб.м.; вывозка леса – 660 тыс. и 650 тыс. куб.м. В связи с безнадежным провалом плана 1943 г. задания на следующий год лагерю (правда, чисто символически) уменьшили, хотя примерно с такими же производственными объемами 1942 г. и при наличии тех же ресурсов Вятлаг справился вполне успешно. И все же в первые военные годы (1942-1943 гг.) Вятлаг не выдерживал конкуренции даже с другими лесными ИТЛ: в «социалистическом соревновании» со своим постоянным партнером-соперником в годы войны - Унжлагом НКВД СССР (Горьковская область) Вятский ИТЛ на этом этапе года занимал отнюдь не лидирующие позиции [178].

Группа «В» (то есть численность неработающего «контингента») составляла в Вятском лагере на 1 января 1944 г. 2385 человек (24,4% списочного состава) и увеличилась по сравнению с 1941 г. более чем в 3 раза. Инвалидов, годных только к легкому физическому труду, - 3489 человек, или 29,3%. Умерли за вторую половину 1943 г. в целом по лагерю 1524 человека

- каждый десятый из содержащегося списочного «контингента». Каждый пятый лагерник - 2435 человек, состоящих на учете санитарного отдела (САНО) Управления, поражен дистрофией. Среди «трудармейцев» группа «В» еще значительнее - 1385 человек, или 34,4%. Катастрофически не хватало «рабочей силы» для основного производства: например, на 13-м отдельном лагпункте (ОЛПе) требовалось по группе «А» (производственному персоналу) не менее 1700 человек, а в наличии имелась только половина, причем без каких-либо перспектив увеличения «рабочего контингента». В мае 1943 г. туда прибыл крупный этап из Курской области (2002 человека, в том числе 1600 подследственных), но в этой массе более трети (791 человек) - тяжелобольных (дистрофия, сыпной тиф), а 1057 человек - «ограниченно пригодны к труду» и определены в группу «В» [179].

Примерно такое же положение наблюдалось и на других ОЛПах Вятлага. В январе 1943 г. начальник 3-го ОЛПа Попов на очередном управленческом совещании объявил, что у него «из 900 человек (заключенных) - 300 больных, 300 инвалидов и 150 малолетних заключенных…Кому же выполнять план?» [180].

По итогам «соцсоревнования» за первый квартал 1943 г. Вятлаг оказался на последнем месте среди лесных ИТЛ, не выполнив план по всем производственным показателям. На очередное собрание актива лагеря прибыл тогда «сам» секретарь Кировского обкома ВКП(б) В.Лукьянов: Вятлаг поставлял (и в немалых объемах - только за зиму 1942-1943 гг. 140000 куб.м.) дрова для электростанций области, которые, в свою очередь, снабжали энергией военные заводы, так что в стабильной работе лагерного «основного производства» Лукьянов был кровно заинтересован. Между тем, ознакомившись с положение дел на месте, он пришел к выводу, который и огласил на собрании партактива: на основных работах в лагере занято не более 10-15% людей [181].

Еще одна (и существенная) сторона вятлаговского бытия заключалась в том, что этот лагерный, затерянный в таежном океане «архипелаг» вынужден был (и пытался) обеспечивать себя продовольствием (прежде всего - овощами и картофелем) - и это в суровых даже для Вятского края климатических условиях, на болотистых, кислых и бедных кайских почвах. По сути, Вятлаг представлял собой неуклюжий симбиоз «леспромхоза с колхозом»: помимо небольшого числа специализированных лагпунктов-«сельхозов», плановые задания по производству сельхозпродукции, посевным площадям и сбору урожая доводились до всех без исключения

ОЛПов и ЛЗО. За состояние и результаты сельхозработ отвечал лично первый заместитель начальника Управления, он же по должности - «главный чекист» лагеря. О масштабах этих работ в военное время можно судить по следующим данным: на 17 июня 1943 г. в целом по Вятлагу посевы зерновых, посадки картофеля, корнеплодов и овощей заняли 2651 га (95% к плану) [182]. При таких объемах, казалось бы, подсобное хозяйство могло (и существенно) в голодные военные годы «подпитать» продуктами не только администрацию, но и «спецконтингент». Однако дела в лагерном «сельском хозяйстве» велись так же, как и всюду - для отчета: вспахать-засеять, чтобы рапортовать о выполнении плана, а там - как «повезет». Отсюда - и результаты.

Так, на конец сентября 1942 г. скосили травостои на площади 6788 га (около 140% к заданию), а сена застоговали только 68% от запланированных объемов (4568 т). Аналогичная картина и по другим переделам сельхозработ: выполняли планы не по урожаю, а «по площадям». Картофеля накопали в том же году лишь 1140 т (при плане - 5814), овощей собрали 475 т (план - 1634), зерна намолотили 625 т (план - 2404). Правда, уборка полностью завершилась позднее (в октябре) и окончательные итоги несколько «подросли», но до установленных планом все-таки далеко не дотянули [183].

К этому следует добавить, что решением сверху крупнейший в лагере сельхозлагпункт «Зуевский» со всей его «материальной базой» (исключая часть «спецконтингента») в конце 1943 г. был передан в подчинение местным властям - областному УНКВД, и, таким образом, подсобное хозяйство Вятского ИТЛ оказалось, что называется, «у разбитого корыта»: посевные площади «съежились» более чем в 3 раза - до 1019 га, сократилось поголовье скота, в том числе свиней - в 6 раз, вымерзли и погибли яблоневые и вишневые посадки. Правда, при этом (во всяком случае, по отчетным данным) несколько увеличились надои молока и число пчелосемей, расширился список возделываемых сельхозкультур (лен, табак и др.) [184].

Другая постоянная забота лагерников (и администрации и «контингента»): как пережить очередную зиму? Хотя готовиться к новому «холодному сезону» начинали еще с весны, завершалась эта подготовка, как водится, авральным порядком. Так, в июле 1943 г. политотдел Вятлага (а он всегда функционировал на правах райкома Компартии) рассмотрел вопрос «О подготовке лагеря к зиме» и работа в этом направлении была признана неудовлетворительной: из 140 жилых бараков отремонтированы лишь 47; из больничных стационаров и амбулаторий (общим числом - 51) - только 16; из

160 домов для вольнонаемного состава - всего 38; из 23 казарм военизированной охраны (ВОХР) - 5; из 32 кухонь и столовых - 8 и т.д. Отсутствует и необходимый запас топлива, в том числе - дров [185]. А ведь первые заморозки здесь случаются уже в начале августа.

Таким образом, лагерь входил в зиму 1942-1943 гг. совершенно не готовым к ней, что и обернулось в дальнейшем самыми ужасными последствиями, прежде всего - для «спецконтингентов»: за 1942 год в Вятлаге умерли около 8000 заключенных и «трудмобилизованных» (почти 28% среднесписочного состава «спецконтингента»), за 1943 год - более 5000 человек (свыше 30%), и в значительной мере эти трагические показатели были обусловлены крайне низким уровнем коммунально-бытового обеспечения [186].

Бедственное положение и на транспорте: паровозный парк за первые годы войны предельно изношен. Средний пробег на каждый локомотив составил в 1942 г. 102 тыс. км против 40 тыс. км по норме. Возросло число аварий на железной дороге - сходов вагонов и составов с пути, загораний паровозов и т.п. [187]. Между тем, любой серьезный срыв в работе железной дороги грозил для Вятлага параличом всей его жизнедеятельности: нарушалась единственная устойчивая связь с «Большой Землей», а главное (по крайней мере - для лагерного руководства) сбивался жестко контролируемый из «центра» график вывозки древесины, ее поставок народному хозяйству. Поэтому для ликвидации прорывов на железной дороге бросали все силы и средства, в ущерб остальным, пусть и самым насущным, делам и нуждам.

Начальник Управления лагеря Н.С.Левинсон, выступая на собрании партактива ИТЛ в феврале 1943 г., назвал самые острые, с его точки зрения, проблемы Вятлага. Бытовые условия многих заключенных, - констатирует Н.С.Левинсон, - «очень плохи: нет света, тепла, сушилок, бань, матрасов на нарах. Использование рабочей силы на большинстве лагерных пунктов - просто варварское». Людей «заставляют работать до 16-ти часов в сутки», при том, что организуется все лагерное производство по-прежнему на основе примитивного физического труда - вручную, без соблюдения элементарных санитарных норм и правил техники безопасности. Продукты «разворовываются прямо со складов и кухонь», так что и без того урезанный государством паек рядовые лагерники получают еще более «похудевшим». Из-за «разутости и раздетости» чуть ли не повседневными являются случаи массового обморожения заключенных на производстве. Начальники лагпунктов, не задумываясь, водворяют в ШИЗО (штрафные изоляторы) «целые бригады, не оформляя при этом никакой документации».

Повсеместны факты «избиений заключенных представителями лагадминистрации». Некоторые «начальники лагпунктов не дают заключенным даже 8-часового отдыха. Многие работают по нескольку суток без отдыха» [188].

Административный беспредел затрагивал не только заключенных: с 10 ноября 1941 г. приказом начальника Управления рабочий день для сотрудников аппарата был увеличен на 3 часа: все обязаны, помимо основного рабочего времени, «приходить на службу с 9 до 12 часов вечера» [189].

Свирепое администрирование, жестокая потогонная система выводили из строя не только людей: за 1943 год голодом и непосильной работой загубили 75% конского поголовья [190].

Нередко говорилось о «варварском отношении к лошадям и антимеханизаторских настроениях», однако средства механизации (станки, тракторы, лесопилки) по-прежнему простаивали: лагерное начальство по привычке больше полагалось на ручной подневольный труд, оснащенный (да и то не всегда) лишь пилой и топором, а при таком подходе к делу ждать успешных производственных результатов и не приходилось.

В «центре» (НКВД и УЛЛП) делают из сложившейся ситуации свои выводы. Становится все более очевидным, что драконовские методы себя исчерпали и сама жизнь выдвигает на первый план как альтернативу чекистам-ортодоксам новый тип руководителей - умелых хозяйственников, понимающих, что путь к обеспечению производственных успехов лежит через определенное изменение отношения к «рабочей силе» - в сторону (хотя бы относительной) «гуманизации».

Об этом свидетельствует принятые НКВД СССР конкретные меры, прежде всего приказ от 8 января 1943 г. №0033 «О сохранении и улучшении физического состояния заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» [191]и приказ от 29 мая 1944 г. №00640 «О мероприятиях по дальнейшему улучшению физического состояния заключенных, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД» [192].

В частности, были несколько увеличены нормы питания заключенных: по хлебу - на 12%, по крупе - на 24%, по мясу и рыбе - на 40%, по жирам - на 28%, по овощам - на 22% (однако даже после этого увеличения нормы питания оставались ниже довоенных на 30%) [193].

Для заключенных устанавливаются 3 выходных дня в месяц, а нормы выработки - аналогичные соответствующим отраслям производства; вводятся оплата за простой вследствие неблагоприятных погодных условий, перерывы для обогрева; время, затрачиваемое на движение к объектам труда при

расстоянии сверх трех километров, включается в состав рабочего дня; предусматривается более жесткий контроль над расстановкой заключенных на работах - в соответствии с установленной категорией труда; для заключенных снижены на 25 нормы выработки, установленные для предприятий Наркомата лесной промышленности СССР, при сохранении денежного поощрения на прежнем уровне; на все категории заключенных распространяется право перевода части заработанных денег родственникам; предусматривается возможность восстановления сил в карантине - с последующим медицинским освидетельствованием и установлением категории труда; заключенным разрешается покупка на личные деньги два раза в декаду овощей, картофеля, мяса, жиров, молока, яиц, табака - на ближайших колхозных и местных рынках через специально выделенных вольнонаемных сотрудников и заключенных, отбывающих наказание за бытовые преступления; директируется дополнительное строительство коммунально-бытовых помещений и других объектов - для обеспечения потребностей заключенных; наконец, вместо ранее существовавших трех категорий физического труда введены четыре категории: годные к выполнению тяжелых физических работ, годные к выполнению работ средней тяжести, годные к выполнению легких физических работ, инвалиды (совершенно непригодные к труду) [194].

Не случайным было, надо полагать, и назначение на «первый пост» в Вятском ИТЛ полковника А.Д.Кухтикова, ранее (в 1938-1941 гг.) возглавлявшего политотдел этого же лагеря, а затем зарекомендовавшего себя рачительным и деловитым хозяйственником [195]. Уже в первой половине 1944 г. ему, посредством решительных и порой сверхжестких мер, удалось значительно оздоровить (в переносном и прямом смысле) ситуацию в лагере, а к 1945 г., то есть к концу войны, трансформировать Вятский ИТЛ в одно из ведущих (по крайней мере - по отчетным производственным показателям) среди хозяйств в системе УЛЛП НКВД СССР.

На 1 января 1945 г. в структуру лагеря входили 11 отдельных лагпунктов (ОЛП), в том числе 5 лесозаготовительных; 1 лесозаготовительный отряд (ЛЗО) - с контингентом «трудмобилизованных»; 10 неотдельных лагпунктов (в составе ОЛП и ЛЗО), в том числе 6 лесозаготовительных; 7 временных спецкомандировок; всего - 29 отдельных подразделений [196].

Общий количественный состав спецконтингента остался практически неизменным, о чем свидетельствуют нижеследующие данные [197]:

Таблица 1

Состав работающих «спецконтингентов» Вятлага

	Всего	В том числе по категориям (кат.) трудопригодности					
		1-й кат. (ТФТ)	2-й кат. (СФТ)	3-й кат., подл труду (ЛФТ)	3-й кат., не подл. труду (НРСС)	4-й кат. (инвалиды)	Без кат.
1. Заключенные: по состоянию на 01.01.44	11.979	371	898	4.648	-	3.523	2.539
по состоянию на 01.01.45	13.140	968	2.940	5.293	1.063	2.677	209
2. Мобилизованные немцы: по состоянию на 01.01.44	3.891	252	373	1.730	-	89	1.447
по состоянию на 01.01.45	2.907	213	1.140	1.314	72	99	69
Итого по состоянию на 01.01.44	15.870	623	1.271	6.378	-	3.612	3.986
по состоянию на 01.01.45	16.047	1.171	4.080	6.607	1.135	2.776	278
В процентах (на 1.01.45)	100,0	7,3	25,4	41,2	7,1	17,3	1,7

Помимо собственных «контингентов», как уже отмечалось, Вятлаг использовал с 1944 г. «рабочую силу» военнопленных, предоставлявшуюся ему со стороны спецлагеря УПВИ-ГУПВИ НКВД СССР №101. Для содержания «обезоруженных вражеских военнослужащих» этому спецлагерю было выделено 6 лесных подразделений с общей полезной жилой площадью 7600 кв. м, нормативно обеспечивающей размещение до 4000-5000 чел. [198].

Однако опыт годичной работы показал, что «рабочая сила военнопленных не может служить твердой базой для основной производственной работы» лагеря [199]. Так, в первом квартале 1944 г., «несмотря на 100-процентное насыщение военнопленными всех переданных лагерю №101 подразделений, средний выход военнопленных на работы Вятлага определялся в 400 человек, во втором квартале - 700 человек, в третьем - 1460 человек, а к декабрю 1944 г. вновь упал до 450 человек… При этом производительность труда военнопленных на основных работах составляла лишь 30-40% от действующих норм» [200].

Наглядно иллюстрируют влияние «рабочей силы военнопленных» на уровень производительности труда в целом по лагерю следующие данные за 1944 г. [201]:

Таблица 2

Производительность труда в Вятлаге (1944 г.)

	Плановые нормы (в куб.м)	Фактическое ыполнение (в куб.м)
Заготовка леса:		
- по всем контингентам Вятлага	2,37	2,68
- по военнопленным	2,37	1,03
Итого:	2,37	2,32
Разделка древесины		
- по всем контингентам Вятлага	2,29	2,78
- по военнопленным	2,29	1,74
Итого	2,29	2,69

Таким образом, при исключении объемов работ, выполненных военнопленными, и соответственно затрат этой категории «рабсилы», выполнение плановых норм по названным производственным переделам исчисляется в 100,6% [202].

Выполнение лагерем производственной программы 1944 г. по всему комплексу основных видов работ составило 135%, в том числе [203]:

Таблица 3

Выполнение производственной программы Вятлага (1944 г.)

Факты производства	Плановая цена 1 куб.м (руб.)	План		Отчет		Процент выполнения
		Кол-во (т. куб.м)	Сумма (тыс. руб.)	Кол-во (т. куб.м)	Сумма (тыс. руб.)	
Заготовка леса	7,96	620	4.935	928	7.387	149,6
Подвозка конная	10,87	150	1.555	172	1.784	114,6
Подвозка ручная	3,54	50	177	119	421	237,6
Итого по подвозке (трелевке) леса	8,66	200	1.732	291	2.205	127,3
Вывозка древесины:						
- по рац. дорогам	10,94	450	4.923	533	5.831	118,4
- по обычным дорогам	15,42	100	1.542	204	3.146	204,0
- по УЖД	9,15	90	823	138	1.263	153,3
- тракторная	-	-	-	1	24	-
- автомобильная	34,60	10	346	5	173	50,0
- ручная	-	-	-	67	186	-
Итого по вывозке:	11,74	650	7.634	948	10.623	139,1
Разделка древесины:						
- балансов	19,20	60	1.150	56	1.075	93,3
- рудничной стойки	13,52	25	338	34	460	136,0
- дров	6,50	200	1.300	250	1.625	125,0
Итого по разделке:	9,79	285	2.790	340	3.160	119,3
Шпалопиление	46,38	10,5	487	12,6	576	118,0
Шпалы (тыс. шт.)	45,41	80	363	100,7	457	125,9
Лесопиление	54,10	60	3.246	93	5.031	155,0
Всего:	-	-	23.967	-	32.372	135,0

Выполнение плана в 1944 г. достигнуто не только в части общих объемных показателей, но также и по всем важнейшим сортиментным заданиям, в первую очередь - по специальным сортиментам (на 110,0%) и по качественным пиломатериалам - на 114,0% [204].

Достигнуты некоторые подвижки в деле механизации основного производства. Так, фактический объем механизированной вывозки древесины в 1944 г. увеличен по сравнению с 1943 г. в 9 раз [205], хотя, конечно, здесь нужно иметь в виду крайне низкий исходный уровень (всего 0,6%) [206].

О состоянии производительности труда на основном производстве лагеря в 1944 г. дают самое общее представление показатели выработки на одного рабочего (приводятся в неизменных ценах 1926-1927 гг.): фактически в 1943 г. она составила 2181 руб., в 1944 г. планировалась в размере 2354 руб., а реально достигла 2468 руб., или 104,8% к плану и 113,2% к уровню 1943 г. [207].

Таблица 4

Выполнение комплексных плановых норм (на человеко-день) [208]

	План (куб.м)	Фактически (куб.м)
Заготовка леса	2,37	2,32
Подвозка хлыстов	3,20	3,36
Вывозка: - по рациональным дорогам	2,52	1,94
- по обычным дорогам	1,85	1,41
- ручная	-	4,70
- механизированная	2,88	2,72
Разделка древесины	2,29	2,69
Лесопиление	1,00	1,40
Шпалопиление	1,10	0,94
Специальная тара	0,21	0,34
Теска ружейной болванки (шт.)	10,3	11,0
Теска ствольной накладки (шт.)	26,0	125,0
Клещевая болванка (пар)	2,12	2,64

Из отчетных данных следует, что положительные объемные результаты производственной деятельности лагеря достигнуты за счет сверхнормативного использования рабочей силы. Так, по всему комплексу работ на фактически выполненный их объем требовалось затратить (по плановым нормам) 1182000 человеко-дней. Фактически же затрачено 1227000 человеко-дней, то есть эти плановые нормы перекрыты на 3,8%, а

реальное выполнение норматива производительности труда составило лишь 96,3% и общий перерасход средств по «рабочей силе» выразился в сумму 168 тыс. руб. [209].

Зафиксировано также удорожание списочного человеко-дня и «денежного поощрения спецконтингента», однако (и в этом один из парадоксов лагерной «экономики») это удорожание «перекрыто в значительной части достигнутым улучшением трудоиспользования: вместо планового процента по группе «А» (вывод на оплачиваемые работы) 68,0 - фактический процент использования составил 71,8» [210], а «общая экономия по всем видам продукции за 1944 г. достигла 5,6 млн. руб.», причем «снижение себестоимости продукции против плана выразилось в 11,5% и против себестоимости 1943 г. - в 11,0%» [211].

Сальдо непроизводительных расходов и доходов показало превышение последних на сумму 111 тыс. руб., что, в свою очередь, позволило уменьшить коммерческую себестоимость товарной продукции на 2,307млн. руб. [212]. В то же время общий перерасход лагерной сметы за 1944 г. составил 1,376 млн. руб. [213]. 13,7% этой суммы, или 189 тыс. руб., приходятся на продовольственное обеспечение: для снабжения лагеря в этом году были получены дорогостоящие продукты - импортные мясные консервы, яичный порошок, сухие овощи и др., которые выдавались (по установленным эквивалентам) взамен заложенных в смете продуктов, вследствие чего стоимость фактически выданного лагерю продовольствия обошлась на 1010000 руб. дороже сметной. Таким образом, лагерь фактически недорасходовал по статье «Продовольствие» 821 тыс. руб., или по 16,5 коп. на списочный человеко-день [214].

Но преобладающая часть перерасхода лагерной сметы (732 тыс. руб., или 53,2%) приходится на статью «Вещевое довольствие». Основная причина (по версии лагерной администрации) заключается в том, что «на протяжении 1944 г. лагерь вещдовольствием в своей основной массе снабжался за счет воинского утиля, который требовал значительных затрат на свое восстановление, а, кроме того, в носке совершенно не практичен, очень часто должен ремонтироваться, что и привело к перерасходу» [215]. В определенной мере с этим объяснением можно согласиться, если учесть, что лагерю пришлось заниматься практически самообеспечением и по этой части, включая изготовление простейшей обуви и лаптей.

Значительный перерасход имеет место и по сметной статье «Коммунально-бытовое обслуживание»: 388 тыс. руб., или 28,2% - из-за

повышенных расходов на эти цели, предпринятых новым руководством лагеря («во исполнение приказа №00640 НКВД СССР» [216], а также «в связи с … повышенным расходованием топлива», поскольку «из-за отсутствия оконного стекла в жилых помещениях лагеря в своей основной массе окна одинарные» [217] (и это при нередких 30-40-градусных морозах).

Имеется, правда, и незначительная экономия сметы - по статье «Административно-управленческие расходы», но происхождение у них весьма сомнительное и объясняется «недокомплектом вольнонаемного персонала и заменой его составом заключенных» [218].

Перерасход (в 22 тыс. руб.) допущен и по фонду заработной платы: при смете 2,037 млн. руб. фактически выплачено 2,059 млн. руб. Руководство лагеря объясняет это тем, что «сотрудникам Управления была выплачена непредусмотренная сметой премия в сумме 47 тыс. руб.» - за выполнение плана по спецсортиментам деревообработки (авиафанерным балансам и авиасосне), что было сделано «на основании постановления ГКО», и «с учетом этого фактора фонд зарплаты за 1944 год дает экономию – 25 тыс. руб.) [219].

Имеющийся перерасход по статьям «Командировки» (115000 руб.) и «Содержание легкового автотранспорта» (20 тыс. руб.) «получился», по мнению того же руководства ИТЛ, «вследствие необходимости несколько повышенных разъездов работников лагеря в связи с перевыполнением производственных планов лагерем в 1944 г.» [220], а по статье «Содержание зданий» (18 тыс. руб.) - из-за «необходимости повышенного ремонта и оборудования всех зданий Управления лагеря, а также значительного улучшения их коммунального содержания (отопление, освещение, уборка, очистка и т.д.)» [221].

Еще 154 тыс. руб. непроизводственных расходов в основном (на 138 тыс. руб., или на 89,6%) образовались «из-за порчи лесопродукции, находящейся в зоне затопления еще с 1938 г., при строительстве Особого завода №4», то есть Кайского целлюлозного завода, который к 1944 г. уже был выведен из сферы ответственности Вятлага [222].

Финансовое положение лагеря на 1 января 1945 г. характеризуется следующими основными данными.

Актив: основные средства – 34,964 тыс. руб.; целевые расходы – 2,787 тыс. руб.; убытки – 15,506 тыс. руб.; перерасход по целевым расходам – 168 тыс. руб.; норматив оборотных средств – 28,752 тыс. руб.; итого – 77,187 тыс. руб. Пассив: фонд хозяйства – 76,061 млн. руб.; устойчивые пассивы – 200

тыс. руб.; недостаток оборотных средств – 926 тыс. руб.; итого – 77,187. млн. руб. [223]. Дебиторская задолженность – 22 тыс. руб., кредиторская задолженность – 114 тыс. руб. [224]. Фактический остаток нормируемых средств – 24,898 млн. руб., что выше установленного норматива на 1,131 млн. руб., или на 4,5% [225].

Таким образом, война, принеся в Вятский ИТЛ, как и в другие подразделения карательно-исполнительной системы, с одной стороны, голод, холод и, как следствие, - беспрецедентно высокий уровень смертности среди «спецконтингентов», добавив немало дополнительных нелепостей в лагерную обыденность, с другой стороны, все-таки заставила более высоко ценить подневольную «рабочую силу» - как главный источник гулаговской «прибыли». Такая метаморфоза не имела никакого отношения к категориям гуманности. Она объяснялась весьма прагматическими соображениями, и прежде всего - острой нехваткой этой самой «рабочей силы».

Вместе с тем, было бы некорректным игнорировать тот факт, что рядовые невольники в большинстве своем вполне «восполняли» даже такого рода псевдозаботу - своим каторжным трудом они и в невыносимо тяжелых военно-лагерных условиях практически на всех переделах выполняли производственные задания, причем как по объемным, так и качественным показателям.

Свидетельство одного из них - архангелогородца Ивана Яковлевича Проурзина, бывшего секретаря Ненецкого окружного комитета ВКП(б), приговоренного в 1938 г. по пунктам 7 и 11 ст.58 УК РСФСР («контрреволюционное экономическое вредительство» и «контрреволюционная деятельность») [226] к 25 годам заключения (освобожден и реабилитирован в 1954 г.):

«...Самыми тяжелыми (в Вятлаге. - Н.Б.) для меня были годы Отечественной войны. Угнетали не материальные лишения, а осознание своей отрешенности от активного участия в обороне Родины от фашистского нашествия. На троекратные просьбы о посылке на фронт получил отказ. Не желая оставаться в стороне от великого долга, я решил своим трудом помогать фронту и пошел работать лесорубом. И пошел не один. У нас создалась бригада лесорубов-рекордистов, принявшая обязательство и сдержавшая слово - давать ежедневно двойную выработку. Все годы войны бригада отработала в лесу, не нарушив своего слова. По ее примеру в Вятском лагере развернулось широкое движение за высокую выработку, выдвинувшее этот лагерь в число передовых лесных лагерей в те военные

годы. На мою долю приводится около 12 млн. куб.м. древесины, заготовленных в те годы моим трудом...» [227].

И действительно, если верить отчетным данным, заключенные Вятлага выполняли плановые нормативы производительности труда и на заготовке (около 3 куб.м. в день), и на подвозке (трелевке), и на вывозке леса, и на разделке заготовленной древесины.

Среди «мобилизованных» немцев имелись лесозаготовительные бригады «двухсотников» и «трехсотников» (тех, кто выполнял производственные нормы на 200-300%) [228].

В сельском хозяйстве те же немцы-«трудармейцы» (в основном женщины»), отличавшиеся по своей ментальности основательностью и добросовестностью, с младых лет владевшие вековыми земледельческими навыками, и на кислых, тощих кайских почвах добивались невиданных в этих краях результатов.

Так, Рау М.М., «звеньевая высокого урожая сельхоза №2, на закрепленной площади вырастила в 1945 г. урожай картофеля с 3,4 га по 27,3 т с гектара, а с рекордного участка 0,23 га - 38,3 т с гектара; капусты - с 2,3 га по 23 т с гектара…» [229]. Орт И., звеньевая того же сельхоза «на закрепленной площади в 1945 г. вырастила урожай: картофеля - с 5,5 га по 18,4 т с гектара, капусты - с 2,5 гектара по 40 т с гектара, а с рекордного участка 0,47 га - 64,3 т с гектара» [230].

Особым прилежанием в труде отличались и уцелевшие в лагере прибалты. Как свидетельствует очевидец, русский, долгие годы живший в Эстонии и основательно изучивший ее народ, «…нисколько не удивляло … сознательное отношение к труду эстонцев, даже в условиях лагерной жизни. Отказчики из них были редким исключением. Их не приходилось подгонять, убеждать работать, отгонять от костра. Пока хватало сил, они трудились с полной отдачей. В тюрьму они пришли рослые, упитанные, здоровые и сильные, привыкшие питаться обильной и сытной пищей, основу которой составляла свинина, картофель, молочные продукты. Переход, да еще такой резкий, на пищу «Святого Антония», сразу же сказывался на организме эстонцев. Они быстрее любого русского, привыкшего постоянно недоедать и питаться кое-как, превращались в «фитили», становились в ряды дистрофиков и погибали. Лагерное же начальство не могло не обратить внимания на трудолюбие эстонцев, свойственную этой нации исполнительность и аккуратность в выполнении порученного задания» [231].

Несомненно, однако, и то, что лагерников в военные годы эксплуатировали гораздо интенсивнее: эта фантастически дешевая «рабсила» пришлась в лихолетье как нельзя кстати и казалась государственно-партийной номенклатуре чрезвычайно выгодной (во всяком случае - более выгодной, чем в условиях мирного времени). Цена этим «администраторским иллюзиям» известна, и в лагерях она проявилась с предельной наглядностью: если изможденные лошади («гужевая сила») «плана не давали», то не менее измордованные люди («исполнители программы») свои трудовые задания выполняли и перевыполняли. Правда, теперь уже практически невозможно установить, сколько в этих отчетах «заряжено туфты», то есть приписок на всех стадиях производства - от низовой «зековской» бригады до лагерного Управления. Ведь если доверять приведенным цифрам, то получается, например, что на трелевке (подвозке) хлыстов на лесосеке один заключенный (при среднем расстоянии подвозки-трелевки в 40-50 м) вручную «тянул» в полтора раза больше лошади [232].

Примечательно также, что, несмотря на чудовищные условия содержания в военные годы, каких-либо попыток организованного сопротивления властям среди заключенных в Вятлаге не зафиксировано. Хотя в некоторых лесных лагерях (Усольском, Ныробском, Нижне-Амурском, Сибирском, Унженском, Усть-Вымском, Онежском, Красноярском и других) такого рода явления имели место среди отдельных (в том числе национальных) категорий «спецконтингента». Всего за 1941-1945 гг. в Гулаге были «выявлены» 603 «антисоветские организации и группы» с участием в них 4640 человек [233]. Дела о «подпольных антисоветских организациях» разрабатывались и оперативно-чекистским отделом Вятлага: «группа Улманиса-Зариня» [234], «группа немцев-эмигрантов» (6 человек, все приговорены к расстрелу) [235], «группа Панина» (28 человек, все подвергнуты длительным дополнительным срокам лишения свободы) [236] и т.п. Однако обвинения при этом были явно «натянутыми» и не имели объективной доказательной базы [237].

Дополнительным моральным стимулом для лагерников в заключительный военный период являлись победы, одерживаемые Красной Армией. Они вселяли в них надежду на скорое окончание войны. Многие из заключенных надеялись на то, что после победы будет «большая амнистия». Об этом говорили все, вплоть до лагерного начальства, которое на производственных и бригадных собраниях убеждало нерадиво трудившихся «подтянуться», «давать лучшую выработку» с тем, чтобы «попасть под

амнистию», ибо она «коснется только хорошо работающих». В то время в лагерях бытовали крылатые фразы: «Когда кончится война - лагерям будет хана!», или «Когда кончится война - всех распустят по домам!» [238].

Как вспоминает узник Вятлага тех лет С.В.Рацевич, «…солнечным весенним утром 9 мая 1945 г. лагерь жил обычной рабочей жизнью. Большинство заключенных было в лесу на заготовке леса. В лагере оставались рабочие мастерских, лагерные «придурки» (обслуга. - Н.Б.)… Неожиданно, словно электрический разряд, по лагерю разнеслась весть: «Война закончилась! Фашистская Германия побеждена! Победа!!!» Выскочившие из бараков и кричащие от радости заключенные, побежали почему-то по направлению к КВЧ (культурно-воспитательной части. - Н.Б.), видимо, ожидая там получить дополнительную информацию и разъяснения. Были объятия, поцелуи, слезы радости. В понимании заключенных весть о победном окончании войны ассоциировалась с давно ожидаемой амнистией…» [239]. Для подавляющего большинства лагерников этим надеждам не суждено было осуществиться.

Тем не менее, окончание войны Вятский ИТЛ встретил как стабильно функционирующая карательно-исполнительная и производственная структура, нацеленная на адекватное исполнение всего комплекса поставленных перед нею задач.

1.3. Лагерная экономика в послевоенный период (1946-1953 гг.)

В послевоенные годы, в период восстановления страны, когда спрос на древесину существенно вырос, лесные лагеря, слегка видоизменив свою структуру, оставались по-прежнему громадными полигонами подневольного труда. Без такой мощной экономической опоры режима, как Гулаг, советское руководство не мыслило восстановления «народного хозяйства» страны, выполнения «планов 4-й пятилетки», «укрепления обороноспособности СССР» и вновь появившихся «стран народной демократии».

Это было время, когда Гулаг и его неотъемлемую часть УЛЛП-ГУЛЛП вновь стали «закармливать» бесправной «рабсилой».

В значительной степени послевоенный приток в гулаговские подразделения и структуры состоял из бывших военнопленных-красноармейцев, перемещенных непосредственно из нацистских концлагерей в советские «исправительно-трудовые» лагеря.

Немалую часть нового пополнения Гулага составляли также советские граждане, вывезенные из Центральной и Западной Европы, которые

оказались там, в силу разных обстоятельств: одни - угодили под германскую «трудовую мобилизацию», другие - сотрудничали с оккупантами и вместе с ними ушли за границу.

Сотнями тысяч пошли после войны в лагеря и так называемые «повторники», то есть люди, уже когда-либо отсидевшие: как правило, это были политзаключенные - «контрреволюционеры», «58-я статья». Их направляли на отдельные или специальные лагерные пункты с более строгим режимом и до предела (даже по гулаговским меркам) ограничивали в правах. Отбывших свой «срок наказания» либо оставляли в тех же самых лагерях «до особого распоряжения», либо отправляли в ссылку - в «места, еще более отдаленные» (в Сибирь и на Крайний Север). Таким нехитрым способом, по замыслу властей, предполагалось (в том числе - репрессиями за «контрреволюционные преступления») обеспечить максимально полную изоляцию «инакомыслящих» или даже склонных к «инакомыслию» от общественной и политической жизни страны.

В то же время в лагерях, особенно - после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни» [240], нарастала тенденция усиления роли и влияния уголовников-рецидивистов, так называемого «уголовно-бандитствующего элемента». В зонах начался настоящий уголовный террор, породивший свирепые междоусобицы между криминальными группировками разных «мастей». Государство же своими мерами, преимущественно - указами Президиума Верховного Совета, заключало под стражу новые и новые сотни тысяч людей.

Только два таких указа от 4 июня 1947 г. - «Об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении уголовной ответственности за хищение личного имущества граждан» [241] - дали Гулагу пополнение «спецконтингента» на много лет вперед. Эти указы на практике означали тотальный террор против всех работающих граждан. Даже репрессии 1936-1938 гг. дали меньше заключенных советской лагерной системе, чем два названных указа [242]. Необходимо отметить, что репрессированные в соответствии с ними люди проходили по гулаговской статистике как уголовники (то есть - не «политзаключенные»), хотя, подобно подвергнутым лишению свободы по постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» («закону о колосках») [243], а также по другим, не менее свирепым карательным актам,

и формально-юридически, и де-факто «уголовным элементом» не являлись. Власть изощренно изобретала все новые категории заключенных с чисто утилитарной целью - чтобы Гулаг не обезлюдел.

В 1948 г. всех политзаключенных в очередной раз «перетряхивают» и часть из них отправляют во вновь созданные «особлаги» - «лагеря особого режима» (постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. №416-159сс «Об организации лагерей и тюрем со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников и о направлении их по отбытии наказания на поселение в отдаленные местности СССР» [244], соответствующие приказ МВД СССР от 28 февраля 1948 г. №00219 [245] и совместный приказ МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР от 16 марта 1948 г. №00279/00108/72сс [246] . Поскольку руководство Гулага в центре и на местах уже не могло справиться с засильем уголовников-рецидивистов, для них с 1948 г. учреждаются отдельные лагпункты (ОЛПы) строгого режима (приказ МВД СССР от 31 декабря 1948 г. №001516 «Об организации специальных лагерных подразделений строгого режима в ИТЛ МВД и УИТЛК МВД-УМВД» с приложением «Инструкции о порядке содержания заключенных в специальных лагерных подразделениях строгого режима» [247]. Однако (и закономерно) они вскоре становятся совершенно неуправляемыми. Доходило до того, что лагерная администрация просто боялась в них появляться. В апреле 1951 г. министр внутренних дел СССР С. Круглов приказал дела об убийствах или покушениях на жизнь сотрудников ИТЛ передавать на рассмотрение военных трибуналов войск МВД, которым предписывалось привлекать совершивших эти уголовные преступления по «политической» статье - 58-8 (террор), с назначением «высшей меры наказания» (приказ МВД СССР от 6 апреля 1951 г. №00169); примечательно, что убийств заключенными своих солагерников это приказание не касалось [248].

13 января 1953 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях» [249]. Но к этому времени уголовный мир уже «повалил» советскую власть в лагерях и отдавать свое верховенство не собирался. Гулаг стал неуправляемым изнутри. В полной мере это относится и к Вятлагу.

Из архивных документов тех лет можно отчетливо представить послевоенную структуру этого лагерного комплекса.

Таблица 5

Дислокация Вятского ИТЛ МВД СССР
(по состоянию на 1-е марта 1947 г.) [250]

№№ п/п	Наименование подразделения	Местонахождение	Направление деятельности	Программа на 1947 г. (тыс. куб.м)	Число подчиненных подразделений
1	3 ОЛП	Станция Малый Созим	Лесозаготовка	165	5
2	5 ОЛП	Станция Лесная	Лесозаготовка	16	-
3	6 ОЛП	Станция Брусничная	Лесозаготовка	40	-
4	9 ОЛП	Ж.д. ветка Мурис	Лесозаготовка	130	-
5	12 ОЛП	Ж.д. ветка № 15	Лесозаготовка	122	-
6	13 ОЛП	Станция Раздельная	Лесозаготовка	120	4
7	15 ОЛП	Ж.д. ветка № 10	Лесозаготовка	140	2
8	16 ОЛП	Гидаевская ж.д. ветка	Лесозаготовка	170	-
9	17 ОЛП	Станция Има	Лесозаготовка	110	-
10	18 ОЛП	Ж.д. ветка № 7	Лесозаготовка	142	-
11	2 лагпункт	Станция Сорда	Ширпотреб	-	-
12	4 лагпункт	24 км ж.д.	Цент. больница	-	-
13	7 лагпункт	34 км ж.д.	Ширпотреб	-	-
14	8 лагпункт	Кайская ж.д. ветка №5	Ширпотреб	-	-
15	Совхоз № 1	Станция Лесная	С/хозяйство	119 га	-
16	Совхоз № 2	Пос. Старцево	С/хозяйство	169 га	1
17	Совхоз № 3	Камская ж.д. ветка	С/хозяйство	353 га	1
18	Совхоз № 4	Станция Фаленки	С/хозяйство	967 га	1

Лагерь дислоцируется в 350 км от областного центра (г.Киров) и в 52 км - от центра Кайского района (с.Лойно). Управлению ИТЛ подчинено 15 отдельных лагпунктов (ОЛПов), 5 лагпунктов и 6 подкомандировок - всего 26 лагерных подразделений. Из них: лесозаготовительных - 11, деревоперерабатывающих (в том числе, в соответствии с новыми веяниями, производящих так называемый «ширпотреб» - товары народного, или «широкого», потребления) - 3, сельскохозяйственных - 7, больничных (так называемых «сангородков») - 2. Главное производство для лагеря - лесопромышленное (заготовка древесины, ее первичная переработка и отгрузка-отправка по железной дороге) [251].

На 1 января 1947 г. в Вятлаге содержится: заключенных - 16499; военнопленных - 2793 (немцы, австрийцы, румыны, венгры, итальянцы, размещены и трудоиспользуются отдельно от заключенных); спецпоселенцев - 1612; всего «спецконтингента» - 20904 чел. [252]. За 1947 г. в лагерь прибыли 13775 заключенных, убыли - 9549 чел. (заключенных - 5437, военнопленных - 2.793, спецпоселенцев - 1319) [253]. Значительная убыль «спецконтингента» с избытком перекрывается еще более «весомым» его новым поступлением: на 1 января 1948 г. списочный состав «лагнаселения»

достигает уже 25130 человек (24837 заключенных и 293 спецпоселенца) [254]. Вместе с тем, как свидетельствуют те же учетные данные, за 1947 г. лагерный «контингент» обновился почти на две трети. Иными словами, Вятлаг, как и другие аналогичные лагерные комплексы Гулага, становится своего рода «проходным двором».

Физическое состояние вновь прибывшего из тюрем и других ИТЛ пополнения было далеко не удовлетворительным. Лагерному «основному производству» требовались «исполнители программы», пригодные к тяжелому физическому труду (ТФТ) и, в первую очередь, на лесоповале, а таковых в новом пополнении значилось всего лишь 1,7%. Остальной вновь прибывший в лагерь «контингент» с «производственной» точки зрения представлял собой картину удручающую: годных к физическому труду средней тяжести (СФТ) в нем насчитывалось - 23,6%; пригодных к легкому физическому труду - 52%; годных к легкому индивидуальному труду (ЛФТ) - 12,4%; инвалидов, вообще непригодных к физическому труду, - 10,4% [255]. Физические силы нации истощены тяжелейшей войной и голодом 1946-1947 гг., да и тюремный режим здоровья не добавлял. Примечательно также, что примерно 20% лагерного пополнения составляли уроженцы южных регионов страны. Понятно, что они, как сетуют вятлаговское руководство, «тяжело переносят суровый климат севера» [256]. Этот «контингент» (по той же оценке) «является нестойким, быстро слабеет, деградирует и теряет трудоспособность». Гибель его представляется руководству Вятлага «неизбежной» [257].

Конечно, были в 1947 г. и те, кому повезло освободиться из-под стражи: таких насчитывается 3971 человек. Основная их часть «выпущена на свободу» в связи с окончанием «срока наказания», однако 500 человек - это так называемые «актированные», то есть больные и инвалиды, которых просто «списали» из лагеря, чтобы они своей «неизбежной» гибелью в зоне (до формального освобождения) не портили отчетную статистику [258].

По состоянию на 1 января 1948 г., в общем числе заключенных Вятлага (24837 чел.) наличествует: мужчин - 19367 (78%), женщин - 5470 (22%) [259]. Годных к труду на производстве (тяжелому, среднему и легкому) - около 60% от всего состава «контингента» (учитывая при этом, что 36% из них пригодны именно к легкому труду) [260]. Вятлаг, как и другие лагеря страны, переполнен инвалидами: их - 28,6% (то есть более четверти) от всех заключенных [261]. Это, как правило, тяжелобольные люди («доходяги»), совершенно не способные трудиться и обреченные на гибель (чаще всего -

скорую). Лагерный конвейер по «производству» и «утилизации» инвалидов действовал бесперебойно.

«Постатейный» срез «лагерного населения», его уголовно-криминальные характеристики свидетельствуют о том, что уголовников-профессионалов («воров», «блатных» и близких к ним криминальных категорий, так называемых «мастей»), доставлявших немало забот и угроз не только для администрации, но и для других заключенных, в Вятлаге образца 1947 г., в общем-то, не так уж и много - около 5000 человек (менее 20,5%) [262]. Более детальный анализ «постатейного состава» заключенных, содержавшихся в Вятском ИТЛ на 1 марта 1948 г., приведен в нижеследующей таблице, в начале которой перечисляются «политические» составы обвинений, затем - общеуголовные, по мере «снижения» их «тяжести» [263].

Таблица 6

Обвинения заключенных в Вятском ИТЛ на 1 марта 1948 г

Составы обвинений	Общее число заключенных	%
1. За измену Родине, террор и террористические намерения	4332	17,4
2. За контрреволюцию, саботаж и вредительство	1790	7,0
3. За участие в антисоветских заговорах	840	3,5
4. За политический бандитизм	363	1,5
5. За антисоветскую агитацию	2068	8,0
6. За прочие «контрреволюционные преступления»	278	1,1
Итого осужденных за «контрреволюционную» деятельность	9619	38,5
7. За вооруженный разбой и бандитизм	2026	8,0
8. Воры-рецидивисты	868	3,5
9. Имущественные преступления (статьи 162-178 УК РСФСР)	3390	13,5
10. Скотокрады	390	1,5
11. Воинские преступления	1058	4,0
12. По «закону» от 07.08.1932 г.	1008	4,0
13. За должностные хозяйственные преступления	1347	5,5
14. По Указу ПВС СССР от 26.12.1941 г.	832	3,5
15. По Указам ПВС СССР от 04.06.1947 г.	2192	8,5
16. Прочие преступления	2112	8,0
Итого осужденных за уголовные преступления	**15218**	**61,8**

Расконвоированных («имеющих право передвижения без конвоя») заключенных в лагере - около 3000 человек (11,7% общего списочного состава): это в основном так называемые «бытовики» (1661 чел.), а также «политические» (с относительно «легкими» статьями УК РСФСР - 58-10 и 58-11) - 554 чел. [264].

По данным на конец 1947 г., выполняют и перевыполняют производственные нормы 64% от общего числа работающих заключенных,

не выполняют норм соответственно 36%. Зафиксированы за тот же год 4612 случаев отказов от выхода на работу [265]. Это - крайне болезненная и хроническая проблема для лагерной администрации, с той или иной степенью остроты стоявшая перед ней на всех этапах существования Гулага.

Основные параметры жилищно-бытовой инфраструктуры Вятлага второй половины 1940-х гг. (данные за 1947 г.): жилых бараков - 177, кухонь - 24, столовых - 19, пекарен - 22, стационарных лечебных помещений - 55, дезокамер - 23; жилая площадь бараков – 33 тыс. кв.м, то есть на одного заключенного ее приходилось 1,5 кв.м (при среднегулаговской норме - 2 «квадрата»), и такая переуплотненность являлась (помимо всего прочего) следствием значительного превышения лимита наполняемости лагеря («лимита мест» в нем): плановый норматив - 17740, фактическое наличие - почти 25 тыс. заключенных, то есть лагерь переполнен почти в полтора раза [266], и такое положение было тогда характерным для подавляющего большинства ИТЛ-ИТК страны. Бараки в зонах оборудованы нарами так называемой «вагонной» системы и сушилками для одежды (последние - для работающих на «основном производстве» были жизненно необходимы). В 1948 г. планировалось построить еще 4 тыс. кв.м лагерной «жилой площади», но сооруженные авральным методом каркасного типа бараки быстро ветшали - их необходимо было постоянно ремонтировать, а руки до этого, как водится, не доходили [267].

Что касается интендантского обеспечения, то хлебопродукты и крупяные изделия Вятлаг (по нарядам Управления снабжения ГУЛЛП) получал в 1947 г. бесперебойно, а вот вместо жиров (по указанию сверху) в рацион заключенных включили жмых (выжимку из семян подсолнечника при производстве из них масла). Калорийность пищи крайне низка. К тому же продовольствие для лагерников завозилось неравномерно, поэтому крупы нередко приходилось заменять овощами, мясо - рыбой и так далее (все это, разумеется, в сторону удешевления, а значит - ухудшения) [268].

Вещевого довольствия, то есть одежды для заключенных, тоже явно недостаточно. Так, обеспеченность «спецконтингента» на 1 января 1948 г. составляла (к нормативной потребности): телогрейками - на 66%, валенками - на 60%, обувью летней - на 45%, одеялами - на 62%, простынями - на 14%, матрацами - на 41%, платьями женскими - на 27%. И улучшения не предвиделось: поставки из «центра» были расписаны на годы вперед, а при помощи «местных ресурсов» здесь мало что можно было изменить [269].

Медико-санитарное состояние лагеря оценивалось вятлаговским руководством как сложное, поскольку «острый недостаток вещдовольствия (половина заключенных раздета и разута - Н.Б.) в течение всего 1947 г. вызвал рост деградации лагерного населения и понижение его физического профиля» [270]. «Забалансовый контингент» заключенных на 1 марта 1948 г. насчитывал 6872 человека - это инвалиды, непригодные к какому-либо труду [271]. Понятно, что руководство Вятлага и производственных лагподразделений стремится любыми путями избавиться от этой «обузы» - ведь и без того при плане «основного производства», рассчитанном на 17,5 тыс. полноценных работников, фактически их имелось в лагере лишь 14848 человек (84,8%), да и те - «ухудшенного качества» [272].

Вследствие высокой заболеваемости «рабсилы» соответственно велики и потери рабочего времени: в течение всего 1947 г. ежемесячно признавались больными (помещались на стационарное лечение либо амбулаторно «обслуживались» лагпунктовскими медиками) от 5,9 до 7,6% заключенных (и есть все основания полагать, что реальное число больных гораздо более значительно) [273]. Наивысший уровень заболеваемости приходится на март, наиболее низкий - на февраль-март [274].

За 1947 г. в лагере умерло 490 заключенных, из них от болезней - 391, в том числе от туберкулеза - 181, от дистрофии - 22, от воспаления легких - 57, от сердечнососудистых заболеваний - 64, от бытовых травм - 35, от производственных травм - 20 человек [275].

Что касается персонала лагеря, то в 1947 г. он состоит из сотрудников ВОХР (военизированной охраны), кадрового (аттестованного) состава и вольнонаемных работников.

В военизированной охране к началу 1948 г. служат 682 человека. Среди них 47 офицеров, а также 14 сержантов, занимающих офицерские должности. Самоохрана (из числа заключенных) составляет 717 человек. Вакантными по должностям личного состава ВОХР остаются 188 штатных единиц, и это дает основания полагать, что с комплектованием этой службы в Вятлаге дела обстоят далеко не просто [276]. Поэтому руководство ИТЛ проявляет об охранниках особую заботу, применяя к ним «различные формы морального и материального стимулирования», уделяет внимание и бытовым нуждам подчиненных. Так, учитывая, что 378 стрелков и командиров охраны имеют семьи, лагерная администрация выделила им по 10 соток земли под посадку картофеля [277]. Впрочем, и взыскания, наложенные на охранников за различные дисциплинарные проступки также многочисленны и

разнообразны: нравственно-психологическая атмосфера в подразделениях ВОХР была отнюдь не на «высоте предъявляемых требований», хотя и сами эти требования зачастую имели лишь формальный, начетнический, двусмысленный характер [278].

Штаты вольнонаемного лагерного персонала в послевоенные годы заметно раздулись. На 1 января 1947 г. Вятлагу полагалось по штатному расписанию уже 4710 единиц вольнонаемного состава. Однако фактически замещена лишь 2381 должность (50,6%), а некомплект перекрывается апробированным способом - из «спецконтингента», среди которого имелись люди самых разных специальностей [279]. Так, 1463 недоукомплектованных должности вольнонаемного персонала (62,8% всего «некомплекта» и 31,1% всех штатных должностей) замещены спецпоселенцами (значительная часть из них - этнические немцы, добросовестные работники) [280]. Заключенными «перекрыты» 678 вакансий по административным и хозяйственным должностям (29,1% всего «некомплекта» и 14,4% всех штатных должностей) [281]. Однако и такими «неординарными» мерами залатать все бреши в кадровом обеспечении лагеря не удается: популярность службы здесь в послевоенные годы все более падает, и набрать на нее «добровольцев» становится делом отнюдь не простым.

Между тем задачи, поставленные перед лагерем, и, прежде всего, - в производственной сфере, существенно усложняются. Производственный план Вятлага после войны увеличен (и значительно): так, если задание по заготовке леса составляло в 1946 г. 900 тыс. куб.м., то на 1947 год его нарастили до 1,190 млн. куб.м. - почти на треть [282]. Отсюда - жесткие и систематические претензии центрального руководства Гулага к администрации территориальных лагерных подразделений за «нерациональное и неэффективное использование рабочей силы» (на фоне, впрочем, как можно заключить из предыдущего анализа, совершенно варварского к той же «рабсиле» отношения на местах).

В бухгалтерском отчете Вятского ИТЛ за 1947 г. отмечено: «Для выполнения … основных и прочих планируемых работ лагерь должен был иметь следующие основные ресурсы: рабочий фонд 16632 чел., лошадей списочных 1683 головы, автомашин 28, тракторов 19, паровозов узкой колеи 2, мотовозов узкой колеи 4» [283]. Из этого следует, что планируемое количество техники по-прежнему ничтожно: ее не любили и «ломали» заключенные и, по известным причинам, терпеть не могло лагерное начальство, особенно в «низовых» лесных подразделениях. На

партсобраниях руководители и аппаратчики Управления по-прежнему постоянно и гневно клеймили «антимеханизаторские настроения» администрации лагпунктов, но последней привычнее и удобнее представлялось иметь дело с «живой рабсилой», которой, к тому же, «лагерное основное производство» в это время просто «перекармливали». К такому заключению приводит, например, сопоставление количественных параметров населения Вятлага за 1947 и 1948 гг. [284]:

Таблица 7

Состав населения Вятлага

	На 1/I-1947 г.	На 1/I-1948 г.	+/- (%)
Вольнонаемный состав	2381	2416	+35 (+1,5)
Спецпоселенцы	1663	298	-1365 (-82,1)
Военнопленные	2793	-	-2793 (-100,0)
Заключенные	16499	24837	+8501 (+50,5)
Итого	23336	27551	+4215 (+18,1)

Таким образом, к январю 1948 г. контингент военнопленных был из Вятлага полностью вывезен. Более чем на 80% сократилось число находившихся в распоряжении лагеря, но формально подотчетных комендатуре №19 при Отделе спецпоселений (ОСП) Кировского областного УМВД, спецпоселенцев («выселенцев»). Состав заключенных за 1947 г. обновился на 68%. Однако эти обстоятельства, при всех связанных с ними проблемах, не привели к параличу или даже приостановке лагерного производства: примитивный физический труд на лесоповале не требовал сколько-нибудь основательного обучения или специальной подготовки работающих. Впрочем, как уже отмечалось, пригодной к тяжелому и средней тяжести труду в лесном лагере была лишь четвертая часть вновь поступающей «рабсилы».

В цитировавшемся выше документе многозначительно констатируется по этому поводу: «Располагая контингентом низкой физической категорийности, лагерь ставил перед собой в качестве одной из центральных задач - оздоровление и восстановление трудоспособности контингента. Однако работа лагеря в этой области встречала большие трудности вследствие недостатков в продовольственном обеспечении заключенных, в особенности в части жиров и мяса. Недостаток этих продуктов компенсировался совершенно неполноценными заменителями - жмыхом и низкокачественной рыбой» [285]. Но если из общего числа заключенных лишь четверть (причем «недокормленная», «раздетая и разутая») пригодна

для «обычной» работы на «основном производстве», то стоимость содержания остальных трех четвертей физически не способных к труду лагерников ложится на эту меньшую часть, тем самым повышая интенсивность и одновременно сокращая сроки ее эксплуатации - круг замыкается. Показательно, однако, и то, что и в данной ситуации лесные лагеря (и Вятлаг в том числе) продолжали стабильно функционировать как производственные подразделения: сохраняла, вопреки всем объективным фактам, свою притягательность иллюзия о баснословной «дешевизне» подневольного труда.

В 1949 г. лимит наполняемости Вятлага «спецконтингентом» достиг 28000 заключенных. Трехлетие спустя (1952 г.) среднесписочный состав этого контингента в лагере насчитывал уже 30866 человек - при плане 28864 человека, то есть на 2002 человека (6,9%) больше планового лимита [286].

Между тем, сталинская эпоха медленно, но неудержимо шла к своему завершению. На рубеже 1953-1954 гг. Гулаг уже находился в преддверии глубокого системного кризиса.

Что касается Вятского ИТЛ, то на 1 января 1953 г. к числу его производственных подразделений относились [287]:

- Подразделение №2 (пос. Сорда Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность промышленно-производственного персонала (ППП) за 1952 г. - 852, в том числе вольнонаемных - 33. Средняя численность рабочих (за 1952 г.) - 773, в том числе вольнонаемных - 4. Годовой фонд зарплаты рабочих (за 1952 г.) – 4,560 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 297 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий (за 1952 г.): древесины – 42 тыс. фестметров, в том числе деловой – 26 тыс. фестметров; пиломатериалов – 9 тыс. фестметров; шпал широкой колеи - 1000 шт. Валовая продукция (в оптовых ценах предприятия, без налога с оборота, за 1952 г. и в ценах 1952 г.) - на 11,687 млн. руб., в том числе древесины - на 2,925 млн. руб., пиломатериалов - на 1,131 млн. руб., шпал - на 10 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 7,621 млн. руб. Основные средства (на 1 января 1952 г.): всего – 2,809 млн. руб., в том числе промышленное производство – 2,377 млн. руб.

- Подразделение №3 (станция Малый Созим Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность ППП - 1565, в том числе вольнонаемных - 99. Средняя численность рабочих - 1459, в том числе вольнонаемных - 58. Годовой фонд зарплаты рабочих – 10,775 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 1,336 млн. руб. Выработано

важнейших видов изделий: древесины – 339 тыс. фестметров, в том числе деловой – 205 тыс. фестметров; пиломатериалов – 68 тыс. фестметров; шпал УЖД – 30 тыс. шт. Валовая продукция - на 33,824 млн. руб., в том числе древесины - на 22,254 млн. руб., пиломатериалов - на 9,944 млн. руб., шпал - на 257 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 1,369 млн. руб. Основные средства: всего – 12,774 млн. руб., в том числе промышленное производство – 11,938 млн. руб.

- Подразделение №4 («центральная больница», пос. Полевой-2 Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность ППП - 4, в том числе вольнонаемных - 0. Средняя численность рабочих - 4, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 20 тыс. руб., в том числе вольнонаемных - 0. Валовая продукция - на 85 тыс. руб. (изделия ширпотреба и другие товары). Основные средства: всего – 1,594 млн. руб., в том числе промышленное производство – 205 тыс. руб.

- Подразделение №5 (станция Лесная Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность ППП - 1172, в том числе вольнонаемных - 28. Средняя численность рабочих - 1079, в том числе вольнонаемных - 7. Годовой фонд зарплаты рабочих – 6,530 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 348 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 240 тыс. фестметров, в том числе деловой – 148 тыс. фестметров; пиломатериалов - 8000 фестметров. Валовая продукция - на 17,158 млн. руб., в том числе древесины - на 15,915 млн. руб., пиломатериалов - на 994 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 249 тыс. руб. Основные средства: всего – 4,922 млн. руб., в том числе промышленное производство – 4,558 млн. руб.

- Подразделение №6 (пос. Брусничный Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1939-й. Средняя численность ППП - 268, в том числе вольнонаемных - 11. Средняя численность рабочих - 245, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 1,813 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 105 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины - 1000 фестметров, в том числе деловой - 1000 фестметров; шпал широкой колеи – 535 тыс. шт. Валовая продукция - на 16,044 млн. руб., в том числе древесины - на 57 тыс. руб., шпал - на 9,019 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 6,938 млн. руб. Основные средства: всего – 368 тыс. руб., в том числе промышленное производство – 359 тыс. руб.

- Подразделение №16 (станция Раздельная (Гидаевская ветка) Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1945-й. Средняя численность ППП - 523, в том числе вольнонаемных - 15. Средняя численность рабочих - 475, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 3,911 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 204 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 174 тыс. фестметров, в том числе деловой – 109 тыс. фестметров; пиломатериалов - 6000 фестметров. Валовая продукция - на 12,507 млн. руб., в том числе древесины - на 11,450 млн. руб., пиломатериалов - на 534 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 523 тыс. руб. Основные средства: всего – 972 тыс. руб., в том числе промышленное производство – 555 тыс. руб.

- Подразделение № 7 (разъезд «Березовка» Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1941-й. Средняя численность ППП - 871, в том числе вольнонаемных - 28. Средняя численность рабочих - 797, в том числе вольнонаемных - 5. Годовой фонд зарплаты рабочих – 5,896 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 361 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 201 тыс. фестметров, в том числе деловой – 136 тыс. фестметров; пиломатериалов - 4000 фестметров. Валовая продукция - на 15,443 млн. руб., в том числе древесины - на 14,094 млн. руб., пиломатериалов - на 490 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 859 тыс. руб. Основные средства: всего – 3,875 млн. руб., в том числе промышленное производство – 3,262 млн. руб.

- Подразделение №18 (станция Брусничная (ветка № 7) Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1943-й. Средняя численность ППП - 799, в том числе вольнонаемных - 25. Средняя численность рабочих - 747, в том числе вольнонаемных - 9. Годовой фонд зарплаты рабочих – 6,420 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 360 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 224 тыс. фестметров, в том числе деловой – 161 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 16,948 млн. руб, в том числе древесины - на 16,544 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 404 тыс. руб. Основные средства: всего – 2,115 млн. руб, в том числе промышленное производство – 1,736 млн. руб.

- Подразделение № 19 (пос. Сосновка-1 Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1947-й. Средняя численность ППП - 765, в том числе вольнонаемных - 7. Средняя численность рабочих - 692, в том числе вольнонаемных - 2. Годовой фонд зарплаты рабочих – 5,203 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 191 тыс. руб. Выработано важнейших

видов изделий: древесины – 191 тыс. фестметров, в том числе деловой – 129 тыс. фестметров; пиломатериалов – 44 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 21,032 млн. руб., в том числе древесины - на 13,076 млн. руб., пиломатериалов - на 6,786 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 1,170 млн. руб. Основные средства: всего – 3,781 млн. руб., в том числе промышленное производство – 3,442 млн. руб.

- Подразделение № 20 (Кайский район Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1948-й. Средняя численность ППП - 729, в том числе вольнонаемных - 15. Средняя численность рабочих - 678, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 4,833 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 197 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 210 тыс. фестметров, в том числе деловой – 145 тыс. фестметров; пиломатериалов - 1000 фестметров. Валовая продукция - на 15,242 млн. руб., в том числе древесины - на 14,954 млн. руб., пиломатериалов - на 36 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 252 тыс. руб. Основные средства: всего – 2,215 млн. руб., в том числе промышленное производство – 1,646 млн. руб.

- Подразделение №21 (пос. Увальский Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1949-й. Средняя численность ППП - 1078, в том числе вольнонаемных - 16. Средняя численность рабочих - 1013, в том числе вольнонаемных - 1. Годовой фонд зарплаты рабочих – 6,441 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 220 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 242 тыс. фестметров, в том числе деловой – 160 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 18,828 млн. руб., в том числе древесины - на 18,609 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 219 тыс. руб. Основные средства: всего – 3,090 млн. руб., в том числе промышленное производство – 2,894 млн. руб.

- Подразделение №22 (Кайский район Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1949-й. Средняя численность ППП - 635, в том числе вольнонаемных - 13. Средняя численность рабочих - 590, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 3,705 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 162 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 181 тыс. фестметров, в том числе деловой – 101 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 12,368 млн. руб., в том числе древесины - на 12,092 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 276 тыс. руб. Основные средства: всего – 1,677 млн. руб., в том числе промышленное производство – 1,058 млн. руб.

- Подразделение №24 (Койгородский район Коми АССР). Год ввода в эксплуатацию - 1951-й. Средняя численность ППП - 506, в том числе вольнонаемных - 7. Средняя численность рабочих - 477, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 2,992 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 65 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 134 тыс. фестметров, в том числе деловой – 84 тыс. фестметров; шпал широкой колеи - 6000 шт. Валовая продукция - на 9,403 млн. руб., в том числе древесины - на 9,212 млн. руб., шпал - на 109 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 82 тыс. руб. Основные средства: всего – 868 тыс. руб., в том числе промышленное производство – 534 тыс. руб.

- Подразделение №26 (Койгородский район Коми АССР). Год ввода в эксплуатацию - 1951-й. Средняя численность ППП - 465, в том числе вольнонаемных - 14. Средняя численность рабочих - 431, в том числе вольнонаемных - 1. Годовой фонд зарплаты рабочих – 3,548 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 148 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 186 тыс. фестметров, в том числе деловой – 118 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 13,353 млн. руб., в том числе древесины - на 12,941 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 412 тыс. руб. Основные средства: всего – 1,764 млн. руб., в том числе промышленное производство – 1,029 млн. руб.

- Подразделение №29 (станция Верхняя Турунью Койгородского района Коми АССР). Год ввода в эксплуатацию - 1952-й. Средняя численность ППП - 60, в том числе вольнонаемных - 2. Средняя численность рабочих - 55, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 326 тыс. руб., в том числе вольнонаемных – 18 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 14 тыс. фестметров, в том числе деловой – 9 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 1,237 млн. руб., в том числе древесины - на 1,220 млн. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 17 тыс. руб. Основные средства: всего – 2,315 млн. руб., в том числе промышленное производство – 1,888 млн. руб.

- Подразделение №30 (пос. Нижняя Турунью Койгородского района Коми АССР). Год ввода в эксплуатацию - 1951-й. Средняя численность ППП - 627, в том числе вольнонаемных - 15. Средняя численность рабочих - 589, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 4,493 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 162 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: древесины – 229 тыс. фестметров, в том числе деловой – 156 ты. фестметров; шпал широкой колеи – 29 тыс. шт. Валовая продукция - на

16,246 млн. руб., в том числе древесины - на 15,587 млн. руб., шпал - на 497 тыс. руб., изделий ширпотреба и других товаров - на 162 тыс. руб. Основные средства: всего – 2,902 млн. руб., в том числе промышленное производство – 1,945 млн. руб.

- Сельхозподразделение №1 (пос. Полевой-1 Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1941-й. Лимит численности спецконтингента - 543 человека. Основные средства: всего – 3,703 млн. руб., в том числе промышленное производство - нет данных.

- Сельхозподразделение №2 (пос. Старцево Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1937-й. Лимит численности спецконтингента - 420 человек. Основные средства: всего – 2,102 млн. руб., в том числе промышленное производство – 70тыс. руб.

- Сельхозподразделение №3 (станция Кама Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1942-й. Лимит численности спецконтингента - 628 человек. Основные средства: всего – 2,909 млн. руб., в том числе промышленное производство – 649 тыс. руб.

- Сельхозподразделение №4 (станция Фаленки Фаленского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1942-й. Лимит численности спецконтингента - 320 человек. Основные средства: всего – 3,417 млн. руб., в том числе промышленное производство - нет данных.

- Лесозавод №1 (станция Лесная Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность ППП - 544, в том числе вольнонаемных - 51. Средняя численность рабочих - 488, в том числе вольнонаемных - 13. Годовой фонд зарплаты рабочих – 318 тыс. руб., в том числе вольнонаемных – 455 тыс. руб. Выработано важнейших видов изделий: пиломатериалов – 110 тыс. фестметров. Валовая продукция - на 21,594 млн. руб. Основные средства: всего – 6,828 млн. руб., в том числе промышленное производство – 6,774 млн. руб.

- Центральные паровозовагоноремонтные мастерские (ЦПВРМ, станция Лесная Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность ППП - 190, в том числе вольнонаемных - 44. Средняя численность рабочих - 57, в том числе вольнонаемных - 1. Годовой фонд зарплаты рабочих – 488 тыс. руб., в том числе вольнонаемных – 112тыс. руб. Валовая продукция - на 3,735 млн. руб., в том числе изделия и услуги - на 3,355 млн. руб., товаров ширпотреба - на 380 тыс. руб. Основные средства: всего – 51,989 млн. руб., в том числе промышленное производство – 51,232 млн. руб.

- Пошивочная мастерская (станция Лесная Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1938-й. Средняя численность ППП - 73, в том числе вольнонаемных - 10. Средняя численность рабочих - 57, в том числе вольнонаемных - 1. Годовой фонд зарплаты рабочих – 488 тыс. руб., в том числе вольнонаемных – 112 тыс. руб. Валовая продукция (изделия ширпотреба) - на 6,282 млн. руб. Основные средства: всего – 2,533 млн. руб., в том числе промышленное производство - 670 тыс. руб.

- Центральные ремонтно-механические мастерские (ЦРММ, станция Лесная Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1942-й. Средняя численность ППП - 236, в том числе вольнонаемных - 24. Средняя численность рабочих - 182, в том числе вольнонаемных - 1. Годовой фонд зарплаты рабочих – 1,756 млн. руб., в том числе вольнонаемных – 271 тыс. руб. Валовая продукция (изделия ширпотреба и другие товары) - на 5,070 млн. руб. Основные средства: всего – 3,088 млн. руб., в том числе промышленное производство – 3,088 млн. руб.

- Мастерские отдела капитального строительства (ОКС, станция Лесная Кайского района Кировской области). Год ввода в эксплуатацию - 1937-й. Средняя численность ППП - 92, в том числе вольнонаемных - 1. Средняя численность рабочих - 89, в том числе вольнонаемных - 0. Годовой фонд зарплаты рабочих – 513 тыс. руб., в том числе вольнонаемных - 9000 руб. Валовая продукция (изделия ширпотреба и другие товары) - на 513 тыс. руб. Основные средства: всего – 754 тыс. руб., в том числе промышленное производство – 739 тыс. руб.

- Мастерские административно-хозяйственного отдела (АХО, пос. Лесной Кайского района Кировской области). Валовая продукция (изделия ширпотреба и другие товары) - на 13000 руб. Основные средства: всего - 6870000 руб., в том числе промышленное производство – 1,370 млн. руб.

- Мастерские отдела технического снабжения (ОТС, пос. Лесной Кайского района Кировской области). Основные средства: всего – 1,397 млн. руб., в том числе промышленное производство – 1,371 млн. руб.

- Художественные мастерские (Центральный клуб, пос. Лесной Кайского района Кировской области). Основные средства: всего – 450 тыс. руб.

В целом по производственному сектору лагеря: 28 структурных подразделений; средняя численность промышленно-производственного персонала - 12109 чел., в том числе вольнонаемных - 472; средняя численность рабочих - 11109, в том числе вольнонаемных - 121; годовой фонд зарплаты рабочих – 78,967 млн. руб., в том числе вольнонаемных –

5,483 млн. руб.; валовая продукция - на 269,288 млн. руб.; основные средства: всего – 134,081 млн. руб., в том числе промышленное производство – 105,389 млн. руб. [288].

К концу 1953 г., после переподчинения и разделения Вятского ИТЛ, его структура включала: 12 лагерных отделений, 3 сельскохозяйственных лагерных пункта, всего - 24 балансовых предприятия. Производственная программа лесозаготовок на 1953 год – 2,170 млн. куб.м., на 1954 год – 2,650 млн. куб.м. (рост к уровню 1947 г. - соответственно в 1,8 и в 2,2 раза) [289]. Списочный состав контингента заключенных (на 10 марта 1954 г.) - 21935 человек, в том числе 19811 мужчин и 2.124 женщины [290]. Из общего количества заключенных: 1-й категории труда (трудоспособных) - 12422 человека (56,6%), 2-й категории труда (ограниченно трудоспособных) - 7455 человек (34,0%), инвалидов (нетрудоспособных) - 2058 человек (9,4%) [291].

Таблица 8

Обеспеченность «рабочей силой» (на 1 марта 1954 г.) составляла [292]

	План	Факт	Процент
Всего «рабочей силы»	21601	17700	81,9
В том числе рабочих	17582	13880	78,9
Из них: В лесоэксплуатации	10830	9278	85,7
На прочих промпредприятиях	3639	1792	49,2
В строительстве	1783	190	72,3

Таким образом, число женщин в лагере значительно уменьшилось, и это вполне объяснимо - на лесоповале требовалась мужская «рабочая сила», ее, прежде всего, и «поставляли» в лесные ИТЛ. Инвалидов в лагере (по сравнению с периодом конца 1940-х гг.) тоже значительно меньше. Представление о «постатейной конфигурации» вятлаговского «спецконтингента» можно получить из общелагерного отчета за 1953 г. [293]:

Таблица 9

Обвинения заключенных в Вятском ИТЛ за 1953 г

Составы обвинений	Число заключенных	В % к общему числу
1. За «контрреволюционные» преступления	5.500	25,1
2. За побеги по статье 58 пункт 14 УК («саботаж»)	290	1,3
3. За бандитизм, разбой, грабежи и умышленные убийства	2.536	11,6
4. По Указу ПВС СССР от 04.06.1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»	5.894	26,9

Составы обвинений	Число заключенных	В % к общему числу
5. По Указу ПВС СССР от 04.06.1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан»	5.266	24,0
6. По «закону» от 07.08.1932 г. («о колосках»)	191	0,9
7. По другим статьям	2.258	10,3

Прежде всего, обращает внимание определенное сокращение численности политзаключенных (репрессированных по ст. 58 и 59 действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР и аналогичным статьям уголовного законодательства других союзных республик), а также то обстоятельство, что основными «поставщиками рабсилы» (более половины ее) для Гулага в это время являются два указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.

Примечателен состав «контингента» Вятлага и по длительности сроков заключения: от 1 года до 3-х лет - 1069 человек (4,9%), от 3-х до 5 лет - 4961 (22,6%), от 5 до 10 лет - 10304 (47,0%), от 10 до 15 лет - 1057 (4,8%), от 15 до 20 лет - 1085 (4,9%), свыше 20 лет - 3439 человек (15,7%). Таким образом, около половины лагерников имеет сроки заключения продолжительностью от 5 до 10 лет, еще четверть - свыше 10 лет [294].

По предполагаемым срокам освобождения вятлаговский «спецконтингент» подразделяется следующим образом: подлежат освобождению в 1954 г. - 1686 заключенных (7,7%), в 1955 г. - 2642 (12,0%), в 1956 г. - 2950 (13,4%), в последующие годы - 14657 человек (66,8%) [295]. Вывод: подавляющему большинству узников Вятлага (по ситуации на начало 1954 г.) обеспечено долгое подневольное будущее, а лагерю тем самым гарантирована перспектива обеспеченности «рабочей силой» на годы и годы вперед.

Это подтверждает и анализ возрастного состава заключенных: в возрасте от 18 до 25 лет находятся 7867 человек (35,9%), от 25 до 30 лет - 7625 (34,8%), от 35 до 45 лет - 4188 (19,1%), от 45 до 50 лет - 1.340 (6,1%), от 50 до 60 лет - 844 (3,8%), свыше 60 лет - 71 человек (0,3%) [296]. Итак, преобладающая часть заключенных (свыше 70%) - это молодые (в возрасте до 35 лет) люди, в расцвете своих физических сил, что как раз и требуется в лесном лагере.

Еще один ракурс взгляда на проблему: использование в Вятлаге квалифицированной «рабочей силы», поступавшей туда из всех регионов страны - от Бреста до Владивостока и от Мурманска до Ашхабада. На этот счет существуют следующие данные: к концу 1953 г. среди заключенных в

лагере всего имелось в наличии специалистов и квалифицированной «рабочей силы» - 4433 человек (20,2%), в том числе: инженеров всех специальностей - 83, техников всех специальностей - 127, счетно-бухгалтерских работников - 262, других специальностей - 3648. Из них используются на прямой или близкой специальности: инженеров - 51 (61,4%), техников - 83 (65,4%), бухгалтеров - 140 (53,4%), других - 1559 (42,7%) [297], то есть в значительных количествах лагерю нужны были лишь «технократы» - инженеры, техники и счетно-бухгалтерские работники (и это понятно - хозяйство очень большое и разнопрофильное), но даже их использовали не более чем на две трети от имеющегося потенциала. Специалисты же других профессий в основном «тянули лямку» на общих работах. К этому необходимо добавить, что около 80% лагерного населения составляют люди, вообще не имеющие какой-либо специальности и квалификации: можно предположить, что это и есть так называемая «рабоче-крестьянская масса». В целом же состав «спецконтингентов» почти зеркально отражает социальную структуру советского общества тех лет: ведь «выдергивали» в лагеря людей из всех его слоев, стараясь даже соблюдать при этом некие количественные и качественные пропорции [298].

Таблица 10

Основные показатели лесопромышленного производства Вятлага за 1950-1953 гг. [299]:

Заготовка (тыс. куб. м):	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Всего	1865	2206	2481	2007
В том числе: механизированная	973	1405	1.962	1697
% механизации	52,2	63,7	79,1	84,6
Подвозка (тыс. куб. м):				
Всего	823	1158	1334	1091
В том числе: механизированная	62	196	337	339
% механизации	7,5	16,9	25,3	31,1
Погрузка на верхних складах (тыс. куб. м): Всего	1114	1307	1075	1585
В том числе механизированная	20	69	127	469
% механизации	1,8	5,3	11,8	29,6
Вывозка (тыс. куб. м): Всего	1903	2152	2483	2012
В том числе механизированная	940	1314	1552	1249
% механизации	49,4	61,1	62,5	62,1

Заготовка (тыс. куб. м):	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Разгрузка на нижних складах (тыс. куб. м):				
Всего	1484	1572	1320	1166
В том числе механизированная	1014	1146	1017	1142
% процент механизации	68,4	72,7	76,8	98,0
Погрузка на нижних складах (тыс. куб. м): Всего	1527	1611	1991	1856
В том числе механизированная	127	191	339	350
% механизации	8,3	11,8	17,0	18,8
Лесопиление (тыс. куб. м): Всего	166,4	209,9	215,0	208,3
Шпалы широкой колеи (тыс. шт.)	358,1	405,9	476,8	434,0
Производительность механизмов на 1 машино/смену (тыс. куб. м): паровозы на вывозке	106,0	117,2	120,5	103,8
мотовозы на вывозке	66,1	68,9	83,0	85,3
автомашины на вывозке	24,9	25,7	26,5	24,9
тракторы на вывозке	36,6	36,4	34,9	28,7
тракторы на подвозке	52,0	43,1	37,8	38,4
лебедки на подвозке	33,3	36,0	35,3	36,1
Выработка на 1 рабочего лесоэксплуатации (тыс. куб. м):	223	212	243	204
Себестоимость 1 кубометра лесопродукции (тыс. куб. м):	5,41	5,21	4,97	6,85

Таблица 11

Уровень механизации основных работ в лесопромышленном производстве (в %) [300]

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Заготовка (валка) леса Вятлаг	52,2	63,7	79,1	84,6
Минлеспром СССР в целом	38,0	54,2	68,8	77,7
Объединение «Кирлес»	40,6	-	-	-
Подвозка Вятлаг	7,5	16,9	25,3	31,1
Минлеспром СССР в целом	40,5	48,5	58,0	68,0
Объединение «Кирлес»	25,6	-	-	-
	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Вывозка Вятлаг	49,4	61,1	62,5	62,1
Минлеспром СССР в целом	56,7	62,2	66,3	71,5
Объединение «Кирлес»	60,5	-	-	-

Таблица 12

Фактические объемы выработки лесоэксплуатации
(в куб.м на 1 рабочего) [301]

	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.
Вятлаг	223	212	243	204
Минлеспром СССР в целом	207,6	220,1	223,2	225,3
Объединение «Кирлес» (1956 год)	282			
Кайский леспромхоз Кировской области (1956 г.)	382			

Таким образом, в начале 1950-х гг. по ведущим и определяющим технико-экономическим показателям «основное производство» Вятлага практически соответствовало общеотраслевым параметрам, что свидетельствовало не столько о достижениях лагерной экономики, сколько о крайне низком уровне организации лесопромышленного производства в целом по стране и в Кировской области в частности [302].

То же самое относится и к развиваемым в соответствии с директивами «центра» (а так же в силу объективной и вынужденной необходимости) так называемым «вспомогательным и дополнительным» производствам в лагере. Прежде всего, это касается сельского хозяйства и производства «ширпотреба» - «товаров первой необходимости» или «товаров народного потребления». Так, в 1952 г. производство товаров «ширпотреба» в лагере составило (в денежном выражении) более 14,600 млн. руб., в том числе швейных изделий и кожаной обуви - почти на 6 млн. руб. [303]. В этом же году изготовлено около 29500 стульев готовых и более 19300 стульев полусобранных, около 34 тыс. шт. конторских счетов, более 460 тыс. пресс-папье, почти 2000 фестметров тарной дощечки и т.п. [304]. О высоком качестве этих изделий говорить не приходится, но спрос на них (а значит, и сбыт) был стабильный - за счет, прежде всего, внутриведомственных поставок и централизованных разнарядок. Относительно же чисто экономической стороны дела красноречиво свидетельствуют многочисленные факты, имеющиеся не в официальных бухгалтерских отчетах, а документах для «внутреннего пользования», в частности - в протоколах различных собраний, совещаний, приказах по лагерю и т.п. Например, в середине 1948 г. на одном из собраний партийного актива Вятского ИТЛ констатировалось, что убытки лагеря от производства этих самых «товаров ширпотреба» составили 4000000 руб. (сумма очень значительная по тем временам) [305].

Что касается подсобного сельского хозяйства, то в начале 1947 г. оно (в самом общем плане) являло собой следующую картину [306]. Сельскохозяйственное производство лагеря размещается в 4-х «совхозах» («сельхозлагпунктах»): №1 - станция Лесная, с пахотной площадью в 119 га; №2 - пос. Старцево, 169 гектаров; №3 - «Камская ветка» (вблизи поселка Рудничного) - 353 га (образован на основе вновь принятого от треста пригородных хозяйств Кировского облисполкома совхоза «Фосфорит»); №4 - станция Фаленки Фаленского района - 967 га, а также в 12 подсобных «сельхозучастках» при лесных лагерных подразделениях. Общая площадь пашни в 1946 г. - 2162 га (в том числе 97 га «временно используемых земель колхозов»). Кроме того, Вятлаг ведет сельхозработы за пределами непосредственно подчиненных ему подразделений. К таким работам относятся, в частности, «прессовка, вывозка и отгрузка сена, заготовленного за пределами лагеря» в районах: 6-го железнодорожного разъезда дистанции «Яр-Фосфоритная» (Омутнинский район), станций Фаленки (Фаленский район) и Ардаши (Зуевский район), а также города Халтурина (ныне Орлов), где «преимущественно используется контингент спецпоселенцев-немцев». Помимо этого, «на свободных колхозных землях» в 1947 г. «посеяно до 175 га зерновых культур и однолетних трав», а на так называемых «непланируемых» ОЛП (9-й, 17-й и 12-й) - 22 га овощей и картофеля. К агрокомплексу лагеря имеют непосредственное отношение и некоторые его «промышленные предприятия», такие как «гидролизно-дрожжевой завод», «кожевенный завод», «мельничный комбинат», «махорочная фабрика» и др. Эта структура сельхозпроизводства в основном сохранялась вплоть до конца рассматриваемого периода.

Проследим результаты деятельности этой компоненты лагерного хозяйства с помощью статистических данных за некоторые послевоенные годы. В 1946 г. выполнение подсобным хозяйством Вятлага производственной программы, по отчетам сельхозотдела УИТЛ, в растениеводстве составило [307]:

Таблица 13

Количественные показатели растениеводства Вятлага

Культуры	Посевная площадь, га			Валовой сбор, т			Урожайность, центнеров с гектара	
	План	Факт	%	План	Факт	%	Вятлаг	Область*
Зерновые яровые	746	764,3	102	573,8	589,8	102,9	7,7	5,9
Картофель	320	362,8	113	3.040	6.925	227	190,8	73,0
Овощи	215	226	105	2.795	6.214	222	275,0	65,0
Кормовые корнеплоды	125	144,1	123	1.625	4.174	257	290,0	-
Травы однолетние	50	147	294	75	204	272	13,9	10,8
Семенники овощей и корнеплодов	7	7	100	1,8	2,08	115	-	-
Силосные культуры	43	-	-	215	-	-	-	-
Табак	21	16,6	80	15,4	16,3	106	-	-
Итого яровые	1.527	1.667,8	109	-	-	-	-	-
Рожь озимая	168	167	100	134	89,2	67	5,3	4,8
Многолетние травы на сено	438	120	28	-	-	-	-	-
То же на семена	362	327	90,3	4,2	7,08	168	-	-
Всего	2.057	2.161,8	105	-	-	-	-	-

*Данные по Кировской области за 1945 г.

Парниково-тепличное хозяйство состоит из 325 кв.м. теплиц, 1400 рам остекленных парников и (по причине хронического дефицита стекла) 15000 рамомест «неостекленных парников и паровых гряд». При плане получения с закрытого грунта 60 т. овощей фактически получено 88,7 т, или 145% [308].

Планы кормопроизводства в 1946 г. в целом также выполнены: хотя сена всех видов («естественного и сеянного») получено несколько меньше годового задания (4948 т при плане 5013), но при этом значительно перевыполнены показатели закладки силоса (соответственно 2755 к 2.000 т) и, кроме того, заготовлено 1714 т веточного корма [309]. Это, в свою очередь, позволило добиться относительно (в сравнении с окружающими «гражданскими» хозяйствами) неплохих результатов в животноводстве. На 1 января 1947 г. в подсобном хозяйстве Вятлага имелось: крупнорогатого скота - 1415 голов (в том числе коров - 490, волов - 203), свиней - 541 (в том числе свиноматок - 81, молодняка на откорме - 281), пчелосемей - 566 (в том числе новых - 191). Общее состояние крупнорогатого скота удовлетворительное. Все поголовье «обеспечено силосом и турнепсом до сезона» [310]. По большинству показателей выполнены и планы производства продукции животноводства (по отчетным данным за январь-ноябрь 1946 г.) [311]:

Таблица 14

Количественные показатели животноводства Вятлага

	Единицы измерения	План	Факт	%
Средний удой на 1 фуражную корову	литры	1.710	1.804	105,4
Валовой надой молока	центнеры	7.378	8.338	115,8
Приплод: Телят	головы	450	418	92,8
Поросят	головы	990	1.151	117,1
Сдано на забой: Крупнорогатого скота	головы	150	330	153,3
Их вес убойный вес	центнеры	140	321	229,2
Свиней	головы	700	669	95,5
Их вес убойный вес	центнеры	446	418	93,0
Собрано товарного меда	центнеры	52	209	401,9

«Некоторое отставание от плана показателей свиноводства» руководство лагеря и сельхозотдела объясняет «отказом ГУЛЛП (Главного управления лагерей лесной промышленности МВД СССР. - Н.Б.) в отпуске недостающего зернофуража в количестве 200 т», а также тем, что в результате невыполнения поставок извне «животноводство обеспечено концентрированными кормами лишь на 50%» [312].

«Рабочей силой» и «кадрами специалистов» подсобное хозяйство вполне обеспечено. В нем занято: всего - 2363 человека (120,3% к плановым показателям трудоиспользования «спецконтингента»), в том числе в основном производстве - 2158 (121,2%), то есть «рабочий фонд» здесь составляет более 13% к общелагерному [313]. Вместе с тем, все основные сельхозработы производятся вручную или с помощью «гужевой силы» (лошади, волы). Из имеющихся в наличии тракторов около половины (6 газогенераторных и 2 колесных марки «ХТЗ») «выбракованы» и подлежат списанию. Мало чем отличается от них и остальной «машинно-тракторный парк», на «капитально-восстановительный ремонт» которого ежегодно требуется около 180 тыс. руб. [314]. К тому же, по причине «убытия» из лагеря («по решению Правительства») основной массы спецпоселенцев («лиц немецкой и других национальностей») появились определенные «кадровые

проблемы». Так, к началу 1947 г. по плану должно быть организовано 130 сельхозрабочих звеньев, фактически создано 125, однако последние до «положенной численности полностью не укомплектованы» [315]. Из агротехнического персонала «недостает» в сельхозотделе Управления ИТЛ главного агронома, а на лагерных сельхозподразделениях, «ввиду смены контингента», не хватает четырех агрономов участков. Последнюю проблему администрация лагеря решает путем назначения на вакантные должности «нерасконвоированных» заключенных, но это, в свою очередь, «в значительной мере затрудняет использование» указанных подневольных специалистов [316]. В связи с «изменением личного состава» проводится «дополнительная агроучеба для новых членов производственных звеньев». Регулярно собираются также «методико-практические и теоретические семинары-совещания» агрономов и других специалистов подсобного хозяйства [317].

Общая оценка финансовых результатов аграрного лагерного сектора (по отчетным данным на 1 ноября 1947 г.) выражается в таких параметрах [318]: фактические затраты по растениеводству – 13,017 млн. руб., оприходовано же продукции на 13,523 млн., то есть с плюсом в 506 тыс.; затраты по животноводству - 4,337 млн. руб., оприходовано продукции на 4210, то есть налицо минус 127 тыс. руб.; сверхплановые накопления – 542 тыс. руб. Конечно, это всего лишь самая общая оценка, не учитывающая множество привходящих факторов и обстоятельств: расходы на содержание лагерной инфраструктуры, охраны, управленческого аппарата, транспортные и другие «накладные» затраты, убытки от бесхозяйственности и т.д. и т.п. Можно только представить, какой «копеечкой» оборачивалась, например, такая ситуация: в 1946 г. 900 т сена, заготовленного в Халтуринском (ныне Орловском) районе, частично были вывезены там же на глубинную сенобазу, устроенную в 25 км от железной дороги, или находились в глубинных колхозах - на расстоянии 60-70 км. Доставить эти объемы «своими силами» Вятлаг не имел возможности, поскольку по «карантинным соображениям» не

мог «использовать для этих целей собственный гужевой транспорт». Решать проблему пришлось с помощью «привлеченных средств», а также транспортируя это поистине «золотое» сено по железной дороге - практически через всю область [319].

При всех «достижениях» по увеличению валового производства лагерной сельхозпродукции, себестоимость ее очень высока и обнаруживает устойчивую тенденцию перманентного роста. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о себестоимости (в рублях и в текущих ценах) одного центнера продукции, произведенной в подсобном сельском хозяйстве Вятского ИТЛ МВД СССР (эти данные относятся к 1956-1957 гг., но могут дать вполне адекватное представление о положении дел и в предшествующие, и в последующие годы) [320]:

Таблица 15

	1956 г.			1957 г.	
	План	Факт	Проценты к плану	План	Проценты к 1956 г.
Зерно	79,60	176,80	222,1	92,99	116,8
Сено, всего	45,52	64,40	141,5	62,34	137,0
Картофель	35,28	46,00	130,4	37,18	105,4
Овощи открытого грунта	46,75	56,20	120,2	50,16	107,3
Овощи закрытого грунта	338,82	300,00	88,5	503,40	148,6
Молоко	224,10	221,70	98,9	255,45	114,0
Мясо крупнорогатого скота	2.006,00	2.970,80	148,1	2.389,00	119,1
Мясо свиное	2.070,00	2.700,80	130,4	2.643,00	127,7
Мед	730,70	700,00	95,9	1.143,00	156,6

При этом средние розничные цены по Кировской области (данные на январь 1960 г., в рублях, в пересчете на 1 ц) составляли: зерно (пшеница) - 250,0; картофель - 76,0; капуста - 130,0; молоко - 338,0; мясо крупнорогатого скота (говядина) - 1530,0; мясо свиное - 1780,0 [321]. Таким образом, если в производстве продукции растениеводства лагерное земледелие демонстрировало некоторое превосходство на рынке, то с продукцией животноводства оно было совершенно неконкурентоспособно. Еще один (и весьма примечательный) факт: в середине 1940-х гг. по инициативе тогдашнего начальника УИТЛ полковника А.Д.Кухтикова в Вятлаге решили «серьезно заняться» садоводством: выращиванием яблонь, ягодных

кустарников - смородины разных сортов (черной, красной, «золотистой»), малины, крыжовника, разведением садовой земляники («клубники») и т.д. И хотя яблони в этих суровых таежных краях (при зимах с нередкими минусовыми температурами в 30-40°С) регулярно вымерзают, их посадки с несгибаемым упрямством возрождают вновь и вновь. В 1946 г. получен первый урожай - 7 яблок! В 1947 г. собрали уже 12 кг плодов, в 1949 г. - 30 кг, а еще через десять лет - целых 14 ц! Дело, может быть, и благое, да вот яблочки получались почти буквально «золотые» - по объему трудовых затрат, а, следовательно, и по себестоимости [322]. Остается лишь добавить, что, по имеющимся данным, урожайный (в целом) 1944 г. подсобное сельское хозяйство лагеря завершило с общими убытками на сумму около 2 млн. руб. [323]. А в конце 1946 г. в УИТЛ подсчитали, что только «сельхоз №4» (Фаленки) принес (с момента своего основания) Вятлагу 15 млн. руб. убытка [324].

И все же есть весьма веские основания констатировать: достигнутые результаты в развитии подсобного хозяйства во многом способствовали тому, что Вятлаг относительно благополучно пережил форс-мажорные обстоятельства продовольственного кризиса, имевшего место в целом по стране в 1946-1947 гг. В «Акте передачи управления ИТЛ» (январь 1947 г.) отмечается, в частности, что «обеспеченность продовольствием составляет от 20 дней (по мясу) до 85 дней (по сахару). По остальным основным продуктам - муке, крупе, рыбе и жирам обеспеченность колеблется от 30 дней до 2,5 месяца, а по овощам и картофелю - за счет продукции собственного подсобного хозяйства - составляет 200 дней, что нужно считать обеспечивающим нормальное и бесперебойное снабжение контингентов... Наличие грубых кормов составляет 3.311 т, или 150-дневный запас...» [325].

Как уже отмечалось, кардинально изменилась, по сравнению с военным периодом, и статистика летальности среди «спецконтингентов». Уровень смертности в 1946-1947 гг. колеблется в пределах 2,5% к «списочно-строевому составу», причем физическое истощение («алиментарная дистрофия») является причиной летальных исходов лишь в 4,5% от их общего числа [326].

Конечно, «продовольственная ситуация» в лагере отнюдь не идиллична. По-прежнему велика зависимость ИТЛ от внешних поставок: только в первом квартале 1947 г. получено: 60 т рыбы - из Гурьева и Астрахани, 68 т растительного масла - из Ташкента и Саратова. Ведутся поставки мяса из «глубинных пунктов Кировской области (Шабалино и Уни)». С полным

напряжением работают базы снабжения в Кирове, Курске и Фрунзе (Киргизия) [327]. Но при всем при этом основная масса заключенных пользуется суточным пайком, содержащим не более 2300 килокалорий (при довоенном уровне - в 3378 и при установленном нормативе - 2660 килокалорий). Лишь в 1949 г. паек был несколько увеличен (до 2998 килокалорий), но и при этом не был достигнут необходимый физиологический минимум для занятых физическим трудом - не менее 3.900 килокалорий [328]. В начале 1947 г. продолжала действовать карточная система и в снабжении вольнонаемного состава лагеря. Она осуществлялась через сеть торгового отдела ИТЛ и охватывала около 5250 человек: 2490 работающих, 693 иждивенца и 1704 несовершеннолетних (причем на февраль 1947 г. более 360 детей карточек не имели) [329]. Основная доля этого снабжения приходилась на централизованные («рыночные») фонды, но значительную его часть составляли и так называемые «децентрализованные закупки» («внерыночный фонд»), в том числе по мясу и рыбе - 34%, по жирам - 36,5%, по промышленным товарам - 55,2%. Все это также входило в сферу ответственности руководства ИТЛ, и определенную часть этих задач приходилось решать «по линии собственного подсобного хозяйства» [330]. Поощрялось также развитие личных подворий: многие вольнонаемные работники лагеря и семейные спецпоселенцы обустраивали собственные огороды и парники, заводили коз, коров, свиней и другую живность, для этих целей им выделялись земельные площади и сенокосные угодья [331].

В конце 1940-х - начале 1950-х гг. подсобное хозяйство Вятлага в своем развитии претерпевало все те эволюции и перипетии, которые переживал лагерь в целом - как составная часть советской карательно-исполнительной системы. Череда ведомственных переподчинений и реорганизаций, чехарда и дезорганизация в руководстве, качественные изменения в составе «спецконтингентов» (массовое освобождение «малосрочников», постепенное упразднение спецпоселенчества, относительный и абсолютный рост численности «уголовно-бандитского элемента») - все это и многое другое оказывало, несомненно, отрицательное (с точки зрения динамики и объемов) влияние и на производственную деятельность, в том числе - на ее аграрную составляющую. Заметно снизилась продуктивность подсобного хозяйства. Так, в 1949 г. зерновых здесь получили лишь по 10 ц с га, картофеля - 178, овощей - 127, корнеплодов - 266 ц. Ослабло внимание администрации лагеря к аграрным проблемам [332].

К рубежу 1952-1953 гг. на первый план выходят уже совершенно иные проблемы: лагерная система вступила в полосу углубления кризисных явлений, зародившихся еще в первые послевоенные годы, дестабилизировавших обстановку в ней, приобретших комплексный характер и охвативших все стороны деятельности и элементы этой системы. Наиболее ярким и драматичным проявлением кризиса явилась продолжавшаяся в лагерях вражда между различными группировками заключенных, вылившаяся в лагерные беспорядки, в которые оказались втянутыми не только различные категории «спецконтингента», но и лагерная администрация. Несмотря на принимаемые в центре и на местах меры, к этому времени так и не удалось покончить с так называемыми «сучьими войнами», развернувшимися между «отошедшими уголовниками» («суками») и рецидивистами-«законниками» («ворами в законе»). При этом лагерная администрация, пытавшаяся поначалу использовать эти «войны» в своих интересах, оказалась на практике в положении «между двух огней», то есть проигравшей стороны, утратив, по сути, контроль над обстановкой в местах лишения свободы.

Лагерные беспорядки начала 1950-х гг. усугубились отменой в 1947 г. смертной казни [333] и указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. [334]. Эти законодательные акты обусловили значительное увеличение среди лагерного контингента удельного веса осужденных на длительные сроки заключения, в том числе так называемых «двадцатипятилетников». Заключенные, имевшие по 20-25 лет лишения свободы, потеряв перспективу освобождения и не боясь получить новые большие сроки, становились неуправляемыми и были готовы на любые противоправные действия.

Не меньше проблем, чем враждовавшие между собой «законники» и «отошедшие», лагерному руководству доставляли консолидированные группы заключенных, объединенные по этнополитическому признаку («кавказцы», «украинские националисты», «оуновцы», «бандеровцы» и др.) [335]. Многие из них обладали специфическими навыками борьбы в условиях подполья и успешно использовали этот опыт - как против лагерной администрации, так и против остальной части лагерного контингента, в том числе против уголовных группировок - в борьбе за высокое статусное положение в лагерном сообществе.

И без того напряженное положение в лагерях усугублялось широко практиковавшимися переброскими наиболее активной части так называемого «уголовно-бандитствующего элемента» из одного лагеря в другой. Оказавшись на новом месте, прибывшие группировки (уголовные, этнические) сразу же начинали борьбу за передел сфер влияния в зоне, используя при этом самые жесткие методы и формы борьбы.

Наряду с «сучьими войнами», борьбой за сферы влияния этнических группировок, ростом числа побегов, в том числе групповых и вооруженных, активизировалось также протестное движение среди других категорий подневольных лагерников, осуществляемое в различных формах («волынки», голодовки, «групповые неповиновения», забастовки, массовые беспорядки и т.п.), которые, впрочем, в официальном гулаговском документообороте проходили под одним общим термином - «бандитские проявления».

Обозначенные явления были в 1952-1953 гг. в полной мере присущи и Вятскому ИТЛ. В подразделениях лагеря проходили массовые беспорядки, погромы, поджоги, террору подвергались не только враждовавшие между собой уголовные группировки, но и «положительная» часть заключенных, а иногда - и представители администрации.

За 1952 г. в Вятлаге произошли 43 случая «бандитских проявлений», во время которых были убиты 33 и ранены 10 человек [336]. При этом 13 такого рода «проявлений» совершены на ОЛПе №21, в результате убиты 10 и ранены 3 заключенных, в том числе 6 бригадиров, повар, нарядчик и статистик санчасти [337]. В спецзоне этого же ОЛПа 15 января 1953 г. попытка «изъятия» шестерых «штрафников» привела к массовому столкновению заключенных с надзирателями и охраной. При подавлении массовых беспорядков было применено оружие, четверо заключенных получили ранения [338].

Не оказал существенного влияния (во всяком случае, в позитивном плане) на обстановку в зонах и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях» [339], согласно которому дела об особо злостных бандитских нападениях, сопровождающихся убийствами, квалифицировались по ст. 59-3 УК РСФСР, подлежали рассмотрению в военных трибуналах войск МГБ СССР или в специальных лагерных судах, а к виновным в этих преступлениях допускалось применение смертной казни [340].

Определенный дестабилизирующий элемент в ситуацию внесли постановление Совета Министров СССР от 28 марта 1953 г. №934-400сс о передаче карательно-исполнительной системы, в том числе подразделений ГУЛАГа и ГУЛЛП (за исключением особых лагерей), в состав Министерства юстиции СССР, а также последующее разделение территориальных учреждений этой системы на «лагерный» и «производственный» секторы [341].

Волна беспорядков в Вятском ИТЛ в 1953 г. не спадала: если за январь-сентябрь этого года в зонах лагеря были убиты 27 человек, то за последние три месяца того же года - 30 человек; если за январь-июнь 1953 г. в лагере имел место лишь один случай «массового неповиновения» (невыход на работу 800 заключенных на протяжении 5 дней), то в следующем полугодии «волынки» и «беспорядки» прошли уже в 11 лагпунктах (при участии 2500 заключенных) [342].

Наибольшую известность получило чрезвычайное происшествие на лагерном пункте №19, где в ночь с 12 на 13 июля 1953 г. лидерами «уголовно-бандитствующего элемента» были убиты 9 заключенных «из числа враждующей группы, находившихся в изолированном от общей зоны штрафном бараке», после чего «весь контингент заключенных оказал неповиновение лагерной администрации» и с 13 по 16 июля не выходил на работу [343]. Беспорядки удалось прекратить лишь вооруженным вмешательством «личного состава охраны, в результате чего был тяжело ранен один из участников резни…, а 64 заключенных, находившихся в штрафном бараке, были выведены за зону» [344].

Имели место случаи нападения даже на руководителей подразделений. Так, в один из вечеров 1953 г. в кабинет только что назначенного начальником 22-го ОЛПа подполковника Кольчинского «ворвались человек 8 заключенных-уголовников и, воткнув в стол ножи и угрожая убийством, заставили нового «гражданина начальника» «плясать на столе под балалайку… Продержав «начальника» под ножами около часа, бандиты ушли, но Кольчинский, получив психическую травму, вскоре из органов МВД уволился, не дослужив до получения права выхода на пенсию - по выслуге лет» [345].

Самым кровавым в череде такого рода событий явился происшедший в январе 1954 г. в 5 (Комендантском) лагпункте случай организованного неповиновения лагерной администрации, сопровождавшийся в течение почти двух недель (с 5 по 16 января) массовыми беспорядками и человеческими

жертвами (были убиты 13 заключенных и нанесен материальный ущерб на 600 тыс. руб.) [346]. Это «бандитское выступление было ликвидировано только в результате применения оружия, в процессе которого было убито 26 и ранено 93 заключенных. Из числа раненых в течение двух последовавших суток умерло 26 человек» [347]. Таким образом, общее число жертв этого «инцидента», по официальным данным, составило 65 убитыми и не менее 67 ранеными [348]. По свидетельствам же очевидцев событий, эти цифры были кратно более значительными [349]. Всего же за 1954 год в Вятском ИТЛ среди заключенных допущено: «бандпроявлений» - 30 случаев, в результате которых убиты 33 и ранены 2 человека; групповых неповиновений - 10 случаев (с участием 3759 человек), в результате которых убиты 15 и ранены 4 заключенных; умышленных убийств - 10 случаев (а также ранение одного заключенного); групповых побегов - 29, с количеством бежавших 79 человек; одиночных побегов - 28; попыток к побегу - 113 [350]. 18 беглецов так и не были задержаны [351].

Широкомасштабный характер «бандитских проявлений», охвативших лагерную сферу в начале 1950-х гг., и неспособность гулаговского руководства найти действенный механизм их урегулирования свидетельствовали о вступлении этой сферы в период системного кризиса, который подтачивал и разлагал ее изнутри. Этот кризис проявлялся не только в лагерной, но и в производственно-экономической составляющей, результаты которой с 1953 г. резко пошли вниз.

В Вятском ИТЛ плановые задания 1953 г. были провалены по всем основным показателям, за исключением выпуска изделий «ширпотреба». Недодано против плана на 27,139 млн. руб. товарной продукции, 158 тыс. куб.м. древесины по вывозке леса, 6700 куб.м. пиломатериалов, 96 тыс. шт. шпал широкой колеи [352]. При этом «народному хозяйству», то есть потребителям за пределами лагеря, недопоставлено 370 тыс. куб.м. леса, в том числе – 245 тыс. куб.м. деловой древесины, 34 тыс. куб.м. пиломатериалов, 58 тыс. шт. шпал [353]. Не выполнены показатели производительности труда по всем ее параметрам в «основном производстве»: «рабочей силой», гужевым транспортом, машинами и механизмами [354]. Фактическая себестоимость всей товарной продукции за 1953 г. превышена против плановой на 3,104 млн. руб., или на 1,5% [355], а себестоимость продукции лесоэксплуатации на валовой выпуск превысила директивный показатель на 1,274 млн. руб., или на 0,9% [356]. Невыполнение производственной программы вызвало, в свою очередь, перерасход по

услугам вспомогательных производств и по накладным расходам, составивший в общей сложности 1,651 млн. руб. [357]. Дебиторская задолженность по балансу лагеря на 1 января 1954 г. выросла на 195 тыс. руб. - до 1,012 млн. руб. [358]. Финансовым планом на 1953 г. предусматривалось получение 40,730 млн. руб. накоплений от реализации готовой продукции, товаров и услуг [359]. Фактически же получено накоплений лишь на 18,286 млн. руб., или всего 45% от плана [360]. Таким образом, недодано против плана за 1953 г. накоплений в сумме 22,444 млн. руб., в том числе по древесине – 15,248 млн. руб. [361]. Всего же производственный сектор лагеря (в конце 1953 г. официально именовавшийся как «Вятспецлес») недополучил от реализации лесопродукции 36000000 руб. денежных средств [362].

Сложившуюся ситуацию руководство Вятлага объясняло, в первую очередь, острым недостатком «рабочей силы». И действительно, в 1953 г., по сравнению с 1952 г., среднесписочная численность контингента в лагере сократилась на 28,8% (с 30866 до 21935 человек) [363]. Определяющую роль в этом сыграло исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» [364]. Под амнистию подпадали осужденные на срок от 3-х до 5 лет за должностные, хозяйственные и некоторые воинские преступления, а также беременные женщины и женщины, имевшие малолетних детей, несовершеннолетние, пожилые мужчины и женщины, больные, страдающие неизлечимыми недугами; не подлежали амнистии репрессированные за «контрреволюционные преступления» [365]. По Указу об амнистии уже к 13 мая 1953 г. из Вятлага были освобождены 9377 человек (более 30% подневольного лагнаселения), отправлены 10 эшелонов с амнистированными [366].

Однако не только и не столько это обстоятельство явилось первопричиной кризиса лагерной экономики. Этот кризис был детерминирован пороками, имманентно присущими всей советской системе хозяйствования и наиболее отчетливо проявлявшимися в закрытых ее секторах, одним их которых и являлись лагерные комплексы, в том числе - лесные ИТЛ. Усиление производственной нагрузки на этот сектор в конце 1940-х - начале 1950-х гг. все в большей степени обостряло противоречие между «лагерной» («режимной», «карательно-исполнительной», «оперативно-служебной») и производственной его составляющими. Неслучайно руководство МВД в поисках путей выхода из кризиса лагерной системы склонялось к выводу о необходимости избавления этой системы от производственных функций [367]. Одновременно с этим стало очевидно, что

одними лишь методами внеэкономического принуждения решать с должной эффективностью хозяйственно-производственные задачи невозможно, то есть актуализировались задачи мотивации, морального и материального стимулирования труда лагерных «спецконтингентов».

Кризис гулаговской экономики усугублялся также изменениями характера труда, обусловленными механизацией технологических процессов, в том числе в лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности. Несмотря на то, что сфера подневольного труда всегда была плохо восприимчива к новым технике и технологиям, тем не менее, процесс механизации происходил и в лагерном производстве. Так, механизированная вывозка леса, составлявшая в целом по УЛЛП-ГУЛЛП в 1939 г. 23,9%, выросла до 53,6% в 1950 г. [368]. В Вятском ИТЛ этот же показатель увеличился с 49,5% в 1950 г. до 61,8% в 1953 г., то есть на 12,3 пункта [369]. На заготовке леса уровень механизации составил соответственно 52,2 и 84,7% (рост на 32,5 пункта), на подвозке - 7,5 и 31,0% (плюс 23,5 пункта), на нижнескладской погрузке - 8,3 и 18,8% (плюс 10,5 пункта) [370].

Однако, как отмечает О.В.Хлевнюк, механизация производства, с одной стороны, делала излишней значительную часть неквалифицированной «рабочей силы», а с другой стороны - повышала спрос на квалифицированных работников [371]. Это создавало дополнительные трудности для лагерной системы. Особенно острой становится проблема подготовки квалифицированных кадров. В Гулаге, в поисках решения этой проблемы, ответственные за производство руководители в центре и на местах вынуждены разворачивать во всех лагерях сеть курсов по подготовке и переподготовке специалистов самого разного профиля, прежде всего так называемых «рабочих профессий»: автоводителей, трактористов, других механизаторов, электриков, слесарей-ремонтников и т.д. Однако и здесь дело тормозилось злополучной «лагерной спецификой»: высокой мобильностью спецконтингента, режимными ограничениями, «оперативными соображениями» и т.п. Сказывались также хронический дефицит финансовых ресурсов и острая нехватка вольнонаемного инженерно-технического состава.

Кроме того, механизация технологических процессов в лесозаготовительном производстве требовала не только квалифицированной «рабочей силы», но и свободного ее перемещения по определенной территории. В лагерях эта проблема решалась или путем выведения из-под охраны

(«расконвоирования») определенной части заключенных или за счет использования на отдельных участках вольнонаемных работников. В Вятлаге практиковались оба упомянутых варианта, но возможности при этом также были ограничены: в первом случае - по тем же «оперативно-режимным соображениям», а во втором (помимо упомянутых «соображений») - и в силу особенностей дислокации лагеря (малонаселенная местность, удаленность от крупных населенных пунктов и т.п.).

Апогея напряженности ситуация в лесных лагерях достигла после мартовской (1953 г.) амнистии и в результате скороспелых постсталинских «новаций», одной из которых явилось разделение в ИТЛ производственного и лагерно-режимного «секторов» на две автономные бюрократические структуры. В приказе по Министерству лесной и бумажной промышленности СССР от 16 апреля 1953 г. №7-ПСС, регламентировавшем порядок приема сферы производства от лесных лагерей страны, предписывалось, в частности:

«...В связи с передачей по Постановлению Совета Министров Союза ССР от 18 марта 1953 г. хозяйственной деятельности лагерей лесной промышленности МВД СССР в ведение Министерства лесной и бумажной промышленности СССР приказываю:

1. Организовать нижеследующие специальные лесозаготовительные управления, входящие в состав Главного специального управления «Главспецлес» Минлесбумпрома СССР:

…Вятское специальное лесозаготовительное управление «Вятспецлес» с дислокацией в пос. Лесное Кировской области.

…4. Установить, что в состав специального лесозаготовительного управления входят производственные отделения, пункты и участки (лесозаготовительные, сельскохозяйственные, сплавные, железнодорожные, строительные, ширпотреба и т.д.). Количество подразделений каждого специального лесозаготовительного управления определяется в соответствии с производственной программой и утверждается Главным специальным управлением «Главспецлес»...» [372].

Таким образом, теперь «Главспецлес» должен был (на «контрагентских» началах) «рассчитываться» с территориальными лесными ИТЛ за предоставляемую ими для производственных нужд «рабочую силу», то есть - за «трудовое использование» заключенных. Сама же система мест лишения свободы («Гулаг») со всем своим огромным хозяйством и многотысячным «населением» передавалась с апреля 1953 г. из МВД в ведение Министерства юстиции СССР. Но, как уже упоминалось ранее, этот «административный

эксперимент» провалился целиком и полностью, внеся лишь дополнительную неразбериху и сумятицу в состояние дел на местах. И уже с февраля следующего 1954 г. все вернулось на круги своя: Гулаг вновь и в «полном объеме» возвратили в состав МВД, а «раздвоение» территориальных ИТЛ (на «производство» и «лагерь») аннулировали [373].

Вятлаг тоже (как и прежде) стал единым административным организмом. Однако и все старые его недуги, и вновь приобретенные «болячки» к этому времени обострились до предела.

Ситуация в зонах явно выходила из-под контроля руководства на всех уровнях: в глухих таежных подкомандировках и лагпунктах, в масштабах территориальных управлений и Гулага. Угрожающие симптомы этого наглядно и рельефно просматриваются во всех отчетах Вятского ИТЛ за 1953 г. Основное и главное (по гулаговским критериям): производственные планы выполняли только 7 лагерных отделений из 14. Фикцией становится лагерный режим. Увеличилось число побегов из-под конвоя и попыток «уклонения от отбывания наказания». Усилилось вымогательство бригадиров, произвол «блатной» верхушки в зонах: у рядовых лагерников почти подчистую отбирают деньги, посылки, продукты и пр. Растет число убийств заключенных бандитствующими уголовниками. Совершенно распустилась охрана лагеря, насчитывавшая в это время 126 офицеров и более 1600 рядовых стрелков. Дисциплина упала до небывало низкого уровня: только за второй квартал 1953 г. среди «вохровцев» зафиксированы 156 проступков, в основном - «самоволки», воровство, пьянство, в том числе на посту [374].

Впрочем, детальное рассмотрение вятлаговских реалий середины 1950-х гг. находится уже за хронологическими и тематическими рамками настоящего исследования.

В заключение обзора эволюции производственной инфраструктуры этого лагеря, отметим, что, как и вся советская система подневольного труда, она с самого начала и по определению не соответствовала критериям и принципам рациональной экономики. Уже к середине 1950-х гг. стало очевидным, что вся советская экономика и все в большей степени нуждается в труде добровольном, высококвалифицированном и высокопроизводительном. Предпринимались меры (в координатах господствующей политико-идеологической системы и в меру осознания сути проблемы высшим руководством страны) для адаптации оказавшейся в кризисе лагерной производственной сферы к новым социально-экономическим

условиям и императивам. Однако сделать это в форматах архаичной системы подневольного труда было невозможно.

Труд заключенных, основанный на внеэкономическом принуждении, оказывался невосприимчивым к техническому прогрессу и новым формам организации производства. А робкие попытки, направленные на «раскрепощение» этого труда, подрывали основу лагерной системы - ее режимную компоненту. Поэтому стремление гулаговского руководства на всех уровнях - от МВД до администрации низовых подразделений - совместить производственную и «лагерную» составляющие лишь затягивало процесс распада советско-сталинской модели карательно-исполнительной системы.

Новые вызовы требовали не мимикрии, а кардинальной трансформации всей системы, ее сущностных основ. Но этот процесс растянулся на десятилетия, перейдя за границы века прошлого и доставшись в наследство веку нынешнему.

Глава II. Система функционирования лагерной экономики (на матеиалах Вятского ИТЛ)

2.1. Организация производства и использования рабочей силы

Изучение производственной деятельности лагерей Гулага предполагает рассмотрение ряда проблем, связанных с организацией труда в местах лишения свободы.

Основные нормативно-правовые принципы этой сферы советской карательно-исполнительной системы были заложены еще в 1920-х - начале 1930-х гг. [1]. В частности, в параграфе 113 раздела «Труд заключенных» «Положения…» от 3 марта 1924 г. постулировалось, что «работы заключенных имеют воспитательно-трудовое значение, ставя своей целью приохотить и приучить к труду отбывающих наказания, дав им возможность по выходе из лагерей жить честной трудовой жизнью и быть полезными гражданами СССР» [2]. Принцип исправительно-воспитательной направленности труда в местах лишения свободы был закреплен и в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, принятом постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 августа 1934 г. [3]. Однако впоследствии, по мере нарастания массовых репрессий, нормы ИТК 1933 г. не нашли применения на практике (без официальной их отмены), а деятельность карательно-исполнительных учреждений (ИТК и ИТЛ) стала регулироваться ведомственными нормативными актами [4].

Одним из таких актов, определившим, по сути, основные параметры сталинско-советской модели организации и использования подневольного труда на протяжении более трех десятилетий, с некоторыми коррективами, внесенными в 1940-1960-х гг. [5], и вплоть до принятия в 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик [6], а в 1970 г. - третьего Исправительно-трудового кодекса РСФСР [7] явилась «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», объявленная приказом НКВД СССР от 2 августа 1939 г. №00889 [8].

Эта инструкция, за подписью заместителя начальника ГУЛАГа НКВД СССР майора государственной безопасности Г.П.Добрынина, объявлена совершенно секретным приказом НКВД СССР, подписанным заместителем народного комиссара внутренних дел комдивом В.В.Чернышовым и завизированным прокурором Союза ССР М.И.Панкратовым. Причем в

преамбуле приказа подчеркивалось: «Все ранее изданные директивы и указания по вопросам режима содержания заключенных отменить» [9]. Таким образом, ведомственный нормативный акт фактически приобрел силу закона, и примечательно, что сделано это было с согласия союзной прокуратуры. Подобная практика оставалась свойственной нормативно-творческой деятельности Гулага в течение всего периода его существования.

По установленному порядку, начальникам исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) предписывалось организовать «изучение настоящей инструкции всем начальствующим составом лагеря, инженерно-техническим персоналом и всем личным составом охраны» [10].

В первой же статье «Временной инструкции…» предписывалось, что режим содержания заключенных должен обеспечить:

а) надежную изоляцию осужденных преступников; б) организацию порядка содержания заключенных в лагере, обеспечивающего наиболее эффективное использование их труда [11].

Следовательно, о каких-либо задачах, связанных с исправительным воздействием на заключенных, и речи не идет. Главное - «надежно изолировать» подневольных и максимально использовать их возможный хозяйственно-экономический потенциал.

Особо оговаривалось, что осужденные за «контрреволюционные» («государственные») преступления должны направляться, как правило, в лагеря, находящиеся в «отдаленных местностях», с применением «усиленного режима» (ст.2 «Инструкции…») [12].

Заключенные («спецконтингент») ИТЛ размещались по лагерным пунктам (участок, колонна, командировка), которые организовывались вблизи объектов работ.

Лагеря и колонии имели свою структуру управления. Она включала:

1. Руководство лагеря (начальник и его заместители: по лагерю, по производству, по охране, по оперативно-чекистскому отделу, по политработе, по кадрам и т.д.). Начальнику Управления ИТЛ как единоначальнику была подчинена вся оперативная, культурно-воспитательная, административная, режимная и хозяйственная деятельность ИТЛ. 2. Отдел кадров (ОК). 3. Политотдел. 4. Административно-хозяйственный отдел (АХО). 5. Оперативно-чекистский отдел (3-й отдел - ОЧО). 6. Штаб военизированной охраны (ВОХР). 7. Отдел учета и распределения заключенных (2-й или специальный отдел - ОУРЗ). 8. Культурно-воспитательный отдел (КВО). 9. Санитарный отдел (САНО). 10.

Отдел общего (интендантского) снабжения (ООС-ОИС). 11. Коммунально-бытовой отдел (КВО). 12. Отдел военизированной пожарной охраны (ВПО). Эти отделы входили в группу отделов лагерного сектора.

Для руководства же производственно-хозяйственной деятельностью в Управлении ИТЛ функционировал ряд отделов производственного сектора: 1. Промышленный (производственный) отдел. 2. Плановый отдел. 3. Сельхозотдел. 4. Отдел технического снабжения (ОТС). 5. Отдел капитального строительства (ОКС). 6. Транспортный отдел. 7. Главная бухгалтерия. 8. Отдел организации труда и заработной платы (ОТЗ) и ряд других производственных отделов, специфичных для того или иного лагеря (в частности, в Вятском ИТЛ - железнодорожный отдел (ЖДО), ветеринарная инспекция и др.) [13].

В зависимости от объема и характера выполняемых работ ИТЛ включали следующие подразделения: 1. Лагерные отделения (районы). 2. Отдельные лагерные пункты (ОЛП). 3. Лагерные пункты, входящие в состав отделений. 4. Командировки (участки, колонны, отряды). Низовые производственные подразделения представляли собой участки, цеха, бригады и звенья.

Основной структурным сегментом ИТЛ, осуществляющим изоляцию контингента заключенных, являлся отдельный лагерный пункт (ОЛП), во главе которого были начальник и заместитель начальника по лагерю, назначавшиеся ГУЛАГом НКВД. Организация ОЛП допускалась при наличии контингента заключенных не менее 300 человек, а не отдельного лагерного пункта - при наличии не менее 200 человек. Следующим звеном иерархии ИТЛ являлось лагерное отделение (или район), организуемое при наличии не менее 3000 заключенных. Лагерное отделение и ОЛП имели соответствующую административную структуру, состоящую из частей и служб, транслировавших на места функции отделов и служб управления ИТЛ [14].

Внешняя охрана лагерей и колоний, производственных и строительных площадок, осуществлялась отрядами и дивизионами военизированной охраны, с использованием караульных и розыскных собак. Обеспечение режима содержания и порядка внутри лагеря возлагалось на надзирательскую службу, комплектовавшуюся из состава военизированной охраны. Руководство военизированной охраной и надзирательской службой осуществлялось штабами отрядов и дивизионов. Правила караульной, конвойной и розыскной служб охраны, а также службы розыскных и

караульных собак определялись издаваемыми НКВД-МВД СССР Уставами службы военизированной охраны» [15].

Территория расположения лагерного пункта должна была быть предварительно обследована и отвечать следующим основным положениям (статья 3 «Временной инструкции…» 1939 г.): а) максимально приближена к месту работ; б) максимально удалена от общегражданских пунктов; в) представлять собой сухую местность, обеспечивающую естественный или искусственный сток поверхностных вод; г) иметь в наличии доброкачественную и удободобываемую питьевую и хозяйственную воду [16].

В составе Вятского ИТЛ на момент его организации (1938 г.) было образовано 12 отдельных лагерных пунктов (ОЛП)(17). К концу 1943 г. Вятлаг состоял из 7 ОЛПов и одного лесозаготовительного отряда (ЛЗО). В состав этих ОЛПов и ЛЗО входили 22 лагерных подразделения, в том числе 2 «совхоза», 10 лагерных пунктов и 10 подкомандировок (временных лесопунктов).

Таблица 16

Дислокация и наполняемость подневольным контингентом подразделений Вятлага [18]

Наименование подразделения	Заключенных			«Трудармейцев»		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
1) 1-й ОЛП	1.232	319	1.551	1	18	19
в т. ч. - штабной лагпункт (л/п)	535	151	686	1	18	19
- инвалидная						
- подкомандировка (п/к)	560	58	618	-	-	-
- совхоз № 3	134	109	243	-	-	-
- п/к «Кама»	1	1	2	-	-	-
2) 3-й ОЛП	752	459	1211	-	601	601
в т. ч.: - штабной л/п	561	279	840	-	-	-
- 2-й л/п	103	166	269	-	601	601
- 3-й л/п	23	2	25	-	-	-
- 4-й л/п	25	2	27	-	-	-
- бывший штабной л/п (101-й лагерь для военнопленных)	40	10	50	-	-	-
3) 4-й ОЛП	3143	768	3911	109	9	118
в т. ч.: - штабной л/п	2187	524	2711	11	5	16
- совхоз № 4	122	77	199	44	-	44
- «сангородок»	834	167	1001	54	4	58

Наименование подразделения	Заключенных			«Трудармейцев»		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
4) 6-й ОЛП	996	136	1132	1178	-	1178
в т. ч.: - штабной л/п	876	130	1006	11	-	11
- штрафная п/к	103	6	109	-	-	-
- 1-й л/п (бывший 9-й л/п)	17	-	17	1167	-	1167
5) 8-й ОЛП	666	384	1.050	1	-	1
6) 10-й ОЛП	547	168	715	134	313	447
в т. ч.: - штабной л/п	495	167	662	3	2	5
- п/к «Старцево»	36	-	36	-	239	239
- п/к «Дымное болото»	8	1	9	131	-	131
- п/к «6-й разъезд»	-	-	-	-	51	51
- п/к «Фаленки»	8	-	50	-	21	21
7) 12-й ЛЗО	608	42	650	1298	3	1301
в т. ч.: - штабной л/п	10	-	10	951	2	953
- 1-й л/п	587	42	619	214	-	214
- 2-я п/к	7	-	7	20	1	21
- 3-я п/к	4	-	4	108	-	108
- п/к «Мурис»	-	-	-	4	-	4
8) 13-й ОЛП	915	799	1714	193	-	193
в т. ч.: - штабной л/п	581	419	1000	145	-	145
- п/к бывшего						
15-го л/п	333	380	713	18	-	18
- п/к «Сельхоз»	1	-	1	14	-	14
- специальная п/к	-	-	-	16	-	16
9) Центральный изолятор оперативно-чекистского отдела	44	1	45	30	3	33
ВСЕГО	8903	3076	11979	2.944	947	3891

К началу 1945 г. структура лагеря выглядела уже следующим образом [19]:

1) 1-й отдельный лагпункт (ОЛП), в составе:

- штабной лагпункт (л/п), лимит размещения «спецконтингента» - 800 человек;

- 1-я подкомандировка (п/к, бывший 11-й ОЛП) - 620 чел.;

2) сельхозлагпункт («совхоз») № 3 - 480 чел.;

3) 3-й ОЛП, в составе:

- штабной л/п - 750 чел.;

- п/к «Юрты» - 200 чел.;

- п/к «Горельники» - 150 чел.;

4) 4-й ОЛП («сангородок») - 1150 чел.;

5) 5-й ОЛП («Комендантский») - 2300 чел.;
6) сельхозлагпункт № 1 - 310 чел.;
7) 6-й ОЛП, в составе:
- штабной л/п - 1100 чел.;
- 1-я п/к (п/к бывшего 9-го лесозаготовительного отряда/ЛЗО) - 450 чел.;
8) 7-й ОЛП (бывший 6-й ОЛП - штабной) - 1100 чел.;
9) 8-й ОЛП - 1060 чел.;
10) 10-й ОЛП, в составе:
- п/к «Старцево» - 470 чел.;
- п/к «Фосфоритная» - 600 чел.;
- п/к «Дымное Болото» - 140 чел.;
11) 12-й ЛЗО, в составе:
- штабной л/п - 1100 чел.;
- 1-й л/п - 250 чел.;
- 2-й л/п («Мурис») - 420 чел.;
12) 13-й ОЛП, в составе:
- штабной л/п - 1150 человек;
- подкомандировка (бывший 15-й л/п) - 500 чел.;
- подкомандировка (бывший 16-й л/п) - 150 чел.

Сложившаяся в конце 1930-х и в первой половине 1940-х гг. практика совместного расположения в зоне досягаемости заключенных мужчин и женщин противоречила общепризнанному пенитенциарному принципу, согласно которому эти подневольные категории должны размещаться абсолютно изолированно. В послевоенное время мужские и женские отделения на территории одного лагерного подразделения стали перегораживаться колючей проволокой, а в начале 1950-х гг. устраиваются отдельные мужские и женские лагерные пункты [20]. Кроме того, распоряжением Совета Министров СССР от 12 января 1953 г. №700-рс было запрещено применять труд женщин на тяжелых работах (валка, погрузка, разгрузка леса и т.д.) [21], а 14 августа этого же года вышло распоряжение министра юстиции СССР №18/43с о запрещении использования заключенных женщин на отдельных видах тяжелых лесозаготовительных и сплавных работ [22]. Наряду с этим была внедрена дифференциация лагерных подразделений по видам режима. В результате состав и дислокация Вятского ИТЛ к концу рассматриваемого периода (1954 г.) претерпели существенные изменения, о чем может дать представление нижеследующая таблица [23]:

Таблица 17

Состав и дислокация Вятского ИТЛ (конец 1954 г.)

№№ отделений, наименования	Состав л/пунктов	Число л/пунктов	Вид режима	Лимит наполнения	Наличие спецконтингента
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
1 Нырмычское	Лесозаводской		Общий	536	644
	Нырмыч-1		Общий	668	608
	Нырмыч-2		Облегченный	355	333
	Нырмыч-3		Общий	512	743
	ИТОГО	4		2071	2328
2 Созимское	Лагпункт № 3		Общий	198	250
	Лагпункт № 1		Общий	569	640
	Лагпункт № 2		Строгий	513	446
	Лагпункт № 4		Общий	306	492
	Лагпункт № 7		Общий	713	654
	Лагпункт № 7-глубинный		Облегченный	-	184
	ИТОГО	6		2299	2666
3 Комендантское	Лагпункт «Комендантский»		Общий	1907	1919
	ИТОГО	1		1907	1919
5 Пашнянское	Лагпункт № 18		Общий	547	592
	Лагпункт № 18-глубинный		Общий	467	546
	Лагпункт № 2-глубинный		Облегченный	-	195
	Лагпункт № 6		Общий	1006	809
	ИТОГО	4		2315	2142
6 Имское	Лагпункт № 17		Общий	547	594
	Лагпункт «Березовка»		Общий	784	577
	Лагпункт № 2-глубинный		Облегченный	-	150
	Лагпункт № 19		Общий	960	973
	Лагпункт № 19-глубинный		Облегченный	280	172
	ИТОГО	5		2571	2466
9 Гидаевское	Лагпункт № 22		Строгий	733	872
	Лагпункт № 23		Общий	730	371
	Лагпункт № 24		Общий	1068	975
	Лагпункт № 16		Общий	455	484
	Лагпункт № 16-больничный		Общий	927	726
	ИТОГО	5		3513	3428
10 Сысольское	Лагпункт № 21		Общий	964	998
	Лагпункт № 25		Общий	455	406
	Лагпункт № 27		Облегченный	422	412
	Лагпункт № 2		Общий	507	452
	Лагпункт № 20-пересыльный		Общий	800	88
	ИТОГО	5		3148	2356

№№ отделений, наименования	Состав л/пунктов	Число л/пунктов	Вид режима	Лимит наполнения	Наличие спецконтингента
12 Веслянское	Лагпункт № 30		Общий	1280	1168
	Лагпункт Веслянский-1		Общий	-	236
	Лагпункт № 26		Общий	777	635
	Лагпункт № 26-глубинный		Общий	306	446
	ИТОГО	4		2368	2485
13 Туруньинское	Лагпункт № 29		Общий	775	934
	Лагпункт № 31		Общий	1000	945
	Лагпункт № 35		Общий	1022	1008
	ИТОГО	3		2797	2887
Строительное	Лагпункт «Кажимка»		Облегченный	520	493
	Лагпункт № 34		Облегченный	207	155
	ИТОГО	2		827	648
Сельскохозяйственное № 1	Сельхозлагпункт № 1		Общий	543	705
	Лагпункт № 4-больничный		Общий	965	869
	Сельхозлагпункт № 2		Облегченный	420	381
	Сельхозлагпункт № 3		Общий	628	364
	ИТОГО	4		2556	2319
Железнодорожное	Собственного контингента заключенных не имеет.				
	Лагпункт «Сорда»		Общий	763	705
	ИТОГО	1		763	705
	Лагпункт «Верхнекамская»				
	по освобождению			-	42
	ИТОГО	1		-	42
	Сельхозлагпункт № 4		Облегченный	320	314
	ИТОГО	1		320	314
	ВСЕГО ПО ЛАГЕРЮ	46		27450	26705
	Из них: мужчин				24147
	женщин				2558

Таким образом, всего по лагерю к 1954 г. значились 12 отделений, в состав которых входили 43 лагпункта. Кроме того, имелись 3 самостоятельных лагпункта, подчиненных непосредственно Управлению лагеря. По видам режима лагерные пункты распределялись (без пересыльного пункта и пункта освобождения): строгого режима (для заключенных с первой судимостью за особо тяжкие преступления) - 1; строгого режима (для повторно судимых за тяжкие преступления) - 1; общего режима (для заключенных с первой судимостью за «менее тяжкие преступления») - 6; общего режима (для повторно судимых за «менее тяжкие преступления») - 26; облегченного режима (для заключенных, «ставших на путь исправления») - 10. При этом впервые осужденные заключенные,

содержавшиеся на общем режиме, размещались в лагерных пунктах: №4 (отделения №2), №6 и №18-головной (отделения №5); №35 (отделения №13); Комендантский лагпункт (отделения №3). Заключенные, осужденные за «контрреволюционные преступления», содержались в подразделениях: лагпункт № 1 отделения № 2 (общий режим); лагпункт №30 отделения №12 (общий режим); лагпункт «Березовка» отделения №6 (общий режим); сельхозлагпункт №3 сельхозотделения №1 (общий режим); лагпункт «Сорда» (общий режим). Заключенные-женщины находились в специализированных сельскохозяйственных подразделениях: в лагерных пунктах №№1, 3 (общий режим), №№2 и 4 - больничный (облегченный режим) 1-го сельскохозяйственного отделения, а также в сельскохозяйственном лагпункте №4 облегченного режима (станция Фаленки) [24].

Производственно-организационная структура включала 7 лесозаготовительных отделений (№№1, 2, 5, 6, 9, 10 и 12), строительное отделение, 4 лесозавода и 2 шпалозавода. Кроме того, имелись тарные цеха при всех лесозаводах, деревообрабатывающие мастерские при лесозаводе №1, цеха ширпотреба на лагпункте №6 (5-е отделение), на лагпункте №7 (2-е отделение) и на лагпункте «Сорда». Для ремонта, изготовления некоторых предметов оборудования и запасных частей к нему действовали специальные мастерские: Центральные ремонтно-механические (ЦРММ), Центральные паровозовагоноремонтные (ЦПВРМ), а также мастерские и ремонтные механические мастерские в отделениях и при лесозаводе №1 [25]. Наряду с этим функционировали 4 отдельных сельхозпредприятия, а также сельхозучастки - при крупных лагерных подразделениях [26].

Обустройство и оборудование производственных объектов (участков, цехов) и зон обставлялось целым рядом нормативно-режимных требований [27].

Во-первых, вокруг зоны должно быть возведено ограждение - правильной прямоугольной формы, состоящее из внутренней, предупредительной и запретной частей. На территории внутренней части зоны размещаются все производственные постройки. К границам этой части зоны с внешней стороны примыкает предупредительная часть - шириной 5 м. Далее идет запретная часть - шириной 20-30 м. Предупредительная и запретная части зоны расчищаются и планируются.

Во-вторых, с внешней стороны предупредительная часть зоны ограждается основным забором. В лагерных подразделениях общего режима, расположенных в городах и крупных населенных пунктах, вблизи

действующих железнодорожных и автомобильных магистралей, станций и пристаней, забор делается сплошным деревянным, высотой 3 м, с козырьком из колючей проволоки - в 4-5 нитей и укладкой в подземной части продольной жерди на глубине 20 см. В остальных случаях для оборудования зон лагерных подразделений общего режима допускалось применять проволочный забор - высотой 3 м, в 13 нитей колючей проволоки, с козырьком в 4-5 нитей поверху забора и двумя диагональными нитями в каждом пролете между стойками. Для оборудования зон лагерных подразделений строгого режима разрешалось применять усиленный жердевой или так называемый «Тульский» проволочный забор. Такой забор строится высотой 3 м, с козырьками из колючей проволоки из 4-5 нитей по обе стороны забора и с дополнительной привязкой жердей к верхней прожилине проволокой и заглублением их нижних концов к земле на 50 см. «Тульский» проволочный забор, кроме вертикальной сетки, состоящей из 10 горизонтальных и (через каждый 0,5 погонных метра) вертикальных нитей, имеет по обе стороны козырьки - по 4 нити, а также сети - по 6 нитей колючей проволоки, проложенных по проволочным оттяжкам. Общая высота «Тульского» забора с козырьком - 2,5 м. С внутренней стороны предупредительная часть зоны ограждается предупредительным забором высотой 1,25-1,5 м. Предупредительный забор может быть из жердей или четырех нитей колючей проволоки. При этом все производственные постройки размещаются от предупредительного забора на расстоянии 15-20 м. Ограждение запретной части зоны оборудуется в 1-2 нити колючей проволоки. С целью усиления ограждений, в запретной части зоны устраиваются надолбы и другие сооружения.

При использовании спецконтингента на лесоразработках для их охраны в лесном массиве делаются просеки шириной: а) в лагерных подразделениях общего режима: летом - 15 м; б) в лагерных подразделениях усиленного режима: летом - 20 м; в) в лагерных подразделениях строгого режима: летом - 25 м. В летнее время посредине просеки устанавливается изгородь высотой 2 м - из жердей с сучьями, длиной 20-30 м. На линии изгороди устанавливаются наблюдательные вышки. В зимнее время для охраны лесных мастерских участков организуются лыжницы (вместо разрубки просек) - с расчисткой зон видимости и прохода. Подступы к просеке на расстоянии 15 м очищаются от кустарника, валежника и порубочных остатков.

В-третьих, для пропуска людей и транспорта в зону, по числу пунктов пропуска строятся вахты, состоящие из контрольной площадки для осмотра транспорта и помещения вахты. В помещении вахты оборудуются проходной коридор, комната вахтера и комната караула (конвоя). Все окна вахты заделываются прочными металлическими решетками, входные двери на вахту из зоны обшиваются листовым или укрепляются полосовым железом, и оборудуются механические запоры дверей вахты. Контрольная площадка для осмотра транспорта размерами 6×13 м огораживается проволочным забором высотой 2,5-3 м и имеет двое ворот: внешние - сплошные деревянные, внутренние - решетчатые или из колючей проволоки, натянутой по деревянному каркасу. Перед внешними воротами устанавливается прочный шлагбаум.

В-четвертых, по углам зоны устанавливаются наблюдательные вышки. Расстояние между двумя соседними вышками - не более 200 м.

Согласно ст.35 «Временной инструкции…» 1939 г. (и соответствующих установлений последующих такого рода нормативных актов), каждый заключенный обязан был работать - по назначению администрации лагеря [28]. По своему содержанию данная норма должна, безусловно, иметь законодательный характер, поскольку регулирует фундаментальное экономическое право гражданина. Однако в советской исполнительно-карательной практике эта норма закреплялась только ведомственными актами (что касается, впрочем, и ряда других прав заключенных) и была законодательно закреплена лишь в 1970 г. - ст.37 принятого тогда нового ИТК РСФСР и аналогичными статьями исполнительно-трудовых кодексов союзных республик [29], а затем (в 1997 г.) - и ст.103 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [30]. Согласно тем же нормативным установлениям 1930-1950-х гг., заключенные, отказывающиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а злостные «отказчики», своими действиями разлагающие дисциплину в лагере, привлекались к уголовной ответственности [31].

Как уже отмечалось в параграфе 2 главы первой настоящего исследования, в период войны и в первые послевоенные годы Вятский ИТЛ занимался организацией труда не только заключенных, но и некоторых других категорий подневольного населения.

Первую по численности из этих категорий составляли мобилизованные («трудмобилизованные») в «рабочие колонны» (или так называемую

«трудовую армию») этнические представители стран, находившихся в состоянии войны с Советским Союзом: немцы, финны и другие, хотя абсолютно преобладающую их часть составляли отечественные (поволжские, причерноморские, ростовские, краснодарские, донбасские, алтайские и т.д.) немцы [32]. На эту категорию «спецконтингента» распространялось «Положение о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев», утвержденное ГУЛАГом НКВД СССР 12 января 1942 г. [33].

Согласно данному «Положению…», все «трудмобилизованные» призывных возрастов направлялись для работы при лагерях НКВД СССР и организовывались в рабочие колонны при ИТЛ НКВД СССР. При этом «трудмобилизованные» формировались в отряды (в лесных лагерях, в том числе в Вятлаге, - в лесозаготовительные отряды, или ЛЗО) численностью от 1500 до 2000 человек, которые организовывались по производственному принципу - применительно к лагерному пункту и дислокации. Во главе отряда назначался начальник - из чекистов-лагерников, а для ведения политико-воспитательной работы в каждом отряде - политрук. Все отряды имели аппарат учета, снабжения, охраны, оперативно-режимную службу, медицинскую часть и т.д. - применительно к лагерным подразделениям такой же численности. Отряд делился на колонны (построенные по производственному принципу) - с численностью от 350 до 500 человек. Во главе колонны назначался чекист-лагерник, знакомый с производством, на котором использовалась колонна. В свою очередь, колонна делилась на бригады - от 35 до 100 человек, в зависимости от производственной потребности. Во главе бригады назначался бригадир - мастер-специалист (бригадиры могли назначаться и, как правило, назначались из числа самих «трудмобилизованных»). Отряды и колонны формировались в составе смешанных возрастов: среди мужчин - от 17 до 60 лет, среди женщин - от 16 до 50 лет. Специалисты (инженеры, техники, врачи и т.п.) в большинстве случаев (за отдельными исключениями, в отличие от разного рода «гуманитариев») использовались в отрядах по основной (или близкой) специальности [34].

«Трудмобилизованные» размещались казарменно - в бараках, по колоннам, при этом каждая колонна - в одном или двух смежных бараках. Вокруг бараков (дворов) устанавливалась ограждение - зона, которая охранялась стрелками ВОХР (военизированной охраны). Выход из зоны с момента утренней и до вечерней поверки разрешался только по пропускам

или в строю. Внутри зоны и бараков допускалось свободное хождение. Мужчины и женщины содержались раздельно. На работу колонны выводились строем - под командой начальника колонны или другого командира. В пути на работу, на работе и при возвращении в зону колонны не охранялись. При этом размещение рабочих отрядов из «трудмобилизованных» и их работа должны были происходить изолированно от заключенных, содержащихся в лагере.

В отряде, колонне, бригаде устанавливался строгий воинский порядок. Каждый из состава отряда и бригады обязан был отработать полную себестоимость его содержания в лагере и выполнять установленные производственные нормы. Внутренний распорядок в отряде - часы работы, время пищи, отдых и т.д. - устанавливается приказом начальника лагеря. За нарушение этого порядка, неисполнение поручений или распоряжений начальствующего состава отряда, колонны и бригадиров, за невыполнение производственных норм, за порчу инструмента или лагерного имущества на «трудмобилизованных» налагались дисциплинарные взыскания - вплоть до предания суду.

«Рабочие колонны» («трудармия») были упразднены лишь в 1945-1946 гг., а находившиеся в них лица переведены на положение «спецпоселенцев» - с распространением на них «прав и обязанностей рабочих и служащих тех предприятий, где они работают», и законодательства о труде [35]. Но это оказалось не более чем декларацией, поскольку одновременно все бывшие «трудмобилизованные» ставились на учет спецкомендатур - с распространением на лиц, подотчетных этим комендатурам, соответствующих режимных требований, которые существенно ограничивали их права, в частности - и в сфере трудоустройства [36]. В 1946-1948 гг. преобладающая часть спецпоселенцев была отправлена за пределы лагеря - в Западную Сибирь и Восточный Казахстан («спецстройки МВД», золотодобыча, колхозы и леспромхозы), в Забайкалье (Читинская область, золотодобыча), на Урал (Челябинск, Миасс, Соликамск - «строительство спецобъектов») и т.п. Относительно небольшой контингент спецпоселенцев был передан Кайскому целлюлозному заводу (пос. Созимский) и некоторым другим предприятиям и стройкам Кировской области [37]. К началу 1948 г. в Вятлаге трудились всего 293 спецпоселенца, что составляло менее 1,2% подневольной «рабсилы» [38]. В последующий период, вплоть до ликвидации спецпоселения в 1955-1956 гг. [39], эти цифры, с незначительными колебаниями, оставались примерно на том же уровне [40].

К этническим «трудармейцам» примыкали (по условиям лагерного режима и трудоиспользования) «трудмобилизованные» через военкоматы - из категорий «трудпереселенцы» («трудпоселенцы», «спецпоселенцы», «бывшие кулаки») - 562 человека к началу 1944 г., или 12,6% к численности вольнонаемного персонала лагеря, а также «колхозники» (700 человек, или 15,7%) [41].

Особую категорию лагерной «рабсилы» составляли бывшие заключенные, которых (согласно п.1 директивы НКВД и прокурора СССР от 29 апреля 1942 г. «О порядке освобождения особо опасных преступников») «в связи с военным временем» не выпускали на свободу. К этой категории были отнесены «осужденные за измену Родине, террор, шпионаж, диверсию, троцкисты, правые и бандиты» [42]. Часть из них (так называемых «директивников», или «директивных») по истечению установленного срока заключения «закрепляли» в лагере - «на условиях вольного найма». При этом «директивники» содержались в отдельных бараках, работали в составе особых формирований, аналогичных колоннам «трудмобилизованных». На 1 января 1944 г. в Вятлаге находились 614 человек из этой категории (13,8% к вольнонаемному составу лагеря) [43]. Не допускалось «внеслужебное общение» «директивников» с вольнонаемным персоналом лагеря. Малейшее нарушение ими трудовой дисциплины или режима содержания могло повлечь для них новый срок заключения [44]. «Директива №185» была отменена совместным приказом МВД, МГБ и Генерального прокурора СССР лишь 24 июня 1946 г. Причем, согласно этому приказу, лица, подозреваемые в антисоветской деятельности или ранее осужденные по политическим статьям, подлежали повторному аресту или ссылке. Остальные же «директивники» освобождались только после рассмотрения их дел специально созданными (до 1 октября 1946 г.) комиссиями [45].

В сумме три перечисленные категории «рабочей силы» («трудпереселенцы», «мобилизованные колхозники» и «директивники») насчитывали в начале 1944 г. 1876 человек, то есть почти половину (42,1%) всего персонала лагеря [46].

В документах Вятского ИТЛ предвоенных лет имеются свидетельства о наличии в этом лагере еще одной категории подневольных работников - «несовершеннолетних заключенных» [47]. Так, в приказе по лагерю от 23 августа 1939 г. №611 констатируется, что «ГУЛАГом НКВД СССР даны конкретные директивные указания о порядке содержания и трудоиспользования несовершеннолетних заключенных, а также проведения

среди них культурно-воспитательной работы» [48], и вместе с тем отмечается, что со стороны администрации лагерных пунктов, где содержатся несовершеннолетние заключенные, «не принято никаких мер в отношении создания для них нормальных бытовых условий, охватом их учебой и правильного трудоиспользования». В частности, в 4-м лагерном пункте, где содержится основная масса несовершеннолетних заключенных, выявлен целый ряд «безобразий и нарушений»: не созданы нормальные бытовые условия («в бараках тесно, грязно, постельные принадлежности отсутствуют, культвоспитработа среди малолетних отсутствует, трудоиспользование их производится неправильно, вместо установленных 6 часов работы для малолетних последние работают 8 часов»), руководство лагпункта «вопросом о создании бытовых условий для малолетних заключенных и правильным их трудоиспользованием не занималось». В приказе предписывается ответственным работникам Управления и подразделений: принять «необходимые и немедленные меры» для «организации культурного обслуживания несовершеннолетних заключенных, укрепления среди них культурно-воспитательной работы, выделив для этой цели пригодных воспитателей из числа вольнонаемного состава по норме - один воспитатель на 75 заключенных»; выделить одного инспектора в аппарате культурно-воспитательного отдела (КВО) управления, которому «вменить в обязанность непосредственное руководство и помощь на местах по работе с несовершеннолетними»; организовать питание несовершеннолетних заключенных «по нормам ГУЛАГа»; выделить для несовершеннолетних заключенных «лучшие бараки и создать в них надлежащие бытовые условия, обеспечив полностью постельными принадлежностями и необходимым вещдовольствием»; трудоиспользование малолетних заключенных «организовать в мастерских и подсобных цехах»; обеспечить их обучение - «в порядке бригадного ученичества»; исключить «использование на работе малолетних заключенных сверх установленных 6 часов … в день». Цитируемый приказ (и некоторые другие косвенные документальные свидетельства) [49] дают определенное представление о данном аспекте подневольного труда, но применительно к Вятлагу углубленное изучение этой темы требует дополнительных архивных изысканий и источниковедческого анализа.

С конца 1945 г. до начала 1948 г. неотъемлемой составляющей контингента подневольной «рабсилы» Вятлага являлись военнопленные. В приказе НКВД СССР от 12 октября 1945 г. №001237 народному комиссару

внутренних дел Коми АССР, начальникам УНКВД по Горьковской, Свердловской, Архангельской, Кировской областям и начальнику Управления лагерей лесной промышленности НКВД СССР генерал-майору М.М.Тимофееву предписывалось «организовать лагерные отделения для содержания военнопленных в лагерях лесной промышленности», а приказом НКВД СССР от 27 ноября 1945 г. №001433 «О ликвидации Вятского лагеря НКВД для военнопленных №101» предусматривалась передача «содержащегося контингента военнопленных ликвидируемых лагерных отделений №№1, 2, 3, 4, 7» этого лагеря «на укомплектование лагерных отделений для военнопленных (емкостью на 5000 человек) в составе Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР, дислоцируемого на станции Яр-Фосфоритная Пермской железной дороги» [50]. Обращает внимание, что структура лагерных подразделений военнопленных была установлена приказом НКВД СССР №00699 еще 15 июня 1945 г., то есть почти за полгода до формального решения об организации самих этих подразделений [51]. В свою очередь, приказом начальника Управления Вятского ИТЛ от 25 декабря 1945 г. №830 «Об организации лагподразделений военнопленных» на базе 1-го, 2-го, 4-го отделений бывшего 101-го лагеря для военнопленных УПВИ НКВД и 3-го ОЛПа Вятлага образовано 1-е лагерное отделение - с центром размещения на станции Малый Созим (управление бывшего лагеря №101 для военнопленных). В составе этого отделения организуются соответствующие лагерные пункты: 1) 1-й лагпункт (бывшее 1-е отделение 101-го лагеря); 2) 2-й лагпункт (бывшее 4-е отделение 101-го лагеря); 3) 3-й лагпункт (лагпункт «Горельники» 3-го ОЛПа Вятлага); 4) 4-й лагпункт (штабной лагпункт 3-го ОЛПа Вятлага); 5) 5-й лагпункт (бывшее 2-е отделение 101-го лагеря); 6) 9-й ОЛП для военнопленных (станция Мурис); 7) лесопункт на станции Има (бывшее 3-е отделение 101-го лагеря) - с непосредственным подчинением 12-му ЛЗО Вятлага [52]. Количественный состав военнопленных, находившихся в Вятлаге (не более 5000 человек), можно считать относительно ограниченным - с учетом того обстоятельства, например, что только на территории Кировской области в 1946 г. содержалось около 30000 военнопленных [53].

Правовое положение военнопленных определялось, как и для других подневольных категорий, в нормативном порядке. К началу войны 1941-1945 гг. в СССР действовали два «Положения о военнопленных». Одно - утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1931 г. №46

[54], и второе (от 19 сентября 1939 г.) - утвержденное Экономическим советом СНК СССР от 20 сентября 1939 г. [55]. «Положение о военнопленных» от 20 сентября 1939 г. было менее детализированным, чем «Положение...» от 19 марта 1931 г., которое почти полностью копировало текст Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. [56], так и не ратифицированную СССР. В начале войны СНК СССР своим постановлением от 1 июля 1941 г. №1798-800с утвердил новое «Положение о военнопленных» [57], которым и был определен режим содержания всех категорий военнопленных, находившихся в СССР, и признал утратившим силу действовавшее «Положение о военнопленных», утвержденное постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1931 г. Однако и «Положение о военнопленных» от 20 сентября 1939 г. осталось неотмененным. Постановление СНК Союза ССР «Об утверждении положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г. было объявлено приказом НКВД СССР от 21 июля 1941 г. №0342. Наряду с этим Советское правительство с началом войны через посольство и Красный Крест Швеции (нота НКИД СССР от 17 июля 1941 г.) довело до сведения воюющих сторон, что Советский Союз будет соблюдать требования Гаагской (1907 г.) [58], а также Женевской (от 27 июля 1929 г.) [59] конвенций о пленных, раненых и больных - на основе взаимности [60].

Советское руководство гарантировало военнопленным жизнь и безопасность, нормальное питание, раненым и больным - медицинскую помощь. Запрещалось оскорблять военнопленных, жестоко обращаться с ними. Им сохранялись военная форма, знаки различия, ордена, личные вещи и ценности, высшему офицерскому составу - холодное оружие. Военнопленные должны были содержаться в особых (специальных) лагерях [61]. На основании и с учетом требований Женевской конвенции от 27 июля 1929 г. в советских нормативных актах («Положениях…») о военнопленных был определен и порядок их трудового использования. Кроме того, отдельные стороны трудового использования военнопленных регламентировались приказами, директивами и указаниями НКВД СССР [62].

В соответствии с Женевской конвенцией от 27 июля 1929 г., а также советскими «Положениями…», военнопленные могли привлекаться к физическому труду как в лагере для военнопленных, так и вне лагеря, то есть на сельскохозяйственном и промышленном производстве. К физическому труду мог привлекаться лишь рядовой и унтер-офицерский состав. Офицеры

могли привлекаться к такому труду лишь на основании их письменного заявления. Категорически запрещалось трудовое использование военнопленных в зонах боевых действий, в местах и на производстве, угрожающих их жизни и здоровью. Запрещалось также (подпункт «В» пункта 25 части IV «Положения…» 1941 г.) использование труда военнопленных для обслуживания личных нужд администрации лагерей, а также для обслуживания личных нужд других военнопленных («денщичество») [63]. На военнопленных распространялись установления о рабочем времени, охране труда и т.п., действовавшие в отношении советских граждан, выполнявших аналогичную работу [64]. Однако на практике многие из этих положений, как правило, не выполнялись. Об этом свидетельствует уже сам факт размещения военнопленных не в специальных, а «типовых» исправительно-трудовых лагерях, что отчетливо демонстрируется на примере Вятлага. Лагерные подразделения для военнопленных в Вятском ИТЛ были ликвидированы к началу 1948 г. Большинство их узников вернулось на родину, часть (бывшие эсэсовцы, «военные преступники» и т.п.) отправлена на восток - в уральские и сибирские спецлагеря, оставшуюся небольшую группу военнопленных передали в лагерное отделение №1 (г.Киров), которое подчинялось Пермскому УВД [65].

Трудовое использование «спецконтингентов» в лагере производилось с учетом целого ряда конкретных производственно-технологических, санитарно-медицинских, оперативно-режимных и других требований и обстоятельств.

Во-первых, определялся перечень основных работ, на которых предполагалось использование этих «контингентов». Он утверждался приказом начальника ИТЛ и включал три раздела (данные на 1942 г., с последующими незначительными коррективами): основные работы; прочие основные работы; вспомогательные работы [66].

К первому разделу («тяжелый физический труд») относились более 70 видов работ:

- Лесозаготовки и деревообработка: лесорубы (вальщики, раскряжевщики, обрубщики); рабочие, занятые на постройке лесовозных дорог; подвозчики (трелевка леса ручная и конная); возчики леса; навальщики и свальщики леса; разделка древесины и колка дров вручную и на механизмах; подноска и подкатка древесины; штабелевка и укатка древесины; погрузка (в вагоны) и разгрузка (из вагонов) древесины на железной дороге; трактористы и их помощники; шоферы; мотористы

двигателей внутреннего сгорания; регулировщики; комлевые и вершинные навальщики; податчики сырья к станку; укладчики пиломатериалов, шпал, горбылей и вырезок; оторцовщики шпал; обрезчики; сортировщики с перекладкой леса и пиломатериалов; бондари; пильщики на продольных станках; заготовка газогенчурки.

- Строительство: землекопы, свальщики шпал; отвозчики шпал; укладчики рельсов и шпал, каменщики, печники, столяры; плотники на всех строительных работах, кроме ремонтных; маляры; кровельщики; электро- и газосварка; штукатуры; грузчики; рабочие кирпичного завода.

- Сельское хозяйство и предприятия отдела общего снабжения: рабочие у плуга (распашка) и культиватора; нарезка и возобновление поливных борозд и оросителей окучниками; работа у барабана молотилки (барабанщик); укладка мешков с зерном в штабеля; вязка снопов хлеба; подача снопов, сена, соломы на воз; укладка сена на стогу; ручная косьба; ручной посев минеральных удобрений и подкормка ими; копка ям, траншей и котлованов; рытье канав при осушении; раскорчевка; копка мерзлой земли для парников; очистка парников от снега, льда, навоза и земли; машинисты на молотьбе; подноска питьевой воды на сельхозработах; прессовка сена; раздирщики автопокрышек; вулканизаторщики; термисты-цементировщики; рабочие по выделке кожи; гончары; пекари; прачки; рабочие мельницы.

- Железная дорога, паросиловое хозяйство, связь: машинисты поездные; помощники машиниста; кочегары; кондукторы; составители поездов; машинисты локомобилей; котельщики и промывальщики; электромонтеры; монтеры связи.

- Ремонтно-механические работы: кузнецы, ковали, молотобойцы, слесаря, токари, фрезеровщики; медники, лудильщики, формовщики; аккумуляторщики.

Второй раздел (прочие основные работы, «физический труд средней тяжести») включал около 20 позиций: инструментальщики на лесозаготовках; пилоставы; конюхи; шорники; работники изыскательских партий (дорожных, по отводу лесосек и клеймение спецдревесины); рабочие по ремонту и содержанию паровозов; стрелочники; стекольщики отдела капитального строительства; жестянщики; все сельхозработы, не вошедшие в перечень тяжелых и вспомогательных работ; рабочие по содержанию и ремонту железнодорожного пути; рабочие пошивочной мастерской; окорка древесины; сборка сучьев; ремонт и содержание лесовозных дорог; санно-ремонтно-обозные мастерские; рабочие ящичного цеха (по изготовлению спецтары).

Третий раздел перечня (вспомогательные работы, «легкий физический труд») содержал еще почти 40 наименований: маркировка древесины; расчистка бирж; уборка отходов лесозавода; очистка лесосек старой заготовки; стекольщики на ремонтных работах; весовщики; возчики на хозяйственных работах; рабочие на хозяйственных работах (дровоколы в зоне); смазчики; портные, сапожники лагподразделений; рыбаки; рабочие на производстве ширпотреба; шлифовщики; прикатывание; работа у лошади при блоке на скирдовании соломы (погонщики); разборка буртов картофеля; оправка после окучивания; прорывка и прореживание всходов технических культур, огородных корнеплодов; ручная прополка в рядках пропашных, зерновых и других сельхозкультур; уборка и сжигание сорняков; сортовая прополка; ворошение и сгребание сена; сгребание силосной массы; укрытие ям, траншей и буртов; пинцировка, пасынкование, вершкование и подвязка высадков; срезка высадков; ручной сбор колосьев; весенняя очистка полей после снегозадержания (сбор щитов, кулис и пр.); уборка полей от корней (высадок) и других полевых остатков; раскладка приманок при борьбе с сельхозвредителями; ручной сбор сельхозвредителей и стряхивание долгоносиков; борьба с грызунами вылавливанием их; накладка и свалка ловчих колец; расстановка корытец для ловли мотыльков; заготовка тростника для тепличных матов и плетение их; плетение корзин.

Таким образом, трудоиспользование «спецконтингентов» в Вятском ИТЛ предполагалось по более чем 130 видам и переделам работ только в «основном» производстве (в сфере физического труда).

При этом, в соответствии с нормативными требованиями [67], трудовое использование лагерной «рабсилы» должно было производиться в строгом соответствии с физическим состоянием каждого подневольного (группой или категорией его «трудоспособности»/«трудопригодности»), которое квалифицировалось лагерными же врачебно-трудовыми комиссиями (ВТК) [68].

До 1944 г. определялись три категории трудоспособности: 1) категория «А» - «полноценная рабочая сила, пригодная к выполнению всякого рода производственных физических работ»; 2) категория «Б» - неполноценная рабочая сила с пониженной годностью к выполнению физических работ, не требующих квалификации» (годность к квалифицированному физическому труду определялась соответственно профессии); 3) категория «В» - инвалиды, пригодные «для выполнения легких видов физического труда», либо полные инвалиды, непригодные «ни для каких работ» [69].

В мае 1944 г. эта градация претерпела некоторые изменения, и по степени трудопригодности весь «спецконтингент» (включая военнопленных) подразделялся уже на четыре категории: 1) категория «А» - физически здоровые, годные к выполнению тяжелых физических работ (ТФТ); 2) категория «Б» - имевшие незначительные физические недостатки («неорганического характера, функциональные расстройства»), годные к физическому труду средней тяжести (СФТ); 3) категория «В» - имевшие ярко выраженные физические недостатки и заболевания («декомпенсированный порок сердца, хронические заболевания почек, печени и других органов, не вызывающие глубоких расстройств организма»), годные к легкому физическому труду и работам, «связанным с индивидуальным физическим трудом» (ЛФТ); 4) категория «Г» - имевшие тяжелые физические недостатки, исключающие возможность трудового использования, «совершенно непригодные к труду («нетрудоспособные», инвалиды, «нерабочая слабосилка», «забалансовый контингент») [70]. Такая классификация существовала до 1949 г., когда вновь было введено деление на три категории физического труда (практически - по нормативам 1931 г.) [71], а в начале 1950-х гг., в связи с введением сдельной системы оплаты труда, эта классификация претерпела существенные формальные изменения, которые детально рассматриваются в параграфе 2 настоящей главы.

Следует отметить, что хотя в нормативных документах непременно подчеркивалось требование «использовать заключенных на работах только в соответствии с трудовой категорийностью», теми же документами предполагались и допускались определенные отклонения от этих требований. Так, «в отдельных случаях» и «по разрешению медицинских комиссий» допускалось «использование заключенных 3-й категории (ЛФТ) на работах средней тяжести (СФТ)», правда, «с обязательным снижением для них существующих норм выработки на 25%» [72]. Заключенных, отнесенных ко 2-й категории трудоспособности (СФТ) разрешалось «частично использовать на тяжелых физических работах (ТФТ), но также с обязательным снижением для них норм выработки на 20%» [73]. При этом безоговорочно запрещалось привлекать заключенных 3-й категории (ЛФТ) к тяжелым работам (ТФТ) [74].

Для этой категории лагерников утверждался особый «Перечень основных работ», который включал в себя [75]: «1. Отвод лесосек. Вырубка кустарника, древостоя, обмер, пересчет, затеска, постановка деляночных столбов. 2. Лесозаготовки. Вырубка кустарника и подготовка рабочего места,

обрубка сучьев на повале, раскряжевка мелкотоварника, дровяного долготья, переноска и укладка в поленницы и кучи разделанных дров, сбор и сжигание порубочных остатков и т.д. 3. Трелевка и вывозка древесины и штабелевка. Ручная навалка и свалка разделанных дров и мелких сортиментов при трелевке и вывозке длиной до 2 м, ручная трелевка и штабелевка тех же сортиментов не свыше 50 м расстояния от места штабелевки и т.д. 4. Строительство и содержание лесовозных дорог. Расчистка трассы и площадок под склады в мелком лесе и кустарниках с корчевкой мелких пней (до 10 см в диаметре) и т.д. …». Подобного рода перечни утверждались и руководством Вятлага [76], в которых перечислялось до 40 самых разных видов работ - от «маркировки древесины» до «сбора ягод, грибов и других дикорастущих».

Конечно, ни о каких «поблажках» для лагерников, имевших 3 категорию трудоспособности, и речи быть не могло: работы, обозначенные в названных инструкциях и перечнях, сами по себе отнюдь не являлись «легкими». Если же учесть целодневное (по 10-12 часов) пребывание на холоде или под дождем, многокилометровое пешее «следование» к местам работ и т.п., то картина предстает во всей своей жестокой реальности.

Отдельно регламентировались вопросы трудовой адаптации вновь прибывающих в лагерь «рабочих контингентов». В частности рекомендовалось, «в целях сохранения физического состояния» этих контингентов и «постепенного втягивания их в трудовые процессы»: «при нахождении в пути следования более 5 суток» предоставлять этапированным по прибытию их в лагерь 2-дневный отдых; в дальнейшем «в период карантизации» использовать их «на изолированных участках работы с обязательным снижением существующих норм выработки: в первую 5-дневку - на 50%, во вторую 5-дневку - на 40%, в третью - на 30%, в четвертую - на 20%»; обеспечить «прибывшим контингентам квалифицированный инструктаж и наглядный показ наиболее рациональных методов работы» [77].

Столь же подробно детализировался алгоритм врачебного освидетельствования вновь прибывших лагерников [78]: при прибытии нового этапа, после проведения полагающейся комплексной санобработки, каждый узник должен проходить первичное медицинское освидетельствование, и ему «устанавливается ВРЕМЕННО та или иная категория физического труда»; в соответствии с этой «ВРЕМЕННО установленной категорией физтруда» вновь прибывший «используется на

соответствующих работах»; через 21 день «после окончания срока карантизации, полагающегося отдыха и постепенного втягивания в производственные процессы» каждый лагерник должен вновь «пройти врачебную комиссию», которая и «устанавливает ему в соответствии с его физическим состоянием определенную категорию физтруда, по которой он в дальнейшем используется на работах».

Таковы были формальные установки: «сверху» шли разъяснения по поводу снижения норм выработки, сокращения рабочего дня, но на местах эти требования воспринимались не более как рекомендации, а по сути - игнорировались, поскольку над местным руководством со всей своей реальной тяжестью нависала жесткая и неотвратимая ответственность за решение главной задачи ИТЛ - выполнение «производственной программы». Для реализации этой задачи допускалось применение любых средств и методов, зачастую противоречивших формальным нормам. В результате - никакого отдыха вновь прибывшим в лагерь узникам, как правило, не предоставлялось, «постепенное втягивание в трудовой процесс и карантизация» были лишь пустыми словами, физическое состояние вновь прибывших игнорировалось: на общие работы отправлялись все вновь прибывшие (кроме лиц с явными признаками инвалидности и «неходячих» больных), и полная норма выработки требовалась от них с первого же трудового дня в лагере [79].

Наряду с «врачебно-медицинской» («нозологической») дифференциацией подневольной рабочей силы существовало подразделение ее по учетно-производственному принципу. Градация здесь производилась по пяти категориям. 1. Группа «А» - используемые на оплачиваемых (нормируемых) работах (перечень этих работ приведен выше). 2. Группа «Б» - используемые на ненормируемых работах (в аппарате УИТЛ и лагподразделений, хозяйственной обслуге, самоохране, сфере медико-санитарного, торгово-интендантского, культурно-бытового обслуживания и т.п.). 3. Группа «В» - неработающие по болезни, в том числе: временно («амбулаторно») освобожденные; госпитализированные («коечные») больные; находящиеся в оздоровительных подразделениях или в «пунктах профилактического отдыха» (ППО). 4. Группа «Г» - не используемые на работах по разным причинам, в том числе: находящиеся на «внутренней переброске» (из одного лагпункта в другой - в границах ИТЛ); содержащиеся в карцерах и штрафных изоляторах (ШИЗО); «отказчики» от работы; не обеспеченные вещевым довольствием; необеспеченные работой; находящиеся на отдыхе и в

карантине; оформляющиеся на этап и освобождающиеся; неработающие из-за отсутствия охраны; подследственные; неработающие по атмосферным условиям. 5. Группа «Д» - прочие неработающие («актированные» инвалиды, «забалансовый контингент», нетрудоспособные по возрасту) [80].

Рассмотрим детальнее вторую из перечисленных категорий. К ней относились, прежде всего, лагерники, имевшие специальное образование или профессиональную квалификацию, которых дозволялось использовать на работах по специальности, в том числе - в производственных отделах управления лагеря, отделений, лагерных пунктов [81]. Для этой категории определялся круг должностей, насчитывавший свыше 90 различных вариантов, в том числе: агрономы, агротехники, актеры, акушеры, аптекари, банщики, бракеры-приемщики леса, бухгалтеры и помощники бухгалтеров, ветврачи, ветсанитары, ветфельдшеры, врачи медицины, десятники и мастера по лесозаготовкам, десятники и мастера по строительству лесовозных дорог, дневальные бараков, заведующие автоколоннами, железнодорожными разъездами, разными складами и лесобиржами, завхозы, зоотехники, зубные техники, инженеры, инспекторы, инструкторы, инструментальщики, канцелярские работники (ответственные исполнители), каптеры, кладовщики, комендanты, кондитеры, контрольные мастера, конюхи, кубовщики-истопники, лаборанты, ламповщики, мастера леса, машинисты пишущих машинок, медицинские сестры и фельдшеры, нарядчики, начальники конпарков и цехов, нормировщики, няни, официанты, пайкодатчики, парикмахеры, пилоставы, повара, помощники начхозов, прорабы по строительству, сменные мастера, статистики, стрелочники круглолежневых дорог, счетоводы, табельщики, таксаторы, таксировщики, техники, технoруки лагподразделений, товароведы, топографы, уборщицы-поломойки, фуражиры, хлеборезы, чертежники, шорники, экономисты-плановики, экспедиторы и др. [82].

При этом строго регламентировался порядок допуска заключенных (и других подневольных лагерников) на административно-технические должности (пп.97-103 «Временной инструкции…» 1939 г. и аналогичные нормы последующих такого рода документов рассматриваемого периода) [83]. В частности, запрещалось использование в аппарате Управления лагеря на какой бы то ни было работе заключенных, репрессированных по всем пунктам ст.58 УК РСФСР («контрреволюционные преступления»), «перебежчиков» (ст.84), членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и т.п.), иноподданных, независимо от состава их преступления, а также

осужденных за бандитизм и вооруженный разбой (п.3 ст.59 УК). Однако допускалось, что отдельные заключенные, высококвалифицированные специалисты, по согласованию с 3-м (оперативно-чекистским) отделом, независимо от состава их преступления, могут быть «использованы в Управлении лагеря в качестве консультантов по отдельным отраслям работы…» [84]. И эта оговорка реализовывалась лагерной администрацией на практике довольно часто [85]. Заключенные инженерно-технические работники, репрессированные по пп.7, 10, 12 и 14 ст.58 УК РСФСР («вредительство, антисоветская агитация, недоносительство, саботаж»), могли быть использованы по специальности только в лагерных подразделениях, но не на руководящей работе. Назначение на инженерно-технические должности репрессированных по другим пунктам ст.58 УК, а также «перебежчиков», иноподданных и осужденных за бандитизм и вооруженный разбой производилось «только в каждом отдельном случае, с разрешения начальника лагеря и по согласованию с оперативно-чекистским отделом» [86]. Заключенных врачей разрешалось использовать по специальности, но при этом репрессированные за «измену родине» (п.1-а ст.58 УК), «шпионаж» (п.6), «террор» (п.8), «диверсию» (п.9) и «участие в антисоветских организациях» (п.11) должны были трудиться только в больницах, амбулаториях, медпунктах, находящихся внутри зоны [87]. Не допускались к использованию в аппарате управления ИТЛ и лагерных подразделений на работе, связанной с выдачей, хранением и учетом материальных ценностей, заключенные, осужденные за растрату, подлог, взятку, мошенничество и по «закону» от 7 августа 1932 г. [88]. Заключенные, независимо от состава их преступления, не могли назначаться на должности начальников отделов и частей как в Управлении ИТЛ, так и в лагерных подразделениях. Категорически запрещалось использование заключенных «на какой бы то ни было работе в охране, в аппаратах отдела режима, отдела кадров, учетно-распределительного (специального), культурно-воспитательного и общеадминистративного (административно-хозяйственного) отделов Управления ИТЛ и лагподразделений, за исключением нарядчиков и культорганизаторов» [89]. Причем использование заключенных в качестве культорганизаторов не допускалось из числа репрессированных по всем пунктам ст.58 («контрреволюционные преступления»), по п.3 ст.59 (бандитизм), а также осужденных по ст.82 (побег), ст.117-118 (взятка), ст.151-155 (половые преступления), ст.167 (разбой) УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик [90].

Эти установления тоже практически постоянно нарушались (внедрением «самоохраны» в лагерях, назначением «контрреволюционеров» на должности в культурно-воспитательных частях, «культбригадах» и т.п.) [91]. Заключенные, вторично осужденные за преступления, совершенные в лагере, должны были использоваться, как правило, на общих работах. Исключение допускалось только с разрешения начальника УИТЛ и «при условии хорошего поведения заключенного» [92].

Запрещалось использование заключенных в качестве домашних работниц (домашних работников) - ст.14 «Временной инструкции…» 1939 г. [93]. Правда, делалась оговорка, что отдельные исключения все же могли допускаться - «с разрешения начальника ГУЛАГа НКВД СССР» [94]. На практике эта лазейка использовалась довольно активно. В этом смысле положение заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях мало отличалось от положения каторжан, содержавшихся в острогах в период Российской империи и нередко использовавшихся в качестве обслуги [95]. В дальнейшем, уже с 1950-х гг., администрации лагерей и колоний ни при каких обстоятельствах не разрешалось использовать заключенных в личных целях, однако фактически это происходило во все времена, включая и новейший период, хотя, конечно, в гораздо меньших масштабах [96].

Подразделялись подневольные и по режиму их охраны на производственных объектах: преобладающая часть (85-90%) подлежала обязательному конвоированию и постоянному наблюдению, а меньшая часть - пользовалась «правом бесконвойного передвижения».

Порядок «расконвоирования» тоже жестко регламентировался [97]. Бесконвойное передвижение за пределами зоны лагерного подразделения допускалось в исключительных случаях, «когда это вызывалось особыми условиями производства», и при обязательном соблюдении следующего порядка: а) категорически запрещалось расконвоирование репрессированных за «террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных организациях», за «другие антисоветские преступления», а также «перебежчиков, членов антисоветских партий, иноподданных, независимо от состава их преступления, а также осужденных за бандитизм и вооруженный разбой»; б) репрессированные за «контрреволюционные преступления», не перечисленные в пункте «а», могли быть расконвоированы только по разрешению начальника Управления лагеря - по согласованию с начальником 3-го отдела и при условии, если эти заключенные «не замечены в антисоветской и дезорганизаторской

деятельности в лагере и если они выполняют работу, связанную с необходимостью бесконвойного передвижения за зону лагеря»; в) расконвоирование заключенных, не перечисленных в пунктах «а» и «б» разрешалось начальникам лагерных подразделений, но при этом обязательно должны были учитываться «характер совершенного преступления и поведение заключенного в лагере»; г) всякое расконвоирование заключенных должно было быть согласовано с 3-м (оперативно-чекистским) отделом УИТЛ, оперативными частями (оперативными уполномоченными) лагерных подразделений [98].

Со временем этот порядок претерпевал некоторые изменения. Так, приказ МВД СССР №0286 1949 г. запрещал расконвоировать следующие категории заключенных: репрессированных за «контрреволюционные преступления» (за исключением ст.58-10 УК РСФСР); осужденных по «закону» от 7 августа 1932 г. и по ст.2 и 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г.; осужденных за должностные и хозяйственные преступления на срок до трех лет, если они не отбыли одного г. заключения, на срок от трех до десяти лет - если они не отбыли двух лет заключения, и на срок от десяти лет и выше - если они не отбыли пяти лет заключения [99].

«Временное положение…» 1952 г. предусматривало некоторое смягчение запретов на расконвоирование. В частности, осужденные по «закону» от 7 августа 1932 г. могли быть расконвоированы после отбытия четырех лет заключения - по усмотрению начальника ИТЛ; осужденные по ст.2 и 4 Указа от 4 июня 1947 г. могли расконвоироваться с санкции ГУЛАГа; условием расконвоирования заключенных, осужденных за должностные и хозяйственные преступления на срок до пяти лет, было отбытие ими шести месяцев срока в данном лагере, а осужденных на срок от пяти до десяти лет - по отбытию одного года [100]. Следует отметить, что воспользовавшись этим «послаблением», руководство лесных ИТЛ, в том числе Вятлага, начало форсировать расконвоирование заключенных, и к 1 января 1953 г. численность этой подневольной категории в целом по ГУЛЛП МВД СССР составила 49362 человека (15,4% к общему количественному составу заключенных), а в Вятлаге - соответственно 4506 человек и 14,3% [101].

Бесконвойное передвижение допускалось только от лагпункта до места работ и только для лиц, имеющих групповые (бригадные) или индивидуальные пропуска. В каждом пропуске обязательно указывались

маршрут движения и срок действия выданного пропуска. Охрана обязана была систематически проверять маршруты движения бесконвойных и наблюдать за их поведением. За нарушение маршрута движения предусматривалась дисциплинарная ответственность.

Бесконвойные бригады выпускались из лагерного подразделения на основании пропуска, выданного на определенное количество людей бригады и на имя бригадира. К пропуску прилагался именной список заключенных, составляемый начальником лагерного подразделения и согласованный с оперативно-чекистским отделом. Пропуска подписывались начальником лагерного подразделения. Вахта (КПП) зоны пропускала бесконвойные бригады, указанные в пропуске, сверяя при этом наличие заключенных с имеющимся у бригадира именным списком состава бригады.

Индивидуальное бесконвойное передвижение допускалось только по пропуску с фотокарточкой заключенного. Такой пропуск выдавался на месячный срок. Пропуска устанавливались единой для всего лагеря формы и печатались в типографии. Выдача пропусков неустановленного образца (на клочках бумаги и т.п.) не допускалась, а дежурным по вахте (КПП) категорически запрещалось выпускать за пределы лагерной зоны заключенных по пропуску неустановленной формы, а также по телефонным звонкам, от кого бы они ни исходили. Образец установленного по лагерю пропуска должен был находиться на вахте (КПП) зоны. По истечению срока действия пропуска отбирались и уничтожались, о чем составлялся акт.

После окончания работы заключенные, переведенные на бесконвойное передвижение, должны были находиться в зоне лагерного подразделения. При возвращении в жилую зону все они подвергались личному обыску на вахте (КПП), там же отбирались и хранились пропуска и бригадные списки бесконвойных, а также должны были храниться копии этих списков, подписанные начальниками соответствующих производственных участков и начальников (командиров) подразделений охраны (ВОХР).

Согласно ст.12 «Временной инструкции…» 1939 г. (и аналогичным пунктам последующих актов, регламентировавших организацию режима и труда в ИТЛ), категорически запрещалось всем без исключения заключенным проживание за зоной (на частных квартирах, в домах, принадлежавших лагерю и т.п.). Лишь в отдельных случаях и вследствие «производственной необходимости», в местах, удаленных от населенных пунктов, разрешалось проживание бесконвойных заключенных за зоной, но при этом - в особых служебных помещениях и под систематическим

наблюдением охраны. Однако ни при каких обстоятельствах не разрешалось проживание за лагерной зоной репрессированных за «контрреволюционные преступления» [102].

Категорически запрещалось также (ст.13 «Временной инструкции…» 1939 г.) направлять заключенных в командировки в различные учреждения и организации, а также бесконвойное передвижение, связанное с «заездом в города и промышленные центры». Вместе с тем, в отдельных случаях, вызываемых все той же «производственной необходимостью», могло иметь место направление бесконвойных заключенных из одного лагерного подразделения в другое или в Управление ИТЛ - «по особому пропуску, с точным обозначением маршрута и в радиусе не свыше 50 км» (в последующем этот радиус менялся, и, как правило, в сторону уменьшения). Наконец, запрещалось бесконвойное передвижение заключенных поездами, пароходами и автотранспортом общего пользования [103].

Что касается подконвойных лагерников, то их передвижение в ИТЛ, в том числе к местам работы, регулировалось следующим образом [104]. Начальник лагерного подразделения совместно с командиром подразделения военизированной охраны составлял ежедневную заявку на наряд, необходимый для охраны заключенных на производстве. Разнарядка на вывод рабочей силы должна была поступать командиру подразделения охраны в установленные сроки: для ночных работ - к 14 часам, для дневных работ следующих суток - к 18 часам. При организации новых мест работы заявка сообщалась начальнику конвоя за сутки - для «изучения путей следования к месту работ». Заключенные, следующие под конвоем, должны были строиться побригадно и пропускаться через вахту (КПП) на основании разнарядки, утвержденной начальником лагерного подразделения, в которой указывались наименование бригад, число подлежащих выпуску заключенных, фамилия старшего конвоя, куда следует бригада и на какой срок. К пропуску, предъявленному старшим конвоя на вывод людей, прилагался именной список заключенных, направляемых на работу. Дежурный по вахте (КПП) обязан был сверить количество выведенных на работу заключенных, записать в дежурной книге их количество и фамилию старшего конвоя, который расписывался в приеме заключенных, а по возвращению с работы - в их сдаче. По прибытию на место работы начальник конвоя, в соответствии с выданной разнарядкой, определял участок свободного передвижения заключенных и организовывал построение охраны. В случае обнаружения побега на месте работ старший конвоя

выяснял у бригадира фамилию бежавшего заключенного и принимал немедленные меры к его задержанию. Одновременно он должен был сообщить о побеге дежурному по лагподразделению. При возвращении заключенных с работы и в случае количественного расхождения между числом выведенных на работу и возвратившихся с нее, дежурный по вахте (КПП), не распуская бригаду, выяснял через старшего конвоя причину отсутствия заключенных, производил поименную проверку, выяснял фамилии бежавших и сообщал о случившемся дежурному по лагподразделению. При переброске заключенных через населенные пункты должен быть обеспечен усиленный конвой. При наличии машин переброска заключенных производилась либо в открытых тракторных прицепах-тележках (так называемых «шарабанах» или «кораблях»), либо в закрытых машинах (именуемых в просторечии «автозаками»).

В Вятлаге, при наличии собственного железнодорожного подъездного пути широкой колеи и относительно развитой узкоколейной железнодорожной сети (УЖД), перевозки подконвойной «рабочей силы» к местам работы производились также по этим магистралям - в специально оборудованном «подвижном составе». Так, в 1953 г. ежедневные перевозки подневольных рабочих в целом по этому лагерю составляли до 3.300 человек (то есть чуть более четверти их общего наличия), в том числе по автодорогам - до 1600 (48,5%), по железной дороге широкой колеи - до 500 человек (15,2%) и по УЖД - до 1200 человек (36,4%) [105]. Но вплоть до 1990-х гг. сохранялось в основном пешее передвижение невольников, и для местных населенных пунктов обычной повседневностью была картина, когда колонна заключенных направлялась под конвоем на «рабочий объект» или назад - в зону, со всем сопутствующим этому антуражем - автоматчики, собаки, люди в однообразно-убогих лагерных робах и т.п.

Наконец, в лагерях сталинско-советского периода существовало и еще одна дифференциация «спецконтингента» - по «естественно-половому» признаку. При этом вплоть до 1950-х гг. практиковалось совместное размещение и содержание женщин и мужчин в пределах одного и того же лагерного подразделения, хотя и в различных бараках («общежитиях»), а также общее их трудоиспользование. Нормативные акты, регламентирующие организацию режима и труда в лагерях, в этом отношении предельно лаконичны и каких-либо принципиальных установок относительно «гендерных» взаимоотношений не содержали. Особо запрещалось лишь «посещение женских общежитий заключенными мужчинами и, наоборот», за

исключением «лиц административного персонала» [106]. Возникавшие в связи с этим коллизии, имевшие нередко трагические последствия, достаточно широко освещены в отечественном «гулаговедении», в исследовательской, публицистической и мемуарной литературе [107]. Как уже отмечалось, лишь в послевоенное время мужские и женские отделения на территории одного и того же лагерного подразделения стали отгораживаться, а с середины 1950-х гг. оборудуются отдельные женские и мужские уголовно-исполнительные подразделения. Что же касается производственной сферы, то и здесь никаких различий по «гендерному признаку» (в организации, объектах, нормировании, оплате труда и т.п.) нормативными актами не предусматривалось (за некоторыми исключениями - для женщин на последнем сроке беременности и для кормящих матерей). Первые «гуманизационные» подвижки в этой сфере появились лишь в начале 1950-х гг. [108].

В рассматриваемый период (1938-1953 гг.) технологическое и техническое обеспечение производственной деятельности в Вятском ИТЛ в целом соответствовало общеотраслевому (не столь уж высокому, впрочем) уровню и развивалось синхронно с теми процессами, которые происходили в лесной промышленности близлежащих регионов и страны в целом.

Совершенствовался ручной инструмент на лесозаготовках. На смену примитивной «двуручке» пришла пила «Кросскот» - со сложным зубом, а затем (в конце 1930-х гг.) появился «лучок» - лучковая пила, которая произвела настоящий переворот в технологии валки леса. Рационализация коснулась и второго инструмента, широко применявшегося на лесозаготовках, - топора. Появилось несколько видов этого инструмента: лесорубочный, сучкорубный, колун и другие.

На вывозке леса получили широкое распространение так называемые «рационализированные гужевые лесовозные дороги»: улучшенные, ледяные, рельсовые и круглолежневые. На рационализированных дорогах применялся усовершенствованный подвижной состав: подсанки, сани СЛЗ-3, конно-рельсовые и круглолежневые вагонетки, позволявшие значительно повысить нагрузку на воз. Использование рационализированных дорог значительно повышало эффективность работы гужевого транспорта. Так, средняя нагрузка на лошадь за рейс по конно-ледяным дорогам составляла 5-7 куб.м., а во многих случаях достигала 10-12 куб.м. На конно-рельсовых дорогах на вагонетку погружалось от 3 до 5 куб.м., а по тщательно подготовленному профилю дороги с уклоном в грузовом направлении одна лошадь

одновременно могла везти по 2-3 вагонетки. Выработка на конедень доходила до 20-30 куб.м.

В конце 1930-х гг. в лагере появились первые лесовозные автомобили, в основном ЗИЛ-5, а затем ЗИЛ-21 (ЗИЛ-5, приспособленный для работы на древесном топливе). Правда, сколько-нибудь существенную роль в механизации вывозки древесины они не сыграли, как и тракторы ЧТЗ-60, работавшие на лигроине. В военные годы на лесозаготовках использовались в основном автомашины ЗИЛ-21 и тракторы СГ-60 и СГ-65, работавшие на древесном топливе.

Период действительного начала технической реконструкции лесозаготовок пришелся в основном на 1948-1953 гг. В 1948 г. на лагерном лесоповале появились первые отечественные электропилы «ВАКОПП». Это было первый инструмент для механизации процессов валки и раскряжевки древесины, получивший массовое применение. В лесу появилась и стала ведущей новая профессия - электропильщик. На смену «ВАКОППам» пришли высокочастотные электропилы ЦНИИМЭ-К-5. Эта электропила, как более удобная и легкая, позволявшая работать с ней одному человеку, быстро вытеснила тяжеловесную «ВАКОПП», для работы с которой требовались два человека. Многие вальщики, работая пилой ЦНИИМЭ-К-5, доводили сменную выработку на заготовке леса до 100-150 куб.м., а некоторые достигали и более высоких показателей [109].

Первая специализированная машина для трелевки леса - трактор КТ-12 (так называемый «котик») - появился на лесосеках также в конце 1940-х гг. Он обладал большой проходимостью, был оборудован лебедкой и специальным щитом для натаскивания вершин заготовленных хлыстов и перевозки их в подвешенном состоянии. С появлением трелевочных тракторов, лебедок, кранов появилась возможность отгружать древесину на лесовозный транспорт хлыстами с последующей их разделкой на нижних складах. Это, в свою очередь, способствовало значительному повышению производительности труда - за счет более полногрузного использования транспорта, перенесения трудоемких операций сортировки древесины с верхнего склада на нижний и механизации процессов разгрузки и сортировки.

Новая техника предполагала внедрение новой технологии на лесозаготовках, а также изменение форм организации труда. В 1951-1952 гг. на смену комплексным и сквозным бригадам приходят поточно-

комплексные. Рабочие в этих бригадах расставлялись звеньями по общему производственному потоку.

Однако наиболее крупные мероприятия в области технического перевооружения основного лагерного производства были осуществлены уже в последующий период (во второй половине 1960-х - первой половине 1960-х гг.): электропилы на валке леса заменены бензопилами «Дружба», что дало возможность высвободить с лесосечных работ громадное количество передвижных маломощных электростанций и отказаться от расходования дефицитного и дорогостоящего электрокабеля; газогенераторный автотракторный парк переоборудован под минеральное топливо; первенец отечественной трелевочной техники - трактор КТ-12, отслуживший свою службу, заменен на более эффективный КТДТ-40 и т.д. Но все это происходило уже за хронологическими рамками настоящей работы [110].

Что же касается использования «рабочей силы» в Вятском ИТЛ, то, при всех ухищрениях лагерной статистики, нет оснований считать его рациональным. Так, удельный вес трудоспособных среди лагерного населения, по отчетным данным, составлял от 98,6% в 1941 г. [111] до 80,9% - в 1946 г. [112]. Вместе с тем процент вывода так называемых «производителей программы» на оплачиваемые работы никогда в рассматриваемый период не достигал плановых показателей и фактически составлял: в 1946 г. - 77,2% (при нормативе - 79,5%) [113], в 1947 г. - 72,8% (норматив - 79,6%) [114], в 1952 г. - 66,4% (норматив - 69,7%) [115], в 1953 г. - 66,9% (норматив - 71,9%) [116].

Постоянно наблюдалась парадоксальная ситуация, когда лагерь, имея перманентное превышение установленных лимитов размещения «спецконтингентов», испытывал столь же хронический дефицит «рабочей силы» для реализации своей первоочередной неформальной задачи - «безусловного выполнения государственного плана». При этом практически отодвигались на второй план, а нередко просто игнорировались интересы обеспечения и соблюдения требований нормативно-правового режима, условий содержания подневольных, не говоря уже о коренных пенитенциарных принципах и императивах.

Лагеря из правоисполнительной и правоприменительной структуры превращались во все более криминализовавшийся хозяйственный субъект с верховенствующими в нем неформальными, латентными системами подчинения и власти, что обернулось тяжелейшими последствиями на

рубеже сталинской эпохи и предопределило мутации этой системы в последующий период.

Вместе с тем, организация труда в лагере отличалась предельной формальной регламентацией и рутинизацией, обставлялась массой условий, регламентаций, ограничений, прежде всего - по «режимно-оперативным соображениям». Это существенно затрудняло организацию технологического процесса, возможности его модернизации, технического оснащения, повышения эффективности производства. За счет интенсивных методов руководства хозяйством «лагерный лесоповал» вплоть до середины 1970-х гг. выдерживал (во всяком случае - по количественным параметрам) конкуренцию со смежными общегражданскими предприятиями (леспромхозами, лесозаводами, лесокомбинатами и т.п.), но последующее внедрение в лесную промышленность новых технологий, машин и оборудования, прогрессивных форм и методов организации труда (валочно-пакетирующие комплексы, автоматизация деревообработки и т.д.) все более оттесняли подневольное производство по сущностным технико-экономическим (качественным) показателям на арьергардные позиции - как в отечественной лесной отрасли, так и на внутреннем, а тем более - на внешнем рынках.

2.2. Принуждение и стимулирование в системе лагерного труда

В изучении способов организации и использования подневольного труда узников сталинско-советских лагерей особое место занимает анализ конкретных методов принуждения к такому труду и его мотивации. Исследование этих вопросов в работах, освещающих этапы становления советской лагерной сети и ее административной структуры, ведется, как правило [117] и лишь за некоторыми исключениями [118], с позиций институционального подхода, на макроуровне. Между тем все более актуальным становится сочетание такого похода с микроанализом данных об использовании и стимулировании подневольного труда на отдельных объектах «лагерной экономики», одним из которых на протяжении нескольких десятилетий являлся Вятский ИТЛ НКВД-МВД СССР.

Теоретически установлено и в течение тысячелетий практически подтверждено, что системы стимулирования человеческого труда включают три основных составляющих: принуждение, побуждение и поощрение (вознаграждение). При нормальных внешних условиях функционирования

производства (отсутствие войн, природных катаклизмов и т.п.) ведущую роль играет, несомненно, последняя составляющая.

В лагерных же условиях фундаментом системы стимулирования к труду, по вполне понятным причинам, являлось принуждение, причем в самых жестких его формах. Именно поэтому принудительно-обязательный труд в советских лагерях регулировался целым рядом строгих, а нередко и жестоких наказаний.

В частности, в соответствии с «Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях», введенной приказом НКВД СССР от 2 августа 1939 г. №00889 [119], для заключенных за «нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы» предусматривался (ст.104-137) следующий порядок наложения дисциплинарных взысканий [120].

Во-первых, четко распределялась компетенция разных должностных лиц лагерной администрации в реализации дисциплинарной практики по отношению к заключенным.

Так, начальником Управления лагеря могло быть наложено одно из следующих взысканий: а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; б) перевод на общие работы; в) перевод в штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев; г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; д) перевод на худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т.п.).

Начальник лагерного подразделения (ОЛПа, лагпункта) имел право наложения взысканий в виде: а) лишения передач и переписки на срок до 2-х месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на тот же срок; б) перевода в штрафной изолятор сроком до 5 суток; в) перевода на общие работы; г) перевода на худшие материально-бытовые условия содержания.

Командный состав на производстве (главный инженер, начальник работ, прораб) пользовался дисциплинарными правами в пределах, установленных соответственно для начальника лагеря и начальника лагерного подразделения, в отношении следующих видов взысканий: а) перевод на общие работы; б) ограничение в праве пользования личными деньгами; в) возмещение причиненного ущерба; г) перевод на худшие материально-бытовые условия содержания. При этом право водворения подневольных в штрафной изолятор, штрафной лагпункт, карцер, как и право лишения

свиданий, переписки, передач (посылок) этой лагерно-административной категории не предоставлялись.

Наконец, правом наложения взысканий обладали представители низового производственно-управленческого звена (десятники, мастера), которые могли наказать рядового подневольного рабочего: а) переводом на общие работы; б) переводом на ухудшенные материально-бытовые условия (на питание по «штрафному котлу», проживание в менее благоустроенном бараке).

Помимо перечисленных мер взыскания в лагерях действовали и более жесткие нормы дисциплинарного воздействия. Так, в каждом ИТЛ создавались так называемые «центральные лагерные пункты штрафного режима» («штрафные лагпункты»). В Вятском ИТЛ (в разное время) в качестве таковых значились 7-й, 6-й, 3-й, 13-й, 21-й, 22-й и другие лагпункты [121]. «Штрафной» лагпункт должен был располагаться в наиболее отдаленном от населенных мест и путей сообщения районе - с обеспечением усиленной изоляции и охраны, причем охрана комплектовалась из «особо проверенных, дисциплинированных и хорошо знающих службу стрелков из вольнонаемного состава» [122].

В центральный штрафной лагпункт переводились заключенные: а) сроком на один год - подвергнутые дополнительному лишению свободы - за «контрреволюционную деятельность» в лагере, за «бандитизм, разбой и побег; б) на срок до шести месяцев - осужденные к дополнительному заключению за прочие преступления, в тех случаях, когда начальник ИТЛ признает необходимым перевод их на «штрафной режим»; в) систематически нарушающие лагерный режим и неоднократно подвергавшиеся взысканиям - на срок до одного года (распоряжением начальника ГУЛАГа) и на срок до шести месяцев (приказом начальника ИТЛ). В течение всего времени содержания в центральном штрафном лагерном пункте заключенные использовались только на подконвойных работах. Свидания с родственниками, передачи переписка им не разрешались. На время нахождения на штрафном режиме заключенные не могли использоваться на административно-хозяйственной работе. Узники штрафного лагпункта получали питание по нормам, установленным ГУЛАГом и в соответствии с выработкой. Досрочный перевод заключенного на общелагерный режим был возможен - по распоряжению начальника ИТЛ, но обусловливался «примерным поведением и добросовестным отношением к труду»

Помимо центрального штрафного лагпункта в каждом лагерном подразделении имелись собственные «штрафные изоляторы» (ШИЗО), расположенные отдельно от жилой зоны или (при наличии глухого забора) непосредственно в зоне. В эти изоляторы водворялись заключенные, нарушающие лагерный режим, совершившие различные дисциплинарные проступки и отказывающиеся от работы. Правом перевода подневольных в ШИЗО наделялись: начальник ИТЛ - на срок до 20 суток; начальник ОЛПа - на срок до 10 суток; начальник лагерного пункта (подкомандировки, участка) - на срок до 5 суток. Как и на штрафном режиме, в течение всего времени содержания в ШИЗО заключенные использовались только на подконвойных работах, свидания с родственниками, передачи и переписка им не разрешались. Они лишались также табака, бумаги и спичек, могли получать питание по нормам, соответствующим их выработке, а отказывающиеся от работы - по нормам особого (уменьшенного) штрафного пайка. Узники ШИЗО должны были обыскиваться - до и после работы, на «буйствующих» разрешалось надевать смирительную рубашку - «в присутствии врача и начальника лагпункта (колонны)» и на время, «установленное врачом в каждом отдельном случае» [123]. Досрочный перевод из ШИЗО на общелагерный режим допускался распоряжением начальника ИТЛ и при условии «примерного поведения» наказанного и его «добросовестного отношения к труду» [124].

На центральном штрафном лагерном пункте, кроме ШИЗО, имелись также особые одиночные камеры (карцер), куда водворялись «особо злостные элементы», нарушающие порядок и режим штрафного лагпункта, в том числе и отказывающиеся от работы. Водворять в одиночную камеру имели право: начальник ИТЛ - на срок до 10 суток; начальник ОЛПа - на срок до 5 суток; начальник лагпункта - на срок до 3 суток. Заключенные содержались в одиночных камерах под замком и без вывода на работу. Они лишались прогулок, права пользоваться табаком, бумагой, спичками. Им ежедневно выдавались хлеб (до 400 гр.), кипяток и один раз в три дня - жидкая горячая пища [125].

Наконец, еще одним и самым суровым взысканием являлось привлечение подневольных к уголовной ответственности и предание их суду. Эта мера наказания широко практиковалась в Вятском ИТЛ на всем протяжении рассматриваемого периода: как в предвоенное время, так и военные и в послевоенные годы. Такого рода дела расследовались и рассматривались, как правило, на месте: следствие велось оперативно-

чекистским (3-м, позднее 1-м) отделом, решения по следственным делам выносились действовавшей при Вятском ИТЛ постоянной сессией судебной коллегии по уголовным делам Кировского областного суда, а с середины 1940-х гг. - специальным лагерным судом Вятского ИТЛ [126]. Рассматривались эти судебные дела обычно в ускоренном порядке, без состязания сторон, а нередко - и заочно, в отсутствие обвиняемого [127].

Так, только за август 1941 г. в постоянную сессию Кировского облсуда при Вятлаге поступили 47 дел на 54 человека. Все дела рассмотрены, при этом приговорены: к «высшей мере наказания» - 12 человек, к лишению свободы на сроки от 8 до 10 лет - 42 человека. Из них осуждены по пункту 10 («антисоветская агитация») статьи 58 УК РСФСР - 39 человек, а по пункту 14 этой же статьи («контрреволюционный саботаж) - 15 человек [128]. За июль-декабрь 1941 г. той же сессией были рассмотрены 993 уголовных дела. В результате 48% вновь осужденных приговорены к «высшей мере наказания», 57% - на сроки лишения свободы от 5 до 10 лет, каждый десятый - за «контрреволюционный саботаж» (отказ от работы). При этом обращает особое внимание то обстоятельство, что более половины дел (59,7%) рассмотрены в подготовительном порядке менее чем за 3 дня, то есть самым спешным образом, что вряд ли способствовало всестороннему и тщательному процессуальному расследованию, а значит - и постановлению объективных судебных решений [129].

В 1947 г. 1-м (оперативно-чекистским) отделом Вятлага были привлечены к уголовной ответственности 572 заключенных, из них 63 (почти каждый девятый) - за «контрреволюционный саботаж». В первом квартале 1948 г. среди привлеченных к уголовной ответственности числятся уже 139 заключенных Вятлага, в том числе за «контрреволюционный саботаж» - 25, то есть почти каждый пятый [130].

Особое внимание в дисциплинарной практике лагерная администрация на всех ее уровнях уделяла борьбе со скрытыми формами отказа от работы или различными ее имитациями. Наибольшее зло среди этих форм, по мнению лагерного руководства, представляло умышленное причинение осужденными самим себе увечий - «самоистощение и членовредительство» [131]. Только в 1942 г. в Вятском ИТЛ за «самоистощение и членовредительство» были привлечены к уголовной ответственности 38 заключенных [132]. Лагерными медиками в 1949 г. зафиксировано более 15 видов членовредительства, применявшихся заключенными «для искусственного воспроизведения болезней и удлинения сроков лечения»: от

«нанесения механических повреждений острорежущими предметами (ножом, топором, гвоздем, иглой и т.п.) верхним или нижним конечностям» до «умышленного недоедания всего положенного питания» во время «нахождения в оздоровительном пункте (ОП), на амбулаторном освобождении либо с целью госпитализации» [133]. Такого рода явления, несмотря на жесткую ответственность за них, имели место на всех этапах лагерной истории и, несомненно, были обусловлены самой спецификой подневольного труда [134].

С полным основанием это относится также к различным и распространенным формам симуляции, имитации труда, в том числе так называемой «туфты» (более предметный анализ этих явления - в параграфе 3 настоящей главы).

Перечисленные меры «обеспечения трудовой дисциплины» в лагерном хозяйстве относились не только к заключенным, но и к другим категориям подневольного населения.

В частности, разделом IV («Дисциплина») «Положения о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев» [135] устанавливалось (п.1), что «за нарушение внутреннего порядка, неисполнение поручений или распоряжений начальствующего состава отряда, колонны и бригадиров, за невыполнение производственных норм и за порчу инструмента или лагерного имущества на мобилизованных немцев могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания: а) личный выговор; б) выговор перед строем; в) денежный штраф; г) назначение на самые тяжелые работы; д) арест в дисциплинарном порядке до 20 суток; е) строгий арест до 10 суток - стоимость содержания во время ареста удерживается из заработка подвергшегося наказанию; ж) предание суду.

В последнем случае арестованный содержался в одиночной камере и «ни на какие работы не выводился, должен был спать на голых нарах, а горячую пищу получал через день. В дни неполучения горячей пищи арестованному выдавались хлеб, чай, вода. Прогулки предоставлялись один раз, продолжительностью 30 мин, под наблюдением вооруженного охранника («выводного»).

За неявку на призывные пункты для отправки, а также за нарушение дисциплины и отказ от работы, за дезертирство из рабочей колонны предписывалось (п.2 ч.IV названного «Положения») «привлекать находящихся в рабочих колоннах мобилизованных немцев к уголовной

ответственности с рассмотрением дел на Особом Совещании (НКВД СССР. - Н.Б.), предупреждая, что к наиболее злостным («нарушителям». - Н.Б.) будет применяться высшая мера наказания» [136].

Применялось также привлечение «трудмобилизованных» к уголовной ответственности за «уклонение от исполнения трудовой повинности», то есть по разделу «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления» (п.6 ст.59 Уголовного кодекса РСФСР) [137] - через военный трибунал войск НКВД Кировской области. Именно таким образом в Вятском ИТЛ в 1943 г. были репрессированы 77 «трудармейцев», а за январь-май 1944 г. - уже 94 [138].

Аналогичная «дисциплинарная практика» осуществлялась и в отношении «трудпереселенцев-кулаков», а также «трудмобилизованных» на работу в лагере колхозников.

Что касается военнопленных, то, как уже отмечалось, 1 июля 1941 г. постановлением СНК СССР №1793-800с было утверждено «Положение о военнопленных», определяющее понятие военнопленного, порядок содержания военнопленных, обращения с ними, их эвакуацию, правовое положение, трудовое устройство, уголовную и дисциплинарную ответственность. Данное постановление СНК СССР было объявлено приказом НКВД СССР от 21 июля 1941 г. №0342. В развитие «Положения о военнопленных» была разработана и утверждена руководством НКВД СССР и объявлена в приказе НКВД СССР от 7 августа 1941 г. №001067 «Инструкция о порядке содержания военнопленных в лагерях НКВД СССР» [139]. Согласно правительственным решениям и дублирующим их приказам и директивам НКВД СССР, физический труд военнопленных был обязательным. Отказ или уклонение от работы рассматривались как нарушение воинской дисциплины, саботаж. Было разработано «Положение о трудовом использовании военнопленных», в котором четко определялся порядок нормирования и оплаты их труда [140].

Для военнопленных, выполнявших нормы труда, устанавливалось более высокое продовольственное обеспечение [141]. Они получали большую норму хлеба и дополнительные пайки. Не выполнявшие же производственные нормы администрацией лагерей привлекались к сверхурочным работам продолжительностью до 2-х часов. За правильностью трудового использования военнопленных следили создаваемые в каждом лагере врачебно-трудовые комиссии (ВТК). Этими комиссиями устанавливались три категории трудоспособности военнопленных: первая -

годные для любых физических работ; вторая - годные к труду средней физической тяжести; третья - годные к легкому физическому труду. Военнопленные первой и второй категорий трудоспособности работали «столько, сколько на аналогичных работах советские люди», а третьей категории - не более 4-6 часов в сутки.

Военнопленные, нарушавшие воинскую и трудовую дисциплину, наказывались, согласно приказу НКВД СССР от 7 августа 1941 г. №001067, содержанием на гауптвахте (сроком до 20 суток) или строгим арестом (сроком до 10 суток) [142].

Денежное вознаграждение за труд военнопленных устанавливалось дифференцированно: «лучше работаешь - больше получаешь на руки»; за рационализаторские предложения выплачивались 50% от суммы премии, но не более 500 руб. одновременно [143]. В этом отношении можно сказать, что труд являлся средством выживания, поскольку работающему военнопленному назначалась и большая норма питания. В том случае, когда ему выдавалась на руки часть заработанных денег, он мог купить себе дополнительные продукты, которые продавались в специальных лагерных ларьках (маленьких магазинчиках с продовольственными и промышленными товарами) [144].

Правовым основанием привлечения военнопленных к ответственности за нарушение законов и обычаев войны служили: а) международные правовые акты: законы и обычаи войны, систематизированные в Гаагской конвенции 1907 г.; Женевская конвенция о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г.; Московская декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30 октября 1943 г. (подписанные СССР, США и Великобританией); решение Крымской конференции руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании о послевоенном устройстве Германии от 11 февраля 1945 г.; Директива Союзного Консультативного Комитета 38 от 12 октября 1946 г.; Устав и решения Международного Военного Трибунала в Нюрнберге и др.; б) национальное законодательство СССР: Закон от 1927 г. за государственные и общеуголовные преступления; Положение о военнопленных от 1 июля 1941 г. (раздел 5 - «Уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных»); Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев»[145].

Согласно упомянутому «Положению…» от 1 июля 1941 г. (раздел V, п.26), дела о преступлениях, совершенных военнопленными, рассматривались военными трибуналами - по законам Союза ССР и союзных республик. При этом «неисполнение военнопленным приказания лиц, которым он подчинен, сопротивление этим лицам или оскорбление их действием при исполнении ими служебных обязанностей» приравнивалось к соответствующему воинскому преступлению. В соответствии с п.27 этого же «Положения…», за проступки, «не влекущие за собой уголовной ответственности в судебном порядке», военнопленные подвергались дисциплинарным взысканиям. Виды этих взысканий определялись правилами, издаваемыми Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ-ГУПВИ) применительно к дисциплинарному уставу Красной Армии. При этом (п.28) военнопленные, находившиеся под следствием или приговоренные судом к какой-либо мере наказания, а также подвергнутые дисциплинарному взысканию, «не могли дополнительно подвергаться за те же проступки каким-либо ограничениям сверх тех, которые связаны с их состоянием под следствием или судом, а также с отбыванием наложенных на них дисциплинарных взысканий по приговору суда». О каждом вынесении обвинительного приговора в отношении военнопленных надлежащий суд обязан был (п.29 «Положения…») сообщать Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца - не позднее 20 дней со дня вынесения приговора, а приговор, осуждающий военнопленного к высшей мере наказания, немедленно по его вынесению должен был сообщаться Исполкому Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и мог быть приведен в исполнение не ранее месяца после указанного сообщения [146].

Развернутая система мер принуждения создавала в лагере атмосферу постоянного административного (формального и неформального), а также психологического давления на подневольных, повышенной тревожности, неуверенности и безнадежности. Основным звеном реализации этой системы в низовом лагерном и производственном звене являлись ставленники администрации - нарядчики, бригадиры, десятники, мастера. В воспоминаниях бывших узников, в других нарративных источниках эта система и эта атмосфера передаются с практически однозначной негативной оценкой.

Приведем лишь один фрагмент из множества подобных текстов (речь в нем идет о зиме 1938 г.):

«…Ударили на вахте в буфер: «Подъем! По-о-дъем!.». Дневальный зажег (в бараке. - Н.Б.) коптилки, и зашевелилась серая масса на нарах… И все бегом, все: «Давай! Давай!» ... О, это «давай», оно преследует неотступно изо дня в день, от подъема до отбоя, до освобождения или до могилы, хлещет, словно плеть, каждого каторжанина... Оно, это живучее «давай», и матюки - основной словарный запас любого лагерного начальника... Бригадиры раздавали пайки хлеба. Это была настоящая лотерея: кто-либо отворачивался, бригадир брал пайку и спрашивал: «Кому?..» - и тот называл фамилию. Счастливчику доставалась горбушка. С ним пытались поменяться, давали в придачу закрутку махорки. …Ворвался рассвирепевший нарядчик: «Что ж вы, мать вашу через пень-колоду, контрики, саботаж разводите, все еще митингуете, бляхи, йодом мазанные! А ну, вылетай, оглоеды, все до единого!» - и стоя у раскрытых дверей, огревал ребристым дрыном каждого, кто не успевал опередить соседа… В отблесках костров понуро идем к вахте. Руки и ноги уже замерзли, а что будет к вечеру?.. Возле инструменталки бригадир раздает поперечные пилы и колуны... Входим в чащу. Еще только начинает сереть, в небе тают, помалу пропадают звезды, стараемся попасть в следы впереди бредущих. Идем молча, будто на собственных похоронах. Проваливаемся выше коленей в сыпучем снегу... Стрелок погоняет: «Давай, давай, пошевеливайся, не отставай!» Он зол, он, как и мы, не выспался, он тоже грузнет в снегу, и ему предстоит до сумерек торчать на морозе под ветром, находя спасение лишь около костра... Оттого и лается, не на ком больше сорвать злость… и он … вправе даже при нарушении строя стрелять без предупреждения, и охотно выстрелит, дай только зацепку, и начальство отблаг.рит его за бдительность и классовую непримиримость... Наконец выбираемся к так называемому оцеплению: несколько квадратных километров леса окантовано широкой просекой, на ней выщипано все до былиночки, метрах в ста одна от другой стоят вышки, подле них дымят костры - когда стрелок замерзнет, слезает погреться... На делянке встречает десятник: «...Слушайте сюда: норма у нас такая - свалить, сучья обрубить и спалить, хлыст распилить на полуметровые чурки, переколоть их, сложить в штабель высотою метр десять сантиметров, длиною ... шесть и шестьдесят сотых метра, а на двоих в два раза больше. Это и есть сто процентов - шестьсот граммов хлеба, второй котел и свежий воздух досыта...». ...Бригадир уточнил: «Невыполнение нормы - триста граммов, штрафной

котел, ночь в кондее (штрафном изоляторе. - Н.Б.), а утром - на развод»... Если с первых же дней не усвоил примитивные лагерные уловки, твой срок - но не отсидки - будет сокращаться быстрее шагреневой кожи и вывезут тебя, беднягу, в самом скором времени ночью за вахту, а в сводке переведут из группы «А» («работяг») в группу «Д» - покойников. Не припоминаю ни единого случая, чтобы даже умелый и дюжий лесоруб не то что десять, а хотя бы три года кряду выдержал на лесоповале. Вначале он ударник, его ставят в пример, обедать усаживают, чтобы все видели, на сцене, несут ему компот и белую булочку. Потом он едва дает 100 %, через полгода попадает в «слабосилку», отирается возле кухни, на помойках собирает кости, становится «шакалом» и «мисколизом», опухает, перестает умываться и незаметно переходит в группу «Д». Даже ко всему привычные кряжистые мужики на тех харчах, в тех условиях и при нечеловеческих нормах больше трех лет не выдерживали…» [147].

Выжить в этой системе (физически и нравственно) могли лишь люди, обладавшие сверхпрочной моральной мотивацией, твердыми личностными установками и несгибаемым характером. Таких людей насчитывались единицы, но они были и умели сохранить человеческое достоинство даже в невероятно тяжелых лагерных условиях [148].

Насколько эффективными были методы принуждения - в плане трудоиспользования подневольной рабочей силы, можно судить по отчетным показателям Вятского ИТЛ. Оставив за скобками экстремальные периоды его существования (время становления и военные годы), обратимся к данным послевоенных лет, когда обстановка в этом лагере отличалась относительной стабильностью. Так, в 1947 г. (данные за январь-сентябрь) вывод на оплачиваемые работы (группа «А») составлял в целом по лагерю 71,9% (при плане 80,0%), то есть был на 8,1 пункта ниже нормативного. Ежедневно на производство не выставлялись 1292 человека, вследствие чего потеряны 352755 человеко-дней. При этом количество «отказчиков от работы» составляло в среднедневном исчислении 29 человек (общие потери - 8000 человеко-дней), в то время как неработающих по «организационным причинам» насчитывалось ежедневно по 118 человек, то есть почти вчетверо больше, чем «отказчиков», с общей потерей 32000 человеко-дней, в том числе из-за «необеспеченности вещдовольствием» («разутость и раздетость») - 26 человек (7 тыс. человеко-дней), из-за «непредоставления работы и конвоя» - 92 человека (25 тыс. человеко-дней) [149].

За 1947 год в целом количество отказов от работы составило 4612 случаев, а число «не выполняющих норму выработки в основном производстве» - 6.416 человек. За январь и февраль 1948 г. насчитывалось: отказов от работы - 818 случаев, не выполняющих норму выработки - 4613 человек [150]. Как отмечается в «Докладной записке…» руководства Вятского ИТЛ за 1948 г., «наряду с потерями по рабочей силе, которые имеем мы вследствие невыполнения задания по производительности труда, огромные потери мы продолжаем нести из-за непроизводительных простоев рабсилы, относящихся по трудовому использованию к группе «Г». В январе мы потеряли по группе «Г» 5834 человеко-дня, в феврале - 4555 человеко-дней, в марте - до 9 тыс. человеко-дней. Цифры эти буквально катастрофические, причем они не снижаются, а растут. Непроизводительными простоями рабочей силы по группе «Г» общие потери от простоев еще не исчерпываются. Помимо них лагерь имел в 1-м квартале (1948 г. - Н.Б.) дополнительные потери от простоев рабсилы, поступившей с новыми этапами, от простоев при формировании этапов, от вызывающихся на освобождение, от неработающих следственных. Потери по указанным причинам в январе достигали 9 тыс. человеко-дней, в феврале – 5 тыс. человеко-дней, в марте – 6 тыс. человеко-дней. Всего, таким образом, по совокупности всех причин в лагере ежедневно не работало в 1-м квартале 400 работоспособных человек» [151].

В конце рассматриваемого периода (данные за 1954 г.) число «не используемых на работах по разным причинам» (группа «Г») в среднедневном исчислении составляло 1539 чел. (при нормативе - 493), то есть с превышением планового показателя в 3,1 раза. При этом отказов от работы насчитывалось ежедневно 206 (13,4% от совокупных потерь «рабочей силы» и 0,9% к общему нормативному объему трудозатрат в хозяйстве лагеря) [152].

Борьба за «соблюдение порядка на производстве и трудовой дисциплины» среди подневольных контингентов являлась первоочередной задачей и заботой лагерной администрации. Вместе с тем основополагающая функция ее, как уже отмечалось, состояла в обеспечении выполнения производственных планов. Понятно, что использование при этом одних лишь репрессивных мер означало бы сужение спектра возможных воздействий на обеспечение режима, соблюдение дисциплины и повышение производительности труда среди лагерной «рабсилы». Поэтому в повседневной гулаговской практике применялась, наряду с принуждением,

также многосторонняя и довольно своеобразная система «поощрительной мотивации» к работе. С одной стороны, эта система включала трудовые (моральные и материальные) стимулы, применявшиеся и на советских предприятиях «вне лагерей». С другой стороны, лагерная обыденность, в том числе производственно-хозяйственная, вносила и здесь свою специфику.

Анализ этой системы позволяет выделить следующие ее составляющие.

Во-первых, поскольку оценка производительности труда на хозяйственных объектах НКВД-МВД, в том числе Вятского ИТЛ, так же как и в целом в советской централизованной планово-командной экономике, была основана на выполнении производственных норм, то, соответственно, любая система поощрения (премирования) должна была ориентироваться (и ориентировалась) на их выполнение. В основном в лагерях применялись «единые нормы выработки», действовавшие в соответствующих отраслях экономики страны (применительно к «основному производству» Вятлага - нормы, установленные для «общегражданских» предприятий лесной и деревообрабатывающей промышленности) [153]. В то же время в лагерях (включая и Вятский ИТЛ) применялись также «уменьшенные нормы», рассчитанные, прежде всего, «на освоение новых типов работ и восстановление физических сил работников» [154].

При этом следует отметить, что, хотя нормы были установлены для самых разнообразных видов работ и регулировали труд подневольных почти во всех сферах производства, существовали такие переделы, участки, секторы хозяйства, труд на которых не поддавался строгому нормированию. С одной стороны, это касалось деятельности преобладающей части инженерно-технического (ИТП-ИТР), административно-технического (АТП) и младшего обслуживающего персонала (МОП) [155], но, с другой стороны, - и некоторых видов так называемых «общих работ» (например, на снегоуборке, ремонте лесовозных дорог и железнодорожных путей, погрузке-разгрузке железнодорожного подвижного состава и др.) [156].

Там, где производственные нормы были установлены, универсальная система стимулирования заключалась в том, что от выполнения этих норм зависело удовлетворение основных жизненно важных потребностей подневольных работников. Так, соответствующими ведомственными актами регламентировались подробные схемы питания и вещевого довольствия «спецконтингентов», включая увеличенные и уменьшенные нормы [157]. Например, выполнение норм менее чем на 100% немедленно влекло за собой

сокращение продовольственного пайка (перевод на так называемый «пониженный котел»).

Однако применение такого рода «стимулов» нередко вызывало обратный эффект, инициируя своего рода заколдованный круг: сокращение продовольственного пайка вследствие невыполнения норм выработки приводило к утрате трудоспособности подневольного работника - в силу чего он тем более не мог выполнять эти самые нормы. Долгосрочными результатами этого процесса являлись дистрофия и, наряду с ней, такие заболевания, как пеллагра, цинга, дизентерия, туберкулез. Немало заключенных, измученных таким образом, деградировало нравственно и погибало физически [158]. С другой стороны, и тем подневольным работникам, которые могли выполнять и перевыполнять нормы, улучшенное питание и прочие льготные режимно-бытовые условия ненамного облегчали лагерную жизнь [159].

Стержневым методическим элементом такой системы стимулирования подневольного труда являлось применение ее на уровне бригад, в которые, как правило, были организованы работающие узники. Это означало, что результаты труда каждого отдельного работника непосредственно сказывались на оценке коллективного итога деятельности всей бригады, а от этого, в свою очередь, зависел размер выделяемого продовольственного пайка для каждого ее члена. Таким образом, внутри бригады действовали механизмы круговой поруки - для поддержания необходимой трудовой дисциплины и понуждения к напряженной работе даже самых слабых лагерников. Делалось это или путем оказания взаимопомощи, или в виде группового давления, а чаще всего - с помощью и того, и другого [160].

Ведущую роль в этом процессе играли мастера, десятники и особенно - бригадиры. Последние назначались из числа «наиболее дисциплинированных и добросовестно проявивших себя на работе заключенных», отвечали за выполнение производственного задания и качество работы - как бригады в целом, так и каждого ее члена, а также - за сохранность инструмента и соблюдение бригадой правил внутреннего распорядка [161].

Помимо стандартной системы стимулирования труда, которая охватывала практически всех подневольных производственников (обозначим ее условно как систему «регулируемого коллективного пищетаксиса»), в лагерях - как и во всей советской производственно-хозяйственной сфере - применялись и различные индивидуализированные формы и способы побуждения к производительному труду. Одной из таких форм являлось

трудовое соревнование, наиболее известным (и одиозным) вариантом которого являлось так называемое «ударничество» или «стахановское движение».

Принципиально в отношении подневольных лагерников, «соблюдавших режим содержания, хорошо проявивших себя на производстве и перевыполняющих установленную норму», могли применяться следующие меры поощрения со стороны лагерного руководства: а) объявление благ.рности перед строем или в приказе с занесением в личное дело; б) выдача премии (денежной или натуральной); в) предоставление внеочередного свидания; г) предоставление права получения посылок и передач без ограничения; д) предоставление права перевода денег родственникам - в сумме, не превышающей 100 руб. в месяц; е) перевод на более квалифицированную работу. Кроме того, десятник (мастер) в отношении хорошо работающего узника мог ходатайствовать перед прорабом (техноруком) или начальником лагерного подразделения о предоставлении особо отличившемуся производственнику льгот, предусмотренных для так называемых «стахановцев» [162].

Почти аналогичные нормы действовали в отношении «трудмобилизованных». Так, за «четкое выполнение положения о внутреннем порядке и хорошую производственную работу - выполнение и перевыполнение норм» для них предусматривались следующие поощрения: а) благ.рность; б) улучшенное питание; в) лучшее размещение в бараках и снабжение постельным бельем; г) премирование одеждой; д) выдача на руки и предоставление права посылки семье заработка сверх полной себестоимости содержания в лагере; е) премиально-поощрительная система в расплате за выполнение нормы [163].

Гораздо более широкий прейскурант поощрительных мер устанавливался для лагерников, работавших «стахановскими методами». Им предоставлялся (помимо стандартных мер поощрения, перечисленных выше) целый ряд специальных, дополнительных льгот, в частности: а) проживание в более благоустроенных бараках, «оборудованных топчанами или кроватями и обеспеченных постельными принадлежностями, культуголком и радио»; б) специальный улучшенный паек; в) отдельная столовая или отдельные столы в общей столовой с первоочередным обслуживанием; г) вещевое довольствие «в первую очередь и 1-го срока носки»; д) преимущественное право пользования лагерным ларьком; е) первоочередное получение книг, газет и журналов из библиотеки лагеря; ж) постоянный клубный билет «на занятие

лучшего места для просмотра кинокартин, художественных постановок и литературных вечеров»; з) командирование на курсы внутри лагеря «для получения или повышения соответствующей квалификации (шофера, тракториста, машиниста и т.д.)». В отношении отдельных, особо отличившихся «стахановцев» начальник Управления и начальник политотдела ИТЛ могли возбудить ходатайство перед вышестоящим руководством об условно-досрочном освобождении таких подневольных лагерников [164].

Численность узников Вятлага, работавших «стахановскими» методами, постоянно варьировалась, и сведения об этом имеются только по отдельным периодам и переделам работ. В частности, в 1941 г. на основном производстве лагеря были организованы 17 звеньев так называемых «пятнадцати- и двадцатитысячников» [165]. В конце 1943 г. к числу «стахановцев» были отнесены 350 человек - «отличников производства, давших не менее 45 производственных среднемесячных норм, при производительности труда не ниже 150% и с хорошим качеством работы» [166]. В апреле 1947 г. «Центральным штабом трудового соревнования» Вятского ИТЛ восьми бригадам «основного производства» было присвоено звание «Бригада рекордистов», 10 - звание «Отличная бригада» и еще 8 - «Авангардная бригада». В октябре этого же г. в лагере «рекордных бригад» было уже 17, «авангардных бригад» - 21, «отличных бригад» - 17 [167].

Даже по этим фрагментарным данным можно судить, что уровень вовлеченности подневольных лагерников в движение «стахановцев» («ударников»), составлявших до 10% всех рабочих-сдельщиков, был достаточно заметен [168]. Кроме того (во всяком случае - по отчетным данным) от 90 до 95% лагерных производственников были охвачены различными формами так называемого «трудового соревнования», для победителей в котором применялись также дополнительные меры поощрения [169].

Дать объективно точную оценку эффективности такого рода стимулов, напрямую связывавших условия жизни подневольных с производительностью их труда, практически невозможно. С одной стороны, поощрение передовиков, создание условий, имевших для них жизненное значение и потому являвшихся для них же реальными стимулами, несомненно, повышало и производительность труда определенной части «рабочих контингентов», при том, что для лагерной администрации это означало лишь весьма незначительные дополнительные расходы на

премирование. Так, в 1947 г. на поощрение передовиков «трудового соревнования» было израсходовано около 65,5 тыс. руб., что составило чуть более 3,1% от статьи «оплата труда» общегодовой плановой лагерной сметы на содержание заключенных [170].

Наряду с этим, при всей широте размаха «стахановского движения», «ударничества», «трудового соревнования» и подобных «громких» починов, производительность труда в лагере по «основному производству» в целом в рассматриваемый период никогда не достигала запланированного 100-процентного рубежа и составляла: в 1941 г. - 72,0% [171], в 1944 г. - 96,3% [172], в 1947 г. - 96,3% [173] (при этом не выполняющих технические нормы насчитывалось 36,0% от общего количества сдельщиков) [174], в 1952 г. - 96,8% [175], в 1953 г. - 81,3% [176]. Таким образом, о практической целесообразности всех этих лагерных починов можно говорить с известной долей условности.

С другой стороны, потери рабочей силы, вызванные гулаговской системой стимулирования (в «наказательно-принудительном» ее аспекте) среди той части «спецконтингентов», которая не могла приспособиться к тяжелым условиям труда и быта в лагере, являются вполне достаточным основанием для того, чтобы (даже без учета очевидных моральных издержек этой системы) серьезно сомневаться в экономической ее эффективности.

Наряду с этой системой стимулирования, строившейся в основном на эксплуатации элементарных бытовых потребностей подневольных лагерников и складывавшейся из двух составляющих («наказание и/или поощрение») существовали и другие регуляторы, которые также были предназначены для мотивации высокой производительности труда узников, но при этом не имели «наказательного» компонента.

Один и, пожалуй, главный из них воплощался в практике так называемых «зачетов рабочих дней». В упрощенном виде эта практика сводилась к тому, что заключенному один отработанный им с перевыполнением производственной нормы рабочий день засчитывался за полтора, два дня (или даже более) назначенного ему срока уголовного наказания (лишения свободы), а конечным результатом являлось досрочное освобождение.

Такая система в исправительно-трудовых лагерях, а также в колониях и тюрьмах практиковалась еще в 1930-е гг. [177]. В частности, приказом НКВД СССР от 1 августа 1935 г. №241 [178] объявлялось, что к заключенным «за ударную работу и образцовое поведение» будут применяться «наиболее

высокие нормы зачета рабочих дней, а именно: … в лагерях - за 2 дня работы - 3 дня срока (уголовного наказания. - Н. Б.), то есть при отбытии одного года календарного срока фактически отбытый срок будет считаться 1,5 года». В лагерях «особо отдаленных, находящихся в тяжелых климатических условиях» устанавливался «сверхударный зачет - за 1 день работы 2 дня срока», что сокращало фактический срок заключения «наполовину», то есть один календарный год лишения свободы считался за два года срока заключения [179]. Особый порядок применения этой меры поощрения предусматривался (с октября 1935 г.) для «работающих по-стахановски» - для них предписывалось «производить зачет рабочих дней на одну категорию выше» по сравнению с получаемыми ими ранее зачетами [180]. Фактически же применение условно-досрочного освобождения и «зачетов рабочих дней» всячески ограничивалось, а для репрессированных за «контрреволюционные преступления» оно не производилось вообще (за крайне редкими исключениями) [181].

Однако летом 1939 г. и эта урезанная система «зачетов» была упразднена - для всех категория «спецконтингента» и по всем местам заключения НКВД, включая лесные лагеря, в число которых входил и Вятский ИТЛ. Одновременно отменялись все зачеты рабочих дней, уже накопленные заключенными на тот момент [182]. Аргументация при этом сводилась к тому, что существовавшая ранее практика «зачетов» якобы означала во многих случаях, «что заключенные фактически отбывали лишь половину или даже треть своего лагерного срока», а это шло вразрез с принципом максимального использования подневольной «рабочей силы» [183]. Правда, допускалось использование, как меры поощрения, сокращения срока заключения: для отдельных заключенных, «дающих в течение длительного времени высокие показатели производительности труда», возможность условно-досрочного освобождения сохранялась [184]. В таких случаях решение принимали Коллегия НКВД или Особое совещание НКВД СССР - по специальному ходатайству начальника Управления и начальника политотдела ИТЛ [185]. Разумеется, такая возможность относилась к разряду крайних исключений.

Относительно же основной массы заключенных фиксировались другие, менее существенные и конкретные, варианты поощрений, в частности: «улучшенное снабжение и питание хороших производственников, дающих высокие показатели производительности труда, денежное премирование этой категории заключенных и облегченный лагерный режим с общим

улучшением их бытового положения» [186]. Одновременно выдвигались требования о значительно более суровом обращении с «отказчиками» [187]. Таким образом, новеллы в карательно-исполнительном нормотворчестве 1939 г. в целом были выдержаны в духе общего ужесточения режима в местах лишения свободы.

Выявленные документальные и нарративные источники позволяют сделать вывод, что в 1940-1946-х гг. в Вятском ИТЛ не применялась система «зачетов рабочих дней», а существовал только такой вариант поощрения, в соответствии с которым «по ходатайству руководства лагеря перед правительством, специальным решением за отличную работу могли снизить срок заключения» [188]. Кроме того, в 1942-1946 гг. применялось «условно-досрочное освобождение в особом порядке», установленном ранее упоминавшейся директивой НКВД и Прокуратуры СССР от 29 апреля 1942 г. [189].

В мемуарах некоторых бывших узников сталинско-советских лагерей [190] утверждается, что отмена системы «зачетов» относилась только к «политзаключенным», в то время как к осужденным по «бытовым» и репрессированным по некоторым так называемым «литерным» статьям (СВЭ («социально вредный элемент»), СЧЭ («социально чуждый элемент»), СОЭ («социально опасный элемент») и т.п.), «зачеты» по-прежнему производились. Выявленные источники и архивные материалы по истории Вятского ИТЛ не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть подобную информацию, хотя нельзя исключить, что здесь, как и в других лагерях, подобные явления, инициированные местной администрацией, в единичном порядке вполне могли иметь место [191].

С конца 1940-х - начала 1950-х гг., однако, и официальные документы, и мемуары узников Гулага свидетельствуют о серьезном повороте в политике и практике «зачетов рабочих дней» и условно-досрочного освобождения заключенных [192]. Право на «зачеты рабочих дней» начинает предоставляться всем работающим заключенным, независимо от установленного для них срока уголовного наказания, статьи обвинения и времени пребывания в местах лишения свободы. При этом необходимыми и достаточными условиями для получения зачетов являлись достижение конкретным заключенным соответствующих производственных показателей и соблюдение установленного «режима содержания». Размеры «зачетов» за один отработанный день зависели от степени (процента) перевыполнения производственной нормы. На «основных работах» они охватывали спектр от

1,5 дня при выполнении норм на 100-110% и до 3-х дней - в случае выполнения норм на 151% и выше [193].

Новая система стимулирования вводилась постепенно, в течение нескольких лет, начиная с отдаленных и особо значимых для экономики Гулага объектов (строительные ИТЛ «атомного проекта», Дальстрой, Главпромстрой, Норильлаг МВД СССР и т.п.), однако для большинства заключенных лагерей и колоний МВД СССР, в том числе Вятского ИТЛ, эти стимулы вступили в действие в полном объеме уже после смерти И.В.Сталина - в 1953-1954 гг. [194].

Третья система стимулирования подневольного труда в Гулаге, в том числе в Вятском ИТЛ, заключалась в дифференцированной выплате узникам определенных денежных сумм за выполненную ими работу. Эти выплаты в нормативно-административных документах изначально и вплоть до конца 1940-х гг. обозначались терминами «денежное поощрение» или «денежное премиальное вознаграждение». Понятие «заработная плата» тоже употреблялось, но лишь иногда - как исключение из правил [195]. Официально оно было установлено только в 1948 г. [196].

Реальная практика оплаты подневольного труда до 1950 г. сводилась к следующему. В соответствии с «Временной инструкцией о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях» 1939 г. [197], ежемесячно «премиальное вознаграждение» (как и все другие поступающие на имя заключенного денежные средства) обязательно зачислялось на его личный счет. При этом работающим заключенным деньги могли выдаваться и наличными - в сумме, не превышающей месячного «премиального вознаграждения». Кроме «премвознаграждения», заключенным, в зависимости от их поведения на производстве и в быту, могли быть выданы, с разрешения начальника лагерного подразделения, также личные деньги - в сумме не более 100 руб. в месяц. Выдачу «премвознаграждения» и личных денег предписывалось производить «разновременно по частям с таким расчетом, чтобы на руках у заключенного сумма денег не превышала 50 руб.». Право пользования деньгами разрешалось, кроме работающих, некоторым другим категориям заключенных: временно нетрудоспособным, больным, инвалидам, а также беременным узницам [198].

Примерно такие же положения сохранялись в «Инструкции по режиму содержания заключенных лагерей и колоний МВД» 1947 г. [199], с некоторыми дополнениями и уточнениями, в частности, о том, что выплата

денежного поощрения допускалась только в тех случаях, когда подневольные работники выполняли или перевыполняли производственные нормы [200].

Оплата труда других категорий «спецконтингента» также производилась на основании ведомственных актов. Так, в отношении «трудмобилизованных» действовала директива НКВД СССР от 7 марта 1942 г. «О порядке производства расходов по организации отрядов немцев, мобилизованных в рабочие колонны» [201]. Этим документом, в частности, предписывалось, что «расчеты за работу немцев, мобилизованных в рабочие колонны, производятся по нормам и расценкам, действующим в сметном районе … лагеря для вольнонаемных рабочих аналогичного производства. На всех видах работ применяется принцип сдельной оплаты, с применением процентных надбавок, установленных постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 ноября 1938 г. по лесозаготовкам, и в соответствии с другими постановлениями партии и правительства по всем прочим видам производства… Зарплата исчисляется по фактической выработке и учитывается на лицевых счетах, открываемых каждому работающему... Стоимость содержания…, мобилизованных в рабочие колонны, питания и коммунально-бытовых услуг по установленным нормам и ставкам удерживается из зарплаты». При этом «стоимость питания исчисляется по оптово-розничным ценам, а не ценам, заложенным в лагерной смете». Остальная сумма заработка остается на лицевом счете каждого «трудмобилизованного» и «может выдаваться ему на руки по указанию начальника отряда или колонны - в зависимости от поведения и производственной дисциплины, для посылки денег членам семьи и покупки продуктов питания в ларьковой сети лагеря». Кроме того «с начисленной к выдаче заработной платы производится на общих основаниях удержание подоходного налога, культсбора и военного налога, по соответствующим ставкам зарплаты…». Указывалось также, что взносы социального страхования по зарплате «трудармейцев» не начисляются, «поскольку последние считаются мобилизованными в рабочие колонны». При «временной нетрудоспособности… мобилизованных в рабочие колонны, содержание последних в этот период производится за счет спецфонда пособий лагеря», который формировался в размере 4% от суммы начисленной «трудармейцам» зарплаты, относимых на себестоимость. Одновременно «содержание жилищно-бытовых зданий, занимаемых… мобилизованными в рабочие колонны», должно было осуществляться «по принципу самоокупаемости». Исходя из этого, устанавливалось, что

коммунально-бытовые услуги «трудармейцам» «оплачиваются по ставкам, соответствующим себестоимости эксплуатации жилищно-бытового хозяйства отряда и колонны», но не выше ставок, применяемых в районе дислокации ИТЛ [202].

Денежное довольствие военнопленных осуществлялось на основании «Положения…», утвержденного постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 1 июля 1941 г. №1798-800с. Пунктом 22 раздела IV этого «Положения…» («Трудовое устройство военнопленных») постулировалось, что «военнопленные, привлекаемые к работе в разных отраслях народного хозяйства, получают зарплату в размере, установленном Управлением НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УВИР). При этом «из заработной платы военнопленных производится удержание на возмещение расходов по содержанию (оплата жилой площади, коммунальные услуги, питание, если организовано общее котловое довольствие)» [203].

Директивой НКВД СССР от 25 августа 1942 г. №353 (раздел «Денежное довольствие») дополнительно устанавливалось, что «для приобретения предметов первой необходимости военнопленным выплачивается: рядовому и младшему начсоставу - по 7 руб. в месяц каждому; среднему комначсоставу - по 10 руб. в месяц каждому; старшему комначсоставу - по 15 руб. в месяц каждому; высшему комначсоставу - по 30 руб. в месяц каждому. Военнопленным, используемым на работах, дополнительно выплачивается: 1. …Работающим на нормированных работах: а) при выработке в месяц в среднем от 40 до 50% нормы - 10 руб. в месяц; б) от 51 до 80% нормы - 15 руб. в месяц; в) от 81 до 100% нормы - 25 руб. в месяц; г) перевыполняющим нормы - 50 руб. в месяц. 2. Бригадирам и десятникам - 30 руб. в месяц; им же при выработке бригадой не менее 60% нормы - 50 руб. в месяц; им же при выработке бригадой не менее 80% нормы - 70 руб. в месяц; им же при выработке бригадой не менее 100% нормы - 100 руб. в месяц. 3. Врачам из военнопленных - 40 руб. в месяц. 4. Фельдшерам - 20 руб. в месяц. 5. Хозяйственно-санитарной обслуге - 10 руб. в месяц. 6. …Работающим на основных ненормированных работах - 20 руб. в месяц» [204].

Конкретное представление о размерах денежного «вознаграждения», которое выплачивалось узникам Вятского ИТЛ, можно получить из бухгалтерских отчетов этого лагеря за разные годы. Так, в 1944 г. фактический размер этого «вознаграждения» на один отработанный человеко-день составил в среднем 1 руб. 62 коп. (при плановом показателе - 1

руб. 28 коп.) [205], в 1946 г. - 1 руб. 20 коп. (при плане - 1 руб. 46 коп.) [206], что составляло в месяц в пределах от 28 до 40 руб. Эти показатели являются усредненными, и, разумеется, суммы «поощрения», полученные отдельным подневольными работниками, могли быть несколько (или даже значительно) выше тех, что указывались в официальных отчетах. Но в то же время существовало значительное число лагерников, не выполнявших норм выработки и, следовательно, не получавших денег вообще. Таким образом, имеются вполне достаточные основания для того, чтобы констатировать очевидную скудость денежного «вознаграждения», выделявшегося подневольным работникам Вятлага за их изнурительный труд в тяжелых климатических и бытовых условиях. Размер этого «вознаграждения», кстати, был (даже с учетом расходов на содержание каждого узника, которые в конце 1930-х - начале 1945-х гг. составляли около 5 руб. в день) [207] кратно (до 10-20 раз) ниже среднемесячной зарплаты рабочих на «гражданских» предприятиях [208]. Примечательно также, что в военный и послевоенный периоды практически каждый год расходы на содержание «спецконтингентов» фактически были ниже плановых, что относится и к «премиальным вознаграждениям» [209]. Такая практика, впрочем, была присуща не только Вятскому ИТЛ, но и другим лагерно-производственным комплексам и структурам [210].

Порядок оплаты труда в ИТЛ существенно изменился только к концу 1940-х гг., когда в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 г. №4293-1703сс заключенные лагерей Дальстроя МВД СССР за свой труд стали получать не «премвознаграждение», а заработную плату [211]. Постановлением Совета Министров СССР от 13 марта 1950 г. и последовавшим за ним приказом МВД СССР от 29 апреля 1950 г. №00273(212) заработная плата была введена и во всех остальных ИТЛ (за исключением «особых» лагерей) и колониях МВД [213].

В соответствии с этими документами, переводу на заработную плату подлежали все работающие заключенные, занятые на производстве, в строительстве и других секторах, а также на внутрилагерных работах. Условия оплаты труда заключенных устанавливались на основе тарифных сеток и ставок, должностных окладов и поощрительных систем, действовавших для вольнонаемных работников данного сектора «народного хозяйства», причем с соответствующим понижением этих ставок и окладов [214]. Для тех случаев, когда установленные оклады для вольнонаемных работников отсутствовали, предусматривалось применение тарифных ставок

и окладов, действовавших для работников соответствующих «гражданских» министерств и ведомств. При этом, впрочем, заключенные получали на руки лишь небольшую часть полагавшейся им заработной платы. Из общей суммы сначала удерживались средняя по лагерю стоимость расходов на гарантированное питание (надбавки, которые получали отдельные группы работников, в данном случае не учитывались), на выдаваемую одежду и обувь, а также подоходный налог. Однако, при всех этих формах удержания, сумма, выдаваемая работающим заключенным «под расчет», не должна была быть меньше 10% их общего (исходного) заработка.

Система определения условия оплаты труда для заключенных разрабатывалась в индивидуальном порядке. Это означало, что зарплата, формально начисляемая заключенным (то есть до вычетов), по отношению к соответствующей зарплате вольнонаемных работников снижалась на основе не фиксированного, а переменного коэффициента. Например, в случаях, когда месячная ставка заключенных, полученная в результате процедуры расчета на базе ставки вольнонаемных, оказывалась ниже суммы обязательных удержаний и установленной минимальной выдачи заработной платы на руки (10% заработка), то тарифная ставка заключенных устанавливалась на уровне месячной ставки вольнонаемных рабочих, то есть без снижения. Однако ни в коем случае не допускалось, чтобы исходные ставки заключенных превышали ставки вольнонаемных работников. Прогрессивно-сдельные и другие премиальные системы оплаты труда, которые на предприятиях МВД применялись для вольнонаемных рабочих, полагалось применять также к труду заключенных работников, однако с прогрессивным возрастанием за перевыполненную часть нормы расценок, установленную именно для заключенных. Наконец, для заключенных из административно-хозяйственного персонала (АХП), служащих и младшего обслуживающего персонала (МОП), а также инженерно-технических работников (ИТР) должностные оклады устанавливались в размерах от 50 до 70% окладов вольнонаемных работников по соответствующим должностям [215].

В соответствии с упомянутым приказом МВД СССР №00273-1950 г., при установлении тарифных сеток для заключенных следовало исходить из того, чтобы последние «максимально стимулировались к перевыполнению норм выработки». Кроме того, сохранялись принципы дифференциации оплаты труда, действовавшие в то время на «гражданских» предприятиях (выделение «ведущих» отраслей, учет территориально-климатических

условий и др.). Аналогично, в лагерном хозяйстве уровень оплаты рабочих основного производства должен был быть выше уровня оплаты рабочих подсобно-вспомогательных производств, а, соответственно, уровень оплаты труда рабочих более высокой квалификации должен быть так же более высоким.

Заключенным, временно освобожденным от работы - по болезни и другим причинам, за время освобождения от работы зарплата не начислялась, но и стоимость гарантированного питания и вещевого довольствия с них при этом не удерживалась. «Актированным» инвалидам, используемым на сдельных работах, оплата труда производилась по установленным для остальных заключенных общим сдельным расценкам - за фактически выполненный инвалидами объем работ.

Нет однозначного ответа на вопрос, какой эффект вызвало введение заработной платы в лагерной системе в целом и в Вятском ИТЛ - в частности? Во-первых, это нововведение поставило исправительно-трудовые лагеря, в том числе и Вятлаг, перед новыми и непростыми проблемами, ибо в соответствии с приказом МВД СССР №00273-1950 г., размер заработной платы, подлежащей к выдаче заключенным на руки, должен был быть установлен «в пределах общих ассигнований, утвержденных на содержание лагерей» [216]. Другими словами, на эти дополнительные расходы лагерям не выделялись адекватные компенсирующие средства. Лагерному руководству в этой ситуации приходилось «явочным порядком» идти на сокращение расходов по содержанию «спецконтингента» по одним статьям (не исключая «питание» и «вещевое довольствие»), чтобы финансировать предписанное сверху увеличение расходов по статье «заработная плата» [217]. Тем не менее, есть основания полагать, что введение зарплаты имело и положительные последствия: для значительной массы заключенных это явилось реальным стимулом к более производительному труду и, в известной степени, послужило (наряду с системой зачетов) одним из несомненных сдерживающих факторов в бурных внутрилагерных событиях начала 1950-х гг.

Для того чтобы выяснить, в каких размерах заключенным Вятского ИТЛ начислялась зарплата после ее введения, обратимся к отчетным бухгалтерским общелагерным данным за 1952 г. Согласно этим данным, фактически начисленная к выдаче на руки среднемесячная заработная плата в указанном году составила (с учетом заключенных, лишенных зарплаты): по всему «спецконтингенту» - 98 руб. 77 коп. (при нормативе - 93 руб. 13 коп.);

на оплачиваемых работах - 109 руб. 22 коп. (норматив - 100 руб.); по внутрилагерной обслуге - 48 руб. 37 коп. (норматив - 60 руб.) [218].

В докладе министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова «О мерах коренного улучшения работы исправительно-трудовых лагерей и колоний в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 10 июля 1954 г.», сделанном на совещании руководящих работников ИТЛ и колоний МВД СССР (27 сентября - 1 октября 1954 г.), отмечалось, что средний месячный заработок заключенных Гулага составил в 1953 г. 324 руб. 4 коп., в том числе на руки выдавалось (за вычетом всех удержаний) в среднем 129 руб. 25 коп. [219]. Учитывая, что это - лишь усредненные показатели, с вероятной степенью допуска от 5 до 10% в ту либо иную сторону, отметим все же, что среднемесячная зарплата квалифицированных рабочих в «нелагерной» производственной сфере в начале 1953 г. составляла: в угольной промышленности - 1465 руб., в цветной металлургии - 1343 руб., в легкой промышленности - 651 руб., а в лесной отрасли, как можно предположить, находилась где-то на среднем уровне - в пределах 1100-1150 руб. [220].

Обратим внимание и на то, что среднемесячная выработка на одного подневольного производственника в Вятском ИТЛ в том же 1952 г. составила более 560 руб. [221]. Более чем пятикратный разрыв между этим показателем и средним уровнем заработной платы позволяет получить некоторое представление о степени эксплуатации работников-заключенных в этом лагере.

Изучение практики применения разнообразных стимулов подневольного труда в Вятском ИТЛ дает основание для некоторых выводов, относящихся как к этому лагерному комплексу, так и ко всей производственной системе Гулага.

Очевидно, что, с одной стороны, даже в тех запредельных условиях принуждения, которые существовали в сталинско-советских лагерях, организация сколько-нибудь эффективного труда невольников требовала применения и своеобразной системы его «позитивной мотивации», что, однако, было осознано и высшим политическим руководством и низовой администрацией лагерной системы с несомненным опозданием, предопределившим кризис этой системы в начале 1950-х гг.

С другой стороны, непременным и доминирующим элементом спектра форм и методов стимулирования подневольного труда на всем протяжении рассматриваемого периода оставались механизмы принуждения, понуждения, репрессии. При ослаблении этих механизмов давали сбой и все

другие составляющие системы управления лагерным производством, где труд из средства социальной реабилитации превращен в инструмент наказания, кары, расправы, а лишенный свободы индивидуум из объекта пенитенциарного воздействия низведен до уровня обезличенного «предмета труда», бесправного «исполнителя программы», обесцененного «винтика» в бесчеловечном лагерно-хозяйственном «зазеркалье».

2.3. Проблемы эффективности лагерной экономики

Исследование проблем эффективности подневольного труда в сталинско-советских лагерях занимает особо значимое место в современном «гулаговедении». Почти аксиоматичным стало признание того факта, что эта разновидность труда являлась неотъемлемой и весомой составной частью отечественной системы хозяйствования. Гораздо меньшее единодушие присутствует в оценках ее эффективности.

Некоторые исследователи подходят к решению проблемы априорно, отмечая, что в экономической теории давно доказано преимущество «вольного» труда перед «подневольным» («принудительным») [222]. Другие, констатируя то же самое, исходят от эмпирики, используя многочисленные воспоминания бывших лагерников, свидетельствующих (как правило, с субъективной достоверностью) о низкой производительности труда в местах лишения свободы, широко распространенной в них «туфте» и т.п., оперируя также общими статистическими показателями о значительных расходах на охрану, обустройство и содержание инфраструктуры лагерей и т.д. [223]. Третьи утверждают, что в ряде случаев использование подневольного труда приносило государству убытки, но в ряде случаев - и доходы [224].

Важно отметить в этой связи, что в оценках различных инстанций, проверявших лагерно-производственный сектор, многое зависело от политической конъюнктуры. Например, в докладной записке Л.П.Берии И.В.Сталину и В.М.Молотову от 27 января 1945 г. сообщалось, что «все лагеря, все исправительно-трудовые колонии и предприятия НКВД находились (в годы войны. - Н.Б.) на полной самоокупаемости, не получая никакой дотации из государственного бюджета», а в результате производственно-хозяйственной деятельности лагерей, колоний и предприятий НКВД в 1944 г. были «получены накопления в сумме 1630000000 руб.» [225]. С этой реляцией корреспондирует справка, подготовленная ГУЛАГом МВД СССР в июле 1948 г. и подписанная заместителем министра В.В.Чернышовым, в которой, в частности,

утверждалось, что все расходы по содержанию исправительно-трудовых лагерей и колоний покрываются за счет доходов от работы заключенных, а до 1946 г. эти расходы покрывались без всякой дотации со стороны госбюджета [226]. Это относится к тем временам, когда руководству НКВД-МВД было важно показать и подчеркнуть весомость и эффективность своего ведомства в целом и его производственной структуры - в частности. Хотя и предыдущие утверждения нуждаются в существенных корректировках. Так, например, в соответствии с докладом того же ГУЛАГа, представленным в марте 1940 г., плановый бюджет этого ведомства на указанный год составлял в доходной части 7375720 млрд. руб., а в расходной части - 7864010 млрд. руб. Запланированное превышение расходов над доходами выражалось, таким образом, в сумме 488,290 млн. руб. (более 6,6%) и перекрывалось оно ассигнованиями из госбюджета [227].

Примерно в тех же пропорциях распределялись бюджеты и в территориально-производственных лагерных комплексах, в том числе - в Вятлаге. Правда, в середине 1941 г. в акте передачи этого ИТЛ вновь назначенному начальнику бывший руководитель Управления не без гордости констатировал, что «рентабельность работы лагеря за первое полугодие (1941 г. - Н.Б.) дала возможность перевести в УЛЛП (Управление лагерей лесной промышленности. - Н.Б.), отказавшись от государственной дотации, 1 млн. руб., имея систематически в остатке расчетного счета лагеря от 2 млн. до 2,5 млн. руб.» [228]. Но уже по итогам 1944 г. этот лагерь имел убытков более чем на 15,5 млн. руб. [229], что вызывает небезосновательные сомнения и в предшествующей, куда более оптимистичной, статистической информации по данному поводу.

Ракурс оценок резко менялся, когда тем же ведомственным руководителям (в том числе Л.П.Берии) требовались иные политические мотивировки, для которых нужна была не демонстрация результативности лагерного хозяйства, а нечто совсем другое. Так, во второй половине 1953 г. по инициативе ЦК КПСС проводился ряд проверок территориальных лагерных подразделений. Свою задачу проверяющие, разумеется, выполнили. Но если ранее в различных отчетах, докладах и справках данные свидетельствовали об «экономической ценности» Гулага, то теперь - с диаметральной противоположностью - об однозначной ущербности лагерного труда. Например, заместитель начальника финансового отдела УИТК ГУЛАГа МВД СССР А.Е.Рубанов теперь подчеркивал, что «содержание лагерей и колоний в течение ряда лет не окупалось доходами от

трудового использования заключенных» [230]. В справке главной бухгалтерии ГУЛАГа по итогам выполнения государственного плана за январь-июнь 1954 г. отмечалось, в частности, что план по накоплениям недовыполнен на 25,2%, план по доходам от трудоиспользования заключенных выполнен лишь на 91%, а фактические расходы по содержанию лагерей и колоний превысили доходы от предоставления рабочей силы на 448,100 млн. руб., или на 50,600 млн. руб. более плана [231]. На покрытие превышения расходов над доходами было получено дотаций из госбюджета на сумму 270,700 млн. руб. (то есть недополученная дотация составила 177,400 млн. руб.), что «создало в лагерях и колониях финансовое напряжение» и привело к использованию личных денег заключенных в сумме 46 млн. руб.» [232]. В справке начальника финансового отдела ГУЛАГа М.И.Лисицина, где приводятся основные параметры финансового плана этого ведомства на 1955 г., указывается, что планируемые расходы по содержанию заключенных (4,318900 млрд. руб.) еще в большей степени превышают доходы от трудового использования лагерников (3,459900 млрд. руб.). Таким образом, превышение расходов над доходами, покрываемое бюджетными ассигнованиями, выражались суммой 859 млн. руб. (более 24,8%), а в результате эта сумма оказалась еще выше - почти миллиард рублей [233].

Что касается Вятского ИТЛ, то в акте его передачи от 1 сентября 1954 г. откровенно признается, что этому лагерю «необходима срочная финансовая помощь», поскольку общая сумма его «неплатежей на 11 марта 1954 г. достигла 17,592 млн. руб., что, по существу, соответствует размерам недостатка собственных оборотных средств» [234].

Учитывая весь спектр мнений и подходов, наиболее продуктивным, однако, представляется рассмотрение вопроса об эффективности подневольного труда как выяснение, с одной стороны, соотношения его результатов с затратами (что, собственно, и соответствует определению эффективности в рамках экономической теории), а, с другой стороны, - как сопоставление тех же результатов с соответствующими показателями в «нелагерных» предприятиях. В современной отечественной историографии в связи с этим существует точка зрения, что сравнения подневольного («принудительного») и «вольнонаемного» труда в СССР во второй половине 1930-х - начале 1950-х гг. практически невозможны - вследствие отсутствия адекватных источников. Наиболее рельефно обозначил эту позицию М.И.Хлусов во введении к сборнику документов «Экономика ГУЛАГа и ее

роль в развитии страны, 30-е годы» [235]. Он считает неправомерными рассуждения о малой эффективности использования труда заключенных по сравнению с рабочими государственной промышленности, поскольку, с одной стороны, уже в конце 1929 г. советские лагерно-производственные подразделения были переведены на «самоокупаемость», а, с другой стороны, и кремлевское правительство «позаботилось» о невозможности подобных сопоставлений, приняв 20 августа 1936 г. постановление «О порядке учета труда и зарплаты спецпереселенцев и заключенных исправительно-трудовых колоний, работающих на предприятиях» [236].

И действительно, инструкция ЦУНХУ (Центрального управления народнохозяйственного учета) Госплана СССР, утвержденная данным постановлением и требующая во все формы отчетности предприятий по труду и зарплате включать все категории рабочей силы, не подразделяя «спецрабсилу» и вольнонаемных работников, в основном закрывает возможности для сравнения [237]. Составители этой инструкции также сделали все возможное, чтобы «исключить возможность путем сопоставления данных, содержащихся в различных разделах карточек (и сводок), определить численность спецрабсилы, работающей на данном предприятии или в данной отрасли труда» [238]. Отчетность, которая велась в соответствии с указанной инструкцией, сделала почти невозможным макроуровневый подход к сравнению производительности труда вольнонаемных работников и принуждаемых к труду «спецконтингентов». На этот счет имеются лишь фрагментарные и не всегда поддающиеся критическому анализу оценки. Так, например, из отчетных данных МВД СССР за 1951 г. можно заключить, что в указанном году на всех производственных объектах этого министерства доля вольнонаемных рабочих, не выполнявших нормы выработки, достигала 10,9%, в то время как среди заключенных она была равна 27,4% (разница в 2,5 раза), а на некоторых объектах эта разница была еще значительнее (более чем в 8 раз) [239].

В Вятском ИТЛ этот показатель на рубеже 1940-1950-х гг. исчислялся в пределах 30-36% [240].

Известно также, что выработка в день на строительно-монтажных объектах ГУЛАГа составляла в январе 1941 г. 23,5 руб., а по союзным наркоматам - 44,98 руб. (разница - в 1,9 раза), а в феврале этого же года - соответственно 24,8 руб. и 49,67 руб. (разница - более чем в 2 раза). Выработка на один человеко-день в ГУЛЖДС (Главном управлении

железнодорожного строительства) НКВД была ниже, чем в НКПС (Наркомате путей сообщения), на 64%, в Главпромстрое НКВД ниже, чем в Наркомстрое, на 55%, в Главгидрострое НКВД ниже, чем в Главгидроспецстрое Наркомата строительства, на 39% [241]. Использование основных фондов (выполнение строительно-монтажных работ на один рубль стоимости основных фондов) на стройках ГУЛАГа в 1939 г. было почти в 4 раза хуже, чем на объектах Наркомата по строительству СССР. При этом строительные механизмы использовались в 3 раза хуже [242].

В середине 1950-х гг. фактические объемы выработки на одного рабочего лесоэксплуатации составляли: по Минлеспрому СССР в целом - 266,6 кубометра, по объединению «Кирлес» (Кировская область) - 282 куб.м., а в ведущем Кайском леспромхозе этого объединения - 382 куб.м. [243]. В то же время по Вятскому ИТЛ этот показатель не превышал в среднем 253 куб.м. [244] и, таким образом, от соответствующего общесоюзного уровня отставал на 5%, от областного - на 10%, а от лучших предприятий лесной отрасли в местном регионе - более чем на треть (33,8%). Еще более низкой была производительность труда военнопленных: она почти вдвое уступала соответствующим показателям «отечественных лесорубов» [245].

Эти и подобные им аргументы и статистические выкладки, несомненно, впечатляют, но, тем не менее, только на их основании вряд ли можно вынести окончательный и однозначный вердикт относительно эффективности лагерно-производственной системы. Исследователь неизбежно сталкивается при этом с необходимостью учета целого ряда дополнительных привходящих обстоятельств. Во-первых, потому что на предприятиях союзных наркоматов и министерств, в том числе и в лесопромышленной отрасли, наряду с вольнонаемными в разные годы работали сотни тысяч «подопечных» Гулага: заключенных, спецпоселенцев, военнопленных и др. Во-вторых, не всегда точно известно, в одинаковых ли условиях (климатических и т.п.) трудились работники гражданских ведомств и Гулага, сопоставимые ли производственные задания они выполняли. Хотя не вызывает сомнений тот факт, что, как правило, «подневольные контингенты» вынуждены были трудиться в более суровых условиях. Все это приводит к выводу, что сравнения «лагерных» и «внелагерных» производственных структур на макроуровне - в укрупненном, общеотраслевом масштабе - при всей их значимости будут всегда оставлять сомнения, ставить перед исследователем все новые и порой неразрешимые задачи.

Более продуктивными и перспективными (во всяком случае, на первый взгляд) представляются исследования на микроуровне: сравнение эффективности производства конкретных видов продукции, которое осуществляется в сходных территориальных, климатических, организационно-технических и тому подобных условиях [246]. Но и в этих исследованиях неизбежны сложно преодолимые методологические трудности, обусловленные необходимостью определения и выявления сравнимых, сопоставимых показателей для лагерного и «гражданского» производства. Эмпирические исследования привели к использованию в качестве таких показателей: для промышленного производства - годовой выпуск продукции на одного работника и стоимость единицы этой продукции; для сельского хозяйства - урожайность (в растениеводстве), продуктивность (в животноводстве), себестоимость единицы того или иного вида сельхозпродукции. Однако с источниковедческой точки зрения наибольшую трудность здесь вызывает именно поиск заданных показателей, причем в отчетности не столько гулаговских подразделений, сколько - гражданских предприятий: формы отчетности по многим параметрам не совпадают, по некоторым периодам статистические данные отсутствуют вообще, а по значительному числу предприятий они утрачены безвозвратно.

Таким образом, задача полномасштабного и всестороннего анализа проблем сравнительной экономической эффективности подневольного лагерного труда разрешима (при современном уровне ее клиометрического обеспечения) лишь на уровне гипотетической постановки и предположительных выводов.

Иногда выводы о низкой эффективности подневольного труда опираются на сведения о значительности расходов на охрану в лагерях, инфраструктуру мест лишения свободы и т.п. И действительно, затраты «на управление» в рассматриваемый период составляли в целом по Гулагу около 10% расходов на содержание лагерей, а еще 20-25% этих расходов «съедало» содержание охраны [247]. Бюрократическая машина Гулага плодила огромные потоки документации. Так, в справке начальника секретариата этого ведомства от 22 ноября 1954 г. отмечалось, что только за 10 месяцев указанного года в ГУЛАГ МВД СССР поступил 329501 документ, а еще 259345 документов были отправлены из него [248]. С учетом же разосланных в периферийные органы приказов и указаний ГУЛАГа, его управлений и отделов общее количество документов, «прошедших в ГУЛАГ за 10 месяцев 1954 г.», превысило 709 тыс. Лишь за 9 месяцев того же года израсходованы

5544 кг писчей бумаги [249]. Однако в этом отношении Гулаг отнюдь не выделялся на общем бюрократическом фоне сталинско-советской эпохи. И автор очередного отчета лагерного ведомства (1940 г.), заместитель начальника ГУЛАГа НКВД СССР А.П.Лепилов, имел достаточные основания утверждать, опираясь на содержание ведомственного бюджета, что «ГУЛАГ, создавая в процессе своей производственно-хозяйственной деятельности товарные и материальные ценности, получает из государственного бюджета только такие ассигнования, какие получает от него любая государственная хозяйственная организация» [250].

Нередко, рассматривая проблемы эффективности подневольного труда, исследователи (и совершенно справедливо) обращают внимание еще на одну его сторону, связанную не только с деятельностью принуждаемых к труду, которые, вследствие плохих условий этого труда и слабой заинтересованности в его результатах, работают непроизводительно, но и с ролью тех, кто организует производство в местах лишения свободы, с тем, что малая результативность подневольного труда в немалой степени порождалась и обусловливалась низким уровнем его организации. И действительно, незаинтересованное отношение лагерной администрации к эффективному использованию подневольной «рабочей силы» - это один из врожденных пороков организации труда в Гулаге. Лагерный труд часто был неэффективен не потому, что подневольные «исполнители программы» не желали работать, но и потому, что «вольные» организаторы работ не могли наладить должным образом управление производством, поставить его на адекватный технологический уровень.

Причиной тому были и объективные обстоятельства, обусловленные лагерно-режимной спецификой. С одной стороны, лагерная система по определению не способна к саморегулированию, что косвенно признавалось даже ее руководителями. Так, в «Кратком обзоре итогов перевода заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР на систему зарплаты за I полугодие 1951 г.» [251], направленном плановым отделом МВД СССР заместителю министра внутренних дел И.А.Серову, в частности, отмечалось: «Много недостатков имеется в организации труда, нормировании и учете выполненных работ. Имеют место различного рода приписки, записи объемов работ, выполненных одними бригадами другим для начисления им прогрессивки и т.д. … По-прежнему весьма значительная часть низового нормировочного аппарата замещена заключенными, которые зачастую, находясь под влиянием бандитствующих элементов или под

действием угроз, а иногда по соглашению сознательно допускают приписки и неправильное нормирование нарядов» [252].

Отмеченные недостатки в полной мере были характерны и для Вятского ИТЛ. В декабре 1938 г. руководство лагеря, анализируя причины срыва выполнения «производственной программы», констатирует: основные из этих причин «кроются в плохой организации работ, в преступно-безобразном использовании имеющихся механизмов» (на 5-м лагпункте 7 тракторов за смену вывезли только 46 фестметров), «в отсутствии внимания и заботы о лагернике (вшивость, плохое питание, скверные жилищно-бытовые условия и проч.), что ни в какой мере не стимулирует производительности труда» [253].

Произведенная в апреле 1942 г. негласная фотография «рабочего дня» в 8 лесозаготовительном отряде выявила здесь «неоправдываемое преступное безделие» лесозаготовительных производственных звеньев за рабочий день в размере 41,5% от его общей продолжительности, что «свидетельствует о неблагополучии в использовании труда рабочих в ЛЗО», «самотеке и безучетности», «бездействии начальника ЛЗО и технорука в деле повседневного контроля за использованием рабсилы на отдельных звеньях работы». Аналогичные случаи имели место и на других ОЛПах и ЛЗО лагеря [254].

В июне 1945 г. проверкой состояния работы лесозаготовительных бригад 12-го ЛЗО и 3-го ОЛП («комсомольско-молодежных» бригад, сформированных из числа «трудармейцев») установлено, что в первом из этих подразделений «бригады работают на расстоянии 6-6,5 км, перевозка их до места работы не организована, в силу чего затрачивается энергия и время на ходьбу, что отражается на производительности труда; техническая учеба по повышению квалификации, а также передаче опыта передовых членов бригад не организована; большинство членов бригад за неимением летнего обмундирования работают в зимнем обмундировании (в ватных брюках и шапках), в рваной обуви и непригодных портянках, большая часть имеющейся в носке обуви непригодна к ремонту; у некоторых совершенно отсутствует постельное белье…». В 3-м ОЛП лесоповальные женские(!) бригады «не обеспечены качественным инструментом (лучковые пилы, топоры), расточка лучковых пил на производстве организована плохо; члены бригад не обеспечены летним обмундированием и работают в ватных брюках, из-за отсутствия рукавиц и портянок увеличивается число освобожденных по причинам опухания рук и потертости ног; в бараках

много клопов, требуется проведение дегазации их серой; на производстве из-за отсутствия бочек не имеется кипяченой воды…» [255].

Восемь лет спустя, 30 июля 1953 г., в справке ответственного инспектора ГУЛАГа МВД СССР Д.Ф.Лубенченко «О результатах предварительного расследования причин массовых беспорядков в лагерном пункте №19 Вятского ИТЛ в ночь с 12 на 13 июля 1953 г.» отмечалось, что в подразделении «не уделяется должного внимания вопросам трудового использования заключенных. Руководящий состав лагерного подразделения на объектах работы не бывает, расстановкой заключенных по бригадам и по объектам работ не занимается… Многочисленные жалобы заключенных на имеющие место обсчеты, неправильное трудовое использование, необеспечение работой, отсутствие пригодного для работы инструмента лагерной администрацией не проверяются и остаются без должного реагирования. Особенно плохо обеспечиваются работой заключенные ночных смен. В ночь с 19 на 20 июля с.г. в результате отсутствия леса 175 заключенных всю ночь проспали, причем руководство лагерного пункта мер к документальному оформлению массового простоя не приняло. Неудовлетворительно организовано питание и быт заключенных… Особенно плохо организовано питание заключенных на производстве. Пища готовится в грязном, давно не мытом котле и однообразная, качество ее вообще никто не проверяет. На лесобирже на бригаду 60 человек имеется 6 металлических мисок и три столовые ложки, в результате чего заключенные на прием пищи затрачивают большое количество рабочего времени. Не создано для заключенных и необходимых условий для отдыха. Спальные места заключенных не обеспечены подушками, простынями. Одеяла рваные и грязные. Матрацы, как правило, не набитые. Во всех жилых бараках и даже стационаре санчасти имеется огромное количество клопов, которые не дают возможности спать, вследствие чего подавляющее количество заключенных спят на улице и чердаках…» [256].

К концу рассматриваемого периода (1954 г.) картина, по сути, не изменилась: среднегодовая численность не работающих по разным причинам трудоспособных заключенных (группа «Г») в Вятском ИТЛ достигала 1539 человек (6,8% наличного списочного состава), из них «отказчиков» насчитывалось ежедневно в среднем по 206 человек (13,3% к общему числу неработающих), но этот показатель более чем в два раза (447 человек, или 29,0%) перекрывало количество не занятых на производстве по так называемым «организационно-техническим причинам»: необеспеченность

вещевым довольствием («разутость и раздетость») - 42 человека (9,4%), непредоставление работы - 199 человек (44,5%), отсутствие охраны - 206 человек (46,1%) [257].

Пренебрежительное (в массе своей) отношение лагерного административного и производственно-технического персонала к исполнению своих служебных и профессиональных обязанностей можно объяснить как разлагающей психологической атмосферой в местах лишения свободы (практически бесконтрольная власть над подневольными, корпоративная порука, влияние уголовного элемента и др.), так и недостаточностью моральной и материальной мотивации: стимулирование управленческой эффективности только за счет административных мер воздействия (благодарность - выговор, должностное повышение - понижение и т.п.), а также за счет незначительных денежных поощрений (премии, надбавки и пр.) вряд ли могло обеспечить значительный результат.

С другой стороны, даже при заинтересованном и добросовестном труде инженерно-технические работники не могли в условиях ИТЛ (а тем более - лесных лагерей) реализовать свой творческий потенциал и по объективным причинам, предопределенным характером, содержанием и производственными особенностями деятельности этих структур, а также содержавшейся в них подневольной «рабочей силы».

Прежде всего, это сказывалось на технологическом обеспечении производства. Показательна в этом отношении история с так называемым «оборудованием особых поставок» - «трофейным», поступившим из Германии в 1946 г. Предназначено оно было для Центральных паровозовагоноремонтных мастерских (ЦПВРМ), намеченных УЛЛП к строительству в Вятлаге. Всего в лагерь поступили 138 единиц этого оборудования. Из этого количества были выданы, согласно приказу МВД №363-1946 г. - «во временную эксплуатацию отдельным промышленным предприятиям лагеря», 62 единицы (ЦРММ, паровозному депо, лесозаводу №1, цехам ширпотреба 2-го и 7-го ОЛПов, мотогаражу 18-го ОЛПа, лесозаводу №2 16-го ОЛПа и дрожжевому заводу), что составило менее половины (44,9%) поступившего оборудования. Остальные «трофеи», представлявшие собой довольно «продвинутые» по тем временам технические средства, оказались просто невостребованными и затерялись на складах лагеря [258].

Характерно и то, что наиболее восприимчивыми к техническому перевооружению являлись те секторы лагерного хозяйства, где

преимущественно применялся «вольнонаемный труд», прежде всего - отдел железнодорожного транспорта (ЖДО). В значительной степени и на протяжении многих лет (1948-1961 гг.) многое здесь определялось личной ролью начальника этого отдела - А.А.Кисснера, «трудмобилизованного» этнического немца, в «гражданской» жизни - кандидата технических наук, заведующего кафедрой Ростовского института инженеров железнодорожного транспорта, талантливого организатора и высококвалифицированного профессионала в своем деле [259]. Кстати говоря, именно по железнодорожному отделу Вятлага проходила существенная часть зарегистрированных в этом лагере предложений о «рационализации» производства (так называемых «рацпредложений») [260].

Примечательно также, что если на ранней, условно говоря - примитивной стадии - отставание лагерного хозяйства в технологической сфере от «нелагерного» сектора было не столь существенным или наблюдался даже некоторый «паритет» (так, в 1939 г. механизированная вывозка леса по лесным лагерям в целом составляла 23,9%, в 1947 г. - 41,1%, в 1950 г. - 53,6%; по «гражданским» предприятиям лесной отрасли этот показатель составлял в 1940 г. - 32,8%, в 1947 г. - 39,6%, в 1950 г. - 56,7%; по Вятскому ИТЛ (1950 год) - 49,5%) [261], то, по мере поступательной модернизации лесопромышленного производства этот разрыв постоянно нарастал, а после настоящего технологического прорыва в лесной отрасли в последней четверти прошлого столетия приобрел непреодолимый масштаб.

По данным ВНИИ (Всесоюзного научно-исследовательского института) МВД СССР, к 1987 г. оснащенность новой лесозаготовительной техникой предприятий лесных лагерей (лесных исправительно-трудовых учреждений - ЛИТУ) этого ведомства и леспромхозов (ЛПХ) Минлесбумпрома СССР (единиц в расчете на 1 млн. куб.м. вывозки) составляла [262]:

Таблица 18

	ЛИТУ	ЛПХ	Отставание ЛИТУ (раз)
Самоходные погрузчики	3	5	1,7
Автолесовозы типа КрАЗ	8	25	3,1
Бесчокерные тракторы	1	4	4
Автолесовозы типа МАЗ-500 и 509	8	40	5
Полуавтоматические линии для раскряжевки хлыстов	0,5	4	8
Валочно-пакетирующие, валочно-трелевочные и валочные машины	1	25	25

При этом производительность труда (по валовой продукции) составляла в среднем в лесных ИТУ 2,5-3,0 руб. на одного работника лесоэксплуатации в день, то есть была примерно в 2-3 раза меньше, чем в «гражданском» секторе лесной промышленности. Фондовооруженность труда была почти в 2 раза ниже. Примечательно также, что удельный вес инженерно-технических работников на предприятиях лесных ИТУ не превышал 8% всего производственно-промышленного персонала, в то время как в леспромхозах он составлял 12-13% (в 1,5-1,6 раза больше) [263].

В целом же к концу советской эпохи (1989 год) фондовооруженность арестантской промышленности была в 5 раз ниже аналогичного обобщающего показателя по «народному хозяйству» СССР, а производительность труда - меньше в 1,5 раза [264]. Но при всем при этом «вольнонаемный» рабочий обходился государству в районах Сибири и Крайнего Севера в 20000 руб. ежегодно, а заключенный, довольствующийся 2 квадратными метрами жилья и минимумом зарплаты, - лишь в 1000 руб. Неудивительно, что при объеме выпускаемой продукции в 9000000000 руб. (6-е место среди союзных министерств) МВД в 1989 г. получило 200000000 руб. прибыли [265].

Все более актуальными для изучения проблемы эффективности лагерной системы хозяйствования становятся такие аспекты этой темы, как влияние указанной системы на экологическую ситуацию в местах дислокации ИТЛ и на прилегающих территориях, на экономическое развитие этих регионов, социально-демографические последствия многолетнего функционирования карательно-исполнительных учреждений, его криминогенного воздействия на окружающее местное население. Приходится констатировать, однако, что до настоящего времени исследования по перечисленным направлениям ограничиваются (и не только применительно к Вятскому ИТЛ) лишь постановкой вопросов и немногочисленными публикациями в средствах массовой информации [266]. Но даже эти фрагментарные сведения и свидетельства дают достаточно весомые основания полагать, что администрация Вятского ИТЛ, на всех этапах существования этого лагеря, по-своему и весьма произвольно трактовала «народнохозяйственные задачи» и понимала «рациональное освоение лесов» не как обеспечивающее воспроизводство их, а лишь как средство «наилучшего выполнения государственного плана». При этом требования лесоохраны носили декларативный характер и фактически постоянно нарушались. Были вырублены огромные лесные массивы - в общей сложности около 100 млн.

куб.м. [267]. Произошла утрата лесов с ценными породами древостоев. Из-за отсутствия необходимых мощностей и низкого технологического уровня перерабатывающих предприятий значительные объемы древесины не использовались, около половины ее уходило на отопление (дрова). Вырубались даже водоохранные полосы, а работы по лесовозобновлению проводились в минимальных, крайне ограниченных объемах [268]. Освоение территорий проводилось стихийно, без учета возможных отрицательных последствий [269]. Многие работники были некомпетентны в той области деятельности, которой занимались. Это относится и к руководящим кадрам, и к рядовым лагерникам. Постоянное требование выполнения плана, зачастую вопреки реальным обстоятельствам, приводило к халатности и безответственности.

Тоталитарный режим, явивший своим детищем карательно-лагерную систему, обусловил и потребительское отношение ее к природе, подчиняя хозяйственную деятельность лагерей решению сиюминутных задач. Экологические и социально-демографические последствия этой деятельности на региональном уровне болезненно ощущаются уже сегодня и, видимо, приобретут еще большую остроту в будущем. От системы, где не представляет никакой ценности человеческая жизнь, по меньшей мере, наивно ожидать щадящего, рачительного, бережного отношения к природе, органичной частью которой, собственно, и является человек.

Особые условия функционирования лагерно-производственной системы (повышенная секретность и бесконтрольность) способствовали также широкому распространению и таких ее хронических пороков, как приписки, ложные отчеты, недостачи, непроизводительные расходы, растраты, проявления коррупции. Причем, судя по всему, эти пороки были свойственны лагерной системе не в меньшей, а, возможно, и в большей степени, чем это было присуще всей советской хозяйственной модели. Воспоминания бывших узников и сотрудников Вятского ИТЛ переполнены свидетельствами о том, с каким последовательным упорством и изобретательностью в лагере стремились «зарядить туфту» [270]. Этот термин, появившийся еще в середине 1920-х гг. в лексиконе соловецких уголовников-рецидивистов и расшифровывавшийся как «техника учета фиктивного труда», то есть «обман, очковтирательство, работа, сделанная лишь для видимости, заведомо ложные завышенные показатели в официальных отчетах» [271] и получивший затем всеобщее распространение в Гулаге, был порождением не менее распространенной системы приписок, в

сохранении которой были заинтересованы не только подневольные работники (им эти приписки нередко спасали жизнь), но также и их лагерные начальники - всех уровней и рангов. «Туфтой» фактически были многие высокие отчетные технико-экономические лагерные показатели, поскольку достигались они не за счет оптимальной организации производства, а при помощи расточительной, зачастую просто хищнической эксплуатации материальных ресурсов и подневольной рабочей силы.

Между тем в лагерях, в том числе и Вятском ИТЛ, наблюдался непрерывный рост себестоимости товарной продукции. Если в 1950 г. себестоимость 1 куб.м. продукции лесоэксплуатации в этом лагере составляла 5,41 руб., то в 1953 г. - уже 6,85 руб. (рост - на 26,6%) [272]. Процветали приписки объемов выполненных работ, хищническая «добыча» леса, когда огромные штабеля древесных хлыстов (прошедших по отчетам о «выполнении планов») оставались не вывезенными - гнить на таежных делянах. Размеры «отходов» производства достигали огромной величины: на большинстве лесных лагерных пунктов в брак отсортировывалась, например, даже та древесина, которая «не воспринималась» (из-за ее чрезмерного диаметра) пилорамами [273].

Сотнями тысяч и даже миллионами рублей выражались суммы непроизводительных расходов, потерь от недостач и хищений. Они составляли: за январь-июнь 1940 г. - более 335500 руб. [274], за 1942 год - более 8 млн. руб., а за 11 месяцев 1943 г. - около 2,300 млн. руб. [275], за 1944 год – 1,223 млн. руб. [276], за 11 месяцев 1946 г. - более 600 тыс. руб. [277], за один месяц (октябрь) 1947 г. – 60 тыс. руб. [278], за два месяца (январь-февраль) 1948 г. – 137 тыс. руб. [279], за 1953 год – 1,581 млн. руб. (в том числе недостачи и хищения – 244 тыс. руб.) [280]. В 1952 г. в ходе инвентаризаций выявлены недостачи лесопродукции общим объемом 4485 куб.м. - на сумму 102 тыс. руб. [281].

Бывший сотрудник (офицер, начальник лагпункта Вятлага вспоминает о начале 1950-х гг.: «…Были в основном приписки объемов невыполненных работ, торговля лесом (его продажа одной бригадой - другой, чтобы иметь 121% выработки и получить зачеты 1:3), недогруз железнодорожных вагонов, за что поступало довольно много рекламаций от получателей. Некоторыми работниками, особенно техническим персоналом из бывших заключенных, допускались поборы, запрещенные связи, пронос в зону запрещенных предметов (водка, чай, продукты), получение от родственников заключенных, приезжающих на свидание, взяток, получение посылок с

продуктами - часть отдавали заключенным, часть оставляли себе. Имели место умышленные поджоги - как на производстве, так и в жилых зонах. Одни поджигали, проиграв в карты, другие - в знак протеста против общей системы и с целью попасть на тюремный режим. Много было загораний из-за небрежного обращения с огнем, особенно в летнее время и при сжигании порубочных остатков. Были умышленные поджоги и для сокрытия приписок» [282].

Многочисленными фактами, свидетельствующими о перманентности и всеобщности указанных явлений в Вятском ИТЛ, а также о коррумпированности значительной части персонала и охраны, изобилуют архивные материалы этого лагеря [283].

Следует отметить, что проблема коррупции в местах лишения свободы практически еще не затронута отечественным «гулаговедением». Отдельные подступы к этой теме предпринимаются лишь зарубежными исследователями [284]. При этом, рассматривая феномен коррупции среди лагерной администрации прежде всего как экономическое или должностное преступление с целью самообогащения за государственный счет, отмечается, что взяточничество и хищения были явлением широко распространенным в территориальных подразделениях Гулага [285]. Вместе с тем коррупция в лагерно-карательной системе рассматривается как часть более широкого общегосударственного феномена, являвшегося одной из основных черт советской хозяйственной и общественной жизнедеятельности на протяжении всего периода правления Сталина и после его смерти [286].

Бесспорно, что коррупция является неотъемлемой чертой многих стран в эпоху государственной экспансии и усиления бюрократии и ни в коем случае не относится к признакам исключительно псевдосоциалистического хозяйственного уклада, подобного сталинско-советскому. Тем не менее, сама природа этой системы хозяйствования, с ее национализированной собственностью и инфраструктурой, строго централизованным планированием, хроническими дефицитами и однопартийной монополией на власть, предоставляла бюрократам, чиновникам, администраторам всех управленческих структур и рангов множество возможностей и стимулов к наживе за государственный счет.

С другой стороны, нередко действия, которые квалифицировались как хозяйственные преступления, на самом деле могли быть (и нередко были) отчаянными попытками территориальных и местных руководителей

выполнить непомерные планово-государственные задания в условиях хаоса, типичного для советской распределительной системы [287].

Что касается коррупции внутри гулаговской системы, то, во-первых, она, несомненно, существовала в широких масштабах и по большей части принимала такие же формы, которые были присущи советскому обществу и советской экономике в целом. Во-вторых, проводимые государством мероприятия по борьбе с различными видами коррупции, которые широко практиковались и афишировались (несмотря на их неравномерное и непропорциональное применение), имели место также и в местах лишения свободы. В-третьих, антикоррупционные кампании в гулаговской системе проводились по той же схеме, что и аналогичные кампании по стране в целом, и имели столь же ограниченные результаты [288].

Феномен коррупции передавался, как эстафета, от одного поколения отечественной бюрократии, включая лагерную администрацию, к другому, благополучно дожил до наших дней и демонстрирует все новые свои варианты, ресурсы и масштабы.

Заслуживают внимания и выводы Р.Карклинса о том, что именно персонал является наиболее слабым звеном в структуре управления отечественной уголовно-карательной системой [289]. Сотрудники лагерной администрации (от управленцев до охраны, надзирателей и низовых инженерно-технических работников) склонны к коррупции, у многих из них низкий моральный уровень. Официальные же благие намерения часто терпят неудачу из-за халатности, пьянства, других недостатков и слабостей непосредственных исполнителей. Последние имеют также склонность вступать в так называемые «неформальные» сделки с заключенными - с целью избежать неприятностей и соблюсти формальные организационные требования, а также для того, чтобы в местах лишения свободы поддерживался внешний порядок и выполнялись (хотя бы - по отчетам) производственные задания.

Такие договорные отношения, существующие де-факто, просто необходимы для согласования двойственных по определению целей отечественной лагерной системы. Во-первых, лагеря имеют как хозяйственно-производственные, так и социально-политические цели, и в этом их органический структурный недостаток: зачастую то, что содействует одному, вступает в противоречие с другим. Во-вторых, тотальная организация, каковой и является лагерная система, имеет немало мощных средств контроля над своими заключенными, но если к ее целям добавляются

требования «экономической производительности», это увеличивает напряжение во внутреннем ее функционировании, а, в конечном счете, - ставит под сомнение ее эффективность, причем не только в пенитенциарном, но и хозяйственном плане.

«Лагеря - не наш идеал», - этот тезис, который прозвучал на заседании Президиума ЦК КПСС еще 8 февраля 1954 г. [290] и мог бы стать отправной точкой к повороту всей советской уголовно-исполнительной системы в сторону общепринятой цивилизованной пенитенциарной политики и практики, по сути, повис в воздухе, оказался невостребованным, а затем был признан порочным и неприемлемым. Гулаговская (во всяком случае - по методам организации производственно-хозяйственной деятельности) система продлила существование еще на полвека с лишним - со всей своей бесчеловечностью (а, значит, нерациональностью и неэффективностью) и разлагающим влиянием на весь отечественный социум, включая его экономическую составляющую.

Заключение

Выступая 1 апреля 1960 г. на собрании партийного актива Вятского ИТЛ и, по сути, подводя итог сталинско-советскому периоду деятельности этого лагеря, бывший тогда первым секретарем Кировского обкома КПСС А.П.Пчеляков, в частности, говорил:

«У вас в лагере 30000 человек, а дают они 5-6 тыс. кубов (леса) в сутки. Это… золотой лес, но государство пока вынуждено с этим мириться… У вас аппарат раздут до невозможности. Беда в том, что начальство Вятлага годами привыкло к барству, бесконтрольности, легкой жизни - так и воспитывает свои кадры» [1]. Главная беда руководства Вятлага, по мнению первого секретаря обкома партии, заключается в том, что оно «плохо знает экономику» [2].

С этими выводами главного областного партийного функционера вполне можно согласиться, но с существенным дополнением: по всей видимости, в системе Гулага профессиональное знание экономики скорее вредило, чем помогало в управленческой службе: из всех пяти начальников Вятского ИТЛ в 1938-1953 гг. (Г.С.Непомнящий, И.И.Долгих, Н.С.Левинсон, А.Д.Кухтиков, С.А.Дидоренко) ни один не имел хоть какого-то экономического образования [3]. Впрочем, вопросы возникают и относительно самого А.П.Пчелякова, который, имея за плечами 3 курса Московского инженерно-экономического института, тем не менее, всего через несколько месяцев после выступления перед коммунистами Вятлага был снят (в 1961 г.) со своего высокого поста «за допущенные серьезные ошибки в руководстве сельским хозяйством…» [4].

Как уже отмечалось [5], недостаточная производительность подневольного труда обусловливалась слабой заинтересованностью в его результатах не только непосредственных исполнителей («рабочей силы»), но и организаторов-руководителей лагерного хозяйства. В свою очередь, разговор об эффективности подневольного труда, по всей видимости, следует вести не в плоскости чисто экономического понимания этого термина, а с точки зрения того, что понималось под эффективностью, прежде всего, высшим политическим руководством страны. И если взглянуть на проблему под этим ракурсом, то рассуждения об экономической компетентности лагерной администрации отходят на задний план. Становится ясно, что, решая ряд конкретных хозяйственных задач («индустриализация», «мобилизация ресурсов», «колонизация сырьевых регионов» и т.п.),

кремлевские вожди имели в виду некие политические приоритеты, а в подходе к решению вопросов о целесообразности широкомасштабного применения подневольного труда исходили в первую очередь из возможности использовать его административно-мобилизационные ресурсы. При этом эффективность производства рассматривалась не как отношение затрат к результату, а как форсированное решение текущих политико-хозяйственных проблем. Привлечение вольнонаемных работников для достижения этих целей потребовало бы значительных средств (на создание инфраструктуры, освоение необжитых территорий и т.д.), а самое главное - понадобились бы на это долгие и долгие годы. Понятно поэтому, что мобилизация подневольной рабочей силы представлялась сталинско-советскому руководству более «эффективным» способом решения всех этих проблем.

Подобное выстраивание сверху социально-экономических приоритетов оказывало самое непосредственное влияние на пенитенциарные концепции и структуры. Экономическое поведение государства утратило рациональность: главным требованием к предприятиям и целым отраслям становится не достижение рентабельности, а выполнение производственных планов - причем в кратчайшие сроки и при ограниченном количестве материальных и финансовых ресурсов. В рамках такой модели «эффективными» признаются такие хозяйственные структуры, которые способны быстро сконцентрировать ресурсы (и прежде всего - «рабочую силу») на определенных объектах и направлениях, что и способствовало превращению НКВД-МВД в крупнейшее хозяйственное ведомство, распоряжавшееся огромными подневольными, а, следовательно, мобильными, трудовыми ресурсами.

По мнению ряда исследователей [6], система подневольного труда выполняла несколько функций, осуществление которых было невозможно (или почти невозможно) при помощи «обычных» методов принуждения и стимулирования трудовой деятельности. Во-первых, она обеспечивала развитие тех отдаленных регионов, привлечение в которые вольнонаемных работников требовало значительных средств. Во-вторых, она поставляла чрезвычайно мобильную рабочую силу, легко перебрасываемую с объекта на объект - в зависимости от потребностей государства. В-третьих, эту рабочую силу можно было эксплуатировать практически без ограничений, вплоть до полного истощения. В-четвертых, угроза попасть в жернова Гулага «дисциплинировала» «свободных» работников. В-пятых, существование

значительной прослойки заключенных и других «спецконтингентов» снижало давление на скудный потребительский рынок, облегчало решение острейших социальных проблем (например, жилищной) и т.д. В общем, использование заключенных и других лагерных «спецконтингентов» было «типом мобилизации труда, вполне соответствовавшим той стадии экстенсивной индустриализации, которая завершилась в 1950-е гг.» [7].

Перечисленные соображения заслуживают внимания, в том числе - как стимул для дальнейших исследований. Однако пока они имеют преимущественно априорный характер и не подкреплены изучением широкого круга источников. Очевидно, что такие работы, если они и появятся в каком-то предстоящем времени, потребуют серьезных усилий многих исследователей, и прежде всего - на уровне регионов и территориальных лагерных комплексов.

В целом же, превращение НКВД, а затем МВД в одно из крупнейших хозяйственных ведомств и активное использование подневольного труда в СССР в 1930-1950-е гг. можно рассматривать как одну из важнейших черт сталинско-советской социально-экономической модели, в которой политика, как правило, имела абсолютный приоритет над экономикой. Массовые политические репрессии и чрезвычайно жестокая система уголовных наказаний, служившие источниками постоянного увеличения лагерных «спецконтингентов», всегда были нацелены на решение политических задач, а с экономической точки зрения (не говоря уже о моральном аспекте) были абсолютно ущербны. Только такая богатая людскими и природными ресурсами страна, как Советский Союз, могла пережить физическое уничтожение сотен тысяч трудоспособных граждан, разорение миллионов крестьянских хозяйств, содержание огромного карательного аппарата и т.д.

Создавая экономику Гулага, сталинско-советское государство, прежде всего, пыталось минимизировать эти огромные материальные затраты. На практике же (об этом наглядно свидетельствуют и реальности Вятского ИТЛ, через который за 1938-1953 гг. прошло не менее 155000 узников) [8] эксплуатация подневольных «контингентов» лишь увеличивала потери.

Характер и масштабы этого явления требуют дополнительного специального изучения. Однако можно утверждать, что одной из его причин было наличие в руках государства значительных контингентов «дешевой» и мобильной рабочей силы Гулага. Это поощряло хозяйственный волюнтаризм, позволяло предпринимать дорогостоящие, но сомнительные с экономической и экологической точек зрения проекты - без колебаний и

серьезной предварительной их проработки. Проведение более подробных, чем имеющиеся к настоящему времени, исследований, скорее всего, покажет, что роль подневольного труда в наращивании реального экономического потенциала страны была куда менее значительной, чем демонстрируют формальные показатели лагерно-хозяйственной деятельности, и, во всяком случае, - отнюдь не позитивной.

Многочисленные реальные «минусы» - прежде всего людские, политические, материальные и моральные потери - несоизмеримы с теми скудными, временными и мнимыми «плюсами», которые государству приносил подневольный труд лагерных «спецконтингентов».

Основательно и системно объем этих потерь не выявлялся и не изучался (ни ранее, ни теперь) отечественными исследователями. Несколько более преуспели в этом зарубежные исследователи. Так, в работе известного американского экономиста Р.Голдсмита «Сопоставление национальных балансов (1688-1978 гг.)» [9] приводятся следующие данные [10]: соотношение национального богатства к созданному национальному продукту составляло для России, а затем - для СССР: в 1913 г. - 9,50; в 1929 г. - 7,24; в 1939 г. - 2,94; в 1950 г. - 3,42. Этот же макропоказатель (объективно характеризующий уровень экономического потенциала и во многом - степень эффективности хозяйствования) выглядел в те же годы соответственно: для США - 7,62; 9,98; 9,20; 7,15; для Англии - 8,62; 9,81; 9,87; 8,30; для Франции (без 1939 г.) - 10,74; 7,01; 6,43. Эти подсчеты свидетельствуют о том, что, во-первых, в 1913 г. уровень России был (в относительном выражении) близок к соответствующим экономическим параметрам развитых промышленных стран Запада (а в ряде случаев - и превышал аналогичные зарубежные показатели). Во-вторых, в годы «сталинских пятилеток» это соотношение резко изменилось - за счет катастрофического снижения эффективности отечественной экономики. В-третьих, и в 1939 и в 1950 гг. этот показатель в СССР стал в 2-3 раза ниже, чем в других странах. В-четвертых, если низкий советский показатель 1950 г. может быть объяснен (в значительной, но далеко не полной степени) последствиями послевоенной разрухи, то удручающе низкий уровень мирного 1939 г. обусловлен в значительной мере тотальным насаждением подневольного, принудительного труда, в том числе - в системе Гулага, внеэкономическими методами его организации [11].

Хозяйственно-производственная система Гулага, основанная, прежде всего, на сверхэксплуатации подневольных «контингентов» на тяжелых

физических работах, ослабляла трудовой потенциал страны, была причиной массовой преждевременной смертности (в Вятском ИТЛ в 1938-1953 гг. она составила не менее 20.000 человек, или - более 13% общесписочного состава «спецконтингентов») [12], инвалидности миллионов людей, варварского использования квалифицированных кадров.

Применение в существенных размерах подневольного труда тормозило механизацию производства и развитие социальной инфраструктуры, что, в конечном счете, было одной из причин замедления развития отечественной экономики в целом, наличия в ней значительных секторов, находившихся даже на доиндустриальном уровне.

Низкая эффективность подневольного труда заставляла руководителей исполнительно-карательной системы в той или иной мере всегда использовать разного рода экономические или псевдоэкономические методы организации производства, а при благоприятной политической конъюнктуре, наступившей после смерти Сталина, вообще инициировать демонтаж «лагерной экономики» [13]. Однако за годы своего существования система подневольного труда в ее сталинско-советском варианте успела оказать серьезное негативное воздействие на развитие страны и характер ее социально-экономической системы в целом, а также (и особенно) - на территориально-региональном уровне.

Наглядным и поучительным примером тому являются итоги жизнедеятельности существовавшего (под разными вариантами официальных наименований) на протяжении почти семи десятилетий (при первоначальных проектно-расчетных сроках - 40-45 лет) [14] Вятского исправительно-трудового лагеря.

Примечания

Введение

1. Одна только американская строительная фирма Альберта Кана, сотрудничавшая с компанией Форда, принимала участие в проектировании и строительстве на территории СССР в 1930-х гг. более 500 промышленных объектов, включая Сталинградский и Челябинский тракторные заводы (см.: Касьяненко И. Использование американского опыта в период становления советского промышленного зодчества (сотрудничество с фирмой Альберта Кана))//Взаимодействие культур СССР и США. XVIII-XX вв. - М., 1987. С.111-121; Шпотов Б.М. Бизнесмены и бюрократы: американская техническая помощь в строительстве Нижегородского автозавода, 1929-1931 гг.//Экономическая история: Ежегодник. 2002. - М., 2003. С.191-232; Россия и США: экономические отношения 1917-1933 гг. Сб. документов. - М., 1997; Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917-1930. - Stanford (Calif.), 1968; Idem. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930-1945. - Stanford, 1971).

2. См.: Конвенция Лиги Наций от 25 сентября 1926 г. «Относительно рабства» [Интернет-ресурс]//; Конвенция Международной организации труда от 28 июня 1930 г. №29 «Относительно принудительного или обязательного труда»//Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. №13. Ст.279; Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 1 августа 1933 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1933. №48. Ст.208.

3. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика XX века. - М., 1997. С.550-551.

4. См.: Дополнительная Конвенция ООН от 7 сентября 1956 г. «Об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством» [Интернет-ресурс]; Конвенция Международной организации труда от 25 июня 1957 г. №105 «Об упразднении принудительного труда»//Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №12. Ст.1348; Минимальные стандартные правила обращения с заключенными (приняты на Первом конгрессе ООН по проблемам предотвращения преступности и обращения с преступниками 30 августа 1955 г., с изменениями и дополнениями от 1957, 1977 и 1984 гг.)//Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М., 1990. С. 290-319; Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №2200)//Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. №17. Ст.291.

5. См.: Конституция Российской Федерации (пункт 2 статьи 37)//Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс]//(Компакт-диск). - М., 2009; Трудовой кодекс Российской Федерации (ст.4)//Там же; Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (гл.14)//Там же; Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. №1761-I

«О реабилитации жертв политических репрессий» (ст.2)//Льготы и компенсации для жертв политических репрессий. Документы. Комментарии. Разъяснения. Библиотечка «Российской газеты». Вып. 4. - М., 1997. С.20.

6. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.255.

7. Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1987 г. Стат. ежегодник. - М., 1988. С.346; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). В 2 т. - СПб., 2003. Т.2. С.377; Демографический энциклопедический словарь. - М., 1985. С.437; История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т. 4. Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. - М., 2004. С. 134-135; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. - М., 2003. С.123-125.

8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»//Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. №20; Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е - середина 1950-х гг.//ГУЛАГ: Экономика подневольного труда. С.17-66.

9. См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. - Краснодар, 1998.

10. История государства и права России/Под. ред. Ю.П.Титова. - М., 1988. Ч.1. С.293.

11. Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках//Экономическая история: Ежегодник. 2002. С.270.

12. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1924. №86. Ст.870; Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 1 августа 1933 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1933. №48. Ст.208.

13. Цит. по: Уголовно-исполнительное право России. С. 161.

14. Росси Ж. Из истории советских лагерей//Карта. 1996. №10, 11. С.58.

15. Уголовно-исполнительное право России. С.161.

16. Там же.

17. Там же.

18. Собрание узаконений РСФСР. 1924. №86. Ст.870.

19. Там же. 1933. №48. Ст.208.

20. Росси Ж. Из истории советских лагерей. С.164-165.

21. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. - М., 1959. С.106-107.

22. ГАРФ. Ф. Р-4042. Оп.1. Д.13. Л.10.

23. Письмо Ф.Э.Дзержинского в ЦКК РКП(б) «О карательной политике Советского государства» от 17 февраля 1924 г.//История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.2. Карательная система: структура и кадры. - М., 2004. С.582-583; Ф.Э.Дзержинский - руководитель ВЧК-ОГПУ. - М., 1967. С.132-133; Стручков Н.А. и др. Завершение первой кодификации и развитие советского исправительно-трудового права до принятия Основ исправительно-трудового

законодательства Союза ССР и союзных республик. - Рязань, 1987. Вып.2. Ч.1. С.66.

24. История советского государства и права. - М., 1968. Т.2. С.594.

25. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). - М., 1991. С.76.

26. Там же. С.77.

27. От тюрем к воспитательным учреждениям/Под. ред. А.Я.Вышинского. - М., 1934. С.115.

28. Рассказов Л.П. Указ. соч. С.273.

29. Стручков Н.А. «Зона», приоткрытая для критики//Коммунист. 1989. №18. С.89.

30. ГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.746. Л.2, 11.

31. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д.48. Л.210-212.

32. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. - Рязань, 1975. С.24.

33. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. - М., 1953. С.320-323.

34. История сталинского Гулага. Т.2. С.30.

35. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. - М., 1988. С.48.

36. Рассказов Л.П. Указ. соч. С.288.

37. Кузьмин С.И. Крестные отцы ГУЛАГа//На боевом посту. 1991. №7. С.61.

38. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник/Сост. М.Б.Смирнов, под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского. - М.: Звенья, 1998. [Электронный ресурс]//Компакт-диск «Жертвы политического террора в СССР». - М., 2001.

39. Дугин А.Н. Неизвестные документы о репрессиях 30-50-х гг. (по фондам ЦГАОР)//Административно-командная система управления: Проблемы и факты: Межвузовский сб. науч. работ. - М., 1992. С.69-87.

40. Кириллов В.М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 - начало 1950-х гг.). В 2-х ч. - Нижний Тагил, 1996. Ч.2. С.7.

41. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.8. Д.11. Л.55-60.

42. Эртц С. Лагерная система в 1930-е - 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.90-128.

43. См.: Стручков Н.А. «Зона», приоткрытая для критики. С.89.

44. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. С.371.

45. Рассказов Л.П. Указ. соч. С.277; См. также: Сталин И.В. Речь на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б)//Сталин И.В. Сочинения. Т.13. - М., 1947. С.211.

46. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. С.367.

47. Уголовно-исполнительное право России. С.167.

48. Молотов В. М. Доклад на VI съезде Советов СССР//Известия. 1931. 9 марта.

49. Кузьмин С. И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. С.48.

50. Наше Отечество. - М., 1991. С.236.

51. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д.497. Л.26.

52. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс]; «Большой террор»: 1937-1938. Краткая хроника. Составители - Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.//30 октября. Ежемесячная газета Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», «Московский Мемориал». 2007. №74 (спецвыпуск). С.6.

53. ГАРФ. Ф. Р-9404. Оп.12. Д.14. Л.180, 211.

54. Чуприяновская Т.А. История ГУЛАГа: проблемы природопользования (на примере Коми АССР в 1930-1950-е гг.) //Политические репрессии в России. XX век. (Матер. регион. науч. конф. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г.). - Сыктывкар, 2001. С.139.

55. ГАРФ. Ф. 9401. Оп.1а. Д.10. Л.34.

56. Приказ НКВД СССР от 8 декабря 1937 г. №00762//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.488. Л.359-378.

57. Там же. Д.514. Л.25-29.

58. Там же. Д.590. Л.97-101.

59. Приказ МВД СССР от 4 марта 1947 г. №00241//Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс]. С. 111-112; История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.3. Экономика Гулага. - М., 2004. С.551.

60. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.30. Л.63, 65.

61. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс].

62. Там же.

63. Там же.

64. См., нап руб.: Андреев Г. Соловецкие острова. 1927-1929//Грани. 1950. №8. С. 42-90; Артемьев В.И. Режим и охрана ИТЛ МВД. - Мюнхен, 1956; Даллин Д., Николаевский Б.И. Принудительный труд в СССР. - New Haven. 1947; Карклинс руб. Организация власти в советских исправительно-трудовых лагерях./Комментарии Г.Ф.Хохрякова//Социологические исследования. 1990. №6. С. 105-120; Конквест руб. Большой террор. В 2-х т. - Рига, 1991; Критчлоу Д. Репрессированные народы Советского Союза. Наследие сталинских депортаций/Отчет Хельсинкской группы по правам человека. - Helsinki, 1991; Лабезников А. Радостные песни. - Тель-Авив, 1987; Лебедь А., Яковлев Б. Транспортное значение гидротехнических сооружений СССР. - Мюнхен, 1954; Максудов М. Потери населения СССР в 1918-1958 гг.//СССР: внутренние противоречия. Вып.11. - Нью-Йорк, 1984. С.156-242; Негретов П. И. Все дороги ведут на Воркуту. - Вермонт, 1985;

Некрич А. Наказанные народы. - Нью-Йорк, 1978; Нива Ж. Человек и ГУЛАГ//СССР: внутренние противоречия. Т. 16. - Нью-Йорк, 1986. С. 175-224; Панин Д.М. Записки Сологдина. – Франкфурт-на-Майне, 1973; Розанов М. Завоеватели белых пятен. - Посев. 1951; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. - Лондон, 1987; Солоневич И. Л. Россия в концлагере. - София, 1936; Трегубов Ю. Восемь лет во власти Лубянки. Записки членов НТС//Посев. 1956. №5-16, 18-22, 24-25, 28-34, 36, 40-43, 47-52; Хребтович-Бутенева О. А. Перелом (1939-1942)/Всероссийская мемуарная библиотека (Серия «Наше недавнее»). - Париж, 1984. Т.3; Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза. - Лондон, 1990; Шварц С. Организация рабского труда в СССР//Социалистический вестник. 1951. №1; Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. - Лондон, 1955.

65. Лебедь А., Яковлев Б. Указ. соч. С.167.

66. Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. №6, 7; Его же. Заключенные в 30-е гг. (демографический аспект)//Там же. 1996. №7; Его же. Заключенные в 1930-е гг.: социально-демографические проблемы//Отечественная история. 1997. №4; Его же. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект)//История СССР. 1991. №5; Его же. К вопросу о масштабах репрессий в СССР//Социологические исследования. 1995. №9; Его же. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. - М., 2003.

67. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 томах. - М., 2004-2005.

68. Верт Н. Введение//История сталинского Гулага. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. С.57-89; Петров Н.В. Введение//Там же. Т.2. Карательная система: структура и кадры. С. 21-52; Хлевнюк О. В. Введение//Там же. Т.3. Экономика Гулага. С.21-54; Безбородова И.В. Введение//Там же. Т.4. Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. С.27-58; Царевская-Дякина Т.В. Введение//Там же. Т.5. Спецпереселенцы в СССР. С.23-94; Козлов В.А. Введение//Там же. Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. С.25-102; Добровская А. В. Предисловие//Там же. Т.7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации. С.13-22.

69. История сталинского Гулага. Т.3. Экономика Гулага/Отв. ред. и сост. О.В.Хлевнюк. - М., 2004.

70. Кузьмин С.И. Труд в местах лишения свободы России в 1917-1959 гг., его цели и содержание//Уголовно-исполнительное право России. 1997. С.161-185.

71. Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг.//Свободная мысль. 1992. №13. С.73-84; Его же. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.67-89; Кравери М., Хлевнюк О. Кризис экономики МВД (конец 1940-х - 1950-е гг.)//Cahiers du Monde russe. Vol. 36 (1-2). 1995. P. 179-190.

72. Иванова Г. М. Гулаг в системе тоталитарного государства. - М., 1997; Ее же. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономические и политико-правовые аспекты. - М., 2006; Ее же. Лагерная экономика//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - М.-СПб., 1998. С.28-40.

73. Бородкин Л. И. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.129-156; Бородкин Л. И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага//Там же. С.197-238.

74. Рассказов Л. П. Указ. соч. С.269-319; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Указ. соч.

75. Трус Л.С. Введение в лагерную экономику//ЭКО. 1990. №№5, 6; 1991. №1; Его же. Зеркало реального социализма или введение в экономику и социологию принудительного труда//Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Вып. 2. - Новосибирск, 1994.

76. Хлусов М. И. Введение//Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг.: Сборник документов. - М., 1998. С.3-12.

77. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). - М., 2001.

78. Гвоздкова Л. И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. - Кемерово, 1997.

79. Еланцева О. П. Обреченная дорога: БАМ, 1932-1941. - Владивосток, 1994.

80. Кириллов В. М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 - начало 1950-х гг.). В 2-х частях. - Нижний Тагил, 1996; Его же. Тагиллаг. - Нижний Тагил, 1996.

81. Козлов А.Г. Магадан: История возникновения и развития. Ч.1. - Магадан, 2002.

82. Кустышев А.Н. Европейский Север России в репрессивной политике XX века. - Ухта, 2003; Его же. Ухтижемлаг. 1938-1955. - Ухта, 2003.

83. Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929-1956 гг. - Сыктывкар, 1997; Его же. Особые лагеря МВД СССР в Коми АСС РУБ. 1948-1954 гг. - Сыктывкар, 1998.

84. Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х - начало 1950-х гг.): эффективность и производительность//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 255-278; Его же. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). - Екатеринбург-Пермь, 2003.

85. Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война. Жестокая правда документов. - Пермь, 2005.

86. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919-1953 гг. - Архангельск, 2004; Его же. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. - Архангельск, 2007; Его же. Исторический опыт использования принудительного труда заключенных ГУЛАГа//Вестник Поморского университета (Архангельск). Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2003. №1. С.24-32.

87. Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х - середина 1950-х гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Ижевск, 2008.

88. Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг)//Годы террора. Т.1. - Пермь, 1998.

89. См., напр.: Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книГАКОммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. - М., 2001; Детков М. Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 30-50-е гг. - Домодедово, 1992; Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. - М., 1999; Карклинср. Указ. соч.; Козлов В. А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х - начало 1950-х гг.)//Общественные науки и современность. 2004. №5; Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры//Свободная мысль-XXI. 2000. №7-12; 2001. №1, 3-7, 9-12, 2002. №2; Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры//Свободная мысль-XXI. 1999. №8, 9, 11, 12; 2000. №1-6; Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). - М., 1991; Его же. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши)//Молодая гвардия. 1993. №№3, 4, 5-6; Его же. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. - М., 1988; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД. 1934-1941. Справочник. - М., 1999; Полян П. М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. - М., 2001; Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В. Система мест заключения в СССР. 1923-1960 гг.: Справочник. - М., 1998; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в Советской России. - Екатеринбург, 1997; Стручков Н. А. «Зона», приоткрытая для критики//Коммунист. 1989. №18; Тимофеев В. Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. - Чебоксары, 1999; Хайнцен Дж. Коррупция в Гулаге: дилеммы чиновников и узников//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 157-174; Цаплин В. В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х гг.//Вопросы истории. 1991. №4-5; Его же. Статистика жертв сталинизма в 30-е гг.//Вопросы истории. 1989. №4. С. 175-181; Шуткова Е. Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917-1953 гг.). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Ижевск, 2003; Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа//Вопросы истории. 1994. №6. С.188-190.

90. См., напр.: Applebaum A. GULAG: a History. - New York: The Penguin Press, 2003 (на русском языке - М., 2006); Brass T., Van der Linden M. (Ed.) Free and Unfree Labour. The Debate Continues. - Berne, 1997; Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. - Koeln, 1996; Gregory P.R., Lazarev V. (ed.) The economics of Force Labor. The Soviet Gulag. - Stanford, 2003; Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917-1934. - Lousville, 1993; Karner S. Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internirung in der Sowietunion 1941-

1956/Kriegsfolgen-Forschung. - Wien-Munchen, 1995. Bd.1.; Pohl J.O. The Stalinist Penal System. A Statistical History of Soviet Repression and Terror, 1930-1953. - Jefferson, North Carolina and London, 1997; Reflections on the GULAG/Ed. by E.Dundovich, F.Gori, E.Guerceti. - Milano, 2003 и др.

91. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации/Сост.: Козлов В.А., Мироненко С.В. (отв. ред.). - М., 2005. С.672-682; библиографический обзор и краткое резюме обсуждения результатов исследования проблем сталинского террора и Гулага отечественными и зарубежными авторами см. также: Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol.42. №2-4 (специальный выпуск, посвященный истории советских органов госбезопасности).

92. Бортников В. Крестный путь//Вятский край. 1991. 15 мая; Рылов А. Закрытая зона (Записки редактора)//Трудовой вымпел (г.Киров). 1991. №№13-17; Ожегин П.Т. Вятлаг//Энциклопедия Земли Вятской. Т.4. История. - Киров, 1995. С.408-421; Его же. Мученики ГУЛАГа//Энциклопедия Земли Вятской. Т.2. Литература. - Киров, 1995. С.246-254; Шмидт В. Работали не за страх, а за совесть//К трудовой жизни (п. Лесной). 1994. 18 ноября; Его же. Все для фронта, все для Победы//Там же. 1995. 5 мая; Киприянов А. «Почтовый ящик» за колючей проволокой//Прикамская новь (г. Кирс). 1996. 21 мая (№57). С.3.

93. Бердинских В.А. Вятлаг. - Киров, 1998; Его же. История одного лагеря (Вятлаг). - М., 2001.

94. См.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг.: Сборник документов/Сост. М.И.Хлусов. - М., 1998; История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.3: Экономика Гулага. - М., 2004; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда/Под. ред. Бородкина Л.И., Грегори П., Хлевнюка О.В. - М., 2008.

95. Шевырин С.А. Указ. соч. С.9.

96. Ныне - Вятское управление по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности (УРУОУХД) Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области.

97. ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917-1960/Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; науч. ред. В. Н. Шостаковский. - М., 2000; История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. - М., 2004-2005; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг.: Сборник документов. - М., 1998.

98. Фонд Р-5446 - Совет Народных Комиссаров//Совет Министров СССР; фонд Р-9414 - Главное управление мест заключения (ГУМЗ//ГУЛАГ) НКВД-МВД СССР; фонд Р-9492 - Министерство юстиции СССР; фонд Р-9401 - Секретариат НКВД-МВД СССР; фонд Р-9479 - Отдел спецпоселений НКВД-МВД СССР; фонд Р-8131 - Прокуратура СССР; см. также: История сталинского Гулага. Т.7.

99. Афанасьев В.А. Вятлаг: записки политработника. - Рукопись; Гонцов М. Т. Бунт в Вятлаге//К трудовой жизни (п. Лесной). 1993. 1 октября; Груздев П. (архимандрит Павел). Родные мои… - Ярославль, 2004; Коновалов И.В. В честь 20-летия поселка (Лесного)//Призыв (газета Вятского ИТЛ). 1959. 16 апреля; Кононов А. И. Воспоминания о Вятлаге. Рукопись; Кремер П.Б. Дело по обвинению врача//Петля-2: Воспоминания, очерки, документы. - Волгоград, 1994; Лещенко П. Ф. Вятлаг в моей жизни. - Рукопись; Мазус И. А. Бунт в Вятлаге//Советская молодежь (Рига). 1991. 28 февраля; Его же. История одного подполья. - М., 1998; Окуневская Т. К. Татьянин день. - М., 2001; Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки. - М., 1990.//Звезда. 1991. №1; Перельмутер Б.Л. Глазами очевидца (Заметки бывшего политузника Вятлага). - Рукопись; Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Т.2. Ч.1: 58 ст. - Нарва (Эстония), 2005; Рылов А. Закрытая зона (Записки редактора)//Трудовой вымпел (Киров). 1991. №№13-17; Семпер-Соколова Н.Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. - М., 2007; Соколов П.П. Ухабы. Ч.VI. «Республика «Вятлаг»». - Красноярск, 2009; Страдиньш А. Лагерный дневник (Вятлаг, 1941-1943). - Киров, 2004; Фалько П. Семья Фалько//Родники (г. Мытищи). 2006. 24 января; Цалова Н. За что нас заставляли унижаться?//Прикамская новь (г. Кирс). 2003. 30 октября; Эзериня Б. Воспоминания//Памятный календарь-2000. - Резекне (Латвия), 1999. С. 195-208; Эйснер И.А. Из воспоминаний//Вольтер Г.А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. - М., 1998. С.37-38, 50-51, 88, 104-106, 109-110, 113, 125-127, 149-151, 159, 343, 396, 400, 404-405, 411; Этингер Я.Я. Это невозможно забыть: Воспоминания. - М., 2001; Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною. - М., 2000; Гольман Д. Разорванные путы: фрагменты романа//Книга для чтения. - Алма-Ата, 1988; Давыдов Ю.В. Бестселлер: Роман, кн. 1-3. - М., 1998-2000; Его же. Синие тюльпаны: Повесть о бывшем зэке и тайном сыске//Дружба народов. 1990. №12. С.3-88; Мазус И. А. Где ты был? (Короткий роман в рассказах и записях разных лет). - М., 1992; Ожегин П.Т. Судьба генерала//Прикамская новь (г. Кирс). 1990. 1 ноября.

100. Лейбович О. Л. Модернизация в России. - Пермь, 1996. С.25.

101. См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). В 2-х тт. - С.-Пб., 2003.

102. Данилов В. П., Дмитренко В. П., Лельчук В. С. Нэп и его судьба//Историки спорят. 13 бесед. - М., 1989. С.122-190.

Глава I

1. См., напр.: ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008; Иванова Г. М. Лагерная экономика//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - М.-СПб., 1998. С.28-40; История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.3. Экономика Гулага. - М., 2004; Кузьмин С. И. Труд в местах лишения свободы России в 1917-1959 гг., его цели и содержание//Уголовно-исполнительное право

России. - М., 1997. С.161-185; Кустышев А. Н. Ухтижемлаг. 1938-1955. - Ухта, 2003; Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929-1956 гг. - Сыктывкар, 1997; Наринский А. С. Воспоминания главного бухгалтера ГУЛАГа. - СПб., 1997; Принудительный труд. - Кемерово, 1994; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). - Екатеринбург-Пермь, 2003; Трус Л.С. Введение в лагерную экономику//ЭКО. 1990. №№5, 6; 1991. №1; Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война. Жестокая правда документов. - Пермь, 2005; Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. - Архангельск, 2007; Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг.//Свободная мысль. 1992. №13. С. 73-84; Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х - середина 1950-х гг. Автор. дисс. … канд. ист. наук. - Ижевск, 2008; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е гг.: Сб. документов. - М., 1998. и др.

2. Ведомственный архив Вятского управления по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности (УРУОУХД) Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области (Вятское управление лесных исправительных учреждений (УЛИУ) - Учреждение К-231 - Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг) НКВД-МВД СССР) - городское поселение Лесной Верхнекамского района Кировской области (далее по тексту - Архив Вятского УЛИУ…).

3. Собрание узаконений РСФСР. 1919. №66.

4. Собрание узаконений РСФСР. 1924. №86. Ст.870.

5. Советское исправительно-трудовое право/Беляев Н. А., Бойцов А. И., Водяников Д. П. и др.; Под ред. Н. А. Беляева, В. С. Прохорова. - Л., 1989. С.30.

6. Хлевнюк О. В. Принудительный труд в экономике СССР. С.74.

7. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3. Д.746. Л.2, 11.

8. Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. С.75.

9. Собрание законов СССР. 1930. №23. Ст.248.

10. Собрание узаконений РСФСР. 1933. №48. Ст.208.

11. Советское исправительно-трудовое право. - Л., 1989. С.34; Партийная жизнь. 1957. №4. С.67; Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. - М., 1959. С.322.

12. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник/Об-во «Мемориал», ГАРФ. Сост. М.Б.Смирнов. Под ред. Н.Г.Охотина, А.Б.Рогинского». - М.: Звенья, 1998 [Электронный ресурс]//Компакт-диск «Жертвы политического террора в СССР». - М., 2007.

13. Труд. 1992. 4 июня; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - Франкфурт-на-Майне - Москва, 1999. С. 341; Репрессии в Архангельске. 1937-1938. - Архангельск, 1999. С.75-76.

14. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960/Сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров. - М., 2000. С.96-104; Лубянка, Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937-1938. - М., 2004. С.273-281; История

сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.1. Массовые репрессии в СССР. - М., 2004. С.268-275; Труд. 1992. 4 июня; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. С.341-343; Репрессии в Архангельске. 1937-1938. С. 76-79; Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. - М., 1996. С.360-361; Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа//Московские новости. 1992. №25 (21 июня). С.18-19; Бутовский полигон, 1937-1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 1. - М., 1997. С.349-352.

15. История сталинского Гулага. Т.1. С.657; ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. С. 343; Политика и практика геноцида//Ежегодник Латвийского музея оккупаций. 2001. - Рига, 2000. С.59; Геворкян Н. Указ. соч. С. 19.

16. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д.497. Л.26; История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.2. Карательная система. Структура и кадры. - М., 2004. С.131, 622-623.

17. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.16. Л.98, 98об.; Оп.1. Д.490. Л.217-219; История сталинского Гулага. Т.2. С.131-132.

18. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е гг.: Сборник документов/Сост. М. И. Хлусов. - М., 1998. С.81.

19. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.490. Л.217.

20. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. С.342.

21. Бердинских В. А. История одного лагеря (Вятлаг). - М., 2001. С.18.

22. Осколков Е. Перечень утрат//Прикамская новь (г.Кирс). 1992. №61-62 (23 мая). С.4.

23. Лавров Д. Д. География Кировской области. - Киров, 1989. С.85,150.

24. Рычков Н. П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 г. В 2-х ч. - СПб., 1770-1772. Ч.2.

25. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.16. Л.98, 98об.; Оп.1. Д.490. Л.217; История сталинского Гулага. Т.2. С.131.

26. Бердинских В. А. История одного лагеря. С.18-21.

27. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс].

28. Веремьев В. И. Вятский ИТЛ НКВД СССР как лесопромышленный комплекс (1938-1941 гг.)//Финансы Вятского края. - Серия «Лидеры Кировской области». Выпуск 17. - Киров, 2008. С.40.

29. Там же.

30. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс]; Лавров Д. Д. Указ. соч. С.150; Народное хозяйство Кировской области: Статистический сборник. - Горький, 1971. С.23.

31. Архив научно-информационного и просветительского центра (НИПЦ) «Мемориал». Фонд Вятского ИТЛ (Вятлага). Коллекция документов (далее по тексту - Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага).

32. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс]; Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

33. Акт Комиссии Наркомлеса и НКВД СССР по приемке в эксплуатацию особого завода №4 ГУЛАГа НКВД. 1940 г.//Архив Кайского целлюлозного завода (КЦЗ). Ф.1. Оп.1. Д.4а-1. Л.3; Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г.//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.140. Л.33; Акт приема от Кировского совнархоза Вятлагом предприятий, организаций и учреждений, входящих ранее в состав Управления Вятспецлеса. От 29.11.1957 г.//Там же. Д.148. Л.5.

34. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.32-42.

35. Там же. Л.32, 35.

36. Там же. Л.38.

37. Там же. Л.34.

38. Там же. Л.35.

39. Там же.

40. Там же. Л.28, 28об.

41. Там же. Л.39.

42. Там же. Л.36.

43. Там же. Л.37.

44. Там же. Л.39.

45. Там же. Л.39, 40.

46. Там же. Л.41.

47. Там же. Л.41, 42.

48. 200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. - Киров, 1996. С.87; Двенадцатая пятилетка в цифрах. Сельское хозяйство//Прикамская новь (г.Кирс). 1991. №30-31 (12 марта). С.3.

49. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.48-50.

50. Окончательные итоги переписи населения 1989 г. по Кировской области//Кировская правда. 1990. №72 (24 марта). С.3; Сведения о численности, возрастной структуре населения и жилищном фонде на территории дислокации Учреждения К-231 ГУИН МВД России (по состоянию на 15 августа 1997 г.)//Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага;

51. Френкель М. О. Климат//Энциклопедия Земли Вятской. Т.7. Природа. - Киров, 1997. С.142-165.

52. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.48.

53. Там же.

54. Там же. Л.48, 49.

55. Там же. Л.49; 200 лет Вятской губернии. С.87.

56. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.49.

57. Там же. Л.44, 55.

58. Там же. Л.49.

59. Там же; Народное хозяйство Кировской области в десятой пятилетке (1976-1980 гг.). - Киров, 1981. С.35, 37.

60. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.46.

61. Там же. Л.51.

62. Там же. Л.3об., 4.
63. Там же. Л.55.
64. Там же. Л.55, 55об.
65. Там же. Л.40, 55.
66. Там же. Л.55.
67. Там же. Л.3.
68. Там же. Л.19.
69. Там же.
70. Там же. Л.21.
71. Там же. Л.20.
72. Там же. Л.19об.
73. Там же. Л.19, 19об.
74. Там же. Л.19об., 20.
75. Акт Комиссии Наркомлеса и НКВД СССР по приемке в эксплуатацию особого завода №4. Л. 1-3; Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.21-23об.
76. Акт Комиссии Наркомлеса и НКВД СССР по приемке в эксплуатацию особого завода №4. Л.3.
77. Осколков Е. Указ. соч. С.4.
78. Акт Комиссии Наркомлеса и НКВД СССР по приемке в эксплуатацию особого завода №4. Л.1, 2.
79. Там же. Л.2.
80. Там же. Л.17.
81. Там же. Л.3.
82. Там же. Л.101.
83. Там же. Л.18.
84. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.21.
85. Там же.
86. Бердинских В. А. История одного лагеря. С.18.
87. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.3об., 24.
88. Там же. Л.24об.
89. Там же. Л.24, 24об.
90. Там же. Л.24об., 25.
91. Там же. Л.25.
92. Там же.
93. Там же.
94. Там же. Л.26об.
95. Там же.
96. Там же. Л.26.
97. Там же. Л.12об.
98. Там же. Л.13.
99. Там же.
100. Там же. Л.18, 18об.
101. Там же. Л.18об.

102. Там же.
103. Там же.
104. Там же.
105. Там же.
106. Там же. Л.37, 38.
107. Там же. Л.37.
108. Там же. Л.38.
109. Там же.
110. Там же.
111. Там же.
112. Там же. Л.39.
113. Там же. Л.40.
114. Там же. Л. 0, 41.
115. Там же. Л. 41.
116. Веремьев В.И. Вятский ИТЛ НКВД СССР как лесопромышленный комплекс. С.41.
117. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.
118. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.2.
119. Там же. Л. 2, 44; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960. [Электронный ресурс]
120. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.4об.
121. Там же. Л.4.
122. Там же. Л.52об.
123. Там же. Л.15, 16.
124. Веремьев В. И. Вятский ИТЛ НКВД СССР как лесопромышленный комплекс. С.45.
125. Энциклопедия земли Вятской. Т.10. Кн.2. Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт. - Киров, 2008. С.411.
126. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.2об.
127. Там же. Л.3об.
128. Там же. Л.4.
129. Там же. Л.45.
130. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.24а. Д.2940. Л.2-3.
131. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г. Л.10.
132. Там же.
133. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф.5991. Д.1143. Л.б/н.
134. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.142.
135. Там же. С.298-303.
136. Органы и войска МВД России. С.367-372; Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война. С.74-138; История сталинского Гулага. Т.2. С.209-274.
137. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.1227. Л.158.

138. Веремьев В.И. Латыши в Вятлаге: опыт социально-демографического анализа//Проблемы истории российских спецслужб. - Киров, 2004. С.111-123.

139. Архив Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Журнал регистрации прибывших спецконтингентов. Т.4.

140. Там же. Т.5.

141. Там же. Т.6, 7.

142. Там же. Т.7.

143. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 января 1944 г. - Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.141. Л.б/н.

144. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

145. Книга Памяти Учреждения К-231. - Лесной, 1995-2000; Кировская областная Книга Памяти (Защитники Отечества). Т.2 (Верхнекамский район). - Киров, 1994; Кировская областная Книга Памяти (Защитники Отечества). Т.3 (Зуевский район). - Киров, 1994; Кировская областная Книга Памяти (Защитники Отечества). Т.17 (Дополнительные списки). - Киров, 1997.

146. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

147. Там же.

148. Там же.

149. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д.112. Л.92-97.

150. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.3. Экономика Гулага. - М., 2004. С.752-753.

151. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.214.

152. Щелокаева Т.А. Лагеря ГУПВИ и ГУЛАГа НКВД СССР на территории Кировской области (1943-1949)//Политические репрессии в России. XX век. Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г. - Сыктывкар, 2001. С.106-109.

153. Кирьяков Б.С. Военнопленные в Вятском крае. 1942-1947 гг. (Спецгоспитали): Документы и материалы. - Киров: 2007. С.302.

154. Щелокаева Т.А. Указ. соч. С.106.

155. Там же. С.107.

156. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 января 1944 г. Л.б/н.

157. Там же.

158. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.1227. Л.159-160.

159. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.4. Население Гулага. Численность и условия содержания. - М., 2004. С.577; Органы и войска МВД России. С.370.

160. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 января 1944 г. Л.б/н.

161. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.141.

162. Там же. Д.36.

163. Там же. Д.140.

164. Там же. Д.141. Л.1.

165. ГАСПИ КО. Ф.1290. Оп.8. Д.70. Л.14-18.

166. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

167. Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа//Родина. 1991. №6-7. С.69.

168. Климат Кирова. - Л., 1982. С.96.

169. Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942-1946 гг.//Родина. 2002. №10. С.94.

170. Веремьев В. И. Латыши в Вятлаге. С.123.

171. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп.9. Д.32. Л.13.

172. Веремьев В. И. Вятский ИТЛ НКВД СССР как лесопромышленный комплекс. С.45.

173. Шмидт В. Все для фронта, все для Победы//К трудовой жизни (п. Лесной). 1995. 5 мая. С.2; Его же. Учреждение К-231: история и современность// Прикамская новь (г. Кирс). 2004. 4 февраля. С.2.

174. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.47.

175. Чудиновских Е. «Мы люди, преданные Советскому Союзу»//Кировская правда. 1997. 14 февраля. С.4.

176. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.2762. Л.190.

177. ГАКО. Ф.2945. Оп.3. Д.13. Л.1об.; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. - М., 2005. С.548-549.

178. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.41-42.

178. Там же. С.42.

180. ГАСПИ КО. Ф.5991. Оп.1. Д.1144. Л.б/н.

181. Там же.

182. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.49.

183. Там же.

184. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.141. Л.б/н.

185. ГАСПИ КО. Ф.5991. Оп.1. Д.1143. Л.б/н.

186. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

187. Бердинских В. А. История одного лагеря. С.50.

188. ГАСПИ КО. Ф.5991. Оп.1. Д.1144. Л.б/н.

189. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.43.

190. ГАСПИ КО. Ф.5991. Оп.1. Д.1143. Л.б/н.

191. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.132. Л.23-25.

192. Там же. Д.159. Л.230-231об.

193. Спицын В. Исполнение уголовных наказаний в период Великой Отечественной войны//Преступление и наказание. 2001. №12. С.56-58.

194. История сталинского Гулага. Т.4. С.516-518; Органы и войска МВД России. С.369-371.

195. История сталинского Гулага. Т.2. С.656; 65 лет Вятскому управлению лесных исправительных учреждений УИН Минюста России по Кировской области. - Киров, 2003. С.5; Бердинских В.А. История одного лагеря. С.304-308.

196. Вятлаг НКВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1944 год//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.36. Л.1об.

197. Там же. Л.2; ТФТ - тяжелый физический труд, СФТ - физический труд средней тяжести, ЛФТ - легкий физический труд, НРСС - «нерабочая слабосилка».

198. Щелокаева Т. А. Указ. соч. С.106-109.

199. Вятлаг НКВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1944 год. Л.3.

200. Там же. Л.4.

201. Там же. Л.8.

202. Там же. Л.9.

203. Там же. Л.4, 5.

204. Там же. Л.5.

205. Там же. Л.6.

206. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 января 1944 г. Л.б/н.

207. Вятлаг НКВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1944 год. Л.7, 8.

208. Там же. Л.8.

209. Там же. Л.10.

210. Там же.

211. Там же. Л.19.

212. Там же. Л.20.

213. Там же. Л.21.

214. Там же.

215. Там же.

216. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.159. Л.230-231об. (см. также примечание 192).

217. Вятлаг НКВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1944 год. Л.21.

218. Там же.

219. Там же. Л.36.

220. Там же.

221. Там же. Л.37.

222. Там же. Л.38.

223. Там же.

224. Там же. Л.41, 42.

225. Там же. Л.38, 39.

226. Уголовный кодекс РСФСР. - М., 1957. С.30, 31.

227. Репрессии в Архангельске. С.182.

228. Чудиновских Е. Указ. соч. С.4.

229. Шмидт В. Работали не за страх, а за совесть//К трудовой жизни (пос. Лесной). 1994. 18 ноября. С.1.

230. Там же.

231. Рацевич С. В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). В 2 т. Т.2. Ч.1: 58 ст. - Нарва, 2005. С.87.

232. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.99-100.

233. Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа. С.69.

234. История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. - М., 2004. С.136-142, 651-652.

235. Архив Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Д.35392.

236. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.52-64.

237. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.8. Д.5. Л.120-120об.; История сталинского Гулага. Т.6. С.151-156, 175-176.

238. Рацевич С. В. Указ. соч. С.233.

239. Там же.

240. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. №17.

241. Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. №19.

242. История сталинского Гулага. Т.1. С.608-645.

243. Собрание законов СССР. 1932. №62. Ст.360.

244. История сталинского Гулага. Т.2. С.326-327.

245. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.8. Л.98-103; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.135-137.

246. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.12. Д.318. Л.2-5; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.138-141.

247. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.276. Л.183-194.

248. Там же. Д.385. Л.130-132об.; История сталинского Гулага. Т.6. С.656; Органы и войска МВД России. С.373-377.

249. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.498. Л.135; История сталинского Гулага. Т.6. С.668.

250. Акт о передаче Вятского ИТЛ МВД СССР от 7 июня 1947 г.//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.142/2. Л.1.

251. Там же. Л.2.

252. Там же. Л.б/н.

253. Докладная записка о состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР на январь 1948 г.//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.144. Л.2.

254. Там же.

255. Там же. Л.3.

256. Там же.

257. Там же.

258. Там же. Л.3-4.

259. Там же. Л.4.

260. Там же.

261. Там же.

262. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.72.

263. Докладная записка о состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР на январь 1948 г. Л.5.

264. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.74.

265. Там же.

266. Докладная записка о состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР на январь 1948 г. Л.5.

267. Там же. Л.6.

268. Там же. Л.6-8.

269. Там же. Л.9.

270. Там же. Л.10.

271. Там же. Л.21.

272. Там же. Л.3.

273. Там же. Л.10.

274. Там же.

275. Там же. Л.12.

276. Там же. Л.13.

277. Там же. Л.15-17.

278. Там же. Л.13-15.

279. Акт от 14 января 1947 г. «О сдаче и принятии управления Вятским ИТЛ МВД»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.142. Л.34.

280. Там же.

281. Там же.

282. Там же. Л.10; Акт о передаче Вятского ИТЛ МВД СССР от 7 июня 1947 г. Л.12.

283. Вятлаг МВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1947 год//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.39. Л.б/н.

284. Докладная записка о состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР на январь 1948 г. Л.2-3.

285. Там же. Л.21.

286. Вятлаг МВД СССР. Бухгалтерский отчет по лагерному хозяйству за 1952 год//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.49. Л.1.

287. Вятлаг МВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1952 год//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.50. Л.131-133.

288. Там же.

289. Акт от 3 сентября 1954 г. «О приеме и передаче Вятского ИТЛ по состоянию на 1-е января 1954 г.»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.1/00309. Л.2.

290. Там же. Л.42-44.

291. Там же. Л.3.

292. Там же.

293. Там же. Л.42.

294. Там же. Л.43.

295. Там же.

296. Там же.

297. Там же. Л.44.

298. Народное хозяйство СССР в 1987 г.: Стат. ежегодник/Госкомстат СССР. - М., 1988. С.351, 371, 373-375, 476.

299. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

300. Там же; Лесная промышленность СССР. Статистический сборник. - М.-Л., 1957. С.103-104, 105, 106, 108, 109.

301. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага; Лесная промышленность СССР. С.138, 201-202.

302. См.: Иосифов П. А. Основное богатство области//Энциклопедия земли Вятской. Т.10. Кн.2. С.165-176.

303. Вятлаг МВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1952 год. Л.4.

304. Там же. Л.83.

305. ГАСПИ КО. Ф.5991. Оп.2. Д.79. Л.б/н.

306. Акт от 14 января 1947 г. «О сдаче и принятии управления Вятским ИТЛ МВД». Л.1, 17-20, 22-23; Акт о передаче Вятского ИТЛ МВД СССР от 7 июня 1947 г. Л.16-18, 21, 23.

307. Акт от 14 января 1947 г. «О сдаче и принятии управления Вятским ИТЛ МВД». Л.18-19; 200 лет Вятской губернии. С.82-83.

308. Акт от 14 января 1947 г. «О сдаче и принятии управления Вятским ИТЛ МВД». Л.19.

309. Там же. Л.20.

310. Там же.

311. Там же. Л.21.

312. Акт о передаче Вятского ИТЛ МВД СССР от 7 июня 1947 г. Л.19.

313. Докладная записка о состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР на январь 1948 г. Л.б/н.

314. Там же.

315. Там же.

316. Там же.

317. Там же.

318. Там же. Л.6.

319. Там же. Л.б/н.

320. Акт приема от Кировского совнархоза Вятлагом предприятий, организаций и учреждений, входящих ранее в состав Управления Вятспецлеса. От 29.11.1957 г., пос. Лесное//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.148. Л.б/н.

321. 200 лет Вятской губернии. С.291-292.

322. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.139.

323. Вятлаг НКВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1944 год. Л.б/н.

324. Вятлаг МВД СССР. Бухгалтерский отчет по основной деятельности за 1946 год//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.38. Л.б/н.

325. Акт от 14 января 1947 г. «О сдаче и принятии управления Вятским ИТЛ МВД». Л.23.

326. Докладная записка о состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР на январь 1948 г. Л.11.

327. Акт о передаче Вятского ИТЛ МВД СССР от 7 июня 1947 г. Л.17-20.

328. Там же; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 5135. Л. 10; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2 т. - М., 1991. Т.2. С.477.

329. Акт от 14 января 1947 г. «О сдаче и принятии управления Вятским ИТЛ МВД». Л.22-23.

330. Там же.

331. Ожегин П.Т. Вятлаг//Энциклопедия Земли Вятской. Том 4. История. - Киров, 1995. С.412.

332. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.139.

333. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни»//Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. №17.

334. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»//Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. №19; История сталинского Гулага. Т.6. С.66.

335. Там же.

336. Там же. С.668.

337. Там же. С.299.

338. Докладная записка заместителя начальника ГУЛАГ А.З. Кобулова министру внутренних дел СССР С. Н. Круглову о результатах расследования обстоятельств группового неповиновения заключенных ОЛП №21 Вятского ИТЛ 15 января 1953 г. (от 11 февраля 1953 г.)//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.4109. Л.155-163; История сталинского Гулага. Т.6. С.298-304.

339. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.498. Л.135.

340. История сталинского Гулага. Т.6. С.668.

341. Там же. С.639; Органы и войска МВД России. С.458.

342. Бердинских В. А. История одного лагеря. С.344.

343. Справка ответственного инспектора ГУЛАГ Д.Ф.Лубенченко «О результатах предварительного расследования причин массовых беспорядков и убийства 9 заключенных в лагерном пункте №19 Вятского ИТЛ в ночь с 12 на 13 июля 1953 г.» (от 30 июля 1953 г.)//ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.717. Л.56-69; История сталинского Гулага. Т.6. С.424-430.

344. Там же.

345. Афанасьев В.А. Вятлаг: записки политработника. - Рукопись. Л.7об.

346. Приказ по Вятскому ИТЛ МВД СССР от 27 февраля 1954 г. №005 «О массовом неповиновении заключенных на Комендантском лагпункте//Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Копия; приказ по Вятскому ИТЛ МВД СССР от 8 марта 1954 г. №006 «О побеге заключенных из центрального следственного изолятора»//Там же.

347. Справка Организационного отдела ГУЛАГ о состоянии и работе ГУЛАГ и о ходе выполнения постановления ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. «Об основных задачах МВД СССР» (от 18 июля 1954 г. №11/11/00407)//ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.338. Л.114-121, 135-139; История сталинского Гулага. Т.6. С.641-648.

348. Приказ МВД СССР от 10 мая 1954 г. №0281 «О массовых беспорядках в Вятском ИТЛ»//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.531. Л.373-374; История сталинского Гулага. Т.6. С.684.

349. Гонцов М.Т. Бунт в Вятлаге//К трудовой жизни (пос. Лесной). 1993. 1 октября; Мазус И.А. Бунт в Вятлаге//Советская молодежь (г. Рига). 1991. 28 февраля; Перельмутер Б.Л. Глазами очевидца (Заметки бывшего политузника Вятлага). - Рукопись.

350. Акт от 29 января 1955 г. «О приеме Вятского ИТЛ по состоянию на 1-е января 1955 г.»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.146. Л.5.

351. Там же. Л.6.

352. Акт от 3 сентября 1954 г. «О приеме и передаче Вятского ИТЛ по состоянию на 1-е января 1954 г.». Л.11.

353. Там же. Л.24.

354. Там же. Л.11-12.

355. Там же. Л.30.

356. Там же.

357. Там же. Л.31.

358. Там же.

359. Там же. Л.33.

360. Там же.

361. Там же.

362. Там же.

363. Там же. Л.42-44; Вятлаг МВД СССР. Бухгалтерский отчет по лагерному хозяйству за 1952 год. Л.1.

364. Ведомости Верховного Совета СССР. 1953. №4; Правда. 1953. 28 марта.

365. История сталинского Гулага. Т.6. С.675.

366. Бердинских В. А. Начало «оттепели» в Гулаге: 1953-1954 гг. (из истории Вятлага)//Политические репрессии в России. XX век. (Мат. Регион. науч. конф. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г.). - Сыктывкар, 2001. С.111; Семпер-Соколова Н. Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке//Дружба народов. 1997. №2. С.99.

367. История сталинского Гулага. Т.2. С.48-51.

368. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. - Архангельск, 2007. С.242.

369. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага.

370. Там же.

371. Хлевнюк О.В. Введение//История сталинского Гулага. Т.3. С.36.

372. Цит. по: Бердинских В.А. История одного лагеря. С.326.

373. Приказ МЮ СССР и МВД СССР от 28 января 1954 г. №005/0041 «О передаче из МЮ СССР в МВД СССР исправительно-трудовых колоний и лагерей»//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.1341. Л.341-343; История сталинского Гулага. Т.2. С.466-467, 640; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.372-373.

374. Акт от 3 сентября 1954 г. «О приеме и передаче Вятского ИТЛ по состоянию на 1-е января 1954 г.». Л.б/н.

Глава II

1. «Положение о Соловецких лагерях особого назначения ОГПУ» от 3 марта 1924 г.//История сталинского Гулага. Т.2. С.583-606; Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1924. №86. Ст.870; Постановление СНК СССР от 11 июля 1929 г. №20/307 п.130 «Об использовании труда уголовно-заключенных»//ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.1. Д. 48. Л.210-212; «Положение об исправительно-трудовых лагерях», утвержденное постановлением СНК СССР от 7 апреля 1930 г.//Собрание законов СССР. 1930. №23. Ст.248.

2. История сталинского Гулага. Т.2. С.596.

3. Собрание узаконений РСФСР. 1933. №48. Ст.208.

4. Советское исправительно-трудовое право. Под ред. Н.А.Беляева, В.С.Прохорова. - Л., 1989. С.32.

5. «Правила внутреннего распорядка для заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГ», утвержденные директивой ГУЛАГа от 16/18 мая 1945 г. №42/4535//ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.327. Л.79-81; «Временная инструкция о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых колониях НКВД СССР», объявленная приказом НКВД СССР от 4 июля 1940 г. №00792//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.57. Л.142-158об.; Оп.1. Д.558. Л.323-357; «Инструкция по режиму содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД», объявленная приказом МВД СССР от 27 марта 1947 г. №0190//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.234. Л.28-66; «Положение об исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД СССР», одобренное распоряжением Совета Министров СССР от 10 июля 1954 г. №7688с//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.1361. Л.305-306, 319-327, 498-509.

6. Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. №29. Ст.246, 247; Там же. 1969. №41. Ст.365.

7. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. №51. Ст.1220.

8. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16-28; История сталинского Гулага. Т.4. С.159-170; Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках//Экономическая история. Ежегодник-2002. - М., 2002. С.302-319.

9. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16.

10. Там же.

11. История сталинского Гулага. Т.4. С.159.

12. Там же.

13. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.2. Л.32.

14. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.77. Л.2-4.

15. Там же. Д.364. Л.1-2.

16. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16.

17. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.1. Л.35.

18. Там же. Д.141. Л.б/н.

19. Там же. Д.30. Л.16.

20. История сталинского Гулага. Т.4. С.159.

21. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.2866. Л.51.

22. История сталинского Гулага. Т.4. С.127, 580.

23. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.146. Л.1-3.

24. Там же. Л.4.

25. Там же. Л.20-21.

26. Там же. Л.1-3.

27. «Приложение №1 к договору Вятлага МВД СССР и Вятспецлеса Минлесбумпрома СССР от 15 ноября 1953 г.»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Коллекция документов;

28. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16-17.

29. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. №51. Ст.1220.

30. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Федеральный Закон от 8 января 1997 г. №1-ФЗ. - М, 2009.

31. История сталинского Гулага. Т.4. С.159-170.

32. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.328. Л.46.

33. Там же. Л.43-44; Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. С.141-144.

34. ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д.641. Л. 300-305; РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.49; Там же. Д.61. Л.138-140; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. - М., 2003. С.94-95; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. С.347-444, 733-734.

35. Постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. №34-14с «О спецкомендатурах НКВД»; постановление СНК СССР от 8 января 1945 г. №35 «О правовом положении спецпереселенцев»//ГАРФ. Ф.9401. Оп.12. Д.207. Л.б/н.; Приказ НКВД СССР от 13 января 1945 г. №13//История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. - М., 2004. С.757.

36. Земсков В.Н. Указ. соч. С.120-121.

37. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Коллекция документов; Архив Вятского УЛИУ. Фонд отдела кадров. Журнал учета движения спецпоселенцев. 1946-1948 гг.

38. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.144. Л.1.

39. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. и приказ МВД СССР от 16 декабря 1955 г. №0601 «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»//ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.72. Д.576. Л.79; Ф. Р-9401. Оп.12. Д.207. Л.б/н.

40. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 1/00309. Л.1; Д.146. Л.1.

41. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 января 1944 г.//Там же. Д.141. Л.б/н.; Приказ начальника Управления Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР от 20 декабря 1943 г. №00577 «О содержании трудпоселенцев в подразделениях Вятлага НКВД»//Там же. Коллекция документов.

42. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.1227. Л.159-160; История сталинского Гулага. Т.4. С.576, 577, 578.

43. Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 января 1944 г.//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.141. Л.б/н.

44. Приказ начальника Управления Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР от 14 июня 1945 г. №018с «Об организации колонн среди вольнонаемных работников, оставленных по директиве №185»//Там же. Д. 30. Л.59.

45. История сталинского Гулага. Т.4. С.577.

46. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.141. Л.б/н.

47. Приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 23 августа 1939 г. №611 «О порядке трудоиспользования несовершеннолетних заключенных»//Там же. Д.3. Л.85.

48. См., напр.: «Временная инструкция…» 1939 г., ст.9//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17об.; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.455.

49. Дети ГУЛАГА. 1918-1956. Сборник документов/Под ред. акад. А.Н.Яковлева. - М., 2002; Панкратов Р.И., Тарло Е.Г., Ермаков В.Д. Дети, лишенные свободы. - М., 2003; Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917-1953 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (на правах рукописи) - Ижевск, 2003.; Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека.

50. Щелокаева Т.А. Лагеря ГУПВИ и ГУЛАГа НКВД СССР на территории Кировской области (1943-1949)//Политические репрессии в России. XX век. (Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г.). - Сыктывкар, 2001. С.106.

51. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.32. Л.174/189.

52. Там же.

53. Дворак Д.Ф. Уголовно-исполнительная система Кировской области: история и современность. - Киров, 2007. С.412.

54. ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп.64. Д.1049. Л. 2, 4-12; Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы/Научно-исследовательский институт проблем экономической истории XX века и др.; Под ред. М.М.Загорулько. - М., 2000. С.989-1004.

55. Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.). Приложение 2. - М., 1997. (Интернет-ресурс).

56. Конвенция о содержании военнопленных. Женева. 27 июля 1929 г.//Военнопленные в СССР. 1939-1956. С.989-1004.

57. Галицкий В.П. Указ. соч. Прил.3.

58. Конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 5 (18) октября 1907 г.//Международное право в избранных документах. Т.3. - М., 1957. С.41-46.

59. Конвенция о содержании военнопленных. Женева. 27 июля 1929 г.//Военнопленные в СССР. 1939-1956. С.989-1004.

60. Галицкий В. П. Указ. соч. С.18.

61. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. - М., 1985. С.157.

62. См.: Галицкий В.П. Указ. соч. Прил.4, 5.

63. Там же. Прил.3.

64. Великая Отечественная война 1941-1945. С.157.

65. Дворак Д. Ф. Указ. соч. С.416.

66. Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). С.227-230.

67. Циркуляр ГУЛАГа ОГПУ от 3 февраля 1931 г. №177177, с приложением: инструкции по медицинскому освидетельствованию заключенных ИТЛ ОГПУ и расписаний болезней для отнесения к различным категориям трудоспособности заключенных в ИТЛ ОГПУ//ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.2737. Л.1-11; приказ НКВД СССР от 29 мая 1944 г. №00640//Там же. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.159. Л.230-231об.; История сталинского Гулага. Т.3. С.72-74; История сталинского Гулага. Т.4. С.516-518.

68. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.77. Л.26.

69. Там же. Д.2737. Л.1.

70. Там же. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.159. Л.231; Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.77. Л.26.

71. История сталинского Гулага. Т.4. С.586.

72. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.159. Л.231.

73. Там же.

74. Там же.

75. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.2779. Л.104.

76. См., напр.: приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 17 июля 1942 г. №283 «Об использовании заключенных на работах по категориям труда»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.22-26.

77. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.327. Л.3.

78. Циркулярное письмо начальника ГУЛАГа НКВД СССР Наседкина от 23 мая 1944 г.//ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д.2790. Л.52.

79. Там же. Д.2046. Л.4.

80. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.1/00309. Л.44; Д.146. Л.11-12.

81. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.77. Л.26.

82. Приказ по Вятскому УИТЛ НКВД СССР от 17 июля 1942 г. №283 «Об использовании заключенных на работах по категориям труда»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.22-26.

83. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17об.-28.

84. Там же.

85. См., напр.: Веремьев В., Ожегин П. Инженер КБ Туполева в Вятлаге (Леймер Г.Л.)//Кировская правда. 1997. 2 апреля; Кононов А.И. Воспоминания о Вятлаге. Рукопись; Мазус И.А. История одного подполья. - М., 1998; Ожегин П. Т. Вятлаг//Энциклопедия Земли Вятской. Т.4. История. - Киров, 1995. С.408-421; Его же. Главный хирург Вятлага (Утцаль М. Э.)//Кировская правда. 1994. 13 октября; Его же. Культура и искусство Вятлага//Энциклопедия Земли Вятской. Т.9. Культура. Искусство. - Киров, 1999. С.533-550; Его же. Мученики ГУЛАГа //Энциклопедия Земли Вятской.

Том 2. Литература. - Киров, 1995. С.246-254; Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки. - М., 1990; Пеплов В.И. Судьбы людские. Воспоминания. В 2 кн. - Чебоксары, 2007; Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). Т.2 Ч.1.: 58 ст. - Нарва, 2005; Фалько П. А. Семья Фалько//Родники (г.Мытищи). 2006. 24 января; Этингер Я.Я. Это невозможно забыть: Воспоминания. - М., 2001; Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною. - М., 2000.

86. История сталинского Гулага. Т.4. С.582.

87. Там же.

88. Там же.

89. Там же.

90. Там же.

91. См. примечание 85.

92. История сталинского Гулага. Т.4. С.582.

93. Там же. С.161.

94. Там же.

95. Якубович П.Ф. (Мельшин). В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. - СПб., 1907. С.312.

96. Рассказов Л.П. Указ. соч. С.304.

97. Ст.58-72 «Временной инструкции…» 1939 г.//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17об.-28; приказ МВД СССР от 12 мая 1949 г. №0286 «С объявлением Инструкции о порядке расконвоирования заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД»//Там же. Д.311. Л.42, 43-44об.; «Временное положение о порядке расконвоирования заключенных и их использования на работах в лесных лагерях МВД СССР» от 1952 г.//Там же. Ф. Р-8360. Оп.1. Д.63. Л.9; История сталинского Гулага. Т.3. С.592; История сталинского Гулага. Т.4. С.275-278; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.455-474.

98. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17об.-28.

99. История сталинского Гулага. Т.3. С.592.

100. ГАРФ. Ф. Р-8360. Оп.1. Д.63. Л.9.

101. Там же. Л.2-6.

102. История сталинского Гулага. Т.4. С.161.

103. Рассказов Л. П. Указ. соч. С.304.

104. ГАРФ. Ф. Р-8360. Оп.1. Д.63. Л.2-6.

105. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 1/00309. Л.6.

106. История сталинского Гулага. Т.4. С.160.

107. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.180-187; Окуневская Т.К. Татьянин день. - М., 2001; Семпер-Соколова Н.Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. - М., 2007; Соколов П.П. Ухабы («Республика Вятлаг»). - Красноярск, 2009; Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования: В 3 т. - М., 1990. Т.2. С.147-160; Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины». История и судьбы. - Караганда, 2002; Рыболовкина Л.П. Положение женщин в лагерях ГУЛАГа//Проблемы материальной и духовной

культуры народов России и зарубежных стран: Тезисы докладов V Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов. - Сыктывкар, 1997. С.88-89; Антонов-Овсеенко А. Повесть о Матильде и Ларисе//Театр. 1990. №7; Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. - М., 1991; Глинка Е. «Колымский трамвай» средней тяжести//Нева. 1989. №10; Глинка Е. Трюм, или Большой «колымский трамвай»//Радуга (Таллинн). 1990. №2; Груздев П. (архимандрит Павел). Родные мои. - Ярославль, 2003; Керсновская Е. «Беззакония наши свидетельствуют против нас…»: Наскальная живопись: Альбом. - М., 1991; Разгон Л. Непридуманное: Повесть в рассказах. - М., 1989; Шаламов В. Очерки преступного мира//Дон. 1989. №1.

108. См. примечания 20-22.

109. Курашев А. Новая техника - новые методы труда//Лес - стране (Орган политического отдела Вятского ИТЛ). 1949. №7 (293). 11 февраля. С.2.

110. Иосифов П. А. Указ. соч. С.167-171.

111. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.140. Л.2, 29.

112. Там же. Д.142. Л.3-4.

113. Там же.

114. Там же. Д.144. Л.4, 20.

115. Там же. Д.49. Л.3.

116. Там же. Д.1/00309. Л.44.

117. См., напр.: Даллин Д., Николаевский Б.И. Принудительный труд в СССР. - New Haven, 1947; Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 30-50-е гг. - М., 1992; Иванова Г.М. Лагерная экономика//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - М.-СПб., 1998. С.28-40; Кузьмин С.И. Труд в местах лишения свободы России в 1917-1959 гг., его цели и содержание//Уголовно-исполнительное право России. - М., 1997. С.161-185; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. - Краснодар, 1998; Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929-1960 гг.//Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. - М., 1998. С.25-74; Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.67-89; Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа//Вопросы истории. 1994. №6. С.188-190; Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг.: Сборник документов. - М., 1998. и др.

118. Бердинских В.А. История одного лагеря; Бородкин Л.И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 197-238; Кустышев А. Н. Ухтижемлаг. 1938-1955. - Ухта, 2003; Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929-1956 гг. - Сыктывкар, 1997; Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.). - Кемерово, 1994; Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале

(конец 1920-х - начало 1950-х гг.): эффективность и производительность//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.255-278; Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. - Архангельск, 2007.

119. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17об.-28; Там же. Л.16-17; ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.455-474; История сталинского Гулага. Т.4. С.159-170; Рассказов Л.П. Указ. соч. С.302-319.

120. История сталинского Гулага. Т.4. С.164-166.

121. Архив Вятского УЛИУ. Коллекция документов.

122. Там же.

123. История сталинского Гулага. Т.4. С.166.

124. Там же.

125. Там же.

126. Архив Вятского УЛИУ. Коллекция документов.

127. См., напр.: приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 16 октября 1938 г. №409 «О предании суду группы заключенных 8 лагпункта Лелявина, Богача, Миронова, Кривоногова и других по ст.59-3 УК»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.1. Л.12/49; приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 30 декабря 1938 г. №541 «О привлечении к уголовной ответственности заключенного Иванова Л. Г. за вредительское обращение к оборудованию Лесопильного завода»//Там же. Л.203; приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 31 июля 1939 г. «Объявление приговоров суда о лагерном бандитизме и побегах»//Там же. Д.3. Л.62; приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 13 декабря 1939 г. №918 «Об отдаче под суд заключенных 11-го лагпункта»//Там же. Л.233-234; приказ по Управлению Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР от 20 декабря 1939 г. «О привлечении к ответственности заключенных за саботаж и членовредительство в ИТЛ»//Там же. Л.б/н.

128. ГАСПИ КО. Ф.1290. Оп.7. Д.52. Л.166; Юристы военного времени. О деятельности Управления Народного комиссариата юстиции РСФСР по Кировской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Документы и материалы). - Киров, 2000. С.128-129.

129. ГАСПИ КО. Ф. 1290. Оп.7. Д.52. Л.39, 41, 44.

130. Сведения о следственной работе Первого отдела Вятлага МВД СССР за 1947 год и 1-й квартал 1948 г.//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.142.Л. б/н.

131. См., напр.: Циркуляр НКВД СССР от 8 апреля 1943 г. №179 «О борьбе с умышленным самоистощением и членовредительством заключенных»//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.153. Л.48-40об.; Указание 2-го Управления ГУЛАГа МВД СССР от 15 января 1949 г. №9/146547 начальникам санитарных отделов исправительно-трудовых лагерей и колоний «О мерах по борьбе с членовредительством среди заключенных»//Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.2828. Л.176-178; Кальмбах Э. О вреде членовредительства//Лес - стране (газета Вятского ИТЛ). 1957. 27 июня. №18(162). С.2.

132. История сталинского Гулага. Т.4. С.508.

133. Там же. С.555-556.

134. См.: Кальмбах Э. Указ. соч. С.2.

135. Директива ГУЛАГа НКВД СССР от 12 января 1942 г., утвержденная приказом НКВД СССР от 13 января 1942 г.//ГАРФ. Ф-Р-9479. Оп.1. Д.112. Л.92-97; Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.328. Л.43-44; История сталинского Гулага. Т.5. С.752-753; Тряхов В.Н. Указ. соч. С.141-144.

136. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.328. Л.44.

137. Уголовный кодекс РСФСР. С.36-37.

138. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека; приказ начальника Управления Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР от 2 июня 1942 г. №199 «Об осуждении мобилизованных трудармейцев»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.157; приказ по Вятскому ИТЛ НКВД СССР от 25 мая 1942 г. №037 «О состоянии дисциплины мобилизованных немцев»//Там же. Д.14/2. Л.54-55.

139. См. примечание 57 к параграфу 1 главы первой настоящего исследования.

140. Галицкий В. П. Указ. соч. С.31.

141. Приказ НКВД СССР от 25 августа 1942 г. №353//Галицкий В.П. Указ. соч. Прил.33.

142. См. примечание 57 к параграфу 1 главы первой настоящего исследования.

143. Галицкий В. П. Указ. соч. С.93.

144. Там же.

145. Там же. С.126.

146. Там же. Прил.3.

147. Гроховский С. И. Зона молчания//Неман. 1990. №3. С.10-21.

148. См., напр.: Проурзин И.Я. Заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС о восстановлении в КПСС. 30 мая 1954 г.//Репрессии в Архангельске. 1937-1938. С.182-183.

149. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.142. Л.б/н.

150. Там же. Д.144. Л.б/н.

151. Там же.

152. Там же. Д.146. Л.11-12.

153. Приказ НКВД СССР от 4 марта 1939 г. №75 «О порядке оплаты труда и нормах выработки на лесозаготовках ГУЛАГа НКВД»//ГАРФ. Ф.Р-9401. Оп.1а. Д. 43. Л. 13-25; История сталинского ГУЛАГа. Т.3. С.543.

154. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1д. Д.854. Л.2об.

155. Приказы начальника Управления Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР от 25 августа 1942 г. №356 и от 31 августа 1942 г. №363 «О зачислении на питание по норме №3 с дополнительным премблюдом заключенных инженерно-технических работников и административно-технического персонала»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/2. Л.78, 80 (в этих приказах упоминаются соответственно 30 человек и 23 человека).

156. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.222.

157. Приказ НКВД СССР от 14 августа 1939 г. №00943 «О введении с 1 июля 1939 г. новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях ГУЛАГа НКВД СССР»//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.60-62об., 67-69; приказание по ГУИТЛиК НКВД СССР от 6 февраля 1941 г. №33 «О частичном изменении и улучшении порядка питания заключенных»//Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.1919. Л.8-8об.; Сопроводительная записка начальника Отдела общего снабжения ГУЛАГа Силина начальнику ГУЛАГа НКВД СССР В.Г.Наседкину к сокращенным нормам питания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД. Не ранее 1 июня 1941 г.//Там же. Л.17-20; приказ НКВД СССР от 11 апреля 1942 г. №182 «О введении нового Положения о питании заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях НКВД СССР»//Там же. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.121. Л.45-54об.; приказ МВД СССР от 6 мая 1948 г. №0281 «С объявлением норм продовольственного снабжения заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД»//Там же. Д.275. Л. 100-109об.; распоряжение МВД СССР от 24 августа 1948 г. №520 «Об улучшении питания заключенных в исправительно-трудовых лагерях и колониях МВД»//Там же. Ф. Р-9414. Оп.1а. Д.292. Л.123-123об.; распоряжение МВД СССР от 13 марта 1950 г. №188 с объявлением «Обзора о недостатках в работе лагерей и колоний МВД по выполнению приказа МВД СССР №0562-1949 г. о введении новых норм питания»//Там же. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.374. Л.151-152об.; приказ МВД СССР от 11 февраля 1952 г. №0313 «С объявлением норм вещевого имущества заключенным, содержащимся в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР»//Там же. Д.456. Л.268-269, 272об.; приказ по Вятскому ИТЛ НКВД СССР от 21 января 1942 г. №12 «О повышении норм питания заключенных в Вятлаге НКВД на первый квартал 1942 г.//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.12; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 29 мая 1942 г. №191 «О введении нового положения о питании заключенных в Вятлаге НКВД»//Там же. Л.153.

158. См. параграф 2 главы первой настоящего исследования.

159. См.: Груздёв П.А. (архимандрит Павел). Родные мои…; Окуневская Т. К. Татьянин день. Гл.93-98; Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки. Гл.4-8; Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера. Т.2. Ч.1. С.115-223, 231-252; Семпер-Соколова Н.Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. Глава «Не совсем на дне (Воспоминания о Вятлаге. 1950-1955)»; Соколов П.П. Ухабы. Ч.VI. «Республика «Вятлаг»»; Страдиньш А. Лагерный дневник (Вятлаг, 1941-1943). - Киров, 2004; Этингер Я.Я. Это невозможно забыть. Гл.6; Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною. Глава «Тюрьмы, лагеря».

160. Там же.

161. Приказ ГУЛАГа ОГПУ от 17 февраля 1933 г. №39 «О мероприятиях по реорганизации низового лагерного звена»//ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.7. Л.10-11об.; приказание по ГУЛАГу НКВД СССР от 16 сентября 1939 г. №345

«Об улучшении организации труда в лагерях и укреплении авторитета десятника»//Там же. Д.24. Л.195-199; приказ МВД СССР №0190-1947 г. с объявлением «Инструкции по режиму содержания заключенных в ИТЛ и колониях МВД»//История сталинского Гулага. Т.4. С. 159; приказ НКВД СССР от 8 декабря 1941 г. №792/к «О мероприятиях для повышения производительности труда заключенных»//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.222; приказ начальника Управления Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР от 9 января 1942 г. №4 «О мероприятиях для повышения производительности труда заключенных»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.7-8; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 26 июня 1942 г. №239 «О порядке передачи мастерским участкам рабочей силы и прочих ресурсов для выполнения производственного плана»//Там же. Л.190-192; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 августа 1942 г. №312 «Об итогах работы в июле месяце мастерских участков»//Там же. Д. 14/2. Л.45; История сталинского Гулага. Т.2. С. 100-103; Равдель З. И. Капля океана (воспоминания, 1960)//Московский Архив «Мемориал». Ф.2. Оп.1. Д.100. Л.110.

162. «Временная инструкция…» от 1939 г.//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17-17об.

163. Приказ НКВД СССР от 13 января 1942 г.//ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп.1. Д.112. Л.92-97; Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.328. Л.44; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 19 мая 1942 г. №179 «О работе мобилизованных немцев на 9 ЛЗО»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.147; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 16 июня 1945 г. №019с «О состоянии работы в комсомольско-молодежных бригадах 12 ЛЗО и 3 ОЛП»//Там же. Д.30. Л.62-64.

164. Приказ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. №00889//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16-17; «Временная инструкция…» от 1939 г.//Там же. Л.17об.; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 3 июля 1942 г. №251 «О сокращении срока наказания заключенным за систематическое перевыполнение норм и отличное поведение»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.208.

165. Там же. Д.140. Л.3.

166. Там же. Д.141. Л.б/н.

167. Там же. Д.144. Л.23.

168. Там же. Д.141. Л.б/н.

169. Там же. Д.144. Л.23.

170. Там же.

171. Там же. Д.140. Л.3.

172. Там же. Д.36. Л.8.

173. Там же. Д.144. Л.б/н.

174. Там же.

175. Там же. Д.49. Л.27.

176. Там же. Д.1/00309. Л.11.

177. Ст.124 («Условно-досрочное освобождение») Исправительно-трудового кодекса РСФСР от 1 августа 1933 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1933. №48. Ст. 208; Временное положение о зачете рабочих дней заключенным, содержащимся в исправительно-трудовых лагерях и местах заключения НКВД СССР от 31 января 1935 г.//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.12. Д.98. Л.29-31, 32-41.

178. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.8. Л.206-207.

179. Там же.

180. Приказ НКВД СССР от 20 декабря 1935 г. №390 «О применении повышенных норм зачета рабочих дней заключенным исправительно-трудовых лагерей и колоний, работающим по-стахановски»//Там же. Л.329.

181. Указание ГУЛАГа НКВД СССР от 21 октября 1937 г. №116320// История сталинского Гулага. Т.3. С.539.

182. Письмо наркома внутренних дел СССР Л.П.Берии председателю СНК СССР В.М.Молотову о состоянии лагерной рабочей силы и отмене условно-досрочного освобождения заключенных от 9 апреля 1939 г.//ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.23а. Д.121. Л.6-9; постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 июня 1939 г. «О лагерях НКВД»//История сталинского Гулага. Т.3. С.539-540; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. №34 «О лагерях НКВД»//ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.67. Д.2. Л.10-12; приказ НКВД СССР от 15 июня 1939 г. №0168 «Об отмене практики зачета рабочих дней и условно-досрочного освобождения заключенных»//Там же. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.39. Л.143-144.

183. История сталинского Гулага. Т.3. С.161.

184. Приказ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. №00889//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16-17; «Временная инструкция…» от 1939 г.//Там же. Л.17об.; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 3 июля 1942 г. №251 «О сокращении срока наказания заключенным за систематическое перевыполнение норм и отличное поведение»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.208.

185. Приказ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. №00889//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.17.

186. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1939 г. №34//ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп.67. Д.2. Л.10-12.

187. Приказ НКВД СССР от 15 июня 1939 г. №0168//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.39. Л.143-144.

188. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.225; Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. (Компакт-диск). - М., 2009 (Рацевич С.В.).

189. ГАРФ. Ф.9414. Оп.1. Д.1227. Л.159-160; приказ начальника Управления Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР от 20 июля 1942 г. №286 «О результатах обследования совхоза №2//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.14/1. Л.27-29; приказ начальника Управления Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР от 14 июня 1945 г. №018с «Об организации колонн среди вольнонаемных

работников, оставленных по директиве №185»//Там же. Д.30. Л.59.

190. Винтерс Ф.И. Записки на память (Воспоминания, 1992 год)//Московский Архив «Мемориал». Ф.2. Оп.2. Д.11. Л.37, 40, 41; Равдель З.И. Указ. соч. Л.133-135, 154, 224; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.216, 225.

191. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека. №57545; Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера. Т.2. Ч.1-2. С.231-232, 243-247.

192. Приказ МВД СССР и Генерального прокурора СССР от 17 декабря 1946 г. №0431/276с «О введении зачета рабочих дней заключенным, содержащимся в ИТЛ МВД»//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.208. Л.149-150; постановление Совета Министров СССР от 22 мая 1948 г. №1723-688с//Там же. Ф. Р-9414. Оп.1д. Д.151. Л.281; приказ МВД СССР и Генерального прокурора СССР от 21 июля 1948 г. №00683/150сс//Там же; постановление Совета Министров СССР от 17 декабря 1948 г. №4630-1808сс//Там же. Оп.1. Д.369. Л.45; постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1950 г. №1547-590сс; приказ МВД СССР от 4 мая 1950 г. №00287//Там же. Оп.1д. Д.151. Л.281.

193. Там же.

194. Приказ МВД СССР от 17 июля 1954 г. №00610 с объявлением распоряжения Совета Министров СССР №7688рс от 10 июля 1954 г. и одобренного этим распоряжением «Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел СССР»//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.1361. Л.305-306, 319-327; Там же. Д.202. Л.24, 78; Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.507. Л.54; Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека. №129202; Семпер-Соколова Н. Е. Указ. соч. С.113-116.

195. Приказ НКВД СССР от 9 июня 1935 г. №167//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.8. Л.130; приказ НКВД СССР от 8 сентября 1935 г. №285 «О введении сдельной оплаты труда и прогрессивно-премиальной оплаты техперсонала в лагерях и местах заключения»//Там же. Л.254; циркуляр ГУЛАГа НКВД СССР от 4 декабря 1935 г. №43-446 «О сдельной оплате труда работающих на производстве заключенных»//Там же. Ф. Р-9479. Оп.1. Д.26. Л.26, 31-48; приказ НКВД СССР от 4 марта 1939 г. «О порядке оплаты труда и нормах выработки на лесозаготовках ГУЛАГа НКВД»//Там же. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.43. Л.13-25.

196. Постановление Совета Министров СССР от 20 ноября 1948 г. №4293-1703сс «Об оплате труда заключенных исправительно-трудовых лагерей Дальстроя Министерства внутренних дел СССР»//ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп.50а. Д.4065. Л.94-101; постановление Совета Министров СССР от 13 марта 1950 г. №1065-376сс «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний Министерства внутренних дел СССР»//Там же. Оп.80а. Д.7641. Л.19-45, 51-54; приказ МВД СССР от 29 апреля 1950 г. №00273 «О повышении производительности труда и более рациональном использовании труда заключенных исправительно-трудовых лагерей и колоний МВД СССР»//Там же. Ф. Р-9401. Оп.1. Д.3591. Л.43-44.

197. Приказ НКВД СССР от 2 августа 1939 г. №00889//ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.35. Л.16-28.

198. Там же.

199. Приказ МВД СССР №0190-1947 г.//История сталинского Гулага. Т.4. С.159.

200. Там же.

201. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.45. Л.258-259.

202. Приказ НКВД СССР от 19 мая 1940 г. №0200; приказ НКВД СССР от 25 февраля 1943 г. №139; указание ЦФПО и УЛЛП НКВД от 22 июня 1942 г. №250; указание ЦФПО НКВД СССР от 12 ноября 1940 г. №102-179; распоряжение НКВД СССР от 12 июня 1944 г. №1-10936//Справочник о должностных окладах работников лесных лагерей НКВД СССР. Отв. ред. С.А.Каптельников. - М.: ЦФО НКВД СССР, 1945.

203. Приказ НКВД СССР от 21 июля 1941 г. №0342 «Объявление «Положения о военнопленных» от 1 июля 1941 г.»//Галицкий В. П. Указ. соч. Прил.3.

204. Там же; Директива штаба тыла Красной Армии от 17 мая 1942 г. №29/69/9 «Об обеспечении военнопленных необходимыми видами довольствия»//Там же. Прил.5; директива НКВД СССР от 25 августа 1942 г. №353//Там же. Прил.33; приказ НКВД СССР от 28 ноября 1942 г. №002597 «О размещении и трудовом использовании военнопленных»//Там же. Прил.5.

205. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.36. Л.25.

206. Там же. Д.38. Л.15.

207. Там же.

208. Народное хозяйство СССР в 1987 г. С.390; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.230.

209. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.36. Л.25; Д.38. Л.15.

210. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1а. Д.968. Л.24-25.

211. См. прим.196.

212. См. там же.

213. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.232.

214. См. прим. 202.

215. См. там же.

216. См. прим. 196.

217. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.49. Л.12, 27; Д.50. Л.62; Д.1/00309. Л 34.

218. Там же. Д.49. Л.12; Д.50. Л.62.

219. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. С.668-669; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.151.

220. Попов В.П. Экономическая политика Советского государства. 1946-1953 гг. - М.-Тамбов, 2000. С.65; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.234.

221. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.50. Л.62.

222. Кравери М., Хлевнюк О. Кризис экономики МВД (конец 1940-х - 1950-е гг.)//Cahiers du Monde russe. Vol.36 (1-2). 1995. P.179-190; Рассказов

Л.П. Указ. соч.; Рассказов Л.П., Упоров И.В. Указ. соч.; Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг.//Свободная мысль. 1992. №13. С.73-84; Его же. Введение//История сталинского Гулага. Т.3. С.21-54; Его же. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.67-89.

223. Бердинских В.А. История одного лагеря; Его же. Спецпоселенцы; Бородкин Л.И. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.129-156; Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономические и политико-правовые аспекты. - М., 2006; Ее же. Лагерная экономика//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. С.28-40.

224. Детков М.Г. Указ. соч.; Дружинин В., Исаков В. Производство и труд в УИС: история и современность//Преступление и наказание. 1999. №5-6; Кузьмин С.И. Указ. соч.//Уголовно-исполнительное право России, 1997. С.161-185; Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х - начало 1950-х гг.): эффективность и производительность//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С. 255-278; Тряхов В.Н. Указ. соч.; Хлусов М. И. Введение//Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг. С.3-12.

225. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.2. Д.92. Л.247.

226. Там же. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.330. Л.168-169.

227. Там же. Д.28. Л.123-124.

228. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.140. Л.4.

229. Там же. Д.36. Л.38-39, 41-42.

230. Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. - М., 1997. С.102; История сталинского Гулага. Т.2. С.293, 662, 678.

231. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.206. Л.125-126.

232. Бородкин Л. И. Указ. соч. С.152.

233. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.206. Л.123; История сталинского Гулага. Т.2. С.421, 657, 676.

234. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.1/00309. Л.34.

235. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг. С.12.

236. Там же. С.46-53.

237. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.266.

238. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг. С.50; Суслов А. Б. Указ. соч. С.266.

239. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Ч.1. Д.326. Л.178, 179.

240. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.144. Л.б/н.

241. Иванова Г. М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. С.102; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.264.

242. Там же. С.85.

243. Лесная промышленность СССР. Статистический сборник. С.138, 201-202.

244. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Коллекция документов.

245. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.36, 38, 144; Богатырев С. Смертельна горечь плена… Судьбы солдат вермахта на Вятской земле//Стенгазета (г. Киров). 2006. 29 мая; Кирьяков Б. Люди и люди//Вятский наблюдатель. 2001. №51. 21 декабря. С.23; Сапожкова А.В. Немецкие военнопленные Второй Мировой войны в Вятском крае//Российская провинция в эпоху тоталитаризма в 1930-х - 1940-х гг./Материалы немецко-российского проекта. - Франкфурт-на-Одере - Киров. 2005. С.70-72; Фокин В. Пленные - уже не враги. Тем более - мертвые…//Деловая Вятка. 2005. Июль. №16. С.44-50; Чудиновских Е. На Вятской земле солдат вермахта лечили и перевоспитывали//Вятский край. 2000. №13. 20 января. С.6.

246. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.264.

247. Там же. С.153.

248. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.206. Л.150-151; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.153.

249. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.206. Л.151.

250. Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг. С.154; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.258.

251. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1 доп. Д.150. Л.137-145.

252. Там же. Л.145.

253. Приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 4 декабря 1938 г. №489 «О мероприятиях по выполнению плана работ по лагерю на декабрь месяц»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.1. Л.35/148.

254. Приказ Начальника Вятского ИТЛ НКВД СССР от 17 апреля 1942 г. №123 «О неудовлетворительном надзоре за правильной организацией труда рабочих бригад в технормировании на ОЛП и в ЛЗО»//Там же. Д.14/1. Л.108-109.

255. Приказ Начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 16 июня 1945 г. №019с «О состоянии работы в комсомольско-молодежных бригадах 12 ЛЗО и 3 ОЛП»//Там же. Д.30. Л.62-64.

256. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп.1. Д.717. Л.56-69; История сталинского Гулага. Т.6. С.424-430.

257. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.146. Л.11-12.

258. Там же. Д.142. Л.6.

259. Там же. Фонд отдела кадров. Д.21897. Л.28; Ожегин П.Т. Вятлаг; Ожегин П.Т. Административные высылки и спецпоселения на территории Вятского края//Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX - первая половина XX вв.). Матер. докл. и док. науч.-практ. конф., Киров, 25 мая 1996 г. - Киров, 1997. С.119.

260. Бердинских В.А. История одного лагеря. С.133-134.

261. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг. С.77; Лесная промышленность СССР. С. 103-104; Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Коллекция документов.

262. Эффективность трудового использования осужденных в лесных ИТУ. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1987. С.22.

263. Там же.

264. Осипов В. Исправляет ли исправительная колония. По материалам советской печати//Спутник. 1989. №5. С.156-157.

265. Там же.

266. См., напр.: К-231 как губитель природы//Прикамская новь (г. Кирс). 1993. 18 сентября; Королев М. Г., Краснова С.А. Экологические проблемы развития и функционирования лесопромышленного комплекса Кировской области//Вятская земля в прошлом и настоящем: Материалы республиканской IV научно-практической конференции (К 100-летию со дня рождения профессора А.В.Эммаусского). - Киров, 1999. С.262-264; Чуприяновская Т.А. История ГУЛАГа: проблемы природопользования (на примере Коми АССР в 1930-1950-е гг.)//Политические репрессии в России. XX век. (Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г.). - Сыктывкар, 2001. С.138-140; Максимова Л. А. ГУЛАГ и отношение к природе (на примере Республики Коми)//Финно-угорский мир: состояние природы и региональная стратегия защиты окружающей среды. - Сыктывкар, 1998. С.116; Рылов А. Закрытая зона (Записки редактора)//Трудовой вымпел (г.Киров). 1991. №№13-17; Богомолова О. Край суровый… тлением объят//Вятский край. 1997. 4 декабря; Бортников В. Мафия маленькой империи по-прежнему существует в учреждении К-231, и ничто ее не колышет//Вятский край. 1991. 28 сентября; Его же. Все дороги к Вятлагу выстланы долгами. Учреждение К-231 не платит налоги с 1994 г.//Там же. 2001. 18 и 23 октября; Хитрина Н. Вятлаг: спецконтингент и местное население//Прикамская новь (г. Кирс) (Интернет-ресурс); Сведения о работниках Учреждения К-231, имеющих судимость (по состоянию на 10 декабря 1991 г.)//Архив Вятского УЛИУ. Фонд отдела кадров. Коллекция документов; Сведения о численности, возрастной структуре населения и жилищном фонде на территории дислокации Учреждения К-231 ГУИН МВД России (по состоянию на 15 августа 1997 г.)//Там же.

267. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп.1а. Д.39. Л.72; Д.65. Л.44; Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Коллекция документов.

268. Там же. Ф.2. Оп.3. Д.17. Л.169-170; Чуприяновская Т.А. Указ. соч. С.139-140.

269. Максимова Л.А. Указ. соч. С.116.

270. См. прим. 159.

271. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Ч.2. С.414-416; История сталинского Гулага. Т.3. С.581; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.84-85.

272. Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Коллекция документов.

273. Бердинских В. А. История одного лагеря. С.134.

274. Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.140. Л.9.

275. Там же. Д.141. Л.3-8.

276. Там же. Д.36. Л.19-20.

277. Там же. Д.38. Л.8.

278. Там же. Д.144. Л.6.

279. Там же. Л.б/н.

280. Там же. Д.1/00309. Л.33.

281. Там же. Д.49. Л.15; Д.50. Л.44.

282. Кононов А.И. Воспоминания о Вятлаге. Рукопись.

283. См., нап руб.: Приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 15 октября 1938 г. №403 «Об увольнении начальника 4-го лагерного пункта Гребцова»//Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д.2. Л.13/41; приказ по Управлению Вятского ИТЛ НКВД СССР от 14 ноября 1938 г. №452 «О преступлениях, вскрытых во 2-м взводе 4-го дивизиона ВОХР»//Там же. Д.1. Л.25/94; приказ по Управлению Вятского исправительно-трудового лагеря НКВД СССР от 24 октября 1941 г. №409 «Об увольнении из Вятлага бухгалтера ООС Рытько»//Там же. Д.12. Л.107; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 3 июля 1942 г. №253 «О розыске вагона с сеном и о выработке положения об ответственности Гайно-Кайской железной дороги за перевозку грузов»//Там же. Д.14/1. Л.209; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 11 июля 1942 г. №279 «Результаты документальной ревизии 12 ЛЗО»//Там же. Д. 4/2. Л.16-17; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 14 июля 1942 г. №280 «Результаты документальной ревизии 13 ЛЗО»//Там же. Л.18-20; приказ начальника Управления Вятлага НКВД СССР от 18 июля 1942 г. №287 «О результатах обследования базы ООС №2»//Там же. Л.30; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 30 июля 1942 г. №306 «О результатах обследования сельхозучастка №1»//Там же. Л.41-42; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 3 августа 1942 г. №324 «Результаты документальной ревизии 14 ЛЗО»//Там же. Л.49-50; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 17 августа 1942 г. №343 «О нарушениях правил торговли»//Там же. Л. 63; приказ начальника Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР от 31 августа 1942 г. №362 «О ликвидации фактов приписки при приеме и отгрузке древесины//Там же. Л.79; За приписки - к ответу//Лес - стране (орган политического отдела Вятского ИТЛ). 1949. 1 января. №1(287). С.2; Бракоделов - к ответственности//Там же. 11 января. №2(288). С.2; Уваров С. Строго соблюдать сортиментную программу//Там же. 15 января. №3(289). С. 1; Антигосударственная практика//Там же. 28 января. №5(291). С.2; Тарасов П. Усилить борьбу за сохранение социалистической собственности//Там же; Из зала суда//Там же; Гроше А. Нет заботы о качестве//Там же. 30 сентября. №38(324). С.1; Его же. Важный участок - без контроля//Там же. 31 декабря. №49(336). С.2 и др.

284. См., напр.: Хайнцен Дж. Коррупция в ГУЛАГе: дилеммы чиновников и узников//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.157-174; Карклинс руб. Организация власти в советских исправительно-трудовых колониях// Социологические исследования. 1990. №6. С.105-120.

285. Applebaum A. Gulag. A History. - New York: The Penguin Press, 2003; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.157.

286. Хайнцен Дж. Указ. соч. С.158.

287. Berliner J. Factory and Manager in the USSA. - Cambridge, 1957. S.160-230; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.158-159.

288. Lampert N. Law and Order in the USSR: The Case of Economic and Official Crime//Soviet Stadies. Vol.36. No 3 (July 1984). P.366-385; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. С.160-161.

289. Карклинс руб. Указ. соч. С.119-120.

290. Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Черновые протокольные записи заседаний: Стенограммы. Т. 1. - М., 2003. С.22-23; История сталинского Гулага. Т.2. С.49-50.

Заключение

1. ГАСПИ КО. Ф.5991. Оп.2. Д. 98. Л.77.

2. Там же.

3. Архив Вятского УЛИУ. Фонд отдела кадров. Д.2820, 1228, 4446, 6741; Там же. Картотека. Архив; Бердинских В.А. История одного лагеря. С.293-310.

4. Энциклопедия Земли Вятской: Откуда мы родом? Т.6. Знатные люди. - Киров, 1996. С.363.

5. См. параграф 3 главы второй настоящего исследования.

6. См., напр.: Van der Linden M. Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (c.1929 - c.1956//Free and Unfree Labour. The Debate Continues/T.Bras, M.Van der Linden, ed. - Berne, 1997. P.351-362.

7. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.79-80.

8. Архив Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Журнал регистрации прибывших спецконтингентов. Т.21.

9. Голдсмит руб. Сопоставление национальных балансов (1688-1978 гг.). - Чикаго, 1985.

10. Там же. С.36.

11. Цит. по: Лисичкин Г. Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке? - Новый ми руб. 1988. №11. С.174.

12. Архив Вятского УЛИУ. Фонд специального учета. Журнал регистрации прибывших спецконтингентов. Т.21; Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека.

13. История сталинского Гулага. Т.2. С.48-51.

14. 65 лет Вятскому управлению лесных исправительных учреждений УИН Минюста России по Кировской области. - Киров, 2003. С.3.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Фонд 5446 - Управление Делами СНК (Совета Министров) СССР.

Фонд 9401 - Секретариат НКВД-МВД СССР.

Фонд 9414 - Главное управление исправительно-трудовых лагерей (ГУМЗ-ГУЛАГ) НКВД-МВД СССР.

Фонд 9479 - 4-й Спецотдел Министерства внутренних дел СССР.

Фонд 9492 - Министерство юстиции СССР.

Фонд 7523 - Верховный Совет СССР.

Фонд 8131 - Прокуратура СССР.

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Фонд 644 - Государственный Комитет Обороны СССР.

- Государственный архив Кировской области (ГАКО).

Фонд 2943 - Кировская областная прокуратура.

- Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО).

Фонд 5991 - Политотдел Вятского ИТЛ (Учреждения К-231) НКВД-МВД СССР.

- Архив Международного историко-просветительского центра «Мемориал» (г. Москва).

Фонд Вятлага.

- Ведомственный архив Вятского управления по руководству учреждениями с особыми условиями хозяйственной деятельности (УРУОУХД) Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Кировской области (Вятского ИТЛ (Вятлага) НКВД-МВД СССР/Учреждения К-231 МВД СССР/Вятского УЛИУ Минюста РФ). Коллекция документов.

Опубликованные источники

ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1917-1960 гг.: Справочник/Сост.: А.И.Кокурин и Н.В.Петров. - М., 2000.

Военнопленные в СССР. 1939-1956: Документы и материалы/Научно-исследовательский институт проблем экономической истории XX века и др.; Под ред. М.М.Загорулько. - М., 2000.

Воспоминания о ГУЛАГе и их авторы. (Компакт-диск). - М., 2002.

Депортации народов СССР (1930 е - 1950 е гг.)/Сост. О.Л.Милова. Ч.2: Депортация немцев (Сентябрь 1941 - февраль 1942 гг.). - М., 1995.

Дети ГУЛАГа. 1918-1956. Сборник документов/Под ред. акад. А.Н.Яковлева; сост. Виленский С.С. и др. - М., 2002.

200 лет Вятской губернии. Статистический сборник. - Киров, 1996.

Жертвы политического террора в СССР. (Компакт-диск). - М., 2007.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1924. №86. Ст.870.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 1 августа 1933 г.//Собрание узаконений РСФСР. 1933. №48. Ст.208.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 18 декабря 1970 г.//Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1970. №51. Ст.1220.

История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917-1954 гг. Сборник документов. - М., 1955.

История российских немцев в документах./Сост.: Ауман В.А., Чеботарева В.Г. Т.1 (1762-1992 гг.). - М., 1993.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.1. Массовые репрессии в СССР. - М., 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.2: Карательная система: структура и кадры. - М. 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.3: Экономика Гулага. - М., 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.4: Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. - М., 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.5. Спецпереселенцы в СССР. - М., 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собрание документов в 7 т. Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. - М., 2004.

История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг.: Собрание документов в 7 т. Т.7: Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации/Сост.: Козлов В.А., Мироненко С.В. (отв. ред.). - М., 2005.

Конвенция Международной организации труда от 28 июня 1930 г. №29 «Относительно принудительного или обязательного труда»//Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. №13. Ст.279.

Конвенция Международной организации труда от 25 июня 1957 г. №105 «Об упразднении принудительного труда»//Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. №12. Ст.1348.

Конституция Российской Федерации. - М., 2010.

Лесная промышленность СССР. Статистический сборник/Сост. Б.И.Штейнбок. - М.-Л., 1957.

Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917-1991: Справочник/Под ред. акад. А.Н.Яковлева; авторы-сост. А.И.Кокурин, Н.В.Петров. (Серия «Россия - XX век. Документы). - М., 2003.

Льготы и компенсации для жертв политических репрессий: Документы. Комментарии. Разъяснения//Библиотечка «Российской газеты». Вып.№4. - М., 1997.

Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. - М., 1990.

Международное право в избранных документах. - М., 1957.

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №2200)//Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. №17. Ст.291.

Открытый архив: справочник опубликованных документов по истории России XX века из государственных и семейных архивов (по отечественной журнальной периодике и альманахам. 1985-1996 гг.). - М., 1999.

Права человека: Сборник универсальных и региональных международных документов. - М., 1990.

Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.): Т.1-2/Отв. ред. Л.И.Гвоздикова. - Кемерово, 1994.

58/10. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953 - 1991 гг. Аннотированный каталог. - М., 1999.

Реабилитация и восстановление прав жертв политических репрессий. Сборник законодательных актов и методических материалов/Сост. Н.А.Ольшанский, О.Н.Епанчина. - Великий Новгород, 2001.

Реабилитация народов России. Сборник документов о реабилитации репрессированных в 1920-е - 1950-е гг./Ред.-сост. Н. Ф. Бугай. - М., 2000.

Рождение ГУЛАГа: дискуссия в верхних эшелонах власти: Постановления Политбюро ЦК ВКП(б), 1929-1930 гг./Публ. С.А.Красильникова//Исторический архив. 1997. №4. С.143-156.

Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917-1952 гг. - М., 1953.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч./Под общ. ред. Г.Ф.Весновской. - Курск, 1999.

Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву. - М.: Госиздат, 1959.

Справочник о должностных окладах работников лесных лагерей НКВД СССР. Отв. ред. С. А. Каптельников. - М., 1945.

Становление советского исправительно-трудового права (октябрь 1917-1925 гг.). Вып.1. Ч. 1. - Рязань, 1983.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. Федеральный Закон от 8 января 1997 г. №1-ФЗ. - М, 2009.

Уголовный кодекс РСФСР. - М., 1957.

Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории СССР: Путеводитель. В 3 т./Под ред. С. В. Мироненко. - М., 1997.

Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-е гг.: Сборник документов/Сост. М. И. Хлусов. - М., 1998.

Литература

1. Андреев Г. Соловецкие острова. 1927-1929//Грани. 1950. №8. С.42-90.
2. Артемьев В.И. Режим и охрана ИТЛ МВД. - Мюнхен, 1956.
3. Астемиров З.А. История советского исправительно-трудового права. - Рязань, 1975.
4. Безбородова И.В. Введение//История сталинского Гулага. Т.4. Население ГУЛАГА: численность и условия содержания. - М., 2004. С.27-58.
5. Белковец Л. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941-1955 гг. Историко-правовое исследование. - М., 2008.
6. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. - М., 1934.
7. Белых Н.Ю. К истории становления производственной инфраструктуры Вятского ИТЛ НКВД СССР (1938 - первая половина 1941 г.)//Экономика Вятского края: исторический аспект/. Вып.1. - Киров, 2009. С.111-135.
8. Белых Н.Ю. «…На строительство боевых самолетов “Лаврентий Берия”»: Вятлаг военной поры//Родина. 2010. №3. С.120-122.
9. Белых Н.Ю. Проблемы экономики Вятлага в начале Великой Отечественной войны//Десятые Петряевские чтения: матер. Всерос. науч. конф. - Киров, 2010. С.208-216.
10. Белых Н.Ю. Производственная деятельность Вятского ИТЛ МВД СССР в послевоенный период (1946-1953 гг.)//Экономика Вятского края: исторический аспект. Вып.1. - Киров, 2009. С.136-158.
11. Белых Н.Ю. Репрессированные граждане Латвии в лагере под Вяткой: 1938-1955 гг.//Вопросы истории. 2010. №3. С.86-91.
12. Белых Н.Ю. Территория принудительного земледелия. Подсобное хозяйство Вятлага (1938-1956)//Родина. 2009. №12. С.148-151.
13. Белых Н.Ю. Экономика Вятлага как система подневольного труда в 1938-1953 гг. - Киров, 2010.
14. Бердинских В.А. История одного лагеря (Вятлаг). - М., 2001.
15. Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. - М., 2005.
16. Библиографический указатель изданий общества «Мемориал» (1988-1995)/Сост.: Б.И.Беленкин, Е.Н.Струкова, Е.И.Козлова. - М., 1995.
17. «Большой террор»: 1937-1938. Краткая хроника. Сост. - Охотин Н.Г., Рогинский А.Б.//30 октября. Ежемесячная газета Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», «Московский Мемориал». 2007. №74 (спецвыпуск).
18. Бородкин Л.И. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.129-156.
19. Бородкин Л.И., Эртц С. Никель в Заполярье: труд заключенных Норильлага//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.197-238.

20. Бортников В. Крестный путь//Вятский край. 1991. 15 мая.

21. Бугай Н.Ф. Власть сатаны: О депортациях народов из Прибалтики в 1940-1950 гг.//Молодая гвардия. 1993. №4. С.40-48.

22. Бугай Н.Ф. Л.Берия - И.Сталину: «Согласно Вашему указанию…». - М., 1995.

23. Веремьев В.И. Вятский ИТЛ НКВД СССР как лесопромышленный комплекс//Финансы Вятского края. - Серия «Лидеры Кировской области». Выпуск 17. - Киров, 2008. С.41-45.

24. Веремьев В.И. Жить и помнить//Герценка: Вятские записки: научно-популярный альманах. - Киров, 2009. – Вып.15. С.102-111.

25. Веремьев В.И. Латыши в Вятлаге: опыт социально-демографического анализа//Проблемы истории российских спецслужб. - Киров, 2004. С. 111-123.

26. Верт Н. Введение//История сталинского Гулага. Т.1. Массовые репрессии в СССР. - М., 2004. С.57-89.

27. Верт Н., Панне Ж.-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж.-Л. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. - М., 2001.

28. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории Русского права. - Ростов-на-Дону, 1995.

29. В недрах Ухтпечлага. - Ухта, 1990.

30. Вольтер Г.А. Зона полного покоя. Российские немцы в годы войны и после нее: Свидетельства очевидцев. - М., 1998.

31. Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941-1945 гг.)// Военно-исторический журнал. 1990. №9.

32. Галицкий В.П. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена//Социологические исследования. 1991. №10.

33. Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939-1953 гг.). - М., 1997.

34. Гвоздкова Л.И. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. - Кемерово, 1997.

35. Геворкян Н. Встречные планы по уничтожению собственного народа//Московские новости. 1992. №25 (21 июня). С. 8-19.

36. Геллер М., Некрич А. История России 1917-1995: В 4 т. - М., 1996.

37. Герман А.А. История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. - М., 1996.

38. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. - М., 1931.

39. Гиляров Е.М., Михайличенко А.В. Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917-1925 гг.). - Домодедово, 1990.

40. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. - М., 1991.

41. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е гг. - М., 1989.

42. Горчева А.Ю. Пресса ГУЛАГа (1918-1955). - М., 1996.

43. Гришин Д.В. Развитие сельскохозяйственного производства в лагерях системы ГУЛАГа НКВД-МВД СССР в 1939-1953 гг. (на примере Вятского исправительно-трудового лагеря)//Экономика Вятского края: исторический аспект/Сост. В.А.Бердинских. Вып.1. - Киров, 2009. С.86-89.

44. Гроховский С.И. Зона молчания//Неман. 1990. №3. С.10-21.

45. Груздев П. (архимандрит Павел). Родные мои… - Ярославль, 2004.

46. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны//Военно-исторический журнал. 1991. №1.

47. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. – Франкфурт-на-Майне - М., 1999.

48. ГУЛАГ - трагедия природы//Республика. 1999. 26 мая. С.2.

49. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда/Под. ред. Бородкина Л.И., Грегори П., Хлевнюка О.В. - М., 2008.

50. Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г.//Репрессии против поляков и польских граждан. Вып.1. - М., 1997. С.137-175.

51. Давыдов Ю.В. Бестселлер: Роман, кн. 1-3. - М., 1998-2000.

52. Давыдов Ю.В. Синие тюльпаны: Повесть о бывшем зэке и тайном сыске//Дружба народов. 1990. №12. С. 3-88.

53. Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба//Историки спорят. 13 бесед. - М., 1989. С.122-190.

54. Дворак Д.Ф. Уголовно-исполнительная система Кировской области: история и современность. - Киров, 2007.

55. Детков М.Г. Содержание карательной политики Советского государства и ее реализация при исполнении уголовного наказания в виде лишения свободы в 30-50-е гг. - Домодедово, 1992.

56. Добровская А.В. Предисловие//История сталинского Гулага. Т.7. Советская репрессивно-карательная политика и пенитенциарная система в материалах Государственного архива Российской Федерации. - М., 2005. С.13-22.

57. Доброноженко Г.Ф. Принудительный труд на лесозаготовках Коми области (конец 20-х - начало 30-х гг.)//Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Европейского Севера Российской Федерации: Тез. докл. - Сыктывкар, 1994.

58. Доднесь тяготеет: Сборник воспоминаний, дневниковых записей, стихов узников тюрем и лагерей (20-50-е гг.)/Сост. С.С.Виленский. - М., 1989.

59. Дойков Ю.В. Предшественники Соловков (новые архивные свидетельства)//Отечественные архивы. 1994. №1.

60. Дружинин В., Исаков В. Производство и труд в УИС: история и современность//Преступление и наказание. 1999. №5-6.

61. Дугин А.Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. - М., 1999.

62. Дьяконов В.Б. Я, лагерная пыль, свидетельствую. - Астрахань, 1996.

63. Еланцева О.П. Обреченная дорога: БАМ, 1932-1941. - Владивосток, 1994.

64. Ермакова В.Д., Крюкова Н.Н. Несовершеннолетние преступники в России. - М., 1999.

65. Заславский И. Труд и занятость в тоталитарную эпоху: 30-40-е гг.//Социалистический труд. 1990. №4.

66. Земсков В.Н. ГУЛАГ, где ковалась победа//Родина. 1991. №6-7. С.69-70.

67. Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект)// Социологические исследования. 1991. №6, 7.

68. Земсков В.Н. Заключенные в 1930-е гг.: социально-демографические проблемы//Отечественная история. 1997. №4.

69. Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект//История СССР. 1991. №5. С.151-165.

70. Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940-1950-е гг.//Отечественные архивы. 1993. №1. С. 20-42.

71. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960. - М., 2003.

72. Зима В.Ф. Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 гг.)//Отечественная история. 1993. №1.

73. «Зима не вечна…»: Из дневника российско-немецкого писателя Доминика Гольмана//Народ в пути. 1991. №4. С.18-19.

74. Зорина Н.И. Кайский целлюлозный//Прикамская новь (г. Кирс). 1999. 30 января (№12-13). С.3.

75. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. - М., 1997.

76. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономические и политико-правовые аспекты. - М., 2006.

77. Иванова Г.М. Лагерная экономика//ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. - М.-СПб., 1998. С.28-40.

78. Игнатова Н.М. Правовое положение спецпереселенцев - «бывших раскулаченных» в середине 1930-х - 1950-е гг.//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.4. Ч.2/Сост. Н. М. Игнатова. - Сыктывкар, 2001. С.224-237.

79. Из истории вятских спецслужб и полиции (вторая половина XIX - первая половина XX вв.): Матер. докл. и док. науч.-практич. конф., Киров, 25 мая 1996 г. - Киров, 1997.

80. Из истории российских спецслужб (По материалам Вятского края). - Киров, 2002.

81. Иметь силу помнить. Рассказы тех, кто прошел ад репрессий/Сост. Л.М.Гурвич. - М., 1991.

82. Иосифов П.А. Основное богатство области//Энциклопедия земли Вятской. Т.10. Кн.2. Промышленность. Энергетика. Строительство. Транспорт. - Киров, 2008. С.165-176.

83. Исаев И.А. История государства и права России. - М., 1994.

84. Исаев М. Основы пенитенциарной политики. - М.-Л., 1927.

85. История государства и права России/Под ред. Ю.П.Титова. - М., 1988.

86. История пенитенциарной системы России в XX веке: Сб. матер. междун. науч. семинара. - Вологда, 2007.

87. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. - М., 2002.

88. История советского государства и права. - М., 1968.

89. К-231 как губитель природы//Прикамская новь (г.Кирс). 1993. 18 сентября.

90. Кальмбах, Э. О вреде членовредительства//Лес - стране (газета Вятского ИТЛ). 1957. 27 июня. №18(162). С.2.

91. Карклинс Р. Организация власти в советских исправительно-трудовых лагерях/Комментарии Г.Ф.Хохрякова//Социологические исследования. 1990. №6. С.105-120.

92. Карлаг в 40-х гг./Подг. А.М.Шубина//Советские архивы. 1991. №6.

93. Касимова Л. Вятский концлагерь//Панорама (г.Киров). 1991. №1. С.36-38.

94. Керсновская Е.А. Наскальная живопись: «…Беззакония наши свидетельствуют против нас». - М., 1991.

95. Киприянов А. «Почтовый ящик» за колючей проволокой//Прикамская новь (г.Кирс). 1996. 21 мая (№57). С.3.

96. Кириллов В.М. История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 - начало 1950-х гг.). В 2 ч. - Нижний Тагил, 1996.

97. Кирьяков Б.С. Военнопленные в Вятском крае. 1942-1947 гг. (Спецгоспитали): Документы и материалы. - Киров: 2007.

98. Клейменые судьбы. Сб. очерков и воспоминаний. - Ижевск, 1999.

99. Кнышевский П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов//Вопросы истории. 1994. №2. С.53-65.

100. Козлов А.Г. Магадан: История возникновения и развития. Ч.1. - Магадан, 2002.

101. Козлов В.А. Введение//История сталинского Гулага. Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключенных. - М., 2004. С.25-102.

102. Козлов В.А. Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х - начало 1950-х гг.)//Общественные науки и современность. 2004. №5.

103. Кокурин А.И. Гулаг в годы войны. Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В.Г.Наседкина. Август 1944//Исторический архив. 1995. №3. С.60-86.

104. Кокурин А., Моруков Ю. ГУЛАГ: структура и кадры//Свободная мысль-XXI. 2000. №7-12; 2001. №1, 3-7, 9-12, 2002. №2.

105. Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры//Свободная мысль-XXI. 1999. №8, 9, 11, 12; 2000. №1-6.

106. Кокурин А., Петров Н. НКВД: Структура, функции, кадры (1938-1941 гг.)//Свободная мысль. 1997. №6-7.

107. Кокурин А., Петров Н. НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры. 1944-1945. - М., 1997.

108. Конасов В.Б. Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы. - Вологда, 1996.

109. Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. Немецкие военнопленные в СССР: историография, библиография, справочно-понятийный аппарат. - Вологда, 2002.

110. Конквест Р. Большой террор. В 2 т. - Рига, 1991.

111. Королев М.Г., Краснова С.А. Экологические проблемы развития и функционирования лесопромышленного комплекса Кировской области// Вятская земля в прошлом и настоящем: Матер. респуб. IV науч.-практич. конф. (К 100-летию со дня рожд. проф. А.В.Эммаусского). - Киров, 1999. С.262-264.

112. Королев М.Г., Пушкарева Е.В., Широков Г.А. Исторические и социально-экономические особенности развития и функционирования лесозаготовительной промышленности Кировской области//Вятская земля в прошлом и настоящем: Матер. респуб. IV науч.-практич. конф. (К 100-летию со дня рожд. проф. А.В.Эммаусского). - Киров, 1999. С.131-133.

113. Коротаев В.И. На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е гг. XX века. - Архангельск, 2004.

114. Кравери М., Хлевнюк О. Кризис экономики МВД (конец 1940-х - 1950-е гг.)//Cahiers du Monde russe. Vol.36 (1-2). 1995. P.179-190.

115. Красильников С.А. «…Свободный труд свободно собравшихся людей»//Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). Новосибирск, 1991. №8(206). С.183-196.

116. Кремер П.Б. Дело по обвинению врача//Петля-2: Воспоминания, очерки, документы (Кремер Б.И.). - Волгоград, 1994. С.134-140.

117. Кригер В. Патриоты или предатели? Политические и уголовные процессы против российских немцев в 1942-1946 гг.//Родина. 2002. №10.

118. Кудимов А.Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей// Вопросы ювенальной юстиции. 2006. №3. С.2-5.

119. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. - М., 2000.

120. Кузнецова Т.А. Роль принудительного труда в лесной промышленности Республики Коми (1930-1950-е гг.)//Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Тез. докл. VI Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. - Сыктывкар, 1999. С.98-99.

121. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917-1953 гг.). - М., 1991.

122. Кузьмин С.И. Лагерники (ГУЛАГ без ретуши)//Молодая гвардия. 1993. №№3, 4, 5-6.

123. Кузьмин С.И. Политико-правовые основы становления и развития исправительно-трудовых учреждений. - М., 1988.

124. Кузьмин С.И. Труд в местах лишения свободы России в 1917-1959 гг., его цели и содержание//Уголовно-исполнительное право России/Под ред. А.И.Зубкова. - М., 1997. С.161-185.

125. Кузьмина М.А. Строительство №15. Нефтепровод. - Комсомольск-на-Амуре, 2000.

126. Кукушкина А.Р. Акмолинский лагерь жен «изменников родины». История и судьбы. - Караганда, 2002.

127. Курашев А. Новая техника - новые методы труда//Лес - стране (Орган политического отдела Вятского ИТЛ). 1949. №7 (293). 11 февраля. С.2.

128. Кустышев А.Н. Европейский Север России в репрессивной политике XX века. - Ухта, 2003.

129. Кустышев А.Н. Отношение заключенных ГУЛАГа к труду: семантический аспект проблемы//Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран. - Сыктывкар, 1997. С.99-100.

130. Кустышев А.Н. Ухтижемлаг. 1938-1955. - Ухта, 2003.

131. Кучин С. П. Полярный ИТЛ. - Железногорск, 1999.

132. Лабезников А. Радостные песни. – Телль-Авив, 1987.

133. Лавров Д.Д. и др. География Кировской области. - Киров, 1989.

134. Лаптев Г.Н. К вопросу о роли ГУЛАГа в социально-экономическом развитии Европейского Севера РСФСР//Европейский Север: история и современность: Тез. докл. Всерос. науч. конф. - Петрозаводск, 1990.

135. Лебедь А., Яковлев Б. Транспортное значение гидротехнических сооружений СССР. - Мюнхен, 1954.

136. Лейбович О.Л. Модернизация в России. - Пермь, 1996.

137. Лихоманов И.В. Принудительный труд в годы революции//ЭКО. 1992. №1. С.113-125.

138. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. - М, 1997.

139. Мазус И. А. Где ты был? (Короткий роман в рассказах и записях разных лет). - М., 1992.

140. Мазус И.А. История одного подполья. - М., 1998.

141. Максимова Л.А. ГУЛАГ и отношение к природе (на примере Республики Коми)//Финно-угорский мир: состояние природы и региональная стратегия защиты окружающей среды. - Сыктывкар, 2000. - С.176-182.

142. Максимова Л.А., Чуприяновская Т.А. ГУЛАГ в Коми: проблемы экологии//Человек: природа и общество: Актуальные проблемы: Матер. X междун. конф. молодых ученых. - СПб., 1999. С.296-300.

143. Максудов М. Потери населения СССР в 1918-1958 гг.//СССР: внутренние противоречия. Вып.11. - Нью-Йорк, 1984. С.156-242.

144. Марголин Ю.Б. Путешествие в страну зе-ка. - Тель-Авив, 1997.

145. Маркова Е.В., Волков В.А. Родный А.Н., Ясный В.К. Гулаговские тайны освоения Севера. - М., 2001.

146. МВД России. Энциклопедия. - М., 2002.

147. Медведев Р.А., Верт Н. ГУЛАГ//50/50: Словарь нового политического мышления/Под общей ред. М.Ферро и Ю.Афанасьева. - М., 1989. С.103-110.

148. Мемуары о политических репрессиях в СССР, хранящиеся в архиве общества «Мемориал»: Аннотированный каталог. - М., 2007.

149. Меньшагин В.Д. Труд в исправительно-трудовых учреждениях. Советское законодательство. - М., 1933.

150. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX в.). В 2 т. - СПб., 2003.

151. Молотов В.М. Доклад на VI съезде Советов СССР//Известия. 1931. 9 марта.

152. Мордухович М. Наказание без преступления//Наука и жизнь. 1990.

153. Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929-1956. - Сыктывкар, 1997.

154. Морозов Н.А. Истребительно-трудовые годы//Покаяние. Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Т.1/Сост. Г. В. Невский. - Сыктывкар, 1998. С.15-237.

155. Морозов Н., Рогачев М. Многонациональный ГУЛАГ: Структура, национальный состав; репрессированные иностранные граждане//Жизнь национальностей. 1996. №4. С. 36-39.

156. Моруков М.Ю. Деятельность хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД и оборона СССР. 1929-1945 гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - М., 2004.

157. Мурзин Д.М. Развитие исправительно-трудовой колонии как основного вида ИТУ. - Рязань, 1978.

158. Наринский А.С. Воспоминания главного бухгалтера ГУЛАГа. (Записки очевидца событий). - СПб., 1997.

159. Наринский А.С. Учет на стройках ГУЛАГа//Бухгалтерский учет. 1992. №11. С. 6-8.

160. Нарымская хроника. - М., 1997.

161. Нахапетов Б.А. К истории санитарной службы ГУЛАГа//Вопросы истории. 2001. №6.

162. Наше Отечество. - М., 1991.

163. Негретов П.И. Все дороги ведут на Воркуту. - Вермонт, 1985.

164. Некрич А. Наказанные народы. - Нью-Йорк, 1978.

165. Немцы России: Энциклопедия. В 3 т./Редколлегия: В. Карев (пред. коллегии) и др. - М., 1999-2006.

166. Нива Ж. Человек и ГУЛАГ//СССР: внутренние противоречия. Т.16. - Нью-Йорк, 1986. С. 175-224.

167. Николаев К. Чудная планета Колыма//Наука и жизнь. 1990. №1. С. 48-54; №2. С. 40-49.

168. Никонов-Смородин М. Красная каторга. Записки Соловчанина. - София, 1938.

169. Нильский М. Воркута. - Сыктывкар, 1991.

170. Норильская Голгофа. - Красноярск, 2002.

171. Оглянись, там деревня была//Прикамская новь (г. Кирс). 1992. 19 марта (№34). С.3.

172. Ожегин П.Т. Вятлаг//Энциклопедия Земли Вятской. Т.4. История. - Киров, 1995. С.408-421.

173. Озерлаг: как это было. - Иркутск, 1992.

174. Окуневская Т.К. Татьянин день. - М., 2001.

175. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк/Авторский коллектив: Некрасов В. Ф. (руководитель) и др. - М., 1996.

176. Осипов В. Исправляет ли исправительная колония. По материалам советской печати//Спутник. 1989. №5. С.156-157.

177. Осколков Е. Перечень утрат//Прикамская новь (г. Кирс). 1992. №61-62 (23 мая). С.4.

178. Осмыслить культ Сталина. - М., 1989.

179. От тюрем к воспитательным учреждениям/Под ред. А.Я.Вышинского. - М., 1934.

180. Память Колымы: Воспоминания, письма, фотодокументы о годах репрессий. - Магадан, 1990.

181. Панин Д.М. Записки Сологдина. - Франкфурт-на-Майне, 1973.

182. Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки/Предисл. И.Паниной. - М., 1990.

183. Панин Д. Лубянка-Экибастуз: Лагерные записки//Звезда. 1991. №1.

184. Папков С.А. Лагерная система и принудительный труд в Сибири и на Дальнем Востоке в 1929-1941 гг.//Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып.3. - Новосибирск. 1997. С.43-50.

185. Пеплов В.И. Судьбы людские. Воспоминания. В 2 кн. - Чебоксары, 2007.

186. Петров Н.В. Введение//История сталинского Гулага. Т.2. Карательная система: структура и кадры. - М., 2004. С.21-52.

187. Петров Н.В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД. 1934-1941: Справочник. - М., 1999.

188. Печальная пристань. - Сыктывкар, 1991.

189. Познышев С. В. Основы пенитенциарной науки. - М., 1923.

190. «Пока свободою горим…»: Сб. тр. - М., 2004.

191. Политические репрессии в России. XX век. Матер. регион. науч. конф., Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г. - Сыктывкар, 2001.

192. Политические репрессии и сопротивление несвободе: Матер. Всерос. науч. конф. (Сыктывкар, 29-31 октября 2007 г.). - Сыктывкар, 2009.

193. Полиция и милиция в России: Страницы истории/Коллектив авторов: Борисов А.В. и др. - М., 1993.

194. Полян П.М. Не по своей воле… История и география принудительных миграций в СССР. - М., 2001.

195. Полян П.М. «Репарации трудом»: мотивы и предыстория послевоенного трудоиспользования «интернированных и мобилизованных» немецких гражданских лиц в СССР//Проблемы военного плена: история и

современность. Матер. Междунар. науч.-практич. конф. 23-25 октября 1997 г. в г. Вологде. Ч.2. - Вологда, 1997. С.59-67.

196. Попов В.П. Государственный террор в Советской России. 1923-1953 гг. (источники и их интерпретация)//Отечественные архивы. 1992. №2. С.20-31.

197. Попов В.П. Экономическая политика Советского государства. 1946-1953 гг. - М.-Тамбов, 2000.

198. Порфирьев Ю.Б. Борьба Кировского УВД с кражами и хищениями в годы Великой Отечественной войны//Вятская земля в прошлом и настоящем: Матер. респуб. IV науч.-практич. конф. (К 100-летию со дня рожд. проф. А.В.Эммаусского). - Киров, 1999. С.139-144.

199. Права человека в России: прошлое и настоящее: Сб. докл. и матер. науч.-практич. конфе. - Пермь, 1999.

200. Правда о ГУЛАГе: Свидетельствуют очевидцы. - Тула, 1991.

201. Проблемы истории российских спецслужб: Сб. статей. - Киров, 2004.

202. Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917-1956 гг.): Всероссийская научная конференция. 8-11 ноября 1993 г.: Тез. докл. - Сыктывкар, 1993.

203. Пятунин Е.А. От утопии к Вятлагу и обратно. К-231: прошлое, настоящее и будущее//Независимая газета. 1998. 20 августа (№152). С.12.

204. Разгон Л. Непридуманное: Повесть в рассказах. - М., 1989.

205. Рассказов Л.П. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках// Экономическая история. Ежегодник-2002. - М., 2002. С.269-319.

206. Рассказов Л.П., Упоров И.В. Использование и правовое регулирование труда осужденных в российской истории. - Краснодар, 1998.

207. Рацевич С.В. Глазами журналиста и актера (Из виденного и пережитого). В 2 т. Т.2. Ч.1: 58 ст. - Нарва, 2005.

208. Риекстиньш Я. Депортация 14 июня 1941 г. в Латвии//Увезенные: 14 июня 1941 г. Книга Памяти. - Рига, 2001. С.725-744.

209. Розанов М. Завоеватели белых пятен. - Посев. 1951.

210. Росси Ж. Из истории советских лагерей//Карта. 1996. №10, 11.

211. Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2 ч. - М., 1991.

212. Россия в XX веке: историки мира спорят. - М., 1994.

213. Рыболовкина Л.П. Положение женщин в лагерях ГУЛАГа//Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Тез. докл. V Всерос. науч. конф. студентов и аспирантов. - Сыктывкар, 1997. С.88-89.

214. Рылов А. Закрытая зона (Записки редактора)//Трудовой вымпел (г.Киров). 1991. №№13-17.

215. Сапожкова А.В. Немецкие военнопленные Второй Мировой войны в Вятском крае//Российская провинция в эпоху тоталитаризма в 1930-х - 1940-х гг./Матер. немецко-российского проекта. – Франкфурт-на-Одере - Киров. 2005. С.70-72.

216. Семпер-Соколова Н.Е. Портреты и пейзажи: Частные воспоминания о XX веке. - М., 2007.

217. Сидоров С.Г. Труд военнопленных в СССР в 1939-1956 гг. - Волгоград, 2001. - 150 с.

218. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923-1960: Справочник/Сост. М.Б.Смирнов. - М., 1998.

219. Смирнов М.Б., Сигачев С.П., Шкапов Д.В. Система мест заключения в СССР. 1929-1960 гг.//Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: Справочник. - М., 1998. С.25-74.

220. Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в Советской России. - Екатеринбург, 1997.

221. Советское исправительно-трудовое право/Беляев Н.А., Бойцов А.И., Водяников Д.П. и др.; Под ред. Н.А.Беляева, В.С.Прохорова. - Л., 1989.

222. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской экономике: 1930-е - середина 1950-х гг.//ГУЛАГ: Экономика подневольного труда. - М., 2008. С.17-66.

223. Соколов П.П. Ухабы. Ч.VI. «Республика «Вятлаг»». - Красноярск, 2009.

224. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: опыт художественного исследования. В 3 т. и 7 ч. - М, 1990.

225. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. - М., 1998.

226. Солоневич И.Л. Россия в концлагере. - София, 1936.

227. Спицын В. Исполнение уголовных наказаний в период Великой Отечественной войны//Преступление и наказание. 2001. №12. С. 56-58.

228. Сталин И.В. Речь на январском (1933 г.) Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б)//Сталин И.В. Сочинения. Т.13. - М., 1949.

229. Стецовский Ю. История советских репрессий. - М., 1997.

230. Страдиньш А. Лагерный дневник (Вятлаг, 1941-1943). - Киров, 2004.

231. Стродс Х.П. Депортация населения Прибалтийских стран//Вопросы истории. 1999. №9. С.130-136.

232. Стручков Н.А. «Зона», приоткрытая для критики//Коммунист. 1989. №18.

233. Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х - начало 1950-х гг.): эффективность и производительность//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.255-278.

234. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). - Екатеринбург-Пермь, 2003.

235. Счет - на миллионы куб.м. Учреждение К-231 - крупнейший поставщик леса в нашей области//Кировская правда. 1999. 24 апреля.

236. Тарасова Т. История Верхнекамского рудника//Прикамская новь. 2002. 28 мая (№63). С.3-4.

237. Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты и события. Учеб. пособие. - Чебоксары, 1999.

238. Трегубов Ю. Восемь лет во власти Лубянки. Записки членов НТС//Посев. 1956. №5-16, 18-22, 24-25, 28-34, 36, 40-43, 47-52.

239. Трус Л.С. Введение в лагерную экономику//ЭКО. 1990. №№5, 6; 1991. №1.

240. Трус Л.С. Зеркало реального социализма или введение в экономику и социологию принудительного труда//Возвращение памяти: Историко-публицистический альманах. Вып.2. - Новосибирск, 1994.

241. Тряхов В.Н. ГУЛАГ и война: жестокая правда документов. - Пермь, 2005.

242. Уголовно-исполнительное право России/Под ред. А.И.Зубкова. - М., 1997.

243. Улманис Г. Путь президента. - Рига, 1996.

244. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Архангельском Севере: 1919-1953 гг. - Архангельск, 2004.

245. Упадышев Н.В. ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. - Архангельск, 2007.

246. Упадышев Н.В. Исправительно-трудовой лагерь как социальный институт советского общества//Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере: Сб. матер. междун. конф. - Архангельск, 2002. С.198-204.

247. Упадышев Н.В. Исторический опыт использования принудительного труда заключенных ГУЛАГа//Вестник Поморского университета (Архангельск). Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2003. №1. С. 24-32.

248. Учреждение К-231: вчера и сегодня//Прикамская новь (г. Кирс). 2001. 13 сентября.

249. Фалько П.А. Семья//Книга Памяти жертв политических репрессий (Мытищинский муниципальный район Московской области)/Сост. Г.С.Семенов и др. - М., 2009. С.312-315.

250. Фалько-Чернокозова Н.В. Из дневниковых записей//Книга Памяти жертв политических репрессий (Мытищинский муниципальный район Московской области)/Сост. Г.С.Семенов и др. - М., 2009. С.315-319.

251. Филимонов М. Глазами очевидца//Сб. матер. по перевоспитанию осужденных. - Рязань, 1957. №5. С.59-61.

252. Фокин В. Пленные - уже не враги. Тем более - мертвые…//Деловая Вятка. 2005. Июль. №16. С.44-50.

253. Хабаров А. Тюрьма и зона: от звонка до звонка, между законом и совестью. Факты и документы. - М., 1997.

254. Хайнцен Дж. Коррупция в Гулаге: дилеммы чиновников и узников//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.157-174.

255. Хитрина Н. Вятлаг: спецконтингент и местное население//Прикамская новь (г. Кирс). (Интернет-ресурс).

256. Хлевнюк О.В. Введение//История сталинского Гулага. Конец 1920-х - первая половина 1950-х гг. Собр. Док. в 7 т. Т.3. Экономика Гулага. - М., 2004. С.21-54.

257. Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг.//Свободная мысль. 1992. №13. С.73-84.

258. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.67-89.

259. Хлусов М.И. Введение//Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны в 1930-е гг.: Сб. док. - М., 1998. С.3-12.

260. Цалова Н. За что нас заставляли унижаться?//Прикамская новь (г.Кирс). 2003. 30 октября.

261. Цаплин В.В. Архивные материалы о числе заключенных в конце 30-х гг.//Вопросы истории. 1991. №4-5.

262. Царевская-Дякина Т.В. Введение//История сталинского Гулага. Т.5. Спецпереселенцы в СССР. - М., 2004. С.23-94.

263. Чудиновских Е.Н. «Мы люди, преданные Советскому Союзу»//Кировская правда. 1997. 14 февраля.

264. Чудиновских Е. На Вятской земле солдат вермахта лечили и перевоспитывали//Вятский край. 2000. №13. 20 января. С.6.

265. Чудиновских Е.Н. Немцы ковали победу в Вятлаге//Прикамская новь (г.Кирс). 2001. 26 апреля.

266. Чуприяновская Т.А. История ГУЛАГа: проблемы природопользования (на примере Коми АССР в 1930-1950-е гг.)//Политические репрессии в России. XX век. (Матер. регион. науч. конф. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г.). - Сыктывкар, 2001. С.138-140.

267. Чухин И.И. Каналоармейцы. История строительства Беломорканала в документах, цифрах, фактах, фотографиях, свидетельствах участников и очевидцев. - Петрозаводск, 1990.

268. Шаламов В. Очерки преступного мира//Дон. 1989. №1.

269. Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза. - Лондон, 1990.

270. Шварц С. Организация рабского труда в СССР//Социалистический вестник. 1951. №1.

271. Шевырин С.А. Принудительный труд в лагерях и колониях на территории современного Пермского края, конец 1920-х - середина 1950-х гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. - Ижевск, 2008.

272. 65 лет Вятскому управлению лесных исправительных учреждений УИН Минюста России по Кировской области. - Киров, 2003.

273. 65 лет со дня образования Вятского УЛИУ//Прикамская новь (г.Кирс). 2003. 4 февраля.

274. Шиляева Р.С. Родословная вятских сел и деревень. Списки сельских населенных мест по районам Кировской области (Кайский район) //Кировская правда. 1997. 20 февраля.

275. Ширвиндт Е.Г. Основы советского исправительно-трудового права и исправительно-трудовой политики. - М., 1956.

276. Шмидт В. Все для фронта, все для Победы//К трудовой жизни (п.Лесной). 1995. 5 мая. С.2.

277. Шмидт В. Работали не за страх, а за совесть//К трудовой жизни (п.Лесной). 1994. 18 ноября. С.1.

278. Шмидт В. Учреждение К-231: история и современность// Прикамская новь (г.Кирс). 2004. 4 февраля. С.2.

279. Шмыров В.А. К проблеме становления ГУЛАГа (Вишлаг)//Годы террора. Т.1. - Пермь, 1998.

280. Шрейдер М. НКВД изнутри. Записки чекиста. - М., 1995.

281. Шулубина С.А. Система Севвостлага. 1932-1957 гг. Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Томск, 2003.

282. Шуткова Е.Ю. Дети и ГУЛАГ: хроника законодательных документов//Гуманитарное знание на пороге XXI века. Тез. докл. Междун. науч. конф. (Удмуртский государственный университет - Университет Центральной Флориды, штат Орландо, США). - Ижевск, 1997. С.166-167, 223-224.

283. Шуткова Е.Ю. Советские политические репрессии в отношении несовершеннолетних (1917-1953 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. - Ижевск, 2003.

284. Щелокаева Т.А. Лагеря ГУПВИ и ГУЛАГа НКВД СССР на территории Кировской области (1943-1949)//Политические репрессии в России. XX век. Матер. регион. науч. конф. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г. - Сыктывкар, 2001. С.106-109.

285. Эбеджанс С.Г., Важнов М.Я. Производственный феномен ГУЛАГа//Вопросы истории. 1994. №6. С.188-190.

286. Эзериня Б. Воспоминания//Памятный календарь-2000. - Резекне (Латвия), 1999. С. 195-208.

287. Экономика Вятского края: исторический аспект/Сост. В.А.Бердинских. Вып.1. - Киров, 2009.

288. Экономическая история: Ежегодник. 2002. - М., 2003.

289. Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. - М., 2006.

290. Эртц С. Лагерная система в 1930-е - 1950-е гг.: эволюция структуры и принципов управления//ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. - М., 2008. С.90-128.

291. Этингер Я. Я. Это невозможно забыть: Воспоминания/Ред. О.А.Замарин. - М., 2001.

292. Эффективность трудового использования осужденных в лесных ИТУ. - М., 1987.

293. Юристы военного времени. О деятельности Управления Народного комиссариата юстиции РСФСР по Кировской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Документы и материалы). - Киров, 2000.

294. Юркевич Ю.Л. Минувшее проходит предо мною. - М., 2000.

295. Яковлев А.Н. Омут памяти. - М., 2001.

296. Яковлев Б. Концентрационные лагеря СССР. - Лондон, 1955.

297. Якубович П.Ф. (Мельшин). В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. - СПб., 1907.

298. Aizvestie. 1941.gada 14.junija. - Riga, 2001.

299. Baron N. Productions and Terror. The operation of Karelian Gulag, 1933-1939//Cahiers du Monde russe. Vol.43(1). 2002. P.139-180.

300. Berliner J. Factory and Manager in the USSA. - Cambridge, 1957.
301. Cahiers du Monde Russe. 2001. Vol.42. №2-4. (Специальный выпуск, посвященный истории советских органов госбезопасности).
302. Conquest R. Soviet deportations of nationalities. - L.-N.Y., 1960.
303. Craveri M., Formozov N. La resistance au Goulag. Greves, revoltes, evasion dans les camps de travail sovietique de 1920 a 1956//Communisme. 1995. №42-44.
304. Dahlman D., Hirschfeld G. Lager, Zwangsarbeit, Vertreibung und Deportation: Dimensionen der Massenverbrechen in der Sowjetunion und in Deutschland 1933 bis 1945. - Essen, 1999.
305. Dallin D.J., Nicolaevsky B.P. Forced Labor in Soviet Russia. - New Haven, 1947.
306. Eisfeld A., Herdt V. Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956. - Köln, 1996.
307. Free and Unfree Labour. The Debate Continues/T.Bras, M.Van der Linden, ed. - Berne, 1997.
308. Gestwa K. Herrschaft und Technik in der spat- und poststalinistischen Sowjetunion. Machtverhaltnisse auf den “Grossbauten des Kommunismus”. 1948-1964//Osteuropa. 2001. N 3. S.171-197.
309. Graziosi A. The Great Strikes of 1953 in Soviet Labor Camps in the Accounts of Their Participants. A review//Cahier du monde russe et sovietique. Vol.33(4). 1992.
310. Gregory P.R., Lazarev V. (ed.) The Economics of Force Labor. The Soviet Gulag. - Stanford, 2003.
311. Jakobson M. Origin of Gulag: The Soviet Prison Camp System 1917-1934. - Lousville, 1993.
312. Jasny N. Labour and Output in Soviet Concentration Camps//The Journal of Political Economy. October 1951.
313. Lampert N. Law and Order in the USSR: The Case of Economic and Official Crime//Soviet Stadies. Vol.36. No 3 (July 1984). P.366-385.
314. Latvijas pilsonu martirologijs Vjatlaga. 1938-1956 (2.567 Vjatlaga moceklu isbiografijas)/Sastaditaji H.Strods, vesturnieks V.Veremjevs. - Riga, 2006.
315. Merl S. Das System der Zwangsarbeit und die Opferzahl im Stalinismus//Geschichte im Wissenschaft und Unterricht. 1995. Jg.46. Heft 5/6. S.277-301.
316. Mora S., Zwiernak P. La Jastice sovietiqe. - Roma, 1945.
317. Pohl J.O. The Stalinist Penal System: A.Statistical History of Soviet Repression and Terror. 1930-1953. - Jefferson, North Carolina and London, 1997.
318. Reflections on the GULAG/Ed. by E.Dundovich, F.Gori, E.Guerceti. - Milano, 2003.
319. Rupert R. A Hidden World/Edited by A.Rhodes. - London, 1963.
320. Sibirijas berni mums bija tas jaizstasta… 1941. gada no Latvijas uz Sibiriju aizvesto bernu atminas apkopoja Dzintra Geka. 2 S. - Riga, 2007.

321. Stalinist terror: New perspectives/Ed. by Y. Arch Qetty and Roberta T.Manning. - Cambridge, 1993.

322. Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development. An Enquiry into the Experience of Soviet Industrialization. - London, 1965.

323. These Names accuse. Nominal list of Latvians deported to Soviet Russia in 1940-41. Second edition with supplementary list. - Stockholm, 1982.

324. Van der Linden M. Forced Labour and Non-Capitalist Industrialization: The Case of Stalinism (c.1929 - c.1956)//Free and Unfree Labour. The Debate Continues/T.Bras, M.Van der Linden, ed. - Berne, 1997. P.351-362.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ДИСЛОКАЦИЯ
подразделений ВЯТЛАГа НКВД СССР (1938-1950 гг.)

Наименование подразделений	Место дислокации
1 ОЛП («Комендантский»)	Пос. Рудничный (до декабря 1945 г.)
2 ОЛП	Пос. Сорда
3 ОЛП	Станция Малый Созим (лаготделение для военнопленных - с декабря 1945 г. по начало 1948 г.)
4 ОЛП («сангородок»)	Пос. Полевой-2
5 ОЛП («лесозавод»)	Станция Лесная «Комендантский» - с декабря 1945 г.)
6 ОЛП	Пос. Брусничный
7 ОЛП	Пос. Ягодный
8 ОЛП (ЛЗО)	Пос. Заречный
9 ОЛП (ЛЗО)	Станция Мурис (лаготделение для военнопленных - с декабря 1945 г. по начало 1948 г.)
10 ОЛП	Станция Фосфоритная (до 1943 г.)
11 лагпункт	Станция Верхнекамская (до декабря 1945 г.)
12 ОЛП (ЛЗО)	Станция Има, железнодорожная ветка №15 (до 1951 г.)
13 ОЛП (ЛЗО)	Станция Раздельная
14 лагпункт (ЛЗО)	Станция Раздельная
15 ОЛП (ЛЗО)	Станция Има, железнодорожная ветка №10
16 ОЛП («больничный» - до 1963 г.)	Станция Раздельная (Гидаевская железнодорожная ветка)
17 ОЛП	Станция Има, разъезд «Березовка»
18 ОЛП	Станция Брусничная, железнодорожная ветка №7 (до начала 1950-х гг.)
19 ОЛП	Пос. Сосновка-1
20 ОЛП	Станция Октябрьская
21 ОЛП	Пос. Увальский
22 ОЛП	Станция Октябрьская
24 ОЛП	Станция Кажимка (Койгородский район Коми АССР)
26 ОЛП	Станция Кажимка (Койгородский район Коми АССР)
29 ОЛП	Станция Верхняя Турунью (Койгородский район Коми АССР)
30 ОЛП	Пос. Нижняя Турунью (Койгородский район Коми АССР)
Сельхозлагпункт №1	Пос. Полевой-1
Сельхозлагпункт №2	Пос. Старцево
Сельхозлагпункт №3	Пос. Рудничный, разъезд «Кама»
Сельхозлагпункт №4	Станция Фаленки, Пос. Первомайский (Фаленский район Кировской области)
Сельхозлагпункт №5 («Зуевка»)	Село Мухино (Мухинский - Зуевский район Кировской области)

(Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Коллекция документов).

***

ПРИБЫТИЕ ЭТАПОВ
в Вятский ИТЛ НКВД СССР. 1938 год

№№ п/п	Дата прибытия	Отправной пункт	Учетные номера	Кол-во прибыв-ших	В т.ч. женщин
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
1.	08.01.1938	г. Киров	1- 413	413	8
2.	21.01.1938	ББК НКВД (Карелия)	414- 660	247	-
3.	26.01.1938	г. Тула	661- 1306	646	-
4.	02.02.1938	г. Иваново	1307- 1619	313	-
5.	04.02.1938	г. Ленинград	1620- 2619	1000	50
6.	06.02.1938	г. Киров	2620- 2659	40	-
7.	05.02.1938?	г. Смоленск	2660- 3158	499	35
8.	12.02.1938	г. Киев	3159- 3851	693	16
9.	18.02.1938	г. Махачкала	3852- 3926	75	-
10.	20.02.1938	Темлаг НКВД (Горьковская обл.)	3927- 3949	23	-
11.	20.02.1938	г. Москва	3950- 4048	99	99
12.	24.02.1938	г. Горький	4049- 4552	504	28
13.	24.02.1938?	г. Тула	4553- 5064	512	-
14.	26.02.1938	г. Харьков	5065- 6066	1002	53
15.	26.02.1938	г. Киров	6067- 6166	100	-
16.	28.02.1938	г. Тбилиси	6167- 6665	499	25
17.	08.03.1938	г. Батайск (Ростовская обл.)	6666- 7205	540	31
18.	08.03.1938	г. Подольск (Московская обл.)	7206- 7233	28	28
19.	09.03.1938	г. Красноярск	7234- 8248	1015	73
20.	09.03.1938	г. Свердловск	8249- 8300	52	2
21.	09.03.1938?	г. Киев	8301- 8320	20	-
22.	09.03.1938-12.03.1938?	г. Бийск (Алтайский край)	8321- 8792	472	26
23.	12.03.1938	г. Грозный	8793- 9345	553	51
24.	16.03.1938	г. Москва	9346- 9850	505	80
25.	20.03.1938-22.03.1938?	Самарлаг (Куйбышевская обл.)	9851-10011	161	-
26.	23.03.1938	г. Тбилиси	10012-10501	490	25
27.	25.03.1938	г. Харьков	10502-10994	493	19
28.	28.03.1938	г. Саратов	10995-11692, 11956	699	106
29.	28.03.1938	г. Минск	11693-11889	197	20
30.	31.03.1938	г. Глазов (Удмуртская АССР)	11890-11955	66	5
31.	12.04.1938	г. Харьков	11957-11989	33	-
32.	13.04.1938	г. Сталинск (Кузнецк-Сибирский// Новокузнецк, Кемеровская обл.)	11990-12010	21	-
33.	16.04.1938	г. Киров	12011-12169	159	4
34.	21.04.1938	г. Киров	12170-12188	19	-
35.	23.04.1938-26.04.1938?	г. Киев	12189-12371	183	-
36.	04.05.1938	г. Ижевск	12372-12416	45	-
37.	07.05.1938	г. Петрозаводск	12417-12513	97	-
38.	11.05.1938	г. Свердловск	12514-12598	85	-
39.	18.05.1938	г. Киров	12599-12683	85	-
№12684 - не заполнен					
0.	18.05.1938?	г. Петрозаводск	12685-12720	36	24
41.	26.05.1938	г. Владимир	12721	1	-
42.	26.05.1938	г. Киров	12722-12829	108	-

Продолжени таблицы

1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*
43.	01.06.1938	г. Киров	12830-12870	41	6
44.	07.06.1938	г. Киров	12871-12910	40	-
45.	17.06.1938	г. Киров	12911-12950	40	-
46.	27.06.1938	г. Киров	12951-13010	60	3
47.	05.07.1938	г. Смоленск	13011-13316	306	-
48.	07.07.1938	г. Киров	13317-13334	18	-
49.	17.07.1938	г. Киров	13335-13345	11	1
50.	21.07.1938	г. Харьков	13346-14005	660	-
51.	21.07.1938?	г. Ленинград	14006-14305	300	-
52.	21.07.1938?	г. Киров	14306-14572	267	-
53.	06.10.1938	г. Киров	14573-14577	5	-
54.	16.10.1938	г. Киров	14578-14840	263	22
55.	17.10.1938	г. Иркутск	14841-14923	83	2
56.	19.10.1938	г. Москва	14924-15462	539	81
57.	23.10.1938	г. Свердловск	15463-15542	80	24
58.	24.10.1938	г. Минск	15543-15718	176	20
59.	24.10.1938	г. Грозный	15719-15918	200	25
60.	26.10.1938	г. Киров	15919-15970	52	15
61.	27.10.1938	г. Киров	15971-15973	3	-
62.	28.10.1938	г. Иваново	15974-16138	165	19
63.	30.10.1938	г. Нижняя Тура (Свердловская обл.)	16139-16201	63	-
64.	31.10.1938	г. Киров	16202-16230	29	10
65.	01.11.1938	г. Свердловск	16231-16301	71	18
66.	02.11.1938	г. Смоленск	16302-16874	573	108
67.	06.11.1938	г. Киров	16875-16932	58	9
68.	09.11.1938	г. Петрозаводск	16933-17182	250	20
69.	11.11.1938	г. Москва	17183-17324	142	-
70.	11.11.1938	г. Свердловск	17325-18296	972	36
71.	11.11.1938	г. Смоленск	18297-18800	504	72
72.	16.11.1938	г. Киров	18801-18838	38	-
73.	17.11.1938	г. Челябинск	18839-18938	100	-
74.	18.11.1938	г. Свердловск	18939-19015	77	-
75.	26.11.1938	г. Челябинск	19016-19119	104	-
76.	26.11.1938	г. Киров	19120-19172	53	27
77.	06.12.1938	г. Киров	19173-19226	54	2
78.	10.12.1938	г. Иркутск	19227-19266	40	-
79.	16.12.1938	г. Киров	19267-19285	19	4
80.	17.12.1938	г. Тула	19286-19344	59	14
81.	20.12.1938	г. Горький	19345-19787	443	51
82.	25.12.1938	г. Свердловск	19788-19867	80	-
83.	26.12.1938	г. Киров	19868-19875	8	2
№19876 - не заполнен					
84.	30.12.1938	г. Киров	19877-19921	45	-
85.	31.12.1938	г. Киров	19922-19933	12	1
Итого за январь-декабрь 1938 г.:			этапов - 85; численность - 19.931; мужчины - 18.523; женщины - 1.408		

(Архив НИПЦ «Мемориал». Фонд Вятлага. Картотека. №№1-19933).

Приложение 2

Из «Акта Комиссии Наркомлеса и НКВД СССР по приемке в эксплуатацию особого завода №4 ГУЛАГа НКВД. - 1940 г. - Не подлежит оглашению.

…ВЯТЛАГ и Особое строительство НКВД №4

Постройка Особого завода упрощенного типа №4 была начата по постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от мая 1938 г. Проектирование завода указанным постановлением было поручено Гипробуму.

Работы по выбору площадки, к которым был привлечен Гипробум, закончены специальной Комиссией ГУЛАГа НКВД в конце июня 1938 г.

Утверждение выбранной площадки руководством ГУЛАГа НКВД последовало в июле 1938 г., а утверждение Наркоматом Внутренних дел СССР состоялось в августе 1938 г. Полным техническим проектом и сметами строительство завода до января 1939 г. обеспечено не было.

Вследствие этого для определения программы работ и лимитов был использован титульный список на IV квартал 1938 г. При таком положении дела начало стройки каждого нового объекта обусловливалось специальным разрешением ЦБО ГУЛАГа.

Технический проект был утвержден заместителем Наркома Внутренних Дел 2-го февраля 1939 г. Подготовительные работы на площадке начались в августе 1938 г.

18 сентября 1938 г. пронесшимся катастрофическим лесным пожаром были уничтожены все возведенные к этому времени временные сооружения и часть железнодорожной линии, а также запасы леса в количестве 20.000 куб.м.. Это обстоятельство отрицательным образом сказалось на темпах дальнейшего строительства, так как большая часть рабочих была занята на тушении пожара, восстановлении сгоревших мостов и железнодорожных путей, лагеря и др.

Главный корпус и котельная были начаты строительством в октябре 1938 г. и сданы под монтаж в феврале 1939 г.

Строительство завода было возложено на Вятлаг НКВД, который и осуществлял все строительные работы хозяйственным способом.

Монтажные работы по производственному и электрооборудованию в основном производились «Союзлесбуммонтажем», а по котельному оборудованию - «Теплоэнергомонтажем». Часть оборудования (хлорный отдел, 5-я паровая машина и др.) смонтированы хозяйственным способом.

Сырьевая база

Лесные массивы, тяготеющие к заводу №4, являются сырьевой базой ВЯТЛАГа.

Сырьевая база ВЯТЛАГа определена, кроме Старцевских горельников, в 551.864 гектара, где ликвидный запас древесины выражается в 49.886.200 куб.м., в том числе балансов экспортных - 3.152.716 фестметров, внутреннего рынка - 1.746.017 куб.м. и дров - 14.716.420 куб.м..

Данные по запасу и выходу древесины взяты из материалов Гидролестранса.

Таким образом, завод №4 надо считать обеспеченным балансом и дровами (при проектной мощности около 20 тонн небеленой целлюлозы в сутки и годовой потребности 46.300 плотных куб.м. окоренного баланса и 88.000 плотных куб.м. дров) на больший, чем предусмотрено проектом, амортизационный срок (не менее чем на 104 г.).

По данным, полученным от ответственных работников строительства, населенных мест по берегам реки Малый Созим на 40 километров нет.

Экономические показатели и стоимость строительства

Генеральная смета строительства завода утверждена НКВД 21-го февраля 1939 г. в сумме 13.239.140 руб., в том числе возвратных сумм - 740.000 руб.

Фактическая стоимость производственных работ составляет 13.383.200 руб., то есть с превышением против сметной стоимости на 840.340 руб. С учетом компенсируемого удорожания, связанного с повышением цен на материалы, железнодорожный транспорт и рабочую силу в сумме 522.000 руб., удорожание составит против сметной стоимости 318.900 руб. и объясняется удорожанием цен на оборудование - на 117.000 руб., удорожанием от замены красного кирпича строительного на огнеупорный в котельной - 173.000 руб. и удорожанием земляных работ вследствие изменения категории грунта и условий работ - 202.500 руб.

Фактическая полная стоимость строительства завода определяется в сумме 16.810.520 руб. (в том числе дополнительные работы - в сумме 828.800 руб.).

Финансовое состояние по эксплуатации завода

Основные средства завода составляют 12.011.200 руб.

Недостаток оборотных средств - 489.000 руб. (из-за непрофинансирования ГУЛАГом внеплановых потерь). Кредиторская задолженность превышает дебиторскую на 824.000 руб.

За 1939 год завод выполнил программу выпуска продукции брутто на 31,3% и получил убыток в сумме 1.407.800 руб., что к запланированному составляет 99,5%.

Комиссия считает финансовое положение завода неудовлетворительным.

Заключение

Строительство целлюлозного завода №4 ГУЛАГа НКВД СССР протекало в тяжелых условиях.

Благ.ря энергии и инициативе, проявленным работниками строительства, и помощи, оказанной со стороны ГУЛАГа, строительство завода выполнено в 10-месячный срок и пуск осуществлен 16-24 августа 1939 г.

Качество выполненных строительных работ по промышленному строительству хорошее. Качество выполненных монтажных работ вполне удовлетворительное.

Установленное на заводе оборудование находится в хорошем состоянии и полностью обеспечивает освоение проектной мощности завода как по количеству, так и по качеству продукции.

Комиссия отмечает хорошую работу начальника строительства тов. Долгих И.И., начальника политотдела тов. Кухтикова А.Д., помощников начальника строительства т. Гладкова М.А., Борисова, главного инженера строительства тов. Колачек Н.П., инженера Гипробума тов. Кузнецова, проявивших большую энергию и в трудных условиях обеспечивших в срок окончание строительно-монтажных работ.

Несмотря на короткий срок строительства, выстроенный завод является полностью обеспечивающим выпуск продукции специального назначения. В процессе проектирования и строительства имеется ряд достижений в области рационализации технологического процесса и самого строительства.

Комиссия отмечает, что коллектив работников завода по эксплуатации за короткий срок работы освоил оборудование и добился выпуска продукции, соответствующей технологическим условиям. <...>

Завод №4. Фонд и опись №1. Дело №4а. Св.1.- Пос. Созимский. На 103-х л.». Л. 1-3, 17.

Приложение 3

ПРИКАЗ
по Управлению Вятского Исправительно-Трудового Лагеря НКВД СССР
23 августа 1939 г. №611 пос. Рудничный.
Содержание: О порядке трудоиспользования несовершеннолетних з/к з/к.

ГУЛАГом НКВД СССР даны конкретные директивные указания о порядке содержания трудоиспользования несовершеннолетних заключенных, а так-же проведения среди них культурно-воспитательной работы. Несмотря на это до настоящего времени со стороны Нач-ков л.п., где содержатся несовершеннолетние з/к з/к непринято ни каких мер в отношении создания для них нормальных бытовых условий, охватом учебой и правильного трудоиспользования.

При личном посещении 4-го л/п, где содержится основная масса несовершеннолетних з/к з/к, мною установлено целый ряд безобразий, нарушений указания центра. Нормальные бытовые условия не созданы: в бараках тесно, грязно, постельные принадлежности отсутствуют, культвоспит-работа среди малолетних отсутствует, трудоиспользование их производится неправильно, вместо установленных 6 часов работы для малолетних, последние работают 8 часов.

Нач-к 4-го л/п тов. КАТАРГИН вопросом о создании бытовых условий для малолетних з/к з/к и правильным их трудоиспользованием не занимался.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Нач-ку 4-го л/п тов. КАТАРГИНУ за нарушение порядка содержания и неправильное трудоиспользование з/к з/к объявить ВЫГОВО РУБ.

2. ВРИД нач. КВО тов. ГОСТИЩИНУ немедленно выехать на 4-й л/п для организации культурного обслуживания несовершеннолетних заключенных, укрепления среди них культурно-воспитательной работы, выделив для этой цели пригодных воспитателей из числа вольно-наемного состава по норме 1-го воспитателя на 75 з/к.

Начальнику КВО выделить одного инспектора в аппарате, которому вменить в обязанность непосредственное руководство и помощь на местах по работе с несовершеннолетними.

3. Нач-ку Отдела Снабжения немедленно командировать инспектора на 4-й л/п для организации питания несовершеннолетних з/к з/к по нормам ГУЛАГ"а.

4. Нач-ку л/п тов. КАТАРГИНУ совместно с представителями Управления выделить для несовершеннолетних з/к з/к лучшие бараки и создать в них надлежащие бытовые условия, обеспечив полностью постельными принадлежностями и необходимым вещдовольствием.

5. Трудовое использование малолетних з/к з/к организовать в мастерских и подсобных цехах л/п.

Начальнику Планового отдела спустить на л/п, где содержатся несовершеннолетние з/к з/к, лимит для обучения их в порядке бригадного ученичества.

Впредь категорически запрещаю использовать на работе малолетних заключенных сверх установленных 6 часов работы в день.

ЗАМ. НАЧ. УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД
капитан Госбезопасности (БОРИСОВ)
(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 3. Л. 85).

Приложение 4

Акт о передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР от 22 июля 1941 г.
(Извлечения)

1941 г., июля 23-го дня, станция Лесная, ВЯТЛАГ НКВД.

Мы, нижеподписавшиеся: Начальник Управления ВЯТЛАГА НКВД ДОЛГИХ И.И. и вновь назначенный на эту должность согласно телеграфного распоряжения от 10-го июля за №30/7140/140/015 лейтенант госбезопасности т. ЛЕВИНСОН Н. С. составили настоящий акт в том, что согласно приложенных при настоящем акте справок отделов Управления ВЯТЛАГА, характеризующих состояние работы отраслей деятельности лагеря, т. ДОЛГИХ И. И. сдал, а лейтенант Госбезопасности т. ЛЕВИНСОН Н. С. принял Управление Вятским Исправительно-Трудовым лагерем и особое строительство №4, причем состояние лагеря и его основной деятельности характеризуется следующими данными:

1. ДИСЛОКАЦИЯ

Лагерь состоит из 12-ти лагпунктов, расположенных по линии своей собственной железно-дорожной ветки, на протяжении 45 км, кроме Совхоза Зуевки, расположенного в Зуевском районе, в 40 км от линии жел. дороги.

В состав лагеря входит 19 балансовых подразделений, из коих 3 переведены на внешний хозрасчет, ... остальные 16 подразделений находятся на внутреннем хозрасчете.

2. КОНТИНГЕНТ

По состоянию на 22.07. лагнаселения по списочному составу 19650 человек. …

<...>

7. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

За первое полугодие 1941 г. выполнение плановых среднегодовых норм на основных работах характеризуется следующими показателями (в процентах):

Заготовка 66,7
Трелевка конная 69,3
Трелевка ручная 111,5
Всего по трелевке 78,0
Вывозка 95,7
Разделка 48,1
Погрузка 59,6
Всего по лесоэксплуатации 70,9
Шпалопиление 97,7
Лесопиление 111,0
Тарная дощечка 100,0
Всего по основным производствам 72,0

<...>

9. СЕБЕСТОИМОСТЬ

Коммерческая себестоимость выпущенной продукции за первое полугодие 1941 г. по лесоэксплуатации имеет свернутое снижение против утвержденной плановой стоимости на сумму 969.000 руб., по лесопилению снижение составило 369.000 руб., по шпалопилению - 22.000 руб., по тарной дощечке - 10.000 руб. - всего снижение в свернутом виде составило 1.370.000 руб. при одновременном перерасходе по погрузке 527.000 руб. и прочим коммерческим расходам - 110.000 руб.

По себестоимости строительства допущен перерасход против плановой стоимости на 2.000 руб.

10. СОСТОЯНИЕ ЖЕЛЕЗНО-ДОРОЖНОЙ ВЕТКИ ШИРОКОЙ КОЛЕИ

Общее протяжение путей ветки составляет 91,6 клм. Кроме того имеется арендованных путей 3 клм и веток других организаций, обслуживаемых ВЯТЛАГом - 4,6 клм.

Состояние пути основной магистрали удовлетворительное. Что же касается временных веток №1 и Северной, то таковые неполностью забалластированы и не отвечают в полной мере правилам технической эксплуатации...

11. ОБЩЕЕ СНАБЖЕНИЕ

Удовлетворительное состояние Общего обеспечения лагеря характеризуется следующими данными:

а) Выполнением плана реализации нарядов за первое полугодие 1941 г.

б) Выполнением плана сева 1941 г.

в) Обеспеченностью лагеря по состоянию на 1 и 10.07. с.года.

Следует отметить, что в 1940 и 1941 гг. лагерь, несмотря на чрезвычайно трудные климатические условия, успешно освоил и развил большую подсобную базу сельского хозяйства, которая выходом своей продукции обеспечивает в 1941 г. плановый контингент лагеря:

По мясу на 55-60% потребности;

По картофелю на 80% потребности;

По овощам на 50-60% потребности;

По объемфуражу на 100% потребности.

12. ОХРАНА И РЕЖИМ

По отношению к списочному контингенту лагеря, вольнонаемными стрелками охрана недоукомплектована на 378 человек.

Означенный недокомплект и потребность в охране, в связи с возрастающим контингентом лагеря, в соответствии с последними указаниями центра, заменяются самоохраной из заключенных.

Положительным является то, что имевшие место 32 побега, все ликвидированы собственными силами.

13. ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ ЛАГЕРЯ

а) Соблюдение сметной дисциплины характеризуется достижением экономии против утвержденных смет по адм.-управленческим расходам на сумму 162.000 руб., или 12% к утвержденной полугодовой смете, не допуская перерасхода ни по одной статье сметы.

б) По сметам целевых расходов, как-то:

Подготовка кадров, просвещение, пионерлагерь, содержание актированных инвалидов, парт-просветработа, лесное хозяйство и пенсионному фонду - достигнута экономия в сумме 432.000 руб.

в) Использование банковских кредитов составило 98,2% против лимита.

г) Состояние оборотных средств характеризуется снижением остатков против утвержденных нормативов на 1.929.000 руб.

д) Дебиторская задолженность снижена против норматива по директивному балансу на 52.000 руб. и против состояния на 1.01.41 г. на 299.000 руб., в то же время кредиторская задолженность снижена на 659.000 руб.

е) Бухгалтерская отчетность на протяжении 1941 г. представлялась в УЛЛП ранее установленных сроков от 2 до 5 дней.

ж) Рентабельность работы лагеря за первое полугодие дала возможность перевести в УЛЛП [Управление лагерей лесной промышленности ГУЛАГа - Н. Б.], отказавшись от государственной дотации, 1.000.000 руб., имея систематически в остатке расчетного счета лагеря от 2 до 2,5 млн. руб.

14. КАДРЫ ВОЛЬНОНАЕМНОГО СОСТАВА

По утвержденным штатным расписаниям на 1941 год численность вольнонаемных работников составляет:

План - 2.058 человек, фактически - 1.602 человека.

<...>

СПРАВКА

На 17/VII-41 г.

По 2-му Отделу к приемо-сдаточному акту Начальника Управления

Примечание: Наличие заключенных на 17/VII-41 г. - приложение строевая записка.

Из общего числа 19.596 заключенных прибыло с 9/VII по 13/VII-41 г. 2.846 следственных, 47 военнопленных [поляков - Н. Б.].

Следственные дела переданы Оперативно Чекистскому отделу.

Учетные документы на выше упомянутое количество заключенных заполнены из следственных дел и устного опроса заключенных.

Против остальных заключенных, т.е. 16.703 по учету 2-го Отдела имеются личные дела.

Начальник 2-го Отдела
ВЯТЛАГ"а НКВД СССР (АРТАМОНОВ)

…

СТРОЕВАЯ ЗАПИСКА

о составе заключенных Вятского лагеря НКВД СССР на 17/VII-41 г.

Раздел I

Мужчин Женщин Всего Конвойн. Бесконв.
Состояло на
16/VII-41 г. 16.780 1.656 18.436
Прибыло 1.112 50 1.162
Убыло 2 - 2
Состоит на
17/VII-41 г. 17.890 1.706 19.596

Р а з д е л II Из них по районам (отделениям)

Наименование л/п	Мужчин	Женщин	Всего	Из них инвалидов	
				Мужчин	Женщин
1 лагпункт	1.188	161	1.349	249	36
2 лагпункт	1.130	46	1.176	301	13
3 лагпункт	1.340	70	1.410	243	25
4 лагпункт	1.356	165	1.521	1.124	131
5 лагпункт	2.625	191	2.816	347	23
6 лагпункт	1.497	74	1.571	264	44
Из них 47 военнопленных					
7 лагпункт	3.071	103	3.174	35	5
Из них 2.846 следственных (латышей. - Н. Б.)					
8 лагпункт	1.148	76	1.224	98	25
9 лагпункт	2.066	99	2.165	239	6
10 лагпункт	1.286	61	1.347	364	11
11 лагпункт	350	79	429	68	46
Зуевский совхоз	833	581	1.414	255	43
Итого	17.890	1.706	19.596	3.587	408

Начальник 2-го Отдела
ВЯТЛАГ"а НКВД СССР (Артамонов)
Ст. инспектор (Николаева)

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ
к акту передачи лагеря

ПО САНИТАРНОМУ ОТДЕЛУ

<...>

2. По сети заключенных

1. Амбулаторий - 15.

2. Фельдшерских пунктов - 4, кроме того на лагпунктах имеются кабинеты: зубных - 5, физиотерапевтических - 2, зубопротезных мастерских - 1.

3. На каждом лагпункте и в совхозе Зуевка имеются стационары, общее число коек в них - 761.

4. Аптек - 12.

5.Группа «В» [временно не работающие - Н. Б.] на 15/VII-41г. составляетляет в среднем - 927 чел. или 7,15%;

Из них:

амбулаторно освобожденных	425 чел. или 3,19%;
лазаретно больных	353 чел. или 2,61%;
неработающая слабосилка	149 чел. или 1,31%;
Или группа «В»	927 чел. или 7,15%;
Работающая слабосилка	437 чел. или 3,28%;
Инвалидов по состоянию на 15/VII-41г.	3774 чел. или 22,20%;
Травматических случаев с 1/I по 15.07	165 чел.
Умерло с 1/I-41 по 15/VII-41	220 чел.
Заболеваемость:	
цингой	71 сл. или 0,38%;
гриппом	271 чел. или 1,45%;
пеллагрой	4 чел. или 0,03%;
ОЖК [острые желуд.-кишеч. - Н.Б.]	нет/нет

амбулаторно освобожденных	425 чел. или 3,19%;
лазаретно больных	353 чел. или 2,61%;
неработающая слабосилка	149 чел. или 1,31%;
Или группа «В»	927 чел. или 7,15%;
Работающая слабосилка	437 чел. или 3,28%;
Инвалидов по состоянию на 15/VII-41г.	3774 чел. или22,20%;
Травматических случаев с 1/I по 15.07	165 чел.
Умерло с 1/I-41 по 15/VII-41	220 чел.
Заболеваемость: цингой	71 сл. или 0,38%;
гриппом	271 чел. или 1,45%;
пеллагрой	4 чел. или 0,03%;
ОЖК [острые желуд.-кишеч. - Н. Б.]	нет нет

Выдается цинготных пайков в среднем в день 1887 пайков - 11,10%.

Списочный состав лагнаселения на 15/VII-41 г. 17.025 человек.

Начальник САНО ВЯТЛАГ"а НКВД (КЕССЕЛЬ)

* * *

СПРАВКА
о состоянии общего снабжения в ВЯТЛАГе …

II. Обеспеченность лагеря
продфуражом на 10/VII

Обеспеченность лагеря основными видами продфуража характеризуется следующими данными:

Запас	В пути в днях в днях	Не реализов. наряды в тн.	Наряды (в тоннах)	Заготовка	Закуп	Вывозка
			II кв.	III кв.		
Мука разная	29	200	-	780	-	-
Мука сортовая	7	-	79	125	-	-
Крупа разная	40	33	-	155	-	-
Мясо разное	24	-	60	-	-	-
Жиры разные	48	-	-	-	-	-
Растительное масло	26	-	-	13	-	-
Овощи разные	12	-	-	-	-	-
Мака руб.изделия	32	-	-	16	-	-
Рыба и сельдь	53	20	9	50	-	-
Соль	130	-	-	-	-	-
Сено и солома	8	-	-	-	300	150
Овес	40	-	-	500	-	-
Концкорма						
разные	655	17	15	-	-	-
Отруби	-	-	-	140	-	-

II. Обеспеченность вещдовольствием

Провизорные остатки на 1-е октября выведены без учета фондов 3-го квартала.

Наличие запасов вещдовольствия на складах и в носке в большинстве своем представляют продукцию собственных пошивочных мастерских.

	Состояние на 1-е июля					Перспективы 3-го квартала			Провизорные остатки на 1-е октября		
	Базы, склады			В эксплуат.	Всего	Актировка	Пошивка нового	Ремонт	Новое на складах	Эксплуатационн.	Всего
	Новое	Старое, отремонт.	Старое, неотремонт								
Полупальто	30	35	1100	7935	9100	600	-	5400	-	9000	9000
Полушубки	835	520	100	235	1730	100	700	60	1500	890	2390
Телогрейки	600	-	800	7700	9100	500	1000	400	1500	8500	10000
Ватные шаровары	400	990	3000	1110	5500	1500	1000	1500	1400	5100	6500
Шапки	3700	6500	-	4400	14600	600	-	-	3700	10300	14000
Валенки (ватные чулки	640	725	4400	735	6500	900	4000	3500	640	4960	-
Фуражки	5400	1550	-	4850	11800	1500	-	-	-	10300	10300
Гимнастерки летние	250	-	1000	8650	9900	1000	1000	-	-	9900	9900

	Состояние на 1-е июля					Перспективы 3-го квартала			Провизорные остатки на 1-е октября		
	Базы, склады			В эксплуат.	Всего	Актировка	Пошивка нового	Ремонт	Новое на складах	Эксплуатационн.	Всего
	Новое	Старое, отремонт.	Старое, неотремонт								
Шаровары летние	750	-	1000	13050	14800	2000	500	-	-	13300	13300
Рубашки нательные	4700	1900	-	18500	25100	1500	3000	-	3000	23600	26600
Кальсоны	4100	1900	-	18800	24800	1600	3000	-	3000	23300	26300
Ботинки кожаные	3200	1000	1000	7500	12700	2500	500	500	1000	10200	11200
Ботинки											
суррогатные	1500	-	1000	6700	9400	4000	4000	-	-	9200	9200
Сапоги	190	320	200	290	1000	200	350	-	150	1000	1150
Одеяла	390	900	-	11210	12500	50	-	-	350	11100	11450
Нав. тюфячная	360	630	-	10210	11200	100	-	-	350	10750	11100
Нав.подушечные	1100	1800	-	9200	12100	300	-	-	1000	10800	11800
Простыня	890	490	-	1620	6000	100	400	-	1000	5300	6300
Варежки	25600	-	-	-	25600	-	-	-	25600	-	25600
Рукавицы	6500	-	-	4000	10500	10500	-	-	-	-	-

VII. Хлебопечение и питание в лагере

Хлебопечение производится в хлебопекарнях, имеющихся при каждом лагпункте, с соблюдением установленных норм припека.

Котловое довольствие осуществляется в соответствии с нормами и последними указаниями ГУЛАГа, ассортимент котловых продуктов по лагерю обеспечен.

IX. Общая характеристикасостояния снабжения в лагере

В результате проведенных мероприятий, как по линии реализации фондов, так и по линии развития собственного сельского хозяйства и подсобных предприятий лагерь в достаточной мере и бесперебойно снабжается как продовольствием, так и вещдовольствием.

Улучшение и укрепление снабжения лагеря способствовали заметному оздоровлению лагерного контингента, что в свою очередь сказывается положительно на выполнении производственной программы лагеря.

В результате целого ряда мероприятий по борьбе с растратами, промотами, недостачами, хищениями и порчей товаро-материальных ценностей, надо отметить резкое снижение этих явлений по лагерю в сравнении с 1939-40 г.

Начальник Отдела общего
снабжения Вятлага НКВД (САЙКО)
(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Дело №140).

Приложение 5

СООБЩЕНИЕ
Управления Вятского ИТЛ НКВД СССР
в Кировский обком ВКП(б)
«О положении в лагере».

18 февраля 1942 г.
Совершенно секретно.

(Извлечения)

Во исполнение постановления Кировского обкома ВКП(б) от 14 января 1942 г. о работе Вятлага НКВД СССР в порядке информации сообщаю:

1. Для обеспечения выполнения январского и февральского планов Вятлаг, согласно постановлению обкома, должен был получить дополнительно к имеющемуся наличию 8000 человек и 1000 лошадей.

2. По состоянию на 12 февраля Вятлагом не только не получено намеченных людей и лошадей, но из имеющегося у него наличия по Указу Правительства освобождено 4181 человек.

Для выполнения январского плана требовалось на производстве 13174 человека и 1775 лошадей, фактически лагерь располагает 8824 чел. и 849 лошад[ьми], и не хватает на производстве 5112 чел. и 946 лошадей. Обеспеченность рабсилой 62,6% и гужсилой 53,8%...

Для выполнения плана и для обеспечения работой прибывающих в ближайшие дни 7000 чел. мобилизованных немцев-переселенцев лагерю необходимо во что бы то ни стало получить 1200 лошадей.

В связи с отсутствием необходимых продуктов все котловое довольствие лагеря в первом квартале производится только мукой и крупой, так как рыбы, жиров, овощей, мяса и картофеля лагерь не имеет...

В результате, несмотря на принятые меры по улучшению бытовых условий содержания заключенных и сокращению группы «В» (больных) на 1357 человек, смертность в лагере не сократилась.

Динамика смертности: умерло в ноябре [1941 г. - Н. Б.] - 389 чел., в декабре - 699 чел., в январе [1942 г. - Н. Б.] - 1111 чел.

Несмотря на то, что преимущественная часть смертности падает на инвалидов из вновь прибывших этапов..., из коих умерло в пути 132 человека, рост смертности следует также отнести за счет недостаточности и однообразности питания и за счет простудных заболеваний (результат разутости и раздетости)...

В результате недостачи зимнего обмундирования имеют место большие простои рабочей силы и простудные заболевания со смертельным исходом... Простудных заболеваний было в декабре - 4881, в январе - 8573, простудных заболеваний со смертельным исходом в декабре - 222, в январе - 239...

Особенно может ухудшиться положение с довольствием в ближайшие дни в связи с прибытием дополнительного контингента из мобилизованных немцев-переселенцев, когда списочный состав лагеря достигнет 32-33 тысяч человек...

Сообщая вышеизложенное, прошу обком помочь Вятлагу реализовать свое решение своевременно в части предоставления... намеченного продовольствия, лошадей, рельс, обмундирования, фуража и т.п.

Начальник управления Вятлага НКВД СССР
лейтенант госбезопасности
ЛЕВИНСОН
(ГАСПИ КО. Ф.290. Оп. 8. Д. 70. Л. 14, 15, 17-20, 22, 23).

Приложение 6

ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД СССР

«9» января 1942 г. ст. Лесная

№4

СОДЕРЖАНИЕ: О мероприятиях для повышения производительности труда заключенных.

Во исполнение приказа Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел СССР - Комиссара Государственной Безопасности III ранга тов. КРУГЛОВА за №792/к от 8/XII-1941 г. о мероприятиях для повышения производительности труда заключенных:

а/ об укреплении колонн, мастерских участков, бригад и звеньев;

б/ о поощрительных мероприятиях для заключенных, выполняющих и перевыполняющих нормы;

в/ об улучшении бытовых и режимных условий для мастеров леса, бригадиров, десятников и прочего технического производственного персонала;

г/ об улучшении питания з/к з/к (заключенных. - Н. Б.);

д/ об усилении борьбы с отказами от работ и укреплении трудовой дисциплины среди з/к з/к;

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Укрепить производственное звено лагеря - бригаду, колонну и мастерский участок, - для чего:

а/ укомплектовать полностью все бригады, звенья и мастерские участки…

б/ в 3-х дневный срок представить мне для проведения приказом по Управлению список всех начальников колонн, десятников, мастеров леса, не проведенных ранее приказом, зав. биржами с соответствующими характеристиками;

в/ в дальнейшем, десятники, зав. биржами, мастера леса и начальники колонн назначаются по представлению Начальника ОЛП приказами по Управлению;

г/ для десятников, зав. биржами и мастеров леса и для всего производственного инженерно-технического персонала создать надлежащие режимные и бытовые условия, обеспечивающие выполнение возложенных на них обязанностей;

д/ в 5-дневный срок дооборудовать отдельный барак для десятников, мастеров леса и прочего производственного инженерно-технического персонала, оборудовав по вагонной системе, обеспечив соответствующим отоплением и освещением, снабдив технический персонал, работающий в лесу постельными принадлежностями;

е/ звеньевых, бригадиров, десятников и мастеров леса, подразделения коих выполнили месячный план кубатурных работ на 120 и более процентов, представить мне для назначения им персональных ставок премвознаграждений;

ж/ каждому мастерскому участку, бригаде и звену установить твердый суточный график и ежедневно проверять его исполнение, требуя объяснения по всем отклонениям от графика;

з/ около входа в барак бригады, выполнившей суточный график по заготовке, вывозке и подвозке в течение 3-х дней, вывешивать красную доску с надписью: «здесь живет бригада отличников. Бригадир _____», которая должна висеть в течение 3-х дней. Бригада, выполнившая график в течение месяца получает красную доску на целый месяц. На место работы в лесу также вывешивается красная доска с надписью: «здесь работает бригада отличников. Бригадир _____»;

и/ организовать соревнование между мастерскими участками, бригадами и звеньями и ежедневно вывешивать в бараках выработку каждого звена и бригады;

к/ бригадам отличникам предоставить первоочередное получение бани, белья, довольствия и предоставить им первоочередной отпуск товаров из ларька и т.д.

2. Для поощрения заключенных, выполняющих норму на заготовке, вывозке, подвозке, разделке, лесопилении и шпалопилении на 120 и более процентов:

а/ выдавать специальные книжки «отличников», в которые заносить все данные о их достижениях, производительности труда и поведении в быту;

б/ ежеквартально из числа «отличников» индивидуально отбирать заключенных, перевыполняющих нормы на протяжении года на 120 и более процентов в число кандидатов, подлежащих представлению Особому Совещанию НКВД на предмет сокращения срока, либо досрочного освобождения...

в/ 10% продуктов питания, получаемых с подсобных хозяйств обратить на отоваривание ларьковой сети для снабжения з/к з/к, выполняющих нормы на 100 и выше процентов, отпуская в первую очередь «отличникам»…

г/ Начальнику ООС (Отдела общего снабжения. - Н. Б.)… для усиления отоваривания ларьков усилить децентрализованную заготовку возможного количества продуктов питания - мяса, рыбы, грибов, ягод и т.п.

д/ выезжающей на ОЛП культбригаде в первую очередь обслуживать «отличников» и выполняющих нормы;

е/ начальникам ОЛП 3-го числа каждого месяца представлять мне списки бригад, выполнивших в течение месяца нормы на 120 и более процентов для установления им премиального списка продуктов для отпуска их через ларьки.

3. ДЛЯ УЛУЧШЕНИЯ ПИТАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ:

а/ Привлечь в качестве заведующих кухнями вольнонаемных работников, которым обеспечить контроль, чтобы все отпускаемые лагерем продукты были использованы по прямому назначению. Начальнику Отдела Кадров … доукомплектовать кухни ОЛП вольнонаемными заведывающими…

б/ Заместителям Начальников ОЛП по лагерю организовать повседневный контроль за качеством приготавливаемой пищи и над раздачей ее. При раздаче пищи обязательно присутствовать вольнонаемному работнику.

в/ Организовать … на всех ОЛП доставку горячей пищи в обеденный перерыв на место работы по меню, устанавливаемого Отделом Общего снабжения;

г/ на всех участках работ организовать … кипячение воды для питья заключенным…

д/ …организовать раздачу пищи так, чтобы не было очередей, - для чего обеспечить через ларьки снабжение всех з/к посудой;

е/ у места раздачи пищи вывесить снаружи запечатанные ящики для жалоб и предложений. Ящики вскрывать только Начальникам ОЛП и проверить каждую жалобу.

ж/ предупредить всех Начальников ЧОС (частей общего снабжения. - Н. Б.), что за нечеткую организацию пищевого блока, они несут ответственность наравне с Начальниками ОЛП.

4. Улучшить культвоспитработу на ОЛП, - для чего:

а/… в 5-ти дневный срок пересмотреть весь состав культвоспитчастей и … укомплектовать их работниками в соответствии с поставленными перед ними задачами;

б/ работникам КВЧ ежедневно бывать на производстве и помогать внедрению методов работы знатных лесорубов…;

в/ на всех лагпунктах систематически выявлять изобретателей и рационализаторов, - помочь им связаться с БРИЗ"ом Управления и оказывать помощь в их изобретательской и рационализаторской работе, - снабжая их бумагой и давая им возможность работать в клубах и красных уголках;

г/ организовать на всех ОЛП соревнование между бригадами, звеньями и мастерскими участками с обязательной проверкой (выполнения) обязательств каждые 5 дней;

д/ популяризировать работу лучших бригад и звеньев и отдельных рабочих и организовать перенесение их опыта в отстающие;

е/ организовать учет «отличников». Выдачу книжек «отличников» производить в торжественной обстановке и приурочивать по времени прибытия на ОЛП культбригады;

ж/ организовать повседневную борьбу с отказами, путем выявления и ликвидации причин, вызывающих отказы и внедрения трудовой дисциплины на производстве и в быту.

5. Создать необходимые производственные условия, стимулирующие высокую производительность труда:

а/ обеспечить высокое качество подготовки, точки и правки инструментов;

б/ заранее подготовлять фронт работ, категорически запретив производить вывозку из-под пилы;

в/ запретить на пасечных усах возить перегруженные возы;

г/ обеспечить хорошее качество лесовозных дорог…

6. На базе лучшего использования труда инвалидов Начальникам ОЛП организовать производство ширпотреба и подсобных хозяйств.

7. Предупредить Начальников ОЛП, что Зам. Наркома НКВД СССР т. КРУГЛОВ приказал, одновременно с указанными мероприятиями обеспечить твердую производственную дисциплину, полную загрузку рабочего дня з/к, решительную борьбу с отказчиками и прочими нарушителями лагерного режима…

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ЛЕВИНСОН/

(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 14/1. Л. 7-8об.).

Приложение 7

ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД СССР

от «17» апреля 1942 г. ст. Лесная

№123

СОДЕРЖАНИЕ: О неудовлетворительном надзоре за правильной организацией труда рабочих бригад в технормировании на ОЛП и в ЛЗО.

Основным условием успеха выполнения любого производственного плана является правильная расстановка рабгужсилы и максимально полезная загрузка рабочего дня, при которой действующие нормы труда людей и технических подсобных средств транспорта и п руб. не только выполнялись бы, но и перевыполнялись, на основе стахановского и ударного труда и соцсоревнования.

В связи с обстоятельствами военного времени, Правительство и Партия требуют, чтобы установленное рабочее время было использовано каждым человеком в максимальной степени на полезный труд в выработке продукции.

Эти принципиальные установки безусловно хорошо известны Начальникам ОЛП и ЛЗО, которые обязаны внимательно следить за расстановкой рабсилы на вверенных им производствах, следить за выполнением норм и своевременно проводить мероприятия по поднятию производительности труда.

Фактическое положение с выполнением производственного плана Вятлага крайне неудовлетворительно почти по всем основным показателям и одной из причин этого является - отсутствие контроля на производствах за использованием рабсилы в течение всего рабочего дня и за выполнением норм труда.

Так, например: произведенная на днях на 8 ЛЗО негласная фотография «рабочего дня» одного рабочего звена в 5 чел. /в составе рабочих Бауэра, Бехера, Блюма, Соколовского и Эртеля/, из бригады бригадира Маттейс, в течение десяти часов, на разделке однометровых дров, дала следующие результаты:

№№ п/п	Виды работ	Кол-во челов.	Затрачено чел/минут
1.	Ручная разделка дров 1 м	3	1065
2.	Относка дров на раст.10 м	1	402
3.	Подкатка дров к месту разделки - 10 м	1	201
4.	Очистка снега	-	83
Итого в 10 ч. рабочего дня		5	1750 ч/мин.
Коэффициент использования р/дня: 1750:3000 = 58,5%			
Простои, прогулы, отдых и т.д.			
5.	Отсутствовал	1	34
6.	Обеден. перерыв свыше полож.	5	150
7.	Остальное время на просиживание, бесполезное хождение, простои и т.д.		1066
Итого простоев			1250 ч/мин.

Таким образом, неоправдываемое преступное безделие целого производственного звена в рабочий день выразилось в 41,5%.

Приведенный факт свидетельствует о неблагополучии в использовании труда рабочих в ЛЗО, что это пущено на самотек и безучетность, и что начальник 8 ЛЗО и технорук бездействуют в деле повседневного контроля за использованием рабсилы на

отдельных звеньях работы. Не исключена возможность, что аналогичные случаи имеются и на других ОЛП и ЛЗО.

Считая подобные факты совершенно недопустимыми,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальникам ОЛП и ЛЗО, через технoруков и нормировщиков, установить ежедневный контроль за использованием рабочего дня на производстве отдельными рабочими, бригадами и звеньями и за выполнением последними норм.

Периодически /как можно чаще/ производить негласную фотографию использования рабочего времени за рабочий день или за длительный его отрезок, для установления причин недовыработки плановых норм и проведения мероприятий к перевыполнению этих норм бригадами и звеньями.

Зафиксированные случаи такой работы и прогулы рабочего времени проводить через обсуждение на производственных совещаниях.

Начальнику ПРО (Производственного отдела. - Н. Б.) Управления …- принять меры к усилению и улучшению группы труда и технормирования на ОЛП и ЛЗО в деле руководства и инструктажа и повседневного контроля за работой.

Усилить контроль за выполнением норм во всех отраслях работы ОЛП и ЛЗО.

О всех неблагополучных моментах в использовании труда рабсилы, в выполнении ею норм, немедленно докладывать лично мне.

Результаты фактических проверок нормировщиками и инспекторами по труду использования труда рабочих /фотографии рабочего времени/ обязательно представлять мне на просмотр через Контрольно-Диспетчерскую группу.

Предупреждаю всех Начальников ОЛП, ЛЗО, технoруков и нормировщиков, что за неправильное использование рабочей силы, за отсутствие контроля в деле нормирования труда и за прорывы в эффективности труда - я буду строго взыскивать с виновных.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ВЯТЛАГА НКВД
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ЛЕВИНСОН/
(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 14/1. Л. 108-109).

Приложение 8

СУТОЧНЫЙ РАЦИОН СОВЕТСКИХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ (1937-1958 гг.)

Типы рациона	Хлеб («пайка»)	Сахар	Каша	Рыба	Мясо	Овощи	Молоко	Животные жиры	Масло раст.	Мука
а) основной рацион («гарантийка»). Очередное прибавление (пределы и колво ступеней разные в разных лагерях)	450	7	80	132	21	500	-	-	9	6
б) 75-99%	+100	+5	-	-	-	-	-	-	-	-
в) 100-124%	+200	+10	-	-	-	-	-	-	-	-
г) 125-149%	+300	+15	-	-	-	-	-	-	-	-
д) 150% и болье	+400	-	-	-	-	-	-	-	-	-
е) премблюдо, постепенно увеличиваемое	-	-	+30	+60	+18	+335	-	-	4	6
ж) штрафной паек (выполнение меньше 50% нормы)	400	-	35	80	-	420	-	-	5	5
и) «голодный» паек («без вывода)	300	-	35	73	-	400	-	-	5	-
к) следственный паек	400	9	35	73	18	400	-	-	5	5
л) тюремный паек	600	14	60	80	18	420	-	-	5	6
м) этапный паек	700	15	-	167	-	-	-	-	-	-
н) паек АТП (админ.-технич. персонала - Н. Б.)	600	25	138	173	48	913	-	-	20	10
п) паек ИТР (инжен.-технич. персонала - Н. Б.)	800	32	170	223	69	1080	-	-	27	13
р) «малолетний» паек	450	25	100	170	50	500	-	66	20	200
с) детский паек	-	27	50	33	33	400	400	17	17	28
Специальные добавления к пайку т) «беременный» или «мамский» паек	400	-	15	32	8	194	-	-	2	40
у) заполярный паек	150	-	30	-	20	-	-	7	-	200
ф) шахтерский паек; паек рекордистов	400	-	100	50	10	200	-	1	2	107
ц) паек «за вредность»	-	-	-	-	-	-	250	-	-	-
ч) антицинготный паек	-	-	-	-	-	160	-	-	5	-

ПРИМЕЧАНИЕ:

Знаком + обозначены очередные прибавления за перевыполнение нормы. Вес указан в граммах.

Тяжело работающие заключенные Гулага получали в период 1937-1955 гг. от 1.100 до 1.300 килокалорий в сутки, при условии выполнения ими нормы в пределах 90-100%, в то время когда, по данным Всемирной организации ООН по здравоохранению, эта норма составляет от 3.100 до 3.900 килокалорий в сутки.

(Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. В 2-х книгах. - М.: Просвет, 1991. Ч. 2. С. 472-473, 475).

Приложение 9

Нормы суточного довольствия военнопленных и заключенных в СССР
(1939-1946, граммов)

	1939	1941	1946
Хлеб			
Военнопленные	800	400-500	400-700
Заключенные	700	700	650-800
Картофель и овощи			
Военнопленные	500	500	650-1.000
Заключенные	500	600	650
Крупа			
Военнопленные	110	100	100
Заключенные	125	80	78
Мясо			
Военнопленные	50	-	30
Заключенные	50	25	18
Рыба			
Военнопленные	75	100	100
Заключенные	100	100	60

(Военнопленные в СССР. 1939-1956. Документы и материалы. - М., 2000. С. 1042. Приложение №12).

Приложение 10

Акт
о приеме-передаче Вятского ИТЛ НКВД СССР
от 4 января 1944 г.
[Извлечения]

I. Дислокация

Вятлаг состоит из 7 ОЛП [отдельных лагерных пунктов - Н. Б.] и 1 ЛЗО [лесозаготовительного отряда - Н. Б.], расположенных по ветке Гайнско-Кайской железной дороги.

В состав этих ОЛП и ЛЗО входит 22 лагподразделения, в том числе:

Совхозов - 2;

Лагпунктов - 10;

Подкомандировок - 10.

<...>

В состав лагеря входят 15 подразделений с самостоятельным балансом, из коих 3 переведены на внешний хозрасчет ..., остальные 12 подразделений находятся на внутреннем хозрасчете.

II. Контингент

По состоянию на 1/I-1944 г. лагнаселение по списочному составу состоит:

з/к з/к [заключенных - Н. Б.] - 11.979 человек;

в т.ч. женщин - 3.076 человек;

м/немцев [«мобилизованных немцев» - «трудармейцев» - Н. Б.] - 3.891 человек;

в т.ч. женщин - 947 человек;

Всего - 15.870 человек;

в т.ч. женщин - 4.023 человека.

<...>

Строевая записка
о состоянии заключенных и мобилизованных немцев
по Вятскому Исправительно-Трудовому лагерю НКВД СССР
на 1-е января 1944 г.

РАЗДЕЛ 1-ый

	Заключенных			Мобилизованных немцев		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Состояло на 31.12.43 г.	8919	3082	12001	2945	947	3892
Прибыло	4	-	4	-	-	-
Убыло	20	6	26	1	-	1
Состоит на 1.01.44 г.	8903	3076	11979	2944	947	3891

<...>

Начальник ОУРЗ ВЯТЛАГ"а НКВД
ст. лейтенант адмслужбы (Шульгов)
5 января 1944 г.

ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
по работе 2-го отдела Управления Вятлага НКВД
в I и II квартале 1944 г.

<...>

...2. Во 2-м квартале необходимо провести генеральную проверку всего лагнаселения (заключенных и мобилизованных немцев), т.к. последняя генпроверка происходила 2 года 6 месяцев тому назад, а всеобщая перерегистрация заключенных 2 года тому назад.

За этот период было чрезвычайно большое движение по лагерю:

а) в течение последних трех лет (1941, 1942 и 1943 гг.) было принято в лагерь свыше 40.000 заключенных и около 8.000 мобилизованных немцев. Убыло из лагеря за этот период около 45.000 заключенных и около 5.000 мобилизованных немцев;

б) в связи с обстоятельствами военного времени в лагерь было принято свыше 400 заключенных без личных дел, которые приходилось впоследствии восстанавливать путем запросов в места заключения, откуда прибыли бездельцы, а также путем истребования копий приговоров из судебных органов для восстановления дубликатов личных дел. В целях поднятия качества оперативного учета генеральная проверка лагнаселения и учетных документов крайне необходима...

<...>

...4. Принять в лагерь и оформить все учетные документы на ожидающиеся к поступлению новые контингенты заключенных. Выявить через квалифкомиссии среди них специалистов и обеспечить ими производственные объекты.

НАЧАЛЬНИК ОУРЗ ВЯТЛАГ"А НКВД
Ст. лейтенант адмслужбы (ШУЛЬГОВ)
5 января 1944 г.

***

Приложение к Акту о передаче лагеря
по Санитарному отделу

<...>

II. По сектору заключенных

<...>

10.Группа «В» на 1/I-44 г. составляет в среднем 2385 чел. или 24,4%;
Из них: амбулаторно освобожденных 593 чел. или 6,10%;
стационарно больных 1247 чел. или 12,70%;

в оздоровительных командах 433 чел. или 4,40%;
в центральн. оздоровит. пункте 112 чел. или 1,20%;
Или группа «В» 2385 чел. или 24,40%;
Инвалидов по состоянию на 1/I-41 г. 3489 чел. или 29,30%;
Травматических случаев с 15/XII-43 г. по 1/I-44 г. - 46 чел.
Умерло с 1/VII-43 г. по 1/I-44 г. - 1524 чел.
Из них: в июле - 460 чел. или 3,1%,
инв. - 268 или 58,0%;
в августе - 308 чел. или 2,2%, инв. - 172 или 57,3%;
в сентябре - 240 чел. или 1,8%, инв. - 123 или 51,2%;
в октябре - 148 чел. или 1,1%, инв. - 125 или 84,5%;
в ноябре - 162 чел. или 1,3%, инв. - 131 или 80,9%;
в декабре - 206 чел. или 1,6%, инв. - 175 или 87,5%.
Общая заболеваемость в средне-месячных цифрах за декабрь 1943 г.:
Алиментарной дистрофией 2435 сл. или 19,1%:
Цингой 13 сл. или 0,10%;
Гриппом 25 сл. или 0,20%;
Пеллагрой 58 сл. или 0,40%;
ОЖК [ост руб. жел.-киш.заболев. - Н. Б.] 9 сл. или 0,07%.
Выдается цинготных пайков в среднем в день - 3671 пайков - 30,80%.
Списочный состав заключенных на 1/I-44 г. - 11.979 человек.

(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 141).

Приложение 11

ПРИКАЗ
НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ВЯТСКОГО ИСПРАВИТЕЛЬНОГО
ТРУДОВОГО ЛАГЕРЯ НКВД СССР

СОДЕРЖАНИЕ: О организации лагподразделений военнопленных.

от «25» декабря 1945 г. пос. Лесной
№830

В связи с приемом лагеря военнопленных №101 ВЯТЛАГОМ НКВД,

ПРИКАЗЫВАЮ:

В соответствии с приказом НКВД СССР №00699 от 15.VI.45 г. установить структуру лагерных подразделений военнопленных:

1. На базе 1, 2, 4 отделений бывшего 101 лагеря и 3 ОЛП ВЯТЛАГА НКВД организовать 1 отделение лагеря с центром размещения на станции М-Созим (Управление бывшего лагеря 101).

2. В составе 1-го отделения организовать лагпункты:

а/ 1 лагпункт /1 отделение 101 лагеря/;

б/ 2 лагпункт /4 отделение 101 лагеря/;

в/ 3 лагпункт /Горельники 3 ОЛП/;

г/ 4 лагпункт /Штабной 3 ОЛП/;

д/ 5 лагпункт /2 отделение 101 лагеря/.

3. 9 ОЛП /военнопленных/ на Мурисе.

4. Лесопункт на станции Има /бывшее 3 отделение 101 лагеря/ с непосредственным подчинением 12 ЛЗО.

5. Отделу кадров совместно с производственным и плановым отделом разработать штат на перечисленные подразделения в п.п.1, 2, 3, 4 по лагерному и производственному сектору и представить мне на утверждение 30.XII. с/г.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ
ВЯТЛАГА НКВД /ШУБИН/

(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 32. Л. 174/189).

Приложение 12

ТАРИФНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ
должностных окладов административно-технического персонала
лесных лагерей НКВД СССР.
(Извлечения)

Наименование должностей	Должностные оклады			
	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
I. РУКОВОДСТВО				
А. Отделения лагеря				
1. Начальники частей: лесозаготовительных, сплавных, кап. строительства, ПТЧ, механизации:				
I группа с количеством работающих до 7000 ч.	700-900	700-900	700-900	800-1000
II группа с количеством работ. от 7000 до 10000 ч.	750-950	750-950	750-950	850-1050
III группа с количеством работ. от 10000 чел.и выше	800-950	800-950	800-950	900-1100
2. Начальники частей: плановых, финансовых, технического снабжения, сбыта и лесного хозяйства:				
I группа с колич. работающих до 7000 человек	550-750	550-750	600-800	650-850
II группа с колич. работающих от 7000 до 10000 чел.	600-800	600-800	650-850	700-900
III группа с колич. работающих от 10000 чел. и выше	650-850	650-850	700-900	750-900
3. Начальники остальных частей				
I группа с количеством работ. до 7000 человек	450-600	450-600	450-600	500-600
II группа с количеством работ. от 7000 до 10000 ч.	500-625	500-625	500-625	550-650
III группа с колич. работающих от 10000 чел. и выше	550-650	550-650	550-650	600-700
Б. Отдельные лагпункты (немеханизированные)				
4. Нач. частей: лесозаготовительных, сплавных, кап. строительства, ПТЧ, механизации:				
I группа с колич. работающих до 1500 челов.	650-850	650-850	650-850	700-900
II группа с колич. работающих от 1500 до 2000 чел.	650-850	650-850	650-850	750-950
III группа с колич. работающих от 2000 чел.и выше	700-900	700-900	700-900	800-1000
5. Нач. частей: плановых, финансовых, технического снабжения, сбыта и лесного хозяйства:				
I группа с колич. работающих до 1500 чел.	500-750	500-750	550-750	600-750
II группа с количеством работающих от 1500 до 2000 чел.	550-750	550-750	575-750	625-800
III группа с количеством работающих от 2000 чел. и выше	600-800	600-800	600-800	650-850
6. Нач. остальных частей:				
I группа с колич. работ. до 1500 человек	400-575	400-575	400-575	450-600
II группа с колич. работающих от 1500 до 2000 человек	400-575	400-575	425-600	475-625
III группа с колич. раб. от 2000 чел. и выше	400-600	400-600	450-625	500-650
В. Лагпункты, входящие в отделение (немеханизированные)				
7. Нач. частей и групп: лесозаготовительных, сплавных, кап. стр-ва, ПТЧ, механизации:				
I группа с колич. работ. до 1500 чел.	600-800	600-800	600-800	600-800
II группа с колич. работ. от 1500 до 2000 чел.	625-825	625-825	625-850	650-850
III группа с колич. раб. от 2000 чел. и выше	650-850	650-850	650-875	700-900
8. Нач. частей и групп: плановых, финансовых, технического снабжения, сбыта и лесного хозяйства:				
I группа с колич. раб. до 1500 чел.	500-700	500-700	500-700	600-700
II группа с колич. работ. от 1500 до 2000 чел.	550-700	550-700	550-725	625-750
III группа с колич. работ. от 2000 чел. и выше	600-750	600-750	600-775	650-800
9. Нач. остальных частей и групп:				
I группа с колич. раб. до 1500 чел.	400-550	400-550	400-550	450-550
II группа с колич. раб. от 1500 до 2000 чел.	400-550	400-550	425-575	475-575
III группа с колич. раб. от 2000 чел. и выше	400-600	400-600	450-600	500-600

…

ПРИМЕЧАНИЕ: Нач. частей механизированных лагпунктов (отдельных и неотдельных) оплачиваются по должностным окладам начальников частей отделения по I-й группе населения.

Разбивка лагерей по группам:

I группа - Вятлаг, Унжлаг;

II группа - Каргопольлаг, Устьвымлаг;

III группа - Ивдельлаг, Севураллаг, Востокураллаг и Усольлаг, Нывоблаг;

IV группа - Краслаг.

Основание: Приказ НКВД СССР №0200 от 19-V-1940 г.

…

Начальник ЦФО НКВД СССР - Зам. нач. УЛЛП НКВД СССР -
генерал-майор подполковник госбезопасности
интендантской службы СОРОКИН
БЕРЕНЗОН

(Справочник о должностных окладах работников лесных лагерей НКВД СССР. Отв. ред. С. А. Каптельников. - М.: ЦФО НКВД СССР, 1945. - 24 с. - С. 5-7, 14).

Приложение 13

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
«О состоянии Вятского ИТЛ МВД СССР
на январь 1948 г.».
(Извлечения).

…

КУЛЬТВОСПИТРАБОТА.

В 1947 г. политическая и массовая работа среди заключенных была направлена на обеспечение выполнения лагерем производственного плана, на повышение производительности труда, воспитание у заключенных сознательного отношения к труду, бережного отношения к социалистической собственности, на укрепление трудовой дисциплины и лагерного режима.

Заключенным широко разъяснялось значение исторической победы советского народа в Отечественной войне, источники этой победы и пути подъема народного хозяйства СССР в послевоенный период. Разъяснялось значение выполнения пятилетнего плана в четыре г.

В 1947 г. для заключенных прочитано 418 докладов и лекций…

Доклады проводились руководящими работниками Политотдела Управления и лагерных подразделений. Кроме того 111 коммунистов и комсомольцев, выделенных от партийных и комсомольских организаций лагерных подразделений проводили политическую работу среди заключенных.

Политическая работа тесно увязывается с практической деятельностью лагеря по выполнению поставленных задач и поднимает сознание у заключенных на более высокий уровень.

Много хороших откликов было на Указы (Президиума) Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Политический подъем и трудовой энтузиазм поднятый по всей нашей стране … нашел широкий отклик и среди заключенных нашего лагеря.

Уже в первом квартале 1947 г. десятки лучших бригад лесорубов, возчиков, грузчиков включились в трудовое соревнование за досрочное выполнение годового производственного плана и подтвердили свои обязательства досрочным выполнением плана первого квартала. Однако еще не вся масса работающих заключенных вступила в трудовое соревнование, поэтому план первого квартала по лагерю не был выполнен.

Настоящий трудовой подъем среди заключенных начался после введения в действие положения о трудовом соревновании по досрочному выполнению производственного плана лагеря к 30-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции - и положения об участии в движении за создание фонда сверхплановой продукции 2 года 4-й Сталинской пятилетки.

В конце апреля, состоялся общелагерный слет передовиков основного производства. Более 500 человек отличников производства представителей передовых бригад лагеря дали слово отдать свои силы на борьбу за досрочное выполнение государственного производственного плана и обратились ко всем работающим с призывом последовать их примеру. Развернувшееся после слета трудовое соревнование охватило более 95% всех работающих в лагере заключенных.

Трудовой подъем выразился в конкретных делах. Производственный план лагеря был в мае выполнен. Этим был положен конец отставанию и положено начало покрытию задолженности стране по лесу.

Действенное трудовое соревнование развивалось и ширилось. Об этом дает представление следующая таблица:

Месяцы	Колич. бригад, давших сверх. план. продукцию	Колич. ф/м. сверх плана
Май	58	около 40.000
Июнь	68	40.000
Июль	71	42.000
Август	72	около 48.000
Сентябрь	81	55.000
Октябрь	91	56.000

Таковы показатели активности трудового соревнования по бригадам основного производства.

Особенно большой подъем у заключенных вызвало решение Правительства о введении зачетов рабочих дней для заключенных.

В течение третьего квартала работники КВЧ и прикрепленные от парторганизаций политбеседники повседневно проводили массовую политическую работу по разъяснению значения зачетов заключенным. Последние восприняли введение зачетов с большим подъемом, правильно считая, что зачеты являются основным видом поощрения честно работающих. Об этом свидетельствуют не только многочисленные высказывания заключенных на проведенных собраниях, и беседах, но фактический рост производительности труда в третьем квартале по сравнению со вторым кварталом 1947 г.

Во втором квартале выполняли норму выработки 8.512 человек, а в третьем квартале норму выработки выполняли 11.902 человека. О трудовом подъеме среди осужденных свидетельствует и другой факт - рост числа отличных бригад. Во втором квартале их было 88, а в третьем квартале 102.

В результате проведенной большой политической работы в сентябре месяце 14 бригад основного производства выполнили годовые планы, а 24 бригады одиннадцати и десяти месячные планы.

Центральным штабом трудового соревнования лагеря в апреле месяце 8 бригад(ам) основного производства присвоено звание «Бригада рекордистов», 10 - «Отличная бригада», 8 - «Авангардная бригада», а уже в октябре месяце рекордных бригад было - 17, Авангардных бригад - 21, отличных - 17.

Политическая работа подкреплялась организационными производственно-массовыми и культурно-массовыми мероприятиями. В 1947 г. проведено 178 слетов отличников производства. Из них: 9 общелагерных, 27 заседаний центрального штаба трудового соревнования, инженерно-техническая конференция. В честь знаменательных дат проводились месячники высоких производственных показателей, стахановские вахты, ударные декады. Для победителей в трудовом соревновании устанавливались и выдавались производственные и денежные премии. Так, согласно положения о создании фонда сверхплановой продукции премировано:

в апреле 39 бригад на сумму 3230 руб.
в мае 54 бригады на сумму 3730 руб.
в июне 48 бригад на сумму 3690 руб.
в августе 59 бригад на сумму 4510 руб.
в сентябре 75 бригад на сумму 5830 руб.
в октябре 75 бригад на сумму 23940 руб.

В IV квартале в трудовом соревновании участвовало 95,5% работающих заключенных.

С 10 января по 10 февраля 1948 г. был объявлен стахановский месячник по лесозаготовкам. В стахановский месячник работы включились все мастерские участки, бригады, звенья. По итогам стахановского месячника 34 бригады основного производства выполнили месячное задание от 103 до 150%, 50 звеньев, работающих поточно-сквозным методом выполнили свои задания от 110 до 160%, 7 мастерских участков выполнили

задание от 101 до 115%. Победителям в соревновании, достигшим высоких показателей в работе выдано денежных премий на сумму 17.585 руб.

В марте месяце объявлен ударный двухдекадник по досрочному завершению производственного плана первого квартала. В ударном двухдекаднике развернулась борьба за право участия в общелагерном слете отличников производства. Эта борьба превратилась в массовое соревнование. Так, борясь за право участия в слете лесорубы 19 ОЛП обязались к слету добиться 200% производительности труда. О действенности трудового соревнования можно привести еще такой характерный пример: на 17 ОЛП звеньевой Данилов обязался выполнить 18/III дневное задание на 292%, а звеньевой Тараненко говорит - первенство Данилову не уступлю - выполню дневное задание на 300%.

Культурно массовая работа на лагерных подразделениях проводится в клубах. На каждом лагерном подразделении работают кружки художественной самодеятельности, к работе в которых привлечено 275 заключенных. Силами кружков художественной самодеятельности и Центральной культбригадой в 1947 г. поставлено 597 спектаклей и вечеров художественной самодеятельности, киносеансов - 324.

За январь и февраль поставлено спектаклей и вечеров художественной самодеятельности 84, киносеансов 51.

Слабо поставлена библиотечная работа с заключенными из-за отсутствия художественной литературы. Из 20 лагерных подразделений только на 12 имеются передвижные библиотечки.

В 1947 г. отказов от работы было 4612 человеко/дней, невыполняющих производственную норму выработки 6416 чел. За январь и февраль 1948 г. отказов от работы 818, невыполняющих норму выработки 4613 чел. Работники КВЧ повседневно проводят разъяснительную работу с отказчиками и невыполняющими норму выработки путем индивидуальных бесед, создают общественное воздействие на неработающих заключенных, критикуются через стенную печать и т. д…

Во исполнение директивного письма Министра Внутренних Дел проводим следующие мероприятия по усилению массовой производственной и воспитательной работы с заключенными.

1. Семинар с работниками КВЧ по изучению письма МВД за №97 от 13/II-48 г.

2. Ежемесячно разрабатывать тематический план проведения докладов, лекций, бесед для заключенных.

3. На заседании Центрального штаба трудового соревнования заслушать доклады председателей местных штабов об организации действенного трудового соревнования и борьба с формализмом в соревновании.

4. Расширенное совещание технoруков с повесткой дня:

а/ Об организации работы поточно-сквозных звеньев.

б/ Подготовка кадров через сеть технического обучения.

5. Конференция с рационализаторами и изобретателями.

6. Общественный смотр по организации быта для отличников производства.

(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 144).

Приложение 14

СОВ. СЕКРЕТНО.
Экз. №1

СВЕДЕНИЯ
о следственной работе Первого отдела Вятлага МВД СССР
за 1947 год и 1-й квартал 1948 г.

1947 год - привлечено 647 человек.

	За хище-ния	К- руб. сабота ж	Побеги	Банди-тизм	Антисовет. преступл.	Избие ния	Воин ские	Про чие
Привлечено к уголов-ной ответств.	189	63	232	26	6	47	7	77
Из них: а) заключенных	153	63	232	26	6	44	-	48
б) спецпоселенцев	10	-	-	-	-	-	-	3
в) вольнонаемных	26	-	-	-	-	3	7	26

1-й квартал 1948 г. - привлечено 147 человек.

Привлечено к уголов-ной ответств.	54	25	12	6	8	30	-	12
Из них: а) заключенных	48	25	12	6	8	30	-	10
б) спецпоселенцев	-	-	-	-	-	-	-	2
в) вольнонаемных	6	-	-	-	-	3	-	-

НАЧАЛЬНИК ПЕРВОГО ОТДЕЛА
ВЯТЛАГА МВД ПОДПОЛКОВНИК (ВОЛЬСКИЙ)

«27» марта 1948 г.
(Архив Вятского УЛИУ. Фонд секретариата. Д. 144).

Приложение 15

Некоторые показатели основного производства Вятлага МВД СССР
(1950-1954 гг.)

	1950	1951	1952	1953	1954
Заготовка (тысяч кбм): всего	1.865	2.206	2.481	2.007	2.485
в том числе механизированная	973	1.405	1.962	1.697	2.184
процент механизации	52,2	63,7	79,1	84,6	87,9
Подвозка (тысяч кбм): всего	823	1.158	1.334	1.091	1.569
в том числе механизированная	62	196	337	339	732
процент механизации	7,5	16,9	25,3	31,1	46,7
Погрузка на верхних складах (тысяч кбм): всего	1.114	1.307	1.075	1.585	1.649
в том числе механизированная	20	69	127	469	774
процент механизации	1,8	5,3	11,8	29,6	46,9
Вывозка (тысяч кбм): всего	1.903	2.152	2.483	2.012	2.481
в том числе механизированная	940	1.314	1.552	1.249	1.746
процент механизации	49,4	61,1	62,5	62,1	70,4
Разгрузка на нижних складах (тысяч кбм): всего	1.484	1.572	1.320	1.166	1.232
в том числе механизированная	1.014	1.146	1.017	1.142	1.145
процент механизации	68,4	72,7	76,8	98,0	92,8
Погрузка на нижних складах (тысяч кбм): всего	1.527	1.611	1.991	1.856	1.978
в том числе механизированная	127	191	339	350	432
процент механизации	8,3	11,8	17,0	18,8	21,8
Лесопиление (тысяч кбм): всего	166,4	209,9	215,0	208,3	229,4
Шпалы широкой колеи (тысяч шт.)	358,1	405,9	476,8	434,0	477,5
Производительность механизмов на 1 машино/смену (кбм): паровозы на вывозке	106,0	117,2	120,5	103,8	118,0
мотовозы на вывозке	66,1	68,9	83,0	85,3	102,2
автомашины на вывозке	24,9	25,7	26,5	24,9	28,4
тракторы на вывозке	36,6	36,4	34,9	28,7	23,7
тракторы на подвозке	52,0	43,1	37,8	38,4	37,2
лебедки на подвозке	33,3	36,0	35,3	36,1	34,6
Выработка на 1 рабочего лесозаготовок (кбм)	223	212	243	204	238
Себестоимость 1 кубометра лесопродукции (руб.)	5,41	5,21	4,97	6,85	6,82

(Архив Вятского УЛИУ. Коллекция документов).

Приложение 16

Словарь терминов и сокращений

а/с, а/советский - антисоветский
АСЭ - антисоветский элемент
АТП - административно-технический персонал
АХО (адмхозотдел)- административно-хозяйственный отдел
АХЧ - Административно-хозяйственная часть
Б/л - без нумерации листов (при описании архивных источников)
вещдовольствие - вещевое довольствие
в/н, в/н в/н - вольнонаемный, вольнонаемные
ВОХР - военизированная охрана
вохровцы - охранники
Вятлаг - Вятский исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) НКВД-МВД СССР
Главлес - Главное управление лесной промышленности
гужсила - гужевая сила (лошади, быки, волы)
ГУИТУ - Главное управление исправительно-трудовых учреждений
ГУЛАГ - Главное управление лагерей (исправительно-трудовых лагерей и колоний) ОГПУ-НКВД-МВД СССР
ГУЛЛП - Главное управление лагерей лесной промышленности НКВД-МВД СССР (до 1947 года - УЛЛП)
ГУМЗ - Главное управление мест заключения
ГУПВИ - Главное управление по делам военнопленных и интернированных (до 1945 года - УПВИ)
дезкамера - дезинфекционная камера
домзак - дом заключения, тюрьма
ДТО - дорожно-транспортный отдел
ж.д. - железная дорога, железнодорожный
з/к, з/к з/к, зэк (зек), зек (зеки) - заключенный, заключенные
исправработник, исправтрудработник - приговоренный к исправительно-трудовым работам
ИТК - исправительно-трудовая колония
ИТЛ - исправительно-трудовой лагерь
ИТП - инженерно-технический персонал
ИТР - исправительно-трудовые работы (также: инженерно-технические работники)
ИТУ - исправительно-трудовое учреждение
кв. - квартал
КВО - культурно-воспитательный отдел, отделение культурно-воспитательной работы
КВЧ - культурно-воспитательная часть
Кирлес - Кировский государственный трест Наркомата (Министерства) лесной промышленности
комполитсостав - командный и политический состав, командиры и политработники
КПП - контрольно-пропускной пункт («вахта»)
к-р, к.- руб., к. руб. - контрреволюционный
культобслуживание - культурное обслуживание
культпросветработник - работник системы культурного просвещения
лагпункт, л/п (л/п л/п) - лагерный пункт (лагерные пункты)
лекпом - лекарский помощник, врач
л/з, л/заготовки, лесзаг, лесозаготовки, лесоповал - лесные заготовки
л/пункт - лесной пункт; лагерный пункт
л/счет - лицевой счет

л/участок - лесной участок
МГБ - Министерство государственной безопасности
МЮ - Министерство юстиции
надзорсостав - надзиратели, охрана лагерей и тюрем
Наркомлес (НКлес, НКЛеспром, НКЛП) - Народный комиссариат лесной промышленности
Наркомюст (НКЮст, НКЮ) - Народный комиссариат юстиции
начсостав - начальствующий состав
НКГБ - Народный комиссариат государственной безопасности
НКО (Наркомобороны) - Народный комиссариат обороны
НКПС (Наркомпуть) - Народный комиссариат путей сообщения
НКЮ, Наркомюст - Народный комиссариат юстиции
ОГПУ (ГПУ) - Объединенное главное политическое управление при СНК СССР
ОИТК - Отдел (отделение) исправительно-трудовых колоний
ОЛП - отдельный лагерный пункт
ОМЗ - отдел мест заключения
оперработа, оперработник - оперативная работа, оперативный работник
оперчекистский отдел, оперчекотдел - оперативно-чекистский отдел
ОСО - Особое совещание
ОУРЗ - отдел учета и распределения заключенных (спецконтингента)
ПВС - Президиум Верховного Совета
перпункт - пересыльный пункт
политпросветработа - политико-просветительная работа
ПП ОГПУ - полномочное представительство (полномочный представитель) ОГПУ
премвознаграждение - премия, премиальное вознаграждение (денежное поощрение за работу в местах лишения свободы)
рабсила - рабочая сила
с - секретно
сангородок - санитарный городок (больничный лагпункт)
санчасть - санитарная часть
СВЭ - социально-вредный элемент
СЗ - Собрание законов (законодательства)
СОУ - следственно-оперативное (секретно-оперативное) управление
СОЧ - секретно-оперативная часть
СОЭ - социально опасный элемент
СПО - секретно-политический отдел
сс, с.с. - совершенно секретно
ст. - старший, статья
СУ - Собрание узаконений (законов) и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР
с/х, с/хоз., с.х., с.-х., сел. хоз., с.-хоз. - сельскохозяйственный; сельское хозяйство
СЧЭ - социально-чуждый элемент
техперсонал - технический персонал, инженеры и техники
ТО - транспортный отдел
трудсоревнование - трудовое соревнование для заключенных, в отличие от социалистического соревнования для вольнонаемных работников
УГБ - управление государственной безопасности
УИТК - управление исправительно-трудовых колоний
УИТЛ - управление исправительно-трудовых лагерей
УИТЛК - управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УИТУ - управление исправительно-трудовых учреждений
УК - Уголовный кодекс

УЛАГ - Управление лагерями ОГПУ (до 1930 года)
УМВД (УВД) - территориальное (в краях и областях) Управление Министерства внутренних дел
УНКВД - территориальное (в краях и областях) Управление НКВД
УНКГБ (УМГБ) - территориальное (в краях и областях) Управление НКГБ (МГБ)
УПВС - Указ Президиума Верховного Совета
УПК - Уголовно-процессуальный кодекс
УРО (УРЧ) - учетно-регистрационный отдел (учетно-регистрационная часть)
фестметр (ф.м.) - единица измерения объема древесины, примерно равная одному кубометру
ФО - финансовый отдел
ЦФО - Центральный финансовый отдел НКВД-МВД СССР
чел./день, ч/день - человеко-день
ЧСИР - член семьи изменника Родине
ШИЗО (штрафизолятор) - штрафной изолятор
ширпотреб - товары широкого (народного) потребления
ЭКО - экономический отдел
ЭКОСО - Экономическое совещание